

Мы остаёмся жить

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Извас Фрай

Извас Фрай

Мы остаёмся жить

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55841315

SelfPub; 2020

Аннотация

Спустя три тысячи лет он решает умереть. Но если бы всё было так просто... Многие века он искал смерть. И нашел её. Но прежде, чем уйти из жизни, бессмертный должен рассказать свою историю любимой – от детства в древнем этрусском городе до должности посла Марса на Земле. Вдвоём они отправляются в своё последнее путешествие. Странствуя по городам, они открываются друг другу с новых сторон, отвечают на главные вопросы вечности и стремятся узнать, что такое бессмертие. По пути встречают главного врага, без помощи которого бессмертному не удастся уйти из жизни. Когда все истории будут рассказаны и сведутся к концу, что они оставят после себя? Прожив три тысячи лет, бессмертному предстоит научиться жить, прежде чем он покинет этот мир. И только та, что остаётся жить, может ему в этом помочь. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Увертюра	5
Сборка Первая	11
Интермедия Первая	33
Разрушение Первое	43
Танец Первый	79
Интермедия Вторая	112
Бойня №1	121
Солнцестояние Первое	143
Возрождение Первое	168
Пожар Первый	185
Сборка Вторая	220
Интермедия Третья	243
Разрушение Второе	250
Возрождение Второе	270
Танец Второй	287
Интермедия Четвёртая	313
Бойня №2	320
Солнцестояние Второе	338
Пожар Второй	355
Возрождение Третье	387
Интермедия Пятая	401
Пожар Третий	416
Солнцестояние Третье	442

Бойня №3	458
Танец Третий	476
Разрушение Третье	496
Сборка Третья	515
Интермедия Шестая	534
Возрождение Четвёртое	544
Апофеоз	558

Увертюра

В тот день: внезапно пошел снег, несколько машин у меня на глазах чудом избежали аварии; мне пришлось идти пешком против ветра – зато я знал, куда должен попасть. Час спустя я подарил Машеньке последнюю планету; и ей оказалась Земля.

Может быть, ей удастся понять всё, что я для неё сделал. Но приходится признать, что это точно произойдёт не скоро. Чудеса – всегда требуют больше времени, чем мы можем себе позволить. И этот свой подарок – я оставлю ей на прощание. Когда я исчезну, именно эта планета будет каждый раз, цепляя на себе взгляд, отвоёвывать мне место где-нибудь в её сердце.

Я позвонил в дверь, заведя руку за спину. Неделию назад я скачал приложение с роботом-помощником и несколько дней тренировал свою улыбку. Вот так нужно улыбаться – скромно, но настойчиво. Идеальная улыбка требует работы всех мускулов так, чтобы это не было заметно. Я держал её как манекен, пока дверь не раскрылась и улыбка сама собой исчезла – все усилия оказались впустую.

– Ничего себе...

– Ничего бы лучше не говорил. Давай, входи уже, раз пришел.

Она открыла дверь и показалась передо мной в чём мать

родила и мне пришлось отвернуться, чтобы выпустить ухмылку в сторону, а не в неё. Но она всё равно не смотрела. Я воспользовался приглашением и закрыл за собой дверь.

– Ювелир сказал, что все Венеры, Марсы и Юпитеры – давно уже раскупили. На прилавке остался только Плутон, и специально по моей просьбе он сумел найти для меня в подсобке последний экземпляр Земли.

– Ужасная планета.

– Согласен. Но это украшение – куда лучше самой планеты. Только примерь. Это – единственное, что я мог тебе подарить и не бояться, что ты выбросишь его из окна.

– О'кей, гони сюда.

Она надела его, и голубая планета теперь была всего лишь украшением на её ключице, которая даже не могла отвлечь взгляд от того, что было ниже.

– А теперь – уматывай.

Она надела халат и сделал вид, что я ушел.

– Да, я как раз собирался уйти – но не на неделю или месяц, а навсегда.

– Наконец-то.

Она по-прежнему злилась – больше оттого, что не понимала, что происходит. Я думал раньше, что лучше пережить утрату один раз, чем потом страдать от невозможности вернуть того, кого больше всего хотел сохранить. Но теперь, я вернулся. И только я один приношу себе все на свете несчастья.

Жаль, что она так мало прожила и совсем ничего в этом мире не видела. Если она даст мне время рассказать свою историю – то она сможет к своим двадцати четырём годам приплюсовать ещё три тысячи. А если она примет мои слова – то сможет, наверное, и понять меня – а значит, сделает то, чего даже я так и не сумел.

– Я не могу его принять, – сказала она, снимая мой подарок с груди, – я тебе уже сказала: уходи, пожалуйста.

– Раз я пришел, сделай мне хоть чашку кофе.

– Я вылью его тебе на голову.

– Мне хватит и того, что ты его сделаешь.

Чуть приостыв, она направилась к плите.

– Как Антон? – спросил я, – как дела у этого придурка? На какое число запланировали свадьбу? Надеюсь, не доживу до этого дня.

– И я, и он – тоже будем этому очень рады. Это будет лучшим подарком, который только может принести бывший на свадьбу девушке.

У меня начали потихоньку сдавать нервы; никогда не мог терпеть подобные моменты.

– Я желаю тебе только счастья. И, конечно, ты вправе сама выбирать себе балласт на всю оставшуюся жизнь. Но ведь он – простой официант, даже не в самом лучшем ресторане.

– Деньги не главное. И уж твои – нам точно не нужны.

– А потом ты пойдёшь и сдашь мой подарок в ломбард.

– Будь я королевой и живи во дворце – всё равно бы так

и сделала. Ты подсказал мне отличную идею.

– Вам с ним ещё как нужны мои деньги – хотя бы он это понимает. И я не стану ждать, пока вы попросите. Пойми же: я – остался жить только для того, чтобы ты была счастлива, а других причин у меня просто не осталось.

– Что ж, плоховато у тебя выходит.

Я не моргал. Мой рост – чуть больше двух метров, но я всё равно смотрел на неё, будто лежал на земле.

– Я, наконец-то, умираю, – выдохнул я, – всё, что мне удалось накопить за последние годы жизни – я завещал тебе. Раз вы женитесь, то половина законно принадлежит ему. Я знаю, ты не можешь простить меня – никто не смог бы – я и не прошу тебя сделать это. Я никогда и ни у кого не просил прощения – я знаю, сколько зла совершил и что должен быть наказан. И уж поверь: я страдал так, как ты и представить себе не можешь. И рад лишь тому, что этот путь подходит к концу.

Буря внутри неё, кажется, поутихла. Она поставила чашку на стол.

– Чего ты хочешь от меня?

– Всего лишь немного твоего времени, – снова улыбнулся я своей идеальной улыбкой, на которую даже сдал онлайн-экзамен, – одно маленькое прощальное путешествие вдвоём.

Она покачала головой.

– Слишком поздно.

– Твой Антон не будет против. Повозмущается для виду и успокоится, когда узнает, что вас ожидает в конце. Откроете свой ресторан – хоть целую сеть сразу.

– Ничего ты не понимаешь в людях.

– Понимаю. Слишком много понимаю, чтобы спокойно спать.

– О, боже, – зевнула она, – тебя не изменить.

– Правильно, – кивнул я, – а те, кто пытались – давно лежат в земле без своих голов.

– Зачем тебе всё это? Я... я не могу простить тебя только потому, что не понимаю – ровно ничего не понимаю. Ты даже не даёшь мне шанса. Ты – странный, больной на голову псих. Зачем тебе вечно нужно всё усложнять?!

Я снова улыбнулся; теперь – по-настоящему, от тоски.

– Что тебе нужно?

– Я хочу рассказать тебе свою историю. Я знаю, людям бывает трудно иметь со мной дело – и я их прекрасно понимаю. Но теперь, прожив столько лет, я хочу ещё раз – в последний раз – отправиться в путешествие. Но не один. Это займёт, поверь, совсем немного времени.

– Почему именно путешествие?

– Мне всегда нравилось рассказывать истории в пути – просто сидя в кресле у камина это не получится сделать; по крайней мере, не в этот раз, не с этой историей. К тому же, эта поездка и мой подарок – не дадут тебе забыть обо мне, и я останусь жить в воспоминаниях.

– И я так буду тебя помнить. Такое – не забывают.

– Я ведь почти ничего о себе не рассказывал. А что рассказывал – выдумал.

– Я не удивлена.

– Теперь, мне хочется, чтобы ты узнала всю правду.

– А я должна?!

– Тебе решать. Но мне нужно это больше всего. Одно путешествие – одна моя история.

Она молчала. Думала.

– С чего начнём? – спросила она.

Я знал, что она согласится. Страсть к приключениям видна сразу – и её всегда трудно преодолеть. И я снова улыбнулся.

– Для начала, – сказал я, – попробуем собрать чемоданчик. А потом – перешагнём за порог. Со страхом и неуверенностью. Но раз ты согласилась – то всё у нас будет хорошо. Ты никогда ещё не слышала подобных историй.

Я протянул ей руку. Какое-то время, она просто смотрела на неё. А затем, протянула свою в ответ. Она сделала свой первый шаг, с чего всегда начинаются великие путешествия. А это – обещало быть именно таким. Мы собираемся в путь.

Сборка Первая

Эта история началась с убийства.

Годами я винил себя в нём; хоть никоим образом не мог повлиять на исход всех тех событий. Мой лучший друг Гелион должен был умереть – смерть настала от одного единственного удара: тупым ножом убить трудно, но если бить прямо в горло и приложить в удар достаточно усилий – выйдет жестокая расправа, хладнокровное убийство – преступление, оправдать которое невозможно. И я никак не мог предотвратить его или исправить.

Его тело нашли утром – несколько людей вышли из города и направились в поле, и там нашли мертвеца. Всё происходило в километре от Вей – великого и могущественного города, слава которого в былые времена была известна далеко за пределами изведенного мира, но тысячи лет назад угасла как пламя свечи. Всем в этом городе было известно, что лучшим другом убитого был я – поэтому мне сообщили одновременно с его семьёй и стражей города. Его вечно улыбающееся лицо я видел каждый день: не важно, светило ли солнце или с неба на землю падали молнии. Я знал его лучше всех – даже своему отцу, торговцу тканями, он рассказывал меньше, чем мне.

О храбрости и благородстве таких людей, как он – наши предки слагали легенды. Он мечтал быть великим. Он и был

им, хоть и до последней секунды не знал об этом. Пройдут века, прежде, чем я снова встречу такую же силу и такую же доброту в другом человеке. Он мог стать царём – люди пошли бы за ним. Во время боевых игр он одной рукой мог поднять в воздух двоих человек. Не было во всех Вейях ему равных. Кто мог убить его, если не сам дьявол?! Тупым ножом, которым и куска мяса не отрезать – сразить Ахиллеса. Он был идеальным человеком. И он называл меня своим другом.

А затем: умер, хоть мог прожить ещё много лет и совершить множество подвигов, не снившихся самому Гераклу. Но этого так и не произошло. Долго же я винил себя во всём.

Среди прочих жителей моей цветущей родины, граждане Вей отличались длинными чёрными волосами, какие носят варвары, спускающиеся иногда с гор с оружием в руках. Эта черта и отличала моих земляков от всех остальных этрусков. Только Гелион, отец которого пришел сюда из северного города Цери – носил на голове волосы золотого цвета. Только спустя столько лет я осознаю, каким богом он был для всех. Я же – был никем. И с Гелионом встретился лишь по воле случая. Но именно эта случайность сделала нас друзьями на всю жизнь.

Только посмотри на меня: я похож на мужчину средних лет, а на самом деле под этой лживой кожей скрывается человек настолько старый, что это трудно себе вообразить. Ещё сложнее – понять, насколько мне тоскливо. Единственное,

что приносит мне радость, это воспоминания о тех временах, когда Гелион был ещё жив. Прошло почти три тысячи лет – я единственный, кто может вспомнить, какой на самом деле была моя солнечная страна Этрурия.

Большую часть своего детства я провёл среди глины и кувшинов с дивными рисунками – в темноте и сырости. Мой отец был гончаром. Тогда это звание означало совсем не то, что сейчас. Гончары – это те, кто имел ключи к царству мифов и легенд; это те, кто воплощали магию из сказок в жизнь. Мало профессий было в те времена, которые уважались и почитались сильнее.

Отец был тихим и замкнутым – мне всегда казалось в детстве, и я привык думать так до сих пор, что он дышит одной лишь глиной, и разговаривает только с ней. Глина – это целый мир, который больше и прекраснее того, в котором мы живём, и в котором у нас столько неприятностей. Он научил меня так думать; и хоть гончару вовсе необязательно быть отшельником – я стал им с малых лет, даже не думая, что может быть иначе.

До того, как мы познакомились, Гелион всё время проводил с другими беспризорными детьми. Ему и его друзьям всегда было чем заняться. С того момента, как дети этрусков учились ходить – они уже начинали охотиться. Во все времена существования нашего прекрасного народа – это занятие почиталось за высшую форму искусства. Тогда в лесах на одного человека приходилось десять или двадцать зверей,

многие из которых были хищниками. И охота считалась вовсе не истреблением, а способом взаимодействия с миром. Иногда мой отец тоже выходил на охоту; но на все его попытки обучить меня этому делу я смотрел скорее с жалостью. Я любил просто ходить или бегать по лесам. Это всегда было странное, колющее чувство – ведь тело моё так привыкло к сырости и темноте гончарной мастерской. Пока охотники посильнее натягивали луки и точили ножи, я просто пробегал мимо, разворачивался и летел куда-нибудь в сторону полей и холмов.

Но среди всех потомков этрусков мало нашлось бы тех, кто в юном возрасте смог бы сравниться с Гелионом. Опытные охотники часто брали этого золотоволосого мальчика с собой и считались с ним как с равным. Не смотря на это, в один из дней, когда он преследовал дичь, он не заметил ловушки и споткнулся, упав в яму с такими гладкими стенами, что никто не смог бы выбраться наверх.

Любой захотел бы составить Гелиону пару в охоте. Он мог выбрать себе любого, но вместо этого предпочитал всегда выслеживать добычу один. Ни одна живая душа не могла бы сказать наверняка: где он сейчас. Никто и не беспокоился: все знали, что в случае чего Гелион сможет постоять за себя. Но этруски, видимо, слишком много грезили о сказочных подвигах героев из мифов и легенд – они слишком быстро начинают забывать о способностях простого человека. Беспокоиться о нём его родные и близкие начали бы лишь на

третий день, когда с добычей в руках возвращаются последние охотники. Тогда его начали бы искать. Может и нашли бы – но уже мёртвого. И сам он прекрасно понимал это, как и то, что спасти его может только чудо.

Ему бы стоило кричать – так, как он этого никогда не делал. Скорее всего, его бы услышал какой-нибудь охотник. Так сделал бы каждый на его месте. Но не он. Гелион – лучший из всех этрусков, которых я знал – просто сложил руки на коленях, прислонившись спиной к земляной стене ямы и стал дожидаться, пока боги проявят свою милость и спасут его. А если нет – то как он сможет жить дальше зная, что мир отвернулся от него и забыл о нём?! Нет, для него было лучше умереть, чем знать, что нет никакого покровительства богов. Утратив веру в них и в себя – он умрёт, даже если сердце его будет биться дальше, поднимаясь и опускаясь. Он повторял внутренним голосом фразу: «Боги – обязательно пошлют мне духа, который спасёт меня». Он повторял её из раза в раз. Молитва избавляла его от скуки. Силой духа, он тянул время вперёд.

Дух, о котором он просил с таким отчаянием – проходил рядом. Случайности, которые настолько невероятны, что кажутся вымыслом – много раз мне придётся сталкиваться с ними в будущем.

Я помню тот день, будто он был сном, который ребёнок увидел в детстве, а после проносит его через всю жизнь. Я, как всегда ничего не делал – лишь прятался в лесу от лю-

дей и разговаривал с духами, которые не сильно были щедры на ответы. Я шагал между деревьев, вглядываясь в каждый неповторимый изгиб коры, избитой насекомыми – и учился видеть в этих линиях, так напоминающих людскую ладонь свой собственный, лежащий вдалеке от всего мир.

Я остановился под деревом и представил всех немногочисленных своих знакомых без одежды – я говорил им вещи, которые произнести вслух даже на мёртвом языке у меня не хватило бы ни сил, ни духу. И именно в этот момент я услышал его голос, зовущий на помощь.

С того момента, как он попал в яму, прошло уже полтора дня – он успел о многом подумать и всё же решил приложить всю силу голосовых связок на крик о помощи. Он просидел там без воды, питаясь лишь одними жуками, достаточно долго, чтобы даже его дух начинал угасать. Может, он услышал мои шаги и решил схватиться за этот шанс.

– Спасите! На помощь!

Он кричал изо всех сил; но мне его голос показался шепотом. Я понял, что человек нуждается в помощи, но поверить не мог, что это может быть Гелион – герой, о котором при жизни можно слагать легенды. Я нашел ту самую яму и в свете немногих солнечных лучей, пробившихся сквозь мрак – я увидел человека. В моих руках – только в моих – впервые оказалась чья-то жизнь. И только мне одному оставалось решать, как с ней поступить. Конечно же, я привёл дюжину мужчин с верёвкой, которые вытащили получеловека, по-

ду-кусок-земли Гелиона и проводили его до города. Там он вернул себе прежний вид в рекордно быстрые сроки.

После того случая ему стало интересно: кто же был тем самым духом, который пришел к нему на помощь и благодаря кому он остался в живых. Никто не стал делать из этого тайны и я стал героем дня. Это стало большим сюрпризом для меня; но ещё больше – для самого Гелиона. Этим духом оказался я – человек, который каждый день изгоняет себя из общества – и это было известно всем.

Мы не обменялись ни единой фразой до этого момента. Теперь, мы стали друзьями. Он думал, что боги, которым он приносил молитвы каждый час своего заточения, – после меня спасли его, чтобы он мог спасти меня. Именно так – я тоже упал в яму, а точнее – продолжаю в неё падать. Теперь настала очередь Гелиона протянуть мне спасательный канат. И он сделал это – за что я никогда не смогу его забыть. Именно ему пришлось учить меня настоящей жизни и преподавать уроки, которые вскоре окажутся бесценными.

Наши с ним судьбы разыгрывались во времена, оставившие след не только на нас самих, но и на карте мировой истории.

Независимое и могущественное этрусское государство состояло из союза двенадцати великих городов. Самыми влиятельными из них были: город купцов – Тарквиний; город воинов – Цери; и город художников – Вейи. Только вместе наши отважные воины и мудрые полководцы могли дать от-

пор ордам варваров, наступающих с севера и грекам, приплывшим с моря. Были времена, когда на всём полуострове не было равных нашему союзу по силе. В те славные годы – в возникшем на семи холмах Рима стояли наши цари и диктовали этрусские законы. Но времена эти давно прошли. Римляне изгнали Тарквиния Гордого и установили свою власть. Великие города рассорились между собой и союзу с каждым годом медленно наступал конец. С севера вновь наступают варвары. Раньше Вейи могли положиться на своих союзников, которые закрыли бы своими щитами ворота нашего города. Но теперь Рим собирает силы. Всего один день пути разделяет нас. Вейи не раз уже вступали во вражду с ним – и каждый раз выходили победителем. Но в этот – судьба может обернуться против нас.

Но нас с Гелионом – все эти события нисколько не касались. Панике поддавались одни лишь старики – но что с них возьмёшь?! Они прожили четыре и более десятков лет. Скоро пройдёт их время. Они не боятся за себя. Они опасаются за то, что останется после них. Мы же – были молоды и в головах у нас витал совсем иной ветер. Гелион учил меня жить.

Он всегда говорил без умолку – казалось, одного языка ему недостаточно, чтобы сказать всё, что вертелось у него на уме. Разговор всегда шел о самых разных вещах. А в те годы нас интересовало всё без исключения.

Гелион был умным. Он умел творить волшебные вещи. Его отец нажил хорошее состояние на своих тканях, а пото-

му мог устраивать встречи сына со странными старцами, которых все называли «философами». Я до сих пор не могу понять – почему? И что в этом такого важного? Тем не менее, Гелион говорил, что благодаря ним, он становится умнее. Мой отец – никогда не учил меня ничему, кроме гончарного ремесла и охоты. Он лепил кувшины, а затем расписывал их рисунками из разных легенд. Благодаря ним я узнал много историй – даже те, которые неизвестны старикам, любящим потрепать языком перед детворой вечером у костра. Но к науке – я не мог ни дотянуться, ни увидеть в ней смысл краем глаза сквозь щель в стене.

Гелион – стал одним из первых моих окон в понимание природы. Он любил повторять, когда мы вместе с ним гуляли по городу и его окрестностям:

– Философия – это наука о человеческой мысли и познании.

– И что это значит?!

– Посмотри вокруг: что ты видишь?

Изо всех сил я старался увидеть больше, но заметить мог только одно:

– Природу. Пейзаж.

– Ты видишь пейзаж в целом, а так же мелкие его детали.

Он прекрасен. Мы любимся природой каждый день. Приносим свои молитвы богам каждый день. Но мы совсем не понимаем, почему она такая, какой мы её видим. Мы не знаем из чего состоит наша жизнь и наш мир. Философы говорят,

что человек проживает одновременно две жизни: внутри и снаружи себя. Эти две жизни связаны, так как всё сделано из одного материала. Понять из какого – значит понять обе стороны жизни.

Затем, он начинал снова:

– Философия задаёт лишь два вопроса: как и почему? И пытаюсь получить на них ответы – мир вокруг нас становится всё более ясным и понятным. Философы говорят, что ни на один вопрос нельзя ответить полностью, а иногда не удаётся даже приблизиться к ответу. Но именно по пути к нему происходит всё самое невероятное и удивительное, что только есть в этой жизни – что только может произойти с человеком.

Он мог начать говорить с любого места, переставлять слова местами или декларировать речь задом наперёд – смысл в ней для меня не изменился бы. Не вспомню даже, сколько лет понадобилось мне, чтобы эти слова обрели хоть какой-нибудь смысл для меня – и то лишь тогда, когда я пришел к нему своим путём. Главное в нём – вовремя остановиться. Путь познания ведёт в пустоту, из которой уже не выбраться, один раз оказавшись там.

– В этом мире, – сказал Гелион, – ничего нового уже нельзя открыть. Наша Земля – стара. И все достижения учёных – лишь объяснения достижений наших предков. А потому, мой друг, мы живём во время, когда человечество уже получило все знания, которых только могло достичь.

Так говорил Гелион три тысячи лет назад.

Мы жили спокойной и насыщенной жизнью: много работали, много проводили времени друг с другом – нам было о чём поговорить. Так проходили годы, пока мы становились всё взрослее и взрослее до тех пор, пока нас уже можно было назвать мужчинами. И своё будущее мы видели хоть и как в тумане, несмотря на предсказания оракула – но сквозь мглу неведения, до наших глаз пробивались светлые лучи. Мы стали бесстрашными.

Прошло столько времён – все те моменты слились воедино. Годы кажутся мне теперь за секунды. Они пролетали быстрее, чем садилось солнце на горизонте. И ещё быстрее – в один момент всему был положен конец.

Мы думали, что это будет простая прогулка – сотни или тысячи таких мы уже проходили и всё всегда заканчивалось гладко. Но тот раз – перечеркнул все предыдущие и определил мою судьбу на многие столетия вперёд.

С первого взгляда место, к которому мы пришли, казалось самой обыкновенной норой. Может, такой она и была. Но когда мы пришли – для Гелиона, а значит и для меня, она перестала быть таковой. Ему хотелось проверить, чья это была нора. Я к тому времени видел их уже достаточно, чтобы с первого взгляда сказать, что она была змеиной.

Он осмотрел землю вокруг этого отверстия, которое уходило не вглубь, а как бы под подушку почвы. Гелион долго ходил вокруг неё, явно мучаясь вопросом, произнести вслух который он либо не мог решиться, либо просто не хотел.

Пока он занимался не пойми чем, я сел на землю и стал подбрасывать камни, чтобы поймать их в воздухе – я готов был сделать что угодно, лишь бы убить время, пока мой друг убивает себя всякими бредовыми идеями в голове. Я знал, что скорее всего, Гелион скажет мне засунуть руку в нору, чтобы проверить свою теорию. Я же – просто не смогу ему отказать. В те времена: я вообще не умел говорить «нет» и потому часто страдал. И кого ещё я мог винить в этом, кроме самого себя?!

Я думал: сколько же времени ему понадобится, чтобы подойти и спросить меня. Я смотрел на него деланно равнодушными глазами и не мог не заметить, как он всячески старается не поворачиваться в мою сторону.

Наконец, он не вытерпел этого внутреннего одиночества и подошел ко мне.

– Итак, по всему видно, что это кроличья нора.

Раз он так говорит – значит, нора точно змеиная. Хоть мы и были лучшими друзьями – с ним лучше всегда быть начеку.

– Если нам повезёт, то мы сможем поймать кролика в его собственной норе – разве не отлично?!

– Может быть.

Мне с самого начала не нравилась эта идея.

– Но для этого – нам нужно проверить: действительно ли эта нора кроличья. Так что, засунь туда руку и всё станет ясно.

– А если кролик укусит?!

– Не укусит. Просто протяни туда руку – как можно глубже. Скажи, что ты там чувствуешь; и всё станет ясно.

Что ему будет ясно – не знал ни я, и никто. Но я всё равно сделал это. В те времена, мне было всё равно, что со мной может произойти. И я не боялся ничего.

Я входил в неё медленно: сначала только по ладонь, затем по локоть и наконец по плечо. Чем глубже я заходил в неё – тем земля становилось на ощупь плотней и холодней – может быть, до этой темноты возможно было даже дотронуться. Я ждал укуса: кролика, змеи или какого-либо другого существа, обитающего в норе. Если хозяина в это время не было дома, то я должен был уже нащупать что-нибудь, что дало бы представление о владельце этой дырки в земле. Но это надеялся и Гелион.

Но ничего такого не происходило. Мои пальцы проходили всё дальше и дальше, и не ощущали никакого сопротивления на своём пути. И вот, когда я уже не мог засунуть её ещё глубже, моя рука самими кончиками пальцем нащупала какой-то предмет. Сначала, я подумал, что это конец норы; но я ошибся. Предмет оказался намного плотнее земли, и я заметил, что если сделать над собой усилие и попытаться засунуть руку ещё глубже – то предмет можно было бы придвинуть к себе, схватиться за него и вытащить наружу.

– Ты на что-то наткнулся?

– Сейчас, там что-то есть.

Я сделал всё, что мог, чтобы залезть ещё глубже. И в конечном итоге, мне удалось схватить этот камень(?) всей ладонью и вытащить его наружу.

Это оказался вовсе не камень. Мы очистили с него землю и увидели, что это была чаша, сделанная из металла зеленоватого цвета. Гелион смотрел на неё в моих грязных от земли пальцах, не видя ни них, ни моей руки, ни меня самого. Всё, что заняло его внимание, весь спектр его интересов и весь мир в ту минуту – была эта чаша из неизвестного зелёного металла. Ещё немного поцарапав её ногтями, я разглядел на ней сюжет из мифа о Тине, сражающимся с демоном Тухулку – правителем преисподней. Эта древняя этрусская легенда: мой народ верил, что эта кровавая битва идёт от начала времён и будет длиться до самого конца. Этруски верили, что живя на земле, человек помогает в этой битве Тину – богу жизни; а умирая без должной церемонии, которую провести могут лишь жрецы из Цери – встаёт после смерти на сторону Тухулку – демона, принимающего облик всего самого страшного, что есть в этом мире. Поэтому, этруски так много времени уделяли церемониям, ритуалом погребения и волшебным рисункам на стенах своих гробниц; или же просто на чашах и амфорах. Моя семья занимается этим искусством уже много поколений, и я знал о нём достаточно, чтобы сказать наверняка: эта чаша – шедевр, каких есть лишь единицы во всём подлунном мире. Сокровище, достойное одних лишь царей. Когда-то великие мастера изготавливали их, на

одну чашу готовые потратить полжизни. Теперь, мой народ занят изготовлением оружия, чтобы защитить себя от варваров, от греков и самых своих кровных врагов – римлян.

– Эта чаша – святая, – сразу сказал Гелион и посмотрел на меня, – ты знаешь, что это значит?

Конечно же, я знал.

– Вода и вино из этой чаши – становятся волшебным лекарством; или смертельным ядом – зависит от самой чаши и того, кто из неё пьёт.

Слова, которые он произнёс – присутствовали почти в каждой легенде про великие чаши; но до этого дня никто из живущих на земле не смог бы доказать мне, что они существуют на самом деле.

Гелион задал только один вопрос:

– Кто будет первым?

В ответе на него – нечего было и сомневаться.

Мы вернулись в город и набрали из колодца воды. Отойдя в сторону – подальше от любопытных глаз – Гелион наполнил кубок чистой водой до краёв и протянул его мне. И я знал: либо в нём окажется лекарство, которое навсегда избавит меня от всех болезней; либо в нём окажется яд, я напьюсь его и погибну.

Перед тем, как сделать глоток: я решил на всякий случай вспомнить всё, что произошло в моей жизни. Вначале: было ничего; а затем, появились моя дружба с Гелионом. Не очень богатая на события жизнь. А что могло бы ждать меня

дальше? Участь, которая постигла моего отца и моих старших братьев, которые отправились в другие города, чтобы заниматься всё тем же гончарством?! Сидеть целыми днями над кувшинами и амфорами, и вычерчивать на них красивые сюжеты из жизни легендарных предков, но и не мечтать повторить их подвиги?!

В легендах говорится, что иногда выпивающие из чаш хотят напиться яду больше, чем излечиться от всех болезней. С каждым из нас в жизни происходит хотя бы одно событие, которое вполне могло бы стать легендой. И этот момент для меня настал. Если вода окажется ядом – я буду тем, кто во имя чудес не отказался и от смерти.

Я выпил всю ледяную воду из чаши одним глотком, чуть не подавившись. Капли падали с моих губ на землю и я смотрел вниз. Но ничего, кроме адского холода, я не почувствовал.

– И как?

Я покачал головой.

– Ничего.

– Теперь, моя очередь выпить.

Он снова наполнил чашу из неизвестного зелёного металла до краёв так, что вода выходила за край. Он застыл на какое-то время и затем решился. Опустошив чашу вновь, он тоже ничего не почувствовал. И тогда я увидел, как Гелион разозлился – он никогда не впадал в ярость настолько сильную, как эта. Он бросил взгляд на чашу, а затем выбросил её

в колодец. Ещё никогда до этого я не видел его таким. Это был новый Гелион – разочарованный в чудесах.

Он не хотел разговаривать и отвечать на мои вопросы – простые слова, которыми я пытался его успокоить, больше не значили для него ничего. Он разозлился так, что чуть не набросился с кулаками на невинного прохожего, который просто остановился рядом и спросил, как у нас дела. Но мне удалось его успокоить – он был вне себя настолько, что я легко схватил Гелиона за руки и его же приёмами уложил на колени своего друга. Только после этого ему кое-как удалось привести себя в порядок и с притворным лживым раскаянием глядя в глаза окружающим – он направился домой, даже не попрощавшись со мной.

Только под вечер я вспомнил, что вода из чаши – имела какой-то необычный вкус, непохожий ни на один из тех, что мне когда-либо приходилось пробовать; но он был слабым – сложно было сказать, на что тот был похож – скорее, на что-то среднее между недожаренным мясом и сырым овощем. Поэтому, я сразу не придавал этому никакого значения.

Все мои мысли на остаток дня были полностью посвящены одному Гелиону и его внезапной вспышке ярости. Я понимал его чувства о том, что чаша оказалось самой обыкновенной, несмотря на металл, из которого была сделана и магические рисунки. Но всё это – никак не могло быть поводом для того, чтобы довести одним этим Гелиона до состояния голодного демона, сорвавшегося с цепи.

Но затем, я решил от мыслей перейти к действиям и направился к Гелиону домой. Дверь он открыл; но сразу после этого, прижался к какому-то углу и заслонил лицо руками. Меня встретили его родители: отец Гелиона никогда не терял каменного взгляда торговца, никогда не отступающего ни перед чем. Его жена была такая же – женщина без сомнения мудрая, но до отвращения жестокая. Вместо слов приветствия, она сказала мне:

– Тебе не стоило приходить. Гелион с самого рождения получал всё, чего хотел. Ему стоит немного погрузиться и не разговаривать ни с кем. Это должно сделать из него настоящего человека, а не духа из песка и ветра. Ты ведь тоже не раз разочаровывался. Просто оставь его – и он придёт в себя другим человеком.

Отец ничего не сказал. А я просто не стал отвечать. Я сел рядом с Гелионом и взял его за руку. Я пытался завязать с ним разговор о том, что произошло. Затем, я сделал попытку поговорить о чём-нибудь другом, о чём мы всегда могли вести беседы часами. Ничего. Я начал затрагивать самые болезненные темы, теперь уже с единой целью – выдавить из него хоть слово. Но он был как скала, которую сколько не бей палкой – останется на своём месте.

Я беспокоился за него и уже собрался остаться вместе с ним ночевать. Но его отец угостил меня отваром из горьких трав, взял меня за плечо и попросил уйти.

– Мы сами позаботимся о своём сыне, – сказала мать Ге-

лиона, – можешь больше не приходиться.

– Думаю, он придёт в себя уже завтра. Тогда-то вы и встретитесь, – сказал его отец, – а пока, не думаю, что тебе следует здесь оставаться.

Он тоже глядел на меня не моргая. Я в последний раз бросил взгляд на своего друга. Мне казалось, что я продолжаю смотреть на него, даже когда дверь перед моим лицом захлопнулась и наступила ночь.

А под утро – его нашли убитым в поле, неподалёку от города.

У меня не было никаких оснований связывать чашу с его смертью. Уж больно это походило на самое простое совпадение. Я бы конечно не стал связывать два эти происшествия, если бы не то, что произошло со мной в ночь его смерти.

Мне не спалось. Не помогли ни отцовские отвары, ни приношения в жертву богам двух комаров. Моё тело было тяжёлым, а сознание усталым – как после трёх бессонных ночей. Но как-то провести это бездонное ночное время я должен был. Остаться дома было мучительным и я решил выйти на улицу.

Вейи, которые мы с Гелионом изучили вплоть до последнего камешка и днём, и ночью – теперь казался мне до боли одиноким. Я единственный(?), кто не спал в эту ночь; и пока все, кого я знал мяли своими тяжёлыми телами постели – я был изгнан самим собой из собственного дома на улицу и обречён топтать его каменные и земляные улочки в компа-

нии безмолвных площадей, домов и переулков – до рассвета ли?..

И я шел так: в никуда, по кругу; упивался своим безумным одиночеством, пока на углу одной из улиц не встретил его.

У него был ястребиный клюв и клубок змей на голове вместо волос; но тело у него было человеческое, хоть и напоминало больше скалы мускулов, которыми обладают одни лишь боги и герои; из одежды на нём была лишь набедренная повязка. Его голос был как рёв льва и плач младенца; как шелест листвы и раскаты грома. Описать это невозможно, но достаточно один раз услышать, чтобы запомнить это на всю оставшуюся жизнь.

– Это ты тот, кто достал мою чашу из норы и выпил из неё воды? – спросил он.

Я набрал в грудь как можно больше воздуха и ответил:

– Да. Это был я.

– Но ты ведь был не один, – чуть не закричал он так, будто собирался расплакаться, – ты был не один, с тобой был ещё кто-то.

Передо мной стоял не кто иной, как сам демон Тухулку – лгать ему было опаснее, чем прыгать с обрыва в бездну.

Внезапно, мне захотелось спать. Веки мои стали тяжелее камня и у меня не осталось никаких сил защищать Гелиона, взяв всю вину на себя.

– Да. Со мной был мой друг.

– Он выпил из моей чаши первым?

– Нет, ужасный Тухулку, первым из неё выпил я.

– Это ты был тем, кто бросил мою чашу в колодец?

– Если ты тот, о ком слагают легенды, то ты сам должен знать это. Нет, это был не я. Но кто – я не скажу тебе, Тухулку.

– Ты совсем не боишься меня?

– Те, кто встретили тебя один раз – уже не увидят рассвета. Так чего мне бояться теперь, раз не уйти мне от тебя живым?!

Я так и сказал ему; и чуть не свалился от бессилия перед ним на землю. Если бы я упал – то потерял бы сознание: заснул ли тогда бы навсегда?! Но вместо того, чтобы оскорбиться, демон нашел мои слова смешными.

– Небо, – указал он пальцем, толстым как колонна, на звёзды, – разделено на шестнадцать частей между шестнадцатью богами. Земля разделена на сотни частей между сотнями народов. А загробный мир и мир духов – всецело в моей власти. И я – не мелочный убийца, если ты так думаешь обо мне. Мне не нужна твоя жизнь. Я зол, потому что спрятал на земле чашу, выпивший один раз из которой – станет бессмертным. Один человек тысячи лет тому назад уже находил её – и живёт до сих пор. И будет жить дальше. Я зол, потому что первый, кто нашел самое бесценное сокровище этого мира – выбросил её в колодец, который не простоит и сотни лет. Но я – вовсе не виню тебя; я злюсь только на твоего друга. Ты же – не сделал ничего, что не должен был.

Поэтому, я дам тебе то, о чём никто из живущих не смеет и мечтать – память. Твоё тело не умрёт и будет помнить всё, что происходило с ним за все годы, которые тебе предстоит прожить. И только спустя тысячи лет, когда ты найдёшь второго бессмертного, ты вместе с ним выплатишь все долги на этой земле. Когда вы оба станете свободными – бессмертие покинет вас и вы превратитесь в прах. Я давно ничего подобного не делал с людьми. Интересно, что выйдет из этого на этот раз.

И с этими словами, демон преисподней исчез. А мне не оставалось ничего, кроме как с пустыми глазами сделать самый разумный и правильный поступок за очень долгое время – отправиться спать.

Интермедия Первая

Смотри внимательно.

Сцена из окна придорожной закусочной: большая птица срывается с ветки и налету хватается когтями маленькую птицу. Та из последних сил пытается спасти свою жизнь и вырваться из объятий смерти; но большая птица своим огромным клювом в несколько ударов сносит маленькой голову. И они обе летят вниз, оставляя за собой воздушный след из маленьких и больших перьев, окрашенных кровью. Насладившись трапезой, большая птица улетает, оставляя за собой лишь комок раздробленных костей.

А я – делаю глоток кофе и разворачиваюсь к Машеньке, вернувшейся к моему столику со стаканом молочного коктейля в руке и трубочкой во рту.

– Ты выглядишь грустным. Задумался над чем-то?

Я поворачиваю голову в сторону окна и тут же отворачиваюсь, глядя теперь в кофейное пятно на столе.

– Да так – ничего особенного.

Жестокость природы – никогда не удивляла и не поражала меня.

А о моём собственном образе жизни – моей жестокости к самому себе – можно было уверенно сказать одно: прожигать свою личную бесконечность – это моё любимое занятие. Я ненавижу свободное время – оно для меня как проклятие.

Но другого – для меня просто не существует.

Однажды, я решил отправиться в Калифорнию – это был четвёртый или пятый раз в моей жизни. Ничего особенного не произошло – впрочем, как всегда. Только дуракам приходит в голову теперь говорить о приключениях, которые на самом деле – простая рутина, о которой и нечего говорить. В тот раз я прибыл в золотой штат в конце шестидесятых годов двадцатого века – мало кто помнит, какие это были времена – разве что, из учебников истории. Больше всего из этой поездки мне запомнился разговор с одним типом, отрастившим себе волосы до колен. И этот сумасшедший с первых своих слов показался мне чуть ли не самым разумным человеком на всём западном побережье. Я просто выпивал в баре, а он сидел рядом со мной в разноцветной рубашке. И тут ни с того ни с сего заговорил, обращаясь не ко мне, но будто к барной стойке, вентилятору над головой и всему Сан-Франциско в частности:

– Алкоголь – отличный антидепрессант; до поры, до времени, пока не станет сильнейшим депрессантом.

Хоть в этих слова и не было ничего для меня нового и уж тем более особенного, но они всё равно надолго засели где-то глубоко в остатках моих чувств и я решил поставить ему пиво. Между нами завязался разговор. По мере разговора, я поделился с этим незнакомцем, чьего имени я так и не узнал, самыми тяжёлыми вопросами, уже давно терзавшими мою старую гнилую душу. Тогда, он сказал:

– Если ты получаешь удовольствие от прожигания жизни – лучше всего тебе будет сделать какую-нибудь самую безумную и бесполезную для тебя штуку: выучи латынь, отправься в путешествие по Китаю без денег, напиши сборник стихов и сожги его, создай рок-группу...

И как я мог ему объяснить, что на момент нашего разговора всё, что он мне предложил (кроме последнего пункта, к которому я впоследствии не раз возвращался) я уже сделал; а некоторые вещи – даже не один раз.

После этого я понял, что говорю не с разумным человеком, а скорее со стеной, у которой меньше шансов меня понять, чем курице станцевать балет. Тогда же я понял, что разговор с любимым человеком приведёт меня всё в тот же тупик: в один миг я пойму, что разговариваю и пытаюсь доказать что-то пустоте.

Тогда я расплатился за нас двоих и вышел из бара, больше не возвращаясь к этому вопросу. Некоторые вещи – следовало бы понять намного раньше, чем нам это удаётся. Но есть и такие истины, с которыми трудно смириться и за сотню лет. С этими словами я и хожу среди людей, не разговаривая с ними без крайней необходимости. Но теперь, мне стоит попытаться вновь завести этот разговор – постараться объяснить всё так, чтобы Машенька смогла меня понять. Моя главная задача – забыть всё, что меня ограничивает – и рассказать всё, как оно было, как оно и остаётся. По таким ведь правилам это работает?

– Ну что, как тебе начало моей истории? – спросил, наконец, я, заказав ещё одну чашку кофе.

– Ничего. Хорошая сказка. Я, конечно, не понимаю при чём здесь Древний Рим и прочая ерунда – мы ведь не на уроке истории. Я вот слушаю тебя – слушаю и всё жду, когда ты наконец скажешь мне то, что собирался сказать на самом деле?! Или ты серьёзно позвал меня с собой, чтобы рассказывать мне это: убийства, произошедшие три тысячи лет назад, демоны, оборотни, волшебные чаши...

– Там не было оборотней.

– А скоро будут?! Я уже не могу дождаться.

Я прикрыл лицо ладонью. Может, с самого начала это было ошибкой? Впрочем, чего я ожидал?! Что она поверит мне с первого слова?! Так всегда бывает, когда я пытаюсь говорить серьёзно: все либо думают, что я шучу, либо считают, что сочиняю сказки.

Страшненькая, но милая официантка принесла мне чашку кофе; времена идут, а они остаются всё такими же. По первому глотку я понял, что этот напиток – не стоит ничего.

И я разозлился: на кофе, на Машу, да и навесь мир; и стукнул кулаком по столу – неожиданно для всех, даже для самого себя. И вот спустя невыразимо долгие три секунды какого-то совсем уж дурацкого замешательства, я начинаю бубнить какие-то слова: извиняться, обращаясь то ли к Машеньке, то ли к страшненькой, но всё же милой официантке, которая всё равно уже слишком далеко, чтобы что-либо

услышать. Лучше бы я этого не делал – тогда, мне удалось бы сохранить хоть какие-нибудь остатки достоинства. Добрая треть чашки вылилась, образовав вокруг себя лужу тёмно-коричневого цвета. Маленькие капельки кофепада проливались на пол.

– Прости, я немного перенервничал. Конечно же, ты можешь думать о моей истории, что угодно. Я ведь только затем, чтобы рассказать её – и ничего больше.

Я всё-таки сделал второй глоток, а за ним и третий.

– Но чего мне точно не хочется – так это продолжать наш разговор здесь. Я бы с огромным удовольствием очутился в каком-нибудь другом месте.

Кафе-бар «Чумацкий Шлях» затерян где-то по дороге от Запорожья до Мелитополя; то есть между самой задницей мира и ещё большей. Раньше здесь была степь; теперь двухэтажные поля, чтобы вырастить как можно больше всего. Если голоден – вероятность отравиться здесь на порядок ниже, чем в соседних кафе-барах. Но после обеда: единственное желание, которое возникает у тебя – убраться отсюда как можно дальше и скорее.

Я шел с Машей по шоссе. Мимо нас проносились автомобили. До Мелитополя оставалось минут двадцать на машине. Кажется, я шокировал её тем, что отправились мы не в Грецию и не в Рим; не в Нью-Йорк или хотя бы Пекин. А в Мелитополь. Но я решил, что это будет неплохой разминкой перед тем, как мы вместе отправимся в Москву. Что прав-

да, сейчас думать и мечтать о столице Западной Российской республики – более, чем просто глупо. Нам нужно думать, как прибавить бы шагу, чтобы добраться до черты Мелитополя хотя бы до ночи.

– Скажи, мы ведь с тобой всё равно ни о чём не говорим, – внезапно начал я, – ты правда не поверила ни одному моему слову?

– И ты мне скажи: тебе нужно, чтобы я верила или чтобы слушала?

– И то, и то – я бы принял с благодарностью. Но больше всего мне нужно, чтобы ты меня понимала, – я вовремя заметил, что мой голос чуть не сорвался на крик и вовремя его приглушил, – больше – мне ничего не нужно.

– Чего ты вообще пристал ко мне – завёл меня чёрт знает куда?! Если бы я не знала, что ты безобиден как мышка – то давно от страха убила бы здесь. А ты ещё и решил, что я должна тебя понимать.

– Это историю я рассказываю не в первый раз.

В пяти сантиметрах от моего плеча пронеслась машина, чуть не сбив меня с ног потоком ветра.

– Я делаю это всё, потому что собираюсь уйти – далеко; мне всё больше и больше кажется, что мой жизненный путь вот-вот оборвётся.

– Найми себе психоаналитика – тебе это в две копейки обойдётся. При чём здесь я?!

– Ты нужна мне.

– Зачем?

На этот вопрос я не нашел ответа. Может быть, я действительно просто теряю время.

Но Маша, внезапно, решила меня успокоить:

– Ты взял меня в это путешествие для того, чтобы рассказать свою историю. А я – согласилась слушать. Половину ты уже рассказал.

– Нет, это даже не начало – так, только вступление.

– Ладно, неважно. Ты ведь взял меня, чтобы вместе скакать галопом по городам, верно?

– Можно сказать и так.

– И читать мне свои истории?

– Да.

– Так давай просто продолжим ехать. Ты будешь говорить, а я буду слушать. И не будем больше ссориться – как и договаривались. Идёт?

– Да. Я только об этом и мечтаю. Но не знаю, – слова, которые я подготовил для ответа, внезапно рассыпались и я никак не мог собрать их воедино, – мне кажется, я начинаю забывать собственную жизнь. О некоторых моментах я умалчиваю; другие – наоборот – не знаю почему, додумываю. Боюсь, я не смогу сразу вернуться к истории обо мне и Гелионе. Все эти годы – она лежала в далёком чулане моей памяти. Я не прикасался к ней. А сейчас, вынув её наружу, я обнаружил, что она вся в пыли. У меня в голове мечутся столько мыслей. Вся эта длинная история, которую я собираюсь

тебе рассказать – на самом деле, она состоит из нескольких историй из разных времён, когда я жил и выживал. Я бы со-
врал тебе, если бы сказал, что все события в этом рассказе
происходили в чёткой закономерности – друг за другом. К
моим годам любому становится ясно, что представлять себе
время в виде прямой линии – неправильно и глупо. Время –
это спираль; и в ней легко заблудиться. Мне было бы легче,
если ты позволишь мне отложить историю о Гелионе и его
убийстве на потом. Я ещё успею её рассказать. А пока, мне
хотелось бы оставить её незаконченной и приступить к сле-
дующему этапу моей жизни – идёт?

– Мне бы ещё тебя понимать – эх, много же ты от меня
требуешь. Ну ладно, тебе решать – твоя ведь история. Я уже
поняла, что ты не успеешь мне её рассказать полностью до
того, как мы дойдём до Мелитополя.

– Это невозможно. Я могу рассказывать её без остановок
– но тогда у тебя всё в голове всё тоже превратиться в кашу
– поэтому, лучше не торопиться.

– Вот и отлично. Вижу, ты изменился в лучшую сторо-
ну после нашей последней встречи. Так что, с тобой вполне
можно провести время. К счастью, у нас его более чем до-
статочно.

– Если твой парень-официант не против.

– Муж-официант. С какой это стати тебя стало интересо-
вать его мнение?! И да, не думаю, что он против, раз в на-
граду он получит пару чемоданов с деньгами.

– Ты бы согласилась разделить со своим мужем-официантом вечность?

– Я бы ни с кем не согласилась её провести. Бесконечность – штука исключительно личная. Раз твоя история про бесмертие, то ты тем более должен это знать.

– О да.

Нам навстречу, со скоростью не меньше ста километров, ехала машина. Внезапно она остановилась на обочине в пяти шагах от нас. Из неё вышел водитель и спросил:

– Это вы заказывали такси?

Маша повернула голову в мою сторону.

– А что?! – удивился я, – ты ведь не думала, что я заставлю тебя ночью тащиться пешком до Мелитополя?! Садись в машину – нас ждёт лучший отель города.

– И зачем всё это?

– Чтобы было.

– Лучший в твоём понимании – это тот, в котором тараканы не набрасываются на людей, а просто мирно проползают мирно?

– Если нам повезёт, в нашем номере вообще не будет насекомых.

– Это уж вряд ли.

Мы сели в машину. На удивление быстро, она доставила нас куда надо. Мы заселились в номер и только завидев кровать, Маша сразу упала на неё, притворившись мёртвой. Я же долго не мог уснуть – глядеть в потолок часами стало для

меня привычным занятием. Я вышел на балкон подышать свежим воздухом. В небе необъяснимо ярко горели звёзды.

Я думал о своей истории. Наверное, единственный способ бороться с воспоминаниями – это рассказывать их снова и снова – пока они полностью не утратят весь свой смысл и не приобретут новый. Эти я и займусь завтра. А пока, стоит ненадолго забыть, где я нахожусь. Не в городе, а во вселенной – где же ещё.

Этой ночью: все звёзды улыбались лишь мне одному.

Разрушение Первое

Некоторые люди пишут прощальные записки, чтобы другие думали, что они собираются уйти из жизни. Но на самом деле, они просто уходят.

Что вы знаете про Аппия Примула?

Что известно каждому порядочному гражданину великого города Рима про Аппия Примула?

Почти ничего – и это стоило ему немалых усилий. Даже те, кто не впервые слышат это имя могут с уверенностью сказать только одно: это человек – изменник; как и многих других, его трудно винить в том, что он родился в своё время.

Зато его отца – Флавия Тиберия – весь Рим знал, как последнего из истинно благородных людей; не именем, но своими действиями.

Говорят (и он сам так говорил мне, хоть и трудно было проверить его слава на истину), что отцом его был легендарный Флавий Стилихон – один из последних римских военачальников – один из последних, кому улыбались боги, посылая ему победы над ордами варваров. Ходили легенды, что Флавий зачал его от медиоланской шлюхи в одном из своих походов. Сам Флавий свою мать и отца не видел в глаза – но охотно считал легенды за истину.

История его семьи покрыта белыми пятнами, неточностями, а местами – откровенными небылицами. Но никто даже

из самых бесстыдных сплетников не стал бы отрицать, что происхождение семьи Флавия не помешало ему стать благородным человеком и совершить множество подвигов во имя Рима во времена, когда вечный город более всего нуждался в этом.

В битве на Каталаунских полях он стоял рядом с Флавием Аэцием. Начиная от простого наёмника, отец Аппия Примула стал одним из самых преданных преторианцев личной гвардии великого полководца. В тот день Аэций достиг триумфа и разбил армию Атиллы. Флавий Тиберий вернулся в Рим вместе с Аэцием. Он верил, что эта победа – возродит утраченное величие империи и орды варваров в страхе сложат своё оружие перед римскими легионами. Но Фортуне было угодно другое. Император отдал приказ о казне Аэция – он был слишком силен и слишком талантлив, чтобы оставаться в живых. Народ Рима верил, что Аэций станет вторым Юлием Цезарем. Но вместо этого последний человек, который мог остановить Атиллу и варваров – был казнён.

Когда Аэция не стало, Рим был обречён. Какая ещё судьба может ждать страну, избавляющуюся от лучших своих полководцев?! Но к тому времени – Флавий Тиберий был уже стариком. Он имел право смотреть без сочувствия на город, умирающий от рук его собственных граждан.

Когда в следующем году король вандалов – великий и ужасный Гейзерих – подошел к Риму, город сдался без боя в обмен на то, что вандалы не будут устраивать бойню. Не

осталось героев, способных держать меч против врага. Две недели вандалы ходили по улицам между семью холмами и грабили его, забирая всё, что жалко было сжечь. Когда не осталось ничего – они просто ушли, оставив римлян наедине со своим позором – живых и бесполезных.

Целый месяц у Рима не было хозяина. Лишенных имущества, заработанного честным трудом за долгие годы, Флавий Тиберий всё равно был в числе тех, кто спасал нуждающихся от верной гибели. За это его и любили. За это четыре его сына всегда могли найти поддержку у римлян. Но вот пятого, по возрасту самого старшего – почти никто не знал в лицо. Он ушел от людей. И Флавий Тиберий долго не хотел придавать его существованию гласности.

Когда вандалы вошли в Рим, Аппию Примулу исполнилось тридцать лет. В день его рождения семья именинника лишилась всего, что имела, хоть и сохранила честь, достоинство и жизнь. Он разочаровался во всём, что было в этом мире; и добровольно исчез для общества и для тех немногих, кто его любил.

Рим – никогда не исчезал и не был разрушен до основания; всегда оставалось то, из чего город мог возродиться вновь и расцвести величием, пусть и лишившись империи. Даже в самые тёмные и сложнейшие из времён, люди здесь оставались жить. В эту животворную силу и верили те, кто приходил на смену старшему поколению. Но Аппий Примул и его отец Флавий Тиберий – не верили уже ни во что. Они

ненавидели друг друга, хоть и были так похожи в свои зрелые годы.

Я хорошо помню ту красную осень: предпоследнего императора Рима Непота убрали в сторону и у самой вершины оказался Ромул. Первого римлянина тоже звали так же. В то время люди уже привыкли к трудностям, постоянному страху и отчаянию. Того, что было, уже никто не надеялся вернуть. Тогда и исчез Аппий Примул, оставив после себя лишь пустые надежды своего отца и клочок бумаги.

За день до этого, в доме Флавия Тиберия родился шестой сын. Его, по старой традиции, назвали двумя именами; но для римского слуха они звучали странно, хоть и с долей поэтического. Полное имя младенца звучало как Тандемус Сперо Перн; но можно и просто Сперо. И Флавий Тиберий и Аппий Примул – они тоже в конце своих имён иногда добавляли Перн – это было имя их семьи. А Тандемус Сперо показывал, что общее со своей роднёй он имеет только последнее имя; что у него есть намного больше, чем имел его отец и старший брат. «Сперо» – с латыни переводится как «надежда»; а «Тандемус» – произошло от слова «тандем» – «в конце концов» или «наконец». Не нужно долго знать эту семью, чтобы ясно видеть: надежда давно забыл дорогу к их дому и только в мечтах о ней, жена Флавия Тиберия и его сыновья находят покой.

Рождение нового ребёнка – всегда большое счастье для семьи. Особенно для такого старика как Флавий Тиберий.

Теперь, у него ещё один сын и сам он – ещё полон сил. Он радовался этой вести весь день и всю ночь, пьянея от воздуха. А под утра другая: его первый сын исчез и никто не знает куда.

Уже много лет Аппия Примула никто не любил – даже в доме его собственной семьи к нему всегда относились как к незваному гостю. Флавий Тиберий всегда винил себя в духовной болезни сына, потому всячески старался не думать о нём. Но теперь это было невозможно. Его разозлила весть о позорном бегстве. И первые мысли в его голове были те, которые бросают в спину уходящим врагам. Марк, его третий сын – жалел своего брата. Он боялся отца, который пришел в ярость от его слов. Именно Марк и сообщил Флавию Тиберию об исчезновении. Я стоял тогда рядом, а выглядел старый римлянин так, что легко можно было залезть ему в голову. В тот момент глаза его говорили больше, чем могли выразить все слова латинского языка.

– Он оставил записку, – добавил в самом конце Марк.

– Если она для меня – то порви её на части.

– Думаю, не стоит этого делать. Я прочёл её до конца и могу сказать, что он не обращается в письме ни к кому. Скорее, это послание ко всем римлянам – очень поэтичное послание. Мне кажется, вы должна его прочитать, отец. В конечном счёте, любил ли он вас или вы его – он был вашим сыном и неплохим человеком. И вряд ли вы его ещё когда-нибудь увидите.

Тогда Флавий Тиберий рассмеялся.

– Марк, я не видел его в лицо уже десять лет; а в глаза не заглядывал все двадцать – с тех самых пор, как вандалы покинули Рим, ему нет никакого дела до нас. И за всё это время у меня не возникало ни малейшего желания встретиться с этим хамом. К тому же, он не умер, а просто исчез – люди вечно куда-то пропадают, но часто возвращаются. Они уходят туда, где надеются найти своё счастье. Если это было его решение и он даже не сообщил о нём своей семье – то мы уже ничем не сможем ему помочь. Но я думаю, что он вернётся. Ведь он ненавидит людей. А как ему выжить, прячась от общества?! У наши деньги ему было комфортнее жить.

– Ему уже больше пятидесяти. Даже если он захочет, то может не вернуться.

– Тем более – не мальчик уже. И я не собираюсь плакать по самоубийце. И тебе советую выбросить лишний хлам из головы, Марк. Думаешь, я дожил бы до своих лет, если бы предавал всему так много значения?

– Просто прочитайте письмо, отец, – сказал Марк, оставив маленький свиток на столе, – вам всё станет ясно.

Он тактично поклонился в мою сторону, давая мне понять, что никогда не забывал о моём присутствии. После этого, он скрылся за дверью и вернулся к семье. Марк всегда умел исчезать бесшумно, будто это был не он, а ветер. Кажется, этим даром обладают все члены дома Пернов. От гостя остался только свиток на столе.

Флавий Тиберий не замечал меня. Он ходил по кругу и старался не смотреть на свиток. Он повторял про себя:

– Аппий Примул!.. Аппий Примул...

– Может, ты и мне разрешишь прочитать.

Наконец, он развернулся в мою сторону и удивлённо посмотрел на меня.

– Если хочешь. Но дай я пробегу глазами по нескольким строчкам. Марк сказал, что что-то поэтическое. Развлеку себя немного.

Он повторил имя своего первого сына:

– Аппий Примул... Ты ведь знаком с ним, друг мой? Видал хоть раз?

– Да, пару раз, но особо не говорил. Он ведь заходил сюда несколько лет назад, а я как раз был здесь в это время.

– О, конечно, как я мог забыть. Но ты не многое потерял, так и не поговорив с ним.

– Аппий ведь был затворником. Не думаю, что разговор с таким человеком принёс бы пользу – ни мне, ни ему.

Но Флавий Тиберий уже не слышал моих слов. Он бродил по строчкам глазами как заблудившийся путник в тёмном лесу. Учитывая то, как он относился к своему сыну, такой интерес нельзя было назвать нормальным. Его лицо потеряло здоровый цвет. Я уже начал переживать, что мне придётся провожать в мир иной ещё одного своего друга. Но как палкой не свалишь колонну, так и словам так просто не сбить с ног Флавия Тиберий, которого не смогли сломить даже готы.

Он дочитал до конца; положил свиток на стол и вышел из комнаты так быстро, как не смог бы ни один человек его лет. Эти жестом он давал мне понять, что я тоже могу его прочитать. Марк сказал, что оно не адресовано никому. Я прожил много сотен лет, сохранил свою тайну и видел самые невероятные вещи, какие только может подготовить для человека жизнь. Но вот читать записки, которые люди оставляют всему миру после себя – мне ещё не приходилось. Я раскрыл свиток. Глаза мои упали в текст. Незаметно для внимания, ладонь прижалась к закрытому рту. В письме было написано следующее:

«Слишком многим римлянам в наше время ничего не остаётся, кроме как умереть молодыми. Сложно поверить, но мне повезло. Три дня назад мне исполнилось пятьдесят лет. Если верить нашим завравшимся на заказ историкам, то всю историю нашей цивилизации можно разделить на двадцать две равные части, по полвека каждая. Когда я узнал об этом, то представил двадцать два старика, стоящих рядом друг с другом; двадцать два старых поколения римлян. И последним из них, по неведомым причинам, оказался я. Каждый из нас сам выбирал для себя, на что ему потратить свои пятьдесят долгих лет. Кто-то тратил всё впустую, на войны, на погромы, на грабёж – и годы проходили незаметно. Кто-то строил города и расширял границы. Но всё работало по одному неотвратимому правилу наследственности – всё, что принадлежало предыдущему – ставало собственностью сле-

дующего. И так двадцать один раз история успела прокрутить это колесо. И всё, чего достигли двадцать и один мой предшественник – досталось мне. Мне хватило бы одного прикосновения, чтобы превратить своё наследие в прах. Я не жалею о своей впустую потраченной жизни – мне жаль тех, кто придёт после меня. Я – первое римское поколение, которому нечего оставить для потомков. У меня есть только руины – когда-то, это был самый прекрасный город на Земле. Мы – вовсе не первая в истории цивилизация, переживающая собственную позорную гибель – до нас были десятки других. Три дня назад мне исполнилось пятьдесят лет; три дня назад история Рима подошла к своему концу. Может быть, для многих, это станет началом их историй. И это вовсе не конец римского народа. Ни у кого не хватит сил прогнать римлян из своего города. Люди и дальше будут жить здесь тысячи, десятки ли тысяч лет. Пусть все те, кто захочет остаться – останется и примет свою смерть ради новой жизни. Но я – не собираюсь жить в мире, который приходит после меня. Ни разу в жизни я не путешествовал. Я больше не могу себе позволить тратить время на то, чего я не хочу делать. Сегодня я исчезну. Двадцать лет не покидал улицы, где живу. Теперь, всё изменится. Я не хочу больше видеть этот город; не хочу знать о нём ничего. И вы тоже забудьте о нём – те, кто уже называет себя последними из римлян. Наша империя мертва; но мы – остаёмся жить в ней. Сегодня я исчезну. Я ничего и никогда не знал так ясно и так точно.

Я направлюсь на север – в страну варваров, к руинам своего дома. Не ищите меня, римляне, будь вы моими детьми или отцами. Свои последние дни потратьте лучше на то, чтобы найти себя здесь»

Мне пришлось прочитать это письмо шесть раз, чтобы каждое слово приобрело для меня третий смысл – самый верный. Я успел выучить его наизусть и, как видишь, помню его до сих пор почти слово в слово. Оно – универсально для любого народа, оказавшегося в кризисе, из которого вынырнуть у него уже не получится. Разве что, просто вырезать несколько слов про римлян и вставить фразы про умирающий народ.

Универсальный призыв исчезнуть. Чтобы тебя не нашли. Никто. Нигде. Никогда.

Я испытал те же чувства, что недавно пронеслись в голове у Флавия Тиберия, после прочтения этого текста выбежавшего из комнаты. Не понял я только одного: куда это он направился, оставив меня здесь одного, наедине с письмом? Теперь, мне нужно его найти. Ведь я нужен ему. Он мне об этом не сказал – но меня и не нужно просить. Достаточно просто намекнуть; и я сделаю это.

Я прожил с Римом всю его историю: от начала – до самого конца. И я, как никто другой, понимал, что сказано в этих строчках, где слова указывают не на смысл текста, а показывают читателю путь, по которому следует пройти в поисках истины, которую нельзя передать словами, но к которой

нужно стремиться в каждой букве. То же самое с нами проделывают все великие шедевры литературы. Я много времени провёл в римской библиотеке и прочёл их немало. Могу только представить и ужаснуться, до чего подобные тексты могут довести неподготовленного читателя, которым и был Флавий Тиберий.

Поэтому, я выбежал на улицу и бросился его искать, пробиваясь сквозь толпу, оставляя за собой лишь горячий след из людского недоумения – ведь в Риме уже давно почти никто так не торопится.

Я нашел его в доме, принадлежавшем когда-то Аппию Примулу.

Этот старик расхаживал взад-вперёд по комнате, бросая рассеянные взгляды на богатую мебель вокруг.

– Я бы предпочёл, чтобы меня оставили в покое, – нервно бросил он в мою сторону.

– Если Флавий Тиберий действительно захотел бы, чтобы его оставили одного – целому римскому легиону не удалось бы так просто пробраться к нему, – улыбнулся я, – что действительно случилось с тобой, друг мой?

Он подошел ко мне и доверчиво заглянул прямо мне в глаза:

– Ты прочёл письмо? – спросил он.

Я утвердительно кивнул.

– Мой сын – был прав; римляне действительно стали животными.

Мне показалось, что я ослышался.

– Я не помню, чтобы он говорил о чём-то таком.

– Он всегда знал это. И прекрасно понимал, в какую сторону всё катится. Как я мог всё это время быть таким дураком?! Истина лежала прямо у меня перед носом, но я упорно не замечал её. Мы – стали не лучше тех, с кем так упорно сражаемся. А может, даже и хуже.

– О чём ты говоришь?

Нет, я и правда не мог понять.

– Здесь, в этом доме, двадцать лет жил мой сын, почти не выглядывая за дверь; и лишь изредка соседи видели его в саду. И каждый день, как ты можешь догадаться, он смотрел в окно. Посмотри и ты туда.

Я подошел к широкой щели в стене с распахнутыми ставнями, через которую в комнату проникал солнечный свет. Приблизившись к нему, я смог в полной мере рассмотреть пейзаж по ту сторону узкого и тесного мира затворника: дома, их крыши; и между ними кусочек площади с памятником императору Константину. На ней собралась толпа под сто человек. Почти все они носили длинные и густые бороды – такова была мода в то время, на всё варварское.

– И что же там происходит?! – спросил он.

Голоса становились всё громче и все они злыми. Толпа вот-вот должна была взорваться яркими вспышками гнева; и я уже знал, чем всё должно было кончиться. Флавий Тиберий всё повторял:

– Что ты там видишь?! Ну же!

– Я вижу римлян. Много людей на площади.

– Смотри внимательно, друг мой: вот в это превращаемся все мы.

Вскоре, их стало ещё больше; они заполнили всю площадь, взяв статую в кольцо. Они окружили памятник своего великого императора. Затем, стали забрасывать ему на плечи крюки и канаты; встали в колонны и стали со всей силы тянуть их на себя. Император стоял на ногах крепко – десятерым не смогли бы справиться с этой задачей. Но больше сотни – перед такой силой мрамору было не устоять. И тогда памятник упал вниз головой, рассыпавшись на несколько огромных кусков. И это всё, что осталось от последнего из великих императоров Рима. Не хотел ли Флавий Тиберий сказать мне этим, что нас ждёт та же участь?!

– Приглядишься повнимательнее, – сказал он, – среди них не только праздные зеваки; там есть ещё и легионеры.

– Не знаю, как ты видишь их – я совсем не могу разглядеть лиц отсюда.

– Уж поверь мне. Без участия солдат уже давно ничего не обходится в этом городе. Легионеры там есть. Именно они решают, кому быть императором, а кому лучше превратиться в руину. Солдаты – такие же разбойники и убийцы, как и все остальные. Когда я был молод, римский народ ещё мог поставить одну ногу на свою могучую армию, а вторую на мудрого правителя – и стоять на них крепко, как на двух

столбах. Но эти времена давно прошли. Мы превратились в дикое племя, поселившееся на руинах своих прошлых побед, но не будущего. При всём своём положении здесь, я никому этого не говорил, но в Риме я чувствую себя как в клетке.

Он подошел ко мне, но больше ничего не сказал. Мы долго стояли молча у окна с распахнутыми настежь ставнями и смотрели, как заскучавшая толпа быстро расходится по домам. И площадь вновь становится пустой, но не такой как раньше.

– Я не хочу умирать здесь, – сказал он и посмотрел на меня, – я ошибался в своём сыне. Мы с тобой знакомы много лет и хорошо знаем друг друга...

Он неожиданно сделал паузу. Затем, продолжил:

– Помоги мне найти его.

Я на секунду потерял дар речи. У меня не хватало слов для ответа.

– Ты сможешь мне?

Я взял его за руку – слабая, мягкая и одновременно жесткая ладонь ветхого, но ещё полного загадочных сил старика.

– Поможешь? – повторил он, – мне больше некого просить.

– А как же твои дети?

– Они идиоты и имбицилы. Я люблю их, но они мне не помощники.

– Я хотел сказать: на кого ты оставишь их? Что они поду-

мают о тебе?! Как они будут жить без тебя? В конечном итоге, вспомни про своего маленького Сперо.

– Всего себя я отдал им, – наклонил голову он, – но, кажется, я был дураком большим, чем они, раз забыл, что у меня есть ещё один сын – мой первый. И я хочу сейчас быть с ним.

Он свалился вперёд, но я схватил его. Он прижался лысым лбом мне в грудь.

– И всегда хотел. Давно пора.

– Он, наверное, уже в Вольтере, – сказал я, – если Аппий Примул движется целеустремлённо, то догнать его будет трудно. У нас больше шансов встретиться с ним на месте, куда он направляется. В своём письме он упоминает, что стремится попасть на север, в страну варваров, где должен быть его дом.

– Он имел в виду Цезальпийскую Галлию. А может даже Рецию и Норик, что лежат за высокими Альпами. Если это так – у нас нет шансов добраться туда.

– Он просто сказал: север. По отношению к Риму, это – вся занятая варварами империя. Но вряд ли он решится перейти через Альпы в Провинцию или Германию – это самоубийство, там слишком много варваров.

– В Риме варваров ещё больше.

– Как мы будем искать его?! Мы ведь не знаем точно...

– Мы нарисуем портрет. Отправимся на север и будем спрашивать подорожных, предлагать деньги. Мы сделаем

всё, что в наших силах и отыщем его – больше никому.

– Даже если так, то это займёт немало времени. Ты, друг мой, задумал большое путешествие – совсем не то, которое в силах совершить люди твоего возраста.

Он покачал головой из стороны в сторону.

– Пусть так, – он отвернулся, – я готов идти в одиночку.

– Это совершенное безумие.

– Если боги улыбнуться мне – я найду своего мальчика.

Если нет – я умру в пути: от болезни, усталости или топора варвара; всё лучше, чем сидеть в Риме и смотреть, как происходит очередной переворот: как легионеры разрывают на куски своего собственного императора и целые толпы невинных людей страдают от безумия кучки дураков. Лучше уже умереть вдалеке от Рима и не видеть, как год за годом, столетие за столетием он разрывает себя на части.

Я вспомнил, как несколько веков назад Нерон сжёг Рим. В жизни не часто увидишь зрелища настолько ужасные и бессмысленные – даже в такой долгой как у меня.

Конечно же, я понимал желание Флавия Тиберия и в некоторой степени даже разделял его; и я слишком долго прожил, чтобы чрезмерно беспокоиться о сохранении человеческой жизни, которой угрожает это путешествие. Ни за что я не стал бы отговаривать его от этого пути – мне лишь хотелось знать, насколько сильно он уверен в собственных мыслях. Действительно ли он понимает, что это приключению – в любом случае приведёт его к смерти. Исход здесь очевиден

– пережить путешествие ему не удастся. Вопрос состоит в том: умрёт ли он в Цезальпийской Галии или даже не добравшись до Вольтеры. А может, его заколют ножами одичавшие крестьяне, имена которых разграбили варвары и которым Рим бросил на произвол судьбы, не оставив иного выбора, кроме как стать разбойниками?!

На протяжении столетий: я спасал себя от скуки и тоски бессмертия тем, что учил языки и науки. Вначале, это ремесло давалось мне нелегко – латинскую грамоту я смог выучить лишь на семидесятом году жизни. Но к своему первому столетию я владел уже всеми языками Италии, даже названия многих из которых сейчас мало кто вспомнит. Каждый новый язык давался мне всё легче и легче. Я заставил себя быть гением человеческой речи и искусства миллиарда слов.

Однажды, греческие купцы привезли в Рим иностранца в странных одеждах, жёлтой кожей, непохожим ни на что лицом и глазами, которые напоминали кинжалы. Он говорил на языке, все звуки которого были чужими для европейского уха. Он писал непонятными ни для кого знаками, напоминавшими, если пририсовать им крыши сверху, дома. Но посвятив разговорам с ним всё своё время, я смог овладеть его языком в совершенстве, просто повторяя и запоминая звуки, которые он издавал, когда я показывал на какой-нибудь предмет или изображал руками жест.

Чтобы выучить древнекитайский от человека, который ни

слова не понимает по-латыни, мне пришлось потратить два года. Этот язык я помню до сих пор. Он великолепен, если звуки обладают для их слушателя хоть каким-нибудь смыслом. Многие китайцы, с которыми я говорил впоследствии тысячи лет спустя, проникались ко мне глубоким доверием и уважением, поскольку считали, что я потратил всю жизнь на изучение их античной поэзии. Они принимали меня за гения-лингвиста, овладевшего всеми формами китайского языка, оставаясь при этом европейцем.

Самое важное в изучении любого языка – это неистовое желание выразить свои мысли и чувства на нём. Это желание должно быть как вечный огонь, сжигающий изнутри. Остальное – дело техники.

На жизнь я зарабатывал своим знанием языков, а в последнее время – владение речью варваров, которую мне тоже пришлось изучать. Мою профессию римляне почитали за высшую из благородных форм искусства. Научиться чужому языку в те времена считалось за подвиг, который совершить может лишь человек необычайного дара. И я догадывался, зачем я нужен Флавию Тиберию в его безумном путешествии: я возьму на себя роль переводчика. Тогда, у нас будет больше шансов продвинуться как можно дальше на север и, может быть, найти Аппия Примула.

И это было очень эгоистично с его стороны. Впрочем, он знал, что я могу и отказаться. Но он был уверен во мне – уж слишком долго мы знакомы друг с другом. К тому же, я сам

постоянно жалуясь ему, что даже в наше интересно время, когда гибнет империя и цивилизация – я всё равно гнию от скуки. Он знал: это путешествие для меня – как очередное приключение, от которого я не смогу отказаться. Это шанс развеяться, а больше ничего мне не было нужно. Самому – у него нет никаких шансов добраться даже во Вольтеры, в его-то возрасте. Но со мной – он, если сохранит своё неистовое желание повидаться с сыном и если на нашем пути не встанет орда варваров – сможем дойти далеко. Малый шанс на встречу с АппиемПримулом у нас двоих всё же был.

И, конечно же, он знал и верил в это. Я ответил:

– Я проведу тебя. Но только потому, что хочу, чтобы ты поскорее умер – от счастья, увидев своего сына.

– Хороший ты друг!

И он засмеялся.

– Высшая радость – злорадство! Что бы я делал в это жизни без людей, которые желают моей смерти?! Они – заставляют меня двигаться дальше. Меня так радует, что я пережил из всех. Пусть Рима не станет – пусть он катится в свою яму! У нас своя жизнь; и мы сами решаем, на какое путешествие её потратить.

Он так завёлся, что я не смог сдержаться и добавил:

– Ведь мы – старики – больше не можем позволить себе роскоши заниматься тем, чего не хочется делать.

– А ты – внешне совсем не похож на старика.

Теперь и я улыбнулся.

– А разве так важно, что внешне?! Внутри: я намного старше тебя.

– Я всегда подозревал это, друг мой. Спасибо тебе за помощь.

Решение было принято. Но на смену радости быстро пришли новые неприятности.

Всё дело было в семье Флавия Тиберия, на что я указал ему в самом начале нашего разговора, когда он сообщил мне о том, что собирается найти своего сына, отправившись за ним в погоню. Но он как всегда слишком поздно начал слушать меня. И зря. Как всегда.

Он не мог просто так бросить свою жену, друзей, слуг, названных братьев и сестёр, и других своих сыновей, один из которых был ещё новорождённым младенцем. Просто так исчезнуть, как это удалось Аппию Примулу, Флавию Тиберию не позволяло так же его общественное положение. Дом Пернов – станет домом, члены которого один за другим исчезают бесследно – жестокая участь быть семьёй посмешищ. Придётся потратить немало времени, чтобы объяснить всему Риму, что Флавий Тиберий – не сумасшедший, а герой, который отправился на поиски своего заблудшего сына из любви и милосердия к нему. Тогда, он спасёт репутацию своей семьи. Но это сложно сделать за один день, поэтому путешествие придётся надолго отстрочить.

С простым народом Рима проблем не должно было возникнуть. Люди всегда хотят облить других грязью, но от них

легко защититься. А вот семья Флавия Тиберия – та самая кость в горле, которая не позволит спокойно и воздуха глотнуть ни одному свободному человеку, попавшему в её сети.

Мы были стариками: ему было под семьдесят, мне было под тысячу лет. Но под разлагающейся коркой мы с ним были новыми первооткрывателями – первыми отважными героями, покинувшими стены Рима и в одиночку отправившимися в страну варваров, во имя любви, во имя дружбы и верности.

Я всей кожей ощутил тот славный ветер былых времён.

Это путешествие – последнее в его жизни; и самое трудное ждёт его даже не в конце, а в самом начале.

Как семидесятилетнему старику отпроситься у своей тридцатилетней жены и детей, чтобы те позволили ему отправиться в его возрасте в страну варваров, где, вероятнее всего, его убьют или он умрёт самостоятельно, без посторонней помощи?! Есть несколько способов. Но самым моральным из них оказался вариант: просто упасть на колени и раскрыть, как он есть, план своей авантюры, надеясь... одному Флавию Тиберию известно на что.

– Чёртов галл, что же мне делать?! – чуть не сорвался он.

– Это была не моя идея.

– Ты не предложил мне ничего лучше. Ты только представь, что это за план: ведь мне действительно здесь надеяться не на что. Я даже не могу себе представить, что подумает моя красавица. А кем я стану в глазах своих детей. Да это

будет...

– Ты хочешь предложить себе и мне что-нибудь получше?

– Вот зачем ты меня вечно перебиваешь?! Ты мне все мысли спутал.

– Прости, но я считаю своим долгом прерывать рассуждения, переходящие в болтовню.

– Ладно, у нас действительно другого выхода нет. Но с чего мне начать?

– Давай прорепетируем.

Другого предложения от меня – ему и не следовало ожидать. Раз он отважился на такую авантюру, пусть терпит теперь унижения всех зависимых от своих семей людей.

Люди проходят мимо. Иногда, они оборачиваются вокруг нас. Может, это из-за того, что мы теперь стоим прямо под их окнами?! Я гляжу им в след и мне кажется, что я моложе их всех. Я всегда доживаю до старости, а затем начинаю молодеть. Сохраняю память и затем жду, пока снова начну стареть; у меня начнёт болеть спина, заново выпадать зубы, начнёт морщиниться кожа и седесть волосы. К этому привыкаешь; но каждый раз приходится находить себе новых знакомых, потому что для не закалённого ума это довольно жуткое зрелище. Зато, век за веком это укрепляет характер; стареть – полезно для силы духа – разве что только в том случае, если точно знаешь, что затем снова станешь молодым.

– О, любимая, – начал Флавий Тиберий, – любовь всей моей жизни, – он падает на колени, – ты всегда была ко мне

так добра. Ты родила мне двух прекрасных сыновей и ещё трёх моих от той, другой, воспитала. Ты заменила троим моим сыновьям их мать, которая и в подмётки не годится тебе. И с тобой я всегда был в сто раз счастливее, чем с ней.

Он впился двумя руками в пальцы моей левой ладони. Флавию Тиберию вряд ли когда-нибудь удастся стать хорошим актёром – ему уже не успеть. Слова его пахнут наигранной фальшью, звучащей убедительно только для совсем пошлого уха. От всего этого единственным возникшим у меня чувством – было как можно скорее развернуться и убежать прочь.

– О, сыновья мои, – продолжил он всё тем же тоном; я заметил, что даже находясь на задворках домов, люди всё равно слышат это чудное квохтанье и подходят поближе, чтобы поглядеть на источник этих звуков, – вы помните, как я любил вас?! Как я заботился и помогал вам, когда просили вы меня или нет?! И теперь, когда вы выросли, ваш старый отец просит о вашего благословения. Не откажите ему в его первом и последнем желании. Ведь я принял это решение, находясь в трезвом уме и доброй памяти – и сделал я это лишь из отцовской любви и чести.

– Кто придумал всю эту чушь? – не выдержал я.

– Я, только что, – не скрывая гордости, ответил он.

– Надеюсь, ты просто хотел пошутить.

Репетиция разговора с роднёй Флавия Тиберия незаметно для нас перешла в настоящий моноспектакль, у которого

быстро нашлись свои зрители – они не прятались теперь за углами домов. Я похлопал Флавия Тиберия по плечу, стараясь как можно мягче намекнуть ему на то, что пора переносить репетицию куда-нибудь подальше – в таком людном месте оставаться нельзя. Но он грубо отмахнулся от моей ладони, встал с колен и принял позу оратора, готового обнять всё свою многочисленную публику. Он повернулся лицом к своим зрителям и закричал во весь голос:

– О, граждане Рима! Вы знаете меня, как добропорядочного гражданина – Флавия Тиберия Перна – и среди собравшихся здесь я вижу много знакомых лиц, каждому из которых есть чего доброго вспомнить обо мне.

Я старался стоять в это время в стороне – пытался скрыть своё лицо от голодных глаз толпы, соскучившейся по подобным зрелищам. Безумцы, вещавшие с трибун – им уже надоели. А вот человек, которые ещё не до конца сошел с ума – для римских улиц это было редким развлечением.

– Что каждый из вас, добрых граждан, слышал о моём сыне – Аппие Примуле? Те немногие, кто знал его – вряд ли вспомнил что-нибудь приятное о нём. Он и правда был странным. Он отвернулся от самого дорогого для каждого из нас – от своей семьи. Он не хотел видеть даже меня – своего родного, уважаемого отца. Я долго не мог понять: что же происходило с ним всё это время; и долго считал, что мой любимый первенец – умалишенный. Но, Господь Всемогущий, как же я был неправ! Правда, о граждане, в том, что

мой сын – бесследно исчез. Он оставил стены Рима, оставив после себя лишь записку, прочитав которую – слёзы застывают на глазах. Мой сын – никогда не был сумасшедшим; и умалишенным – никогда – мой бедный мальчик. Мой сын – неверное, один из последних благородных римлян – сам, один отправился на север, в страну варваров, чтобы искупить все наши грехи. Ведь мы, римляне – забыли о том, что значит быть сыновьями Марса! Где храбрые легионеры, способные сразиться с врагами Рима?! Все они – в борделях со шлюхами. Мой сын, в котором я столько лет сомневался – всегда был достоин моей любви и гордости – я был слеп всё время, что не замечал его. И теперь, я понял, что должен исправить свою ошибку. Я отправляюсь на север – к варварам – чтобы найти своего сына – извиниться перед ним за всё и вернуть его домой, обратно в Рим. Ведь наш город – переживёт самые тёмные времена – всегда, пока стоит наша вера в него. Варвары могут ворваться на наши улицы и в наши дома. Но чего им никогда не удастся – так это завоевать сердца отважных – и сломить непокорный римский дух.

На этой ноте, Флавий Тиберий закончил свою речь. И после нескольких секунд натянутого как тетива молчания, толпа выстрелила в него бурными аплодисментами.

Очень немногие на самом деле поняли, о чём говорил Флавий Тиберий. Для оратора он выражался слишком загадочно и обращался больше к самому себе, чем к остальным. Те, кому было понятно – хлопали тише всех.

Большинство собравшихся здесь аплодировали сами себе, потому что верили: именно они вызвали ту бурю эмоций, которую Флавий Тиберий на них только что излил.

Это – был тот самый век безумия, о котором так интересно говорить: люди, напуганные до смерти, вконец разочарованные в будущем – радуются всему подряд, чтобы просто не сойти с ума. Если бы Флавий Тиберий просто гавкал как собака и кудахтал как птица – он бы вызвал не меньше возгласов ликования. Это был век людей, утративших голову от скуки и страха, разбавленных в рутине; впрочем, век, который немногим отличался от всех последующих.

Но Флавий Тиберий этого не знал. Он считал себя настоящим талантливым актёром и великим оратором. В тот миг и ему, и мне – нам обоим стало ясно, как зарождался знаменитый греческий театр, давший основу римскому. Всё было просто: кто-то решил обратиться к толпе и не заметил, как диалог стал монологом, а монолог – речью; а речь превратилась в выступление актёра. И в каждом слове – столько эмоций. Я всегда знал, что театр – самый гуманный вид искусства. Люди должны как можно больше говорить друг с другом – пусть они делают это весь день и всю ночь.

Каждое слово – это театр.

Но оставаясь здесь и продолжая махать рукой публике – рискуешь сойти с ума. Не стоит забывать: каждый театр существует лишь для одного себя. И поэтому, как только он кончится – следует как можно быстрее сбегать оттуда. И чем

дальше – тем лучше.

Схватив Флавия Тиберия за локоть, я оттащил его в сторону, попутно сбрасывая с него маску лицемерия и тщеславия.

– Нет, это была плохая идея, – сказал я.

– Как и все твои идеи, дружище. Но закончилось всё даже очень неплохо.

– О чём ты вообще думал?!

– Только о своём сыне, конечно же. И немного о себе. Только об этих двух вещах я и могу думать теперь.

Мы шли сквозь улицы и площади. И мне в голову пришла ещё одна идея.

– Кажется, у меня есть план.

Такой же, как и все мои остальные – мысленно следовало бы добавить про себя.

– Форум.

– Что?!

– Вино. Море вина. Оно нам поможет.

– Даже не представляю, о чём ты. Но мне уже нравится. Я согласен.

Век людей, купающихся в вине.

Римский Форум – особое место; власть императора здесь исчезает. Людей сидящих и лежащих – куда больше здесь, чем стоящих. Принадлежит здесь всё совсем другим людям, чем во внешнем мире. И бог здесь один – вино.

Торговцы кричат со всех углов, стоит только появиться

покупателю. Повсюду шныряли мелкие воришки, в надежде подцепить кого-нибудь на свой крючок. От такого количества праздных и пьяных людей – глаза разбегаются в сторону. Уже много лет я не был на Форуме; и ещё больше не видел его настолько забитым людьми.

Когда люди день и ночь живут в постоянном страхе, но всё плохое, что могло произойти с ними – всё не настаёт – пьяная улыбка почти никогда не сходит у них с лица.

Не прошло и нескольких минут, как Флавий Тиберий заразился духом вечного праздника в вечном городе.

– Хэй, – кричал он, будто стал моложе на сорок лет, – хэй, хэй, хэй!

Я снова подумал о том, что в голове ко мне вообще никогда не приходят хорошие идеи; и если я и задумал что-то, то поступать нужно с точностью до наоборот.

Флавий Тиберий достал свою золотую монету – на ней красовалось лицо ещё позапрошлого императора, умершего около года или полтора назад. Торговец винами попробовал её на зуб и та с лёгкостью согнулась.

– Отличное золотое, – сказал он, протягивая нам небольшую амфору, в которой было достаточно вина для нас двоих, – правда, наш новый император не очень жалует старые монеты и чеканит свои.

– Эти императоры сменяются быстрее, чем времена года. Неужели каждый раз хорошие римляне должны подстраиваться под нового?!

– Ладно, не важно. Всё равно варвары всех римлян сведут в могилу, – торговец заговорчески усмехнулся, – но не меня – мой брат уже ждёт меня в Греции.

Флавий Тиберий громко рассмеялся. Он любил делать так, когда его переполняли гнев и презрение. Он сделал первый глоток, осушив чуть ли не добрую четверть кувшина.

– Когда я был молод, – начал он, – греки – были слугами Рима. И сколько теперь римлян, которые служат грекам или называют себя ими?! А где же мы – римляне?!

– Настоящий Рим – уже давно стоит на Босфоре и называется Константинополем, – покачал головой торговец вина, – городу, который все только по привычке продолжают называть Римом – недолго осталось стоять на своём месте.

– Это не так!

Флавий Тиберий выронил амфору и та упала, разлив вино и ему, и мне на ноги. Но к чёрту теперь и кувшин, и то, что было в нём. Я попробовал его оттащить и успокоить. Но разве хватит у одного человека сил, чтобы остановить старика, соскучившегося по хорошей драке?!

– Греки – эти зажавшиеся дураки – оскорбили нас! Они сражались против нас во многих войнах и чуть не лишили Рим свободы. Они украли наши земли на востоке и назвали их Новым Римом. Но их император – всего лишь самозванец.

– Зато у них: есть легионы; и они сражаются с варварами, – выкрикнул кто-то из толпы, вероятно, услышав их разговор, – их императоры правят своим народом по два-

дцать-тридцать лет; их города процветают – их защищает армия. Рим – выживет только на востоке, под знаменем Константина Великого.

– Предатель! У нас есть легионы. У нас осталась Далмация и северная Галлия, которые стоят против варваров щитом Римской империи. Ещё не всё потеряно, граждане! Их орды отступят, огнём и мечом мы вернём себе все земли. А пока: ворота Рима крепки. Варвары – больше не пройдут.

– Он прав!

– Варвары уже прорывали защиту Рима – дважды! Смиритесь же: Рим – мёртв. Господь проклял нас. Каждый, у кого есть голова на плечах – должен выучить греческий и как можно скорее отправиться в Восточную Римскую империю. Это – последний Рим, который у нас остался.

– Да!

– Ложь!

– Предатель!

– Смерть императору!

– Смерть предателям!

– Долой греков! Смерть варварам! Да здравствует империя!

Я смотрел по сторонам: простое желание купить вина и банальная беседа – слишком быстро перешли в драку.

Никто не скажет наверняка: кто ударил первым; справедливее и рациональнее всего считать, что все ударили одновременно – чтобы уж наверняка никого не обидеть и свалить

вину за драку на всех, кто в ней участвовал.

Флавий Тиберий, первое время, тоже хотел поучаствовать в тотальном мордобое; он даже схватил какого-то беднягу за плечи и несколькими движениями свалил его на землю, крепко прищемив ему руки и ноги, как когда-то в молодости на спортивных играх. Но резкая боль в спине быстро поставило его самолюбие на своё место и напомнила ему, сколько старому римлянину лет.

Нелегко было выйти из этой перепалки, быстро набиравший масштаб настоящего поля гнева; я и вернувший себе трезвый рассудок Флавий Тиберий, не ожидавший такой развязки событий и глубоко раскаявшийся в своих словах недалёкому торговцу – изо всех сил пытались сделать вид, что никого не обидели, что мы здесь ни при чём и как можно менее болезненно покинуть Форум.

Как дети, свалившие статуэтку в доме стараются свалить вину на кого-то другого и упорно не замечающие бардака вокруг.

– Дикие звери, – сказал Флавий Тиберий, обращаясь то ли ко мне, то ли к самому себе, когда самые горячие точки остались позади, – я думал, это конец. Прости меня, что втянул тебя во весь этот кавардак. Я ведь не пьян. Сам не знаю, что на меня нашло.

– Ничего страшного. Всем нам рано или поздно приходится становиться причинами тотальных мордобоев.

Я улыбнулся и похлопал его по плечу.

– Подожди; всё самое интересное – только начинается.

Мы достали деньги – у Флавия Тиберия, работавшего всю жизнь, их было предостаточно. И теперь, настало время от них избавиться. На этот раз: главное держать свой рот и эмоции на замке. Мы нашли другого торговца вином.

Опустошив две амфоры – мы вернулись к нему за добавкой; за третьей парой нам пришлось идти уже к другому торговцу, так как не смогли найти дороги к предыдущему. Этот торговец вином, с такой улыбкой протянувший нам заветные амфоры – был настоящим сокровищем.

– Так, – присев, кивнул в мою сторону Флавий Тиберий, – зачем мы пришли на Форум? Ради вина – хорошо. Но зачем ещё?

– Я хотел, – чуть не упал на спину, но вовремя удержался, – чтобы мы немного выпили вина, прорепетировали ещё раз и пошли к твоей жене и детям – со смелым сердцем и спокойной душой. Мне казалось, что тебе не хватает решительности. Но теперь, это вовсе не кажется мне хорошей идеей.

– Ик-к! Да.

– Кажется, мы с тобой немного засиделись.

– Ик-к. Согласен.

– Тогда, может быть, сейчас настало время твоей генеральной репетиции перед семьёй?!

– Ик-к. Давай.

Флавий Тиберий попытался встать. С третьей попытки ему это удалось. Относительно крепко держась на ногах, он

заговорил:

– Ты – любовь всей моей старости. Ты жила в богатстве и достатке с тринадцати лет – с тех пор, как мы вместе. И я прошу тебя теперь только об одном: отпусти меня к варварским шлюхам – мне веселее будет с ними. Меня уже ждёт там мой сын – первенец, что подарила мне моя первая жена, которая была куда толще и румянее тебя.

Я смеюсь и хлопаю себя по коленкам. И в то же время, какая-то часть меня стоит сейчас в стороне и качает головой.

– Сыновья мои, да простит меня Господь, но уж лучше бы вы были дочками.

На этом моменте: он сам начинает хохотать и, согнувшись пополам, едва не падая на землю, продолжает:

– Каждый раз, когда я принимался за известное дело, я думал, что каждое новое чадо выйдет лучше предыдущего. Но все вы пошли в одно и то же: разнянченное дерьмо, намертво присосавшееся к мамкиной титьке. Я растил вас как настоящих мужчин; а вышло из вас чёрт знает что – не способное ни гладиуса держать, ни народ Рима город свой защищать призвать. Вы уже не дети. Но что каждый из вас сделал такого, за что я мог бы гордиться вами?! И римский народ – стал таким же гулякой как и вы. Все мы заслуживаем быть стёртыми с лица земли варварской ордой.

Он отдышался; и продолжил уже тихим голосом – с широко раскрытыми безумными глазами, неведомо, что видящими в пустоте:

– Лишь один мой сын был достаточно смел, чтобы идти против течения и быть независимым ни от кого – как истинный римлянин. И от него отвернулась вся его семья – от него отвернулся даже я – его собственный отец.

Флавий Тиберий пустил несколько скупых и пошлых слёз, зазывая во все стороны самой грубой формой латинского языка:

– Он столько лет прожил изгоем! А ведь меньше всех остальных заслуживал этой участи.

Он поднял красные от безумия глаза и сказал всему миру с той же решительностью, с которой плюнул бы в глаза и Господу, и Дьяволу.

– И пусть все вы ополчились против меня – пусть зайдёте в мой дом и назовёте меня умалишенным – но я не позволю вам погубить моего сына. Я должен искупить перед ним свою вину. И я найду его – пусть ради этого мне и придётся пройти полмира, по руинам империи. Я найду его, чтобы сказать то, что давно должен был...

Я слушал его, почти протрезвев от горечи его слёз. Мои руки сами аплодировали ему – сам же я просто смотрел. Но это нужно было остановить – я видел, что моему другу совсем плохо и он чуть не падает в обморок. И он, и я – мы оба забыли, сколько Флавию Тиберию на самом деле лет и на что способны люди, дожившие до столь почтенных лет.

Я взял его под руку; и мы вместе, передвигаясь маленькими шажками, направились на поиски ночлега. Попутно, нам

ещё не мешало бы разобраться: а какую именно часть города занесли нас наши пьяные ноги?!

Шаг за шагом – мы медленно шли в темноту. Флавий Тиберий – совсем уже потерял сознание; и мне пришлось тащить на спине уже два тела – его и своё собственное.

По Риму, ночью: бродят призраки его давних побед и давно ушедшей славы. Колизей – остался давно позади; где мы? Только звёздам известно – но они молчат об этом. Я пытаюсь найти путь к знакомым нам местам по небу. Но у меня двоится в глазах, поэтому двигаться мы можем только наугад.

Может быть, кто-то уже гонится за нами. Чьи глаза выглядывают из-под тёмных углов?! Какому разбойнику понадобились мы?!

Мне страшно. Я слышу биение собственного сердца. Я сворачиваю в каждый проулок – мы давно заблудились. Глаза мои скачут в разные стороны, пытаюсь словить подсказку; но она всегда ускользает. Я пытаюсь понять, куда нам следует пойти, чтобы дойти до дома. И не нахожу ответ. Я напуган до самого мозга костей.

По пути, на одной из улиц, я наткнулся на повозку, забитую сеном. Во всех окнах: давно уже люди спят. Время уже не то, чтобы просить людей переночевать.

Единственный выход для нас я вижу только в этой повозке. В ней можно несколько часов отоспаться – хотя бы до первых солнечных лучей. А потом: уже с новыми силами, кое-как добраться до знакомых мест. Сейчас же: это невоз-

можно. Я прожил в Риме не одну сотню лет, но так до конца и не узнал обо всех его улицах, закоулках и тайнах.

Я сообщил Флавию Тиберию о своей идее и не встретил с его стороны никаких возражений. Решение было принято единогласно. И мы – легли в стог сена в повозке, прислонившись поближе к стенке: так было удобнее и так нас было труднее найти.

Мы заснули мгновенно; хоть Флавий Тиберий уже и так заснул задолго до этого.

Мы не проснулись под утро. И как всегда, это бы огромной ошибкой.

Утром, крестьянин, закончив свой визит у сестры – направился в свою родную деревню, вместе с сеном, которое так никому и не успел продать. Ему нужно было со своей повозкой и старой клячей выехать как можно раньше, чтобы успеть домой, пока не наступила совсем уж поздняя ночь.

Конечно же, он не заметил нас – ему было не до того.

Он сел за поводья и его повозка вместе с нами – медленно, но верно, поплелась на север. Очень скоро, мы оказались у ворот. А затем: далеко от Рима.

Тем временем, мы ещё спали. И даже не замечали, что Аппий Примул с каждой минутой становится всё ближе и ближе к нам.

Большое путешествие – начинается с маленьких падений и шажков назад.

Танец Первый

Это был действительно странный век.

– Конечное состояние такое, что уши заворачиваются каждое в свою раковину; кисть руки сама тянется к локтю, а из пупка доносится радостный свист.

После взятия Константинополя, криком пронесшегося по всей Европе – прошло уже двадцать лет. Но стоны и вопли тех, кто погиб смертью отважных – нет, пожалуй, самой простой и страшной, несправедливой смертью – до сих пор отзываются у меня в памяти.

– Как крики потерпевших кораблекрушение ещё три дня и три ночи блуждают по морю, пугая всех, кто случайно проплывает мимо.

Это – был корабль дураков, из года в год плывущий по Рейну от севера к югу и затем наоборот. И я был на нём капитаном.

Мы неслись сквозь порта, леса и дикие пляжи. Пейзажи сменялись чаще, чем наше настроение. Здесь, в отличие от других кораблей, никогда не бывало скучно. Дураки матросы бегали по палубе, пытаясь поймать друг друга, или занимая время играми, смысл которого не сумел бы понять никто.

Одной из прекраснейших отличительных черт корабля дураков заключалась в том, что в массе пустоголовых громил – можно было найти несколько истинно интересных и высоко-

ких духом людей. На других кораблях – их нечего и искать. Что им делать там? Кто приютил бы их? А на корабле дураков найти себе дом сможет кто угодно. Кого угодно общество может назвать дураком и сослать на один из таких кораблей.

Одним из таких редких людей был Голова-Тыква. По некоторым данным, которые проверить было невозможно – он был выходцем одной из знатных семей, проживавших в славном городе Нюрнберге с давних времён.

Он говорил мало: он – наблюдал. А когда ему хотелось что-то сказать – он всегда рассказывал. А рассказывать он умел только о любви, о ветрах или о болезнях. Всё потому, что он был очень интересным человеком. И очень больным – во всех отношениях. Имя, которым он называл себя – говорило о нём и в переносном, и буквальном смысле. Тыкву с головы он никогда не снимал.

Он достаёт бутылёк со спиртом и делает из неё хороший глоток. Я спрашиваю его:

– Зачем ты делаешь это сейчас?

А он отвечает:

– Потому что у меня болит горло.

Он прижимает руку к груди: там, где находится сердце.

– Оно болит у меня уже целый год – и не только горло, понимаешь – и ты знал об этом. Моя огненная вода помогает мне справиться с болью. Но она не поможет – от моей любви даже время не спасёт.

– Время сжигает всё лучше, чем огонь. Подожди ещё

недолго – и это пройдёт.

– Лучше я буду пить. И от горла это тоже спасает.

Он продолжил:

– А ведь правда: горло болит куда сильнее, чем разбитое сердце.

– Почему ты не обратишься к врачу?

– А я обращался – как раз тогда, когда был достаточно пьян для этого, – кивает он и закрывает глаза, – они сказали мне, что моя болезнь – неизлечима; и что мне следует меньше пить. За это – я не могу их простить.

Он смеётся, слегка опустив свою тыкву вниз.

– Ну, конечно же, я их не слушаю.

На корабле дураков: всегда танцы и пляска. Когда мы причаливаем в каком-нибудь порту, мы всегда ищем, у кого бы выпросить монетку – это наша старая традиция. А так – золота у нас полно, хоть об этом и не скажешь по первому взгляду. Люди забыли о нас; мы стали никем. Так с какой стати мы должны относиться лучше к ним?! Каждый город получает тех сумасшедших, которых заслужил.

Мы стали париями этого мира; и каждый по своим причинам. Я – из-за того, что просто однажды проговорился на людях, что ни время, ни оружие мне ни по чьём и что я бессмертен. Видишь, даже тех, кто говорит одну лишь правду, считают за дураков. Я сказал людям, что видел и Спартака, и его восстание; и первых цезарей, и их борьбу за власть. Да, всё это правда. Однажды ночью в грязном и зловонном

Париже я проговорился. Тогда мне пришлось надолго покинуть этот город. Меня считали там за сумасшедшего. Оно и лучше; ведь что произошло бы, если люди и вправду поверили в то, что их главного врага и друга – смерть – можно преодолеть?! А ведь это не так. Она придёт за всеми – даже за мной. Это лишь вопрос времени – так ли он важен, когда конец один и тот же?!

Пройдёт ещё не одно столетие. Упадёт ещё не один Константинополь.

А я: всё так же буду оставаться жить и путешествовать по миру, в роли капитана корабля дураков.

– Что ты сделаешь в первую очередь, когда сможешь вернуться с этого корабля? – спросил меня один из сумасшедших.

Никто не может покинуть корабль по своему желанию. Сначала он должен найти того, кто примет дурака таким, каким он есть. Таков закон – нарушители страдают хуже, чем мученики ада и мечтают о смерти. Лучше оставаться на борту и ждать, пока найдётся тот, кому будет безразлично: дурак ты или обычный человек. Сколько лет я уже шатаюсь по этим водам и трясусь на корабле, но ни разу не видел такого чуда.

– Не знаю, – честно ответил я, – отправлюсь в Индию, если хватит сил. Я капитан – а значит, если я покину корабль, то и корабля самого не станет. А без него – Европа мне в одном месте сдалась. Я найду для себя новый мир.

– Думаешь, доживёшь?

– Я – бессмертен. Я и не до такого доживу.

Я бы мог рассказать ему многое. Но он не слушал, хоть и сам начал этот разговор. Голова-Тыква так устал от молчания, что готов был слушать, даже бессвязные звуки – лишь бы до него доносились человеческие голоса. А я – готов был говорить; но мало удовольствия от беседы с пустотой.

Вместо вопросов, которые рано или поздно задаёт себе каждый человек, я попробовал спросить у него:

– А как ты попал сюда? В смысле: всё дело только в тыкве?! Я много наблюдал за всеми членами своего экипажа; и ты мне кажешься самым нормальным человеком на их фоне.

Он не ответил, будто ничего и не слышал. Я повторил вопрос:

– Что ты делаешь среди безумцев?

– Видишь ли, – замялся он с ответом, – я прожил очень печальную жизнь. Я родился в одном городе во Фландрии – не вижу смысла называть его.

Он опустил взгляд себе под ноги.

– Я не хочу рассказывать тебе сейчас о своей жизни; она – совсем не интересна и не столь важна. Я просто скажу: единственным моим светом во тьме, единственным голосом, через который со мной говорил Господь – была моя сестра. Но она исчезла много лет назад. Я надеюсь встретить её, чтобы сделать то, чего не успел, пока мы были вместе.

– Вы были близки.

– Сильнее, чем это можно было представить. Даже, когда она теряла сознание, а я называл её последними словами – мы любили друг друга. Мы держали свои чувства в тайне – даже друг от друга. Мы делали всё, чтобы об этом не узнали другие. Я бил и издевался над ней. Но не всерьёз – никогда. Мы оба понимали: так нужно было. А потом, произошло то, что произошло. Она исчезла и я исчез. Возможно, мы и встретимся. Но Господь редко бывает щедрым на подобные чудеса.

Он вздохнул.

– Как я попал на корабль дураков? Как и все остальные. Я был не нужен никому в своём городе. Меня считали за урода. Я прятался от них. Они меня находили. Но просто отправить на тот свет – никто не решался. Мне повезло с кораблём. Я отдал ему все деньги и получил взамен второй шанс – далеко от толпы.

Действительно: странный и безумный век; как и люди в нём. Впрочем, как и все времена.

Но во всём, даже в этом, можно найти свою каплю мудрости.

А мы всё продолжали плыть по этим волнам, будто было вечно пьяными, вечно весёлыми и не унывающими, пока весь остальной мир проплывал мимо нас.

Но проживая так недели, месяцы, годы – невольно начинаешь тосковать по скучному миру людей со всей их скупой моралью и законами. Ведь в стране дураков, где если ты не

танцуешь, то только спишь – нет законов. А это утомляет. Хочется вернуться в мир людей. Кто-то настолько обезумел, что не хочет ничего. Но мне хочется. Просто вернуться к самой обыкновенной любви, путь которой я проплывал уже не раз – со всей её болью и разочарованиями.

Но река, по которой мы плывём, да и этот корабль – крепко держат меня, что и не вырваться. А я и не жалею. Этот путь – да и любой – стоит того, чтобы пройти его, пусть и не один, а сотню раз.

И вот, наконец, это свершилось: сквозь неумолкающую музыку и пляску стульев, досок и кастрюль на горизонте вырос ещё один порт. Мы давно ждали его – пристанище для кораблей нужно было нам, чтобы ненадолго сойти на берег и развлечься с людьми. И они ждали нас – пусть и сами о том не догадывались. Каждому городу нужно отправить куда-нибудь своих дураков. Для этого мы и нужны – всегда готовые принять каждого, кто больше не нужен нигде.

Хоть нам и казалось, что шпиль городского собора и крыши домов совсем недалеко, в порт нас занесло течением только под вечер. У нас как раз кончился спирт и нам нужно было пополнить свои запасы. Несмотря на то, что была уже почти ночь и горожане предпочитали отдыхать каждый в своей крепости – мы сошли на берег. И праздник разгорелся для нас с новой силой. Для местных это было хуже облавы пиратов. Корабль дураков причалил к берегам. Молитесь, чтобы мы покинули вас скорее.

Так мы сошли на берег: дурацкая команда и я – их бессмертный капитан. Мы шли по улицам, будто это были наши родные края. Здесь были все: Голова-Тыква, Голова-Кастрюля и безумный турок, и бездомный аристократ из кельнских трущоб. Кто находит себя в труде, кто в науках, кто в искусстве; а все мы – нашли себя в безумии. Мы свободны. И мы счастливы. Мы сидим на мешках с золотом, питаемся объедками и ходим в обносках. С нами всеми «что-то не так», от нас отказались наши друзья и близкие. Поэтому, мы здесь. И никто из нас не виноват в том, что мы стали теми, кем, видимо, нам всегда было стать суждено.

Но человек – остаётся жить. И в своём безумии и отчаянии – умудряется найти для себя счастье.

Вот мы и идём – держимся вместе – ступаем все по своей дороге.

На берег нас вышло всего восемнадцать человек – ещё несколько испугались суши и решили остаться на борту.

Сердце, мозг и душа любого города в Европе – все находятся в одном месте – на рыночной площади. А печенью и почками им служат кабаки, в которые путник может заглянуть в любое время суток и попросить себе место у огня. За соответствующую плату, конечно.

Для безумца, особенно с деньгами, никогда нет никакой гарантии, что его не убьют – разумеется, случайно, но всё равно, кто будет мстить за полоумного?! Никогда не стоит оставаться одному. Но вместе – нам нечего бояться.

Мы шагаем все вместе – грозная армия. Внушительной толпой дураков мы кажемся лишь на первый взгляд. Решись кто-нибудь напасть на нас – в ту же секунду от нашей отваги не осталось бы ни следа; все мы разбежались бы кто куда, спасая собственные жизни. И никто не стал бы винить друг друга. Как вообще можно ставить в вину человеку то, что он сбежал, спасая свою жизнь – она ведь бесценна?!

Ночью: даже безумные чувствуют себя иначе. Их мысли, всегда похожие на какофонию – тоже способны сменить тональность. Мы становимся храбрее. Внутри нас по-прежнему полно разных страхов; и мы всё так же трепещем перед ними. Но ручку двери – поворачиваем всё равно, что бы ни ждало нас там.

Мы заходим внутрь. Наше появление – как шорох листьев и грохот грозы. Все головы завсегдатаев за столами мигом поворачиваются к нам. Мой взгляд останавливается на человеке в тяжёлых нагрудных доспехах, шлемом на столе и ладонью на рукояти меча. Я достаточно долго прожил, чтобы знать о таких людях всё. Чтобы прочесть их мысли и предугадать намерения мне достаточно бросить на них всего один взгляд.

Но мы должны двигаться вперёд. И из всех нас, только Голова-Тыква решается двинуться в сторону свободного стола в другом конце трапезного зала. Мы внимательно наблюдаем за каждым его шагом. Всем нам страшно. Многие из нас так нервничают, что готовы порвать на себе последнюю одежду,

чтобы всем было видно, насколько им страшно.

– Тише, – говорю я, – и всё – точно будет хорошо.

Голова-Тыква прошел уже половину пути – и ничего с ним не произошло. Многим посетителям он даже надоел со своей тыквой на голове, поэтому они отвели взгляды и вернулись к прежним своим делам.

Каждый может напасть на нас и причинить нам вред – убить кого-нибудь или обокрасть, если найдёт что взять. Есть города – я много слышал о них, но был лишь однажды в таком – в которых убийство ведьмы, колдуна, разбойника, блудницы, полоумного и прокажённого – чья личность была подтверждена, а вина ясна и очевидна – не считалось за преступление; а грех – легко и дешево отпускался убийце, если тот был праведником и вовремя посещал церковь.

Но Голова-Тыква бесстрашно доходит до конца. Наши страхи мигом сменяются ликованием и праздная победу, мы несёмся к нему.

– Хозяин! Эля нам!

Владелец кабака, с руками толстыми как два бревна – подходит к нам и улыбается, даже не сисясь выставить свою улыбку правдоподобной. Даже полоумного такая гримаса на лице не обведёт вокруг пальца.

– Эля?! – тут он старался придать своему тону такой доброжелательности, на какую только был способен, – гостям в своём доме я рад всегда. Бочонок другой у меня для вас, может быть, найдётся. Но, господа, позвольте вас спросить: чем

платить за эль будете? Я в долг не даю. А кто пытается обмануть меня – тот случайно пропадает без вести, что и волки в лесу о нём не услышат.

Я оглядел зал: публика уже давно потеряла к нам всякий интерес и каждый вернулся к своему занятию. Лучше момента мне было не сыскать. Я снял свою шляпу перед хозяином этого клоповника. Самое время выставить себя полным идиотом, чтобы смягчить жесткий нрав этих немцем. Моё представление – должно их немного развеселить.

– Что вы, благородный лорд, неужели спутали нас с нищими аль бродягами?! Ах, нет, вы серьёзно ошиблись. Мы можем заплатить вперёд, коль вашей светлости будет угодно. Из ваших уст я услышал про бочонок эля?! – я достал их своего клочка грязных и слипшихся от сала волос на голове золотую монету с портретом французского монарха, – так давайте сразу два.

За подобные выпады меня и прозвали «капитаном дураков». За своей репутацией я слежу и проколов себе не позволяю. За это меня и держат на корабле как главного дурака на Рейне.

Ах, это выражение лица хозяина этого дешёвого притона – как я привык к таким взглядам за эти годы. Я только что унизил его, хоть и за время нашего короткого разговора, я всё время старался выставить за униженного себя. А этот бугай даже не подозревает, с какой продажной грязью я только что его смешал. Ни принципов, ни морали – только деньги, а

за них – хоть дурака он примет как короля. Это была истинная победа, о которой побеждённый даже не знает.

Все черты его лица смешались. Он выхватил монету и быстро зашагал куда-то прочь, оставив после себя лишь мерзкий запах изо рта.

Золотая французская монета, волшебным образом возникшая в грязных пальцах такого оборванца как я – конечно же, против воли вернула нам заслуженное внимание публики. Ничего иного и ожидать не следовало. Всё продумано до самого последнего шага.

Я встаю ногами на стол и чуть не ударяюсь головой о потолок. Зато теперь, каждый в этом кабаке может отлично меня разглядеть. Я прижимаю левую руку к груди, а правую – театрально подымаю вверх:

– Дамы и господа, – начинаю я, – перед вами – вовсе не команда дураков. Мы – свободные люди, которые странствуют по свету и волей Господа пытаются как-нибудь выжить в этом жестоком и опустошенном войнами и болезнями мире, где царь не Бог, но Дьявол. Мы – вовсе не попрошайки. Мы – несчастные и бедные люди, от которых отвернулись все, даже близкие и друзья. Но мы – так же и поэты, и актёры. Мы – вовсе не те дураки, за которых вы нас считаете. Наш корабль – это убежище для всех и каждого, от кого отвернулся Господь, но кто остался невиновным ни в чём. Мы, за самую скромную плату, предлагаем вам услуги всех категорий. Правда – не существует того, чего хотя бы один из чле-

нов моего экипажа не сумел бы сделать. И плата – чисто символическая; в разы меньше, чем услуги местных мастеров. И да, если у здесь присутствующих имеются дурацкие родственники – мы готовы принять их на свой борт, если они не страдают морской болезнью и не склонны выбрасываться за борт. Ну, давайте: от кого бы вы хотели избавиться, отправив в путешествие на корабле дураков? Ну же, господа?

Сначала, ты убеждаешь себя в правдивости того, о чём говоришь. А вставить эту мысль в головы остальным – дело звука. Этот закон был известен ещё древним греками, манипулировавшими людьми задолго до моего рождения. Звучание их языка – прекрасно; а идея – настолько же глубокая, насколько древняя.

Я был доволен собой. Я ждал аплодисментов в виде моря предложений: нового члена экипажа или работы – для дураков всё хорошо. Каждый новый город – новый шанс, для каждого из нас. Вдобавок, из погреба успел вернуться хозяин кабака с двумя бочонками в каждой руке, а за ним цепочкой тянулись его жена и дети с деревянными пинтами для нашей скромной компании.

Несколько человек в зале даже привстали – видимо, мои слова кого-то всё-таки зацепили и они были готовы обратиться ко мне. Но их опередил тот самый тип, который до сих пор, хоть и был мертвецки пьян, не спускал руки с пояса, где висел его тяжёлый меч.

– Дьявол! – закричал он, указывая на меня пальцем.

Только этого не хватало.

– Я помню тебя!

К такому повороту следовало бы подготовиться заранее.

Убить этого мерзавца мало.

– Когда я был ещё мальчиком, – начал этот пьяный мешок отбросов, – я жил в Антверпене. Там водилось множество плутов и жуликов; но самым пронырливым и бесчестным из них – был он – тот, кто стоит сейчас на столе, в кругу дураков. Все плутовки Антверпена ходили за ним цепочкой. Он использовал беспризорных детей; и те ради него грабили, обманывали и иногда убивали тех, кто стоял у него на пути. Я вижу, хоть он и покинул Антверпен, но всё равно управляет людьми. Ведь его дураки – его рабы. Они полоумные – и ни в чём не знают себе границ. Я помню, как этот поддонок сел на корабль и смылся. Ещё лет десять назад вести о его проделках доходили до меня из Амстердама, Брюгге и даже Копенгагена! Сколько городов, сколько людей ты обвёл вокруг пальца, а, мерзавец?! И вот, ты здесь – хочешь навредить этим добрым людям?! Так я покажу тебе! Никогда мне не забыть твоего лица – я видел его в детстве множество раз.

Нет, ну конечно же, он врал. Как минимум треть его слов, говоря откровенно, были неправдой. Но вот кто же это мог быть, раз он узнал меня?! В такие ответственные моменты – память подводит меня.

– Взгляните на меня, добрые граждане, – сказал я, – да я ведь одного возраста с этим отважным рыцарем. Как же

я мог вести разбой в годы его юности? Может, я сам был ребёнком, когда стал королём преступного мира?!

Смешки в зале.

– Какие богатые фантазии у этого милого господина, – продолжил я, – кажется, любезные граждане, я нашел уже нового члена своего экипажа. Ну, кто за то, чтобы мы приняли его на свой борт?!

– Ты, ублюдок, помню, хорошо говорил по-нидерландски в годы своего разбоя; почти так же хорошо, как сейчас говоришь на немецком. Этих людей – обмануть тебе удастся; но меня – никогда. Скажи, неужели ты забыл этот язык?

– Да я и был всего-то пару раз проездом в Роттердаме – откуда мне знать нидерландский?! Господа, кто-нибудь знает, кто такой этот сэр в доспехах времён первых крестовых походов?

– Меня ты не обманешь, – он внезапно перешёл на нидерландский – слова и звуки такие же, какие можно услышать из каждой щели в антверпенском порту.

Он медленно сделал пару раскачивающихся шагов, будто даже пьяным не терял осторожности, всё так же сжимая рукоятку меча, но не торопясь вынимать его из ножен.

– Ты ведь знаешь этот язык, не так ли?

– Что он бормочет? Что это за язык? Кто-нибудь здесь говорит на турецком?

Главное: забыть о том, что я прекрасно владею всеми формами тогдашнего нидерландского – тогда и убедить осталь-

ных в этом у меня получится. Но это трудно – делать вид, что ничего не понимаешь, когда тебе ясно всё.

– Ты ответишь за всё, – сказал он, – я вызываю тебя на поединок.

Он быстро рванулся в мою сторону и почти подошел к столу, на котором стоял я.

– Здесь и сейчас!

– Вахтэ! – против своей воли, я попросил его подождать немного на нидерландском и тут же обратно перешел на немецкий, – четыреста лет назад, а Византии, я голыми руками разделался с целой бандой разбойников-крестоносцев, державших в страхе всю округу. С тобой – мне хватит и одного пальца.

Я набрал из бочонка кружку эля и выпил её залпом.

– Ты ведь кое-что забыл.

– Что? – спросил он.

– Где твой шлем, рыцарь?

Его рука, сжимавшая ножны, стала вытаскивать меч – ясно, с какой целью. В этот момент, я схватил бочонок эля с откупоренной верхушкой и прыгнул вместе с ней со стола в его сторону. Я надел бочку прямо ему на голову. Его лоб пробил дно сосуда с нашей выпивкой. Мои ребята останутся без эля; но мне ничего не жалко для этого рыцаря – пусть он напьётся местного пойла по горло.

Меч выпал у него из рук. Он упал и мне показалось, что наш герой потерял сознание. Но как бы ни так. Толпа в зале

уже взорвалась от смеха: и хозяева, и посетители, и особенно мои ребята – все насмеялись тогда вдосталь, хлопая в ладоши. Но мне стало не до шуток, когда рыцарь неожиданно поднялся на ноги.

– Ах ты чёртов ублюдок!

Он снял с себя бочку, поднял меч и замахнулся на меня. Мне едва удалось отскочить.

– Сир, а вам известно, что время рыцарей – давно прошло?!

Он снова бросился в атаку; мне пришлось отступить во второй раз.

– Теперь: тот, кто держит меч – больше не самый главный в деревне.

Уклонившись от ещё одного удара и отойдя от пьяного забияки на приличное расстояние, я сказал:

– Одумайся.

– Хватит бегать от меня, трус, сражайся!

Из-за пазухи я достал инструмент, применить который я не планировал ещё много лет. Но пришлось. Моя новая любовь – изобретение века. Я наставил оружие на него.

– Кажется, эту штуку называют «пистолет», – сказал я, приготовив замок к выстрелу, – турки разбили византийцев только потому, что у них были эти штуки. Они пробивают любой доспех и никакой меч не остановит их.

– Трус, – тяжело процедил он сквозь зубы, – сражайся со мной.

– Только не вашим оружием, милорд, – улыбнулся я, – если вам так будет угодно, померяемся силами: меч против пистолета.

Мне показалось, он впал в небольшой ступор. А затем злость перевесила здравый смысл; и он сделал выпад в мою сторону, в надежде проткнуть меня мечом.

Раздался выстрел – грохот такой, что всех присутствующих оглушило. В воздух поднялся дым. Я прострелил ему бедро. Он закричал, как умирающий в адских муках грешник; и вся его туша в доспехах повалилась на пол. Он забыл и про меч, и про меня; он мог только проклинать всё живое на белом свете, прижав руку к кровавой ране.

Сначала, ты двадцать лет учишься искусству владения мечом, чтобы никто не мог тебя одолеть; теряешь не бесконечные поединки всю жизнь. А затем любой оборванец, держащий в руке это адское оружие – одним движением пальца может отправить рыцаря на тот свет. Но я – всего лишь прострелили ему бедро.

Тёмные века, наконец, отступают. Что же ждёт нас всех впереди?! И как легко теперь людям стало убивать друг друга.

– Врача! – кричал он, – молю, врача!

– Нужно вытянуть пулю из раны – иначе, он умрёт, – сказал я.

Лужа крови украсила пол кабака.

– Я не могу встать!

– Доигрался, – сказал я, пряча пистолет, – я ведь тебе сказал: время рыцарей – прошло. Я ведь тебя предупреждал.

В наше время нужно быть осторожным, когда достаёшь меч из ножен; ведь у твоего противника может оказаться пистолет.

Самый хладнокровный из нас вытащил пулю из его раны. Затем, куском ткани мы перевязали ему дырку в бедре. Несколько мужчин и женщин какое-то время ещё хлопотали над ним. А затем унесли куда-то – в какую-то комнату, наверное – мне было всё равно. Всё время он кричал от боли.

На самом деле, я проявил милосердие к этому несчастному идиоту, которому самое место у меня на корабле.

– Капитан, – прокричал человек-попугай, – капитан-капитан!

Ведь кто помешал бы мне в тот миг целиться прямо ему в голову?! Я не люблю убивать людей – даже таких. Поэтому, пусть он скажет мне спасибо.

Да, я очень добрый человек; хоть моя долгая жизнь – всё время наказывает меня за это.

Даже сейчас, хоть я и победил, я ловлю на себе недобрые и подозрительные взгляды. Какой из них не поймай – ни в одном не будет ни понимания, ни сочувствия; только страх, неуверенность, чувство опасности. Я стоял перед всеми этими людьми и упорно делал вид, что не замечаю их. Это всегда ужасно – к такому не привыкаешь. Для них: я был уже не весёлым дураком, а опасным сумасшедшим, от которых

избавляются при первом же случае. Псих, сырьё для костра – да, это всё про меня. Этот город стал полным провалом. Здесь мы потерпели неудачу; чем скорее мы отчалим и пустимся в поиски нового места – тем лучше для нас. Нечего теперь нам ловить в этом тёмном порту.

– Я приношу свои извинения, господа, за оказанные неудобства.

Что мне остаётся?! Я ухожу. Но мне не хочется возвращаться на корабль – там мне кажется, что я ещё больший дурак, чем те, кто меня там окружает.

Моя команда молча следует за мной. Они напоминают мне бродячих собак, которые покорно следуют за каждым, кто кормит их. Я не смог удержаться и накричал на них, как только мы оказались на улице. Я приказал им возвращаться на корабль, сидеть там тише воды и ниже травы, пока я не вернусь. Они доверяли мне, боялись и уважали; они выполнят всё, что я им скажу – если им приказано сидеть тихо, они так и поступят. Они любят меня, потому что я разговариваю с ними и слушаю их; я считаю каждого из них таким же, как и я. Если мне что-то не нравится – это приводит их в такой ужас, что они превращаются в рабов моих желаний; моя воля становится для них мировым законом, какой бы разновидностью безумия эти несчастный не страдали бы.

Сто лет прошло с тех пор, как самые страшные эпидемии чумы покинули Европу – болезнь для многих исчезла так же внезапно, как и пришла сюда. Для всех, кто жил в то вре-

мя, эта кара была ужаснее Ада; целые города превратились в кладбища. Но для меня – она стала шансом. Я так долго жил в этом мире: видел рождение и смерть стольких империй. Тысячу лет назад новые европейцы, вышедшие из степей и лесов, приняли наследство Рима и отстроили разрушенные города. Но новой цивилизации суждено было повторить ошибки прежней. От увиденного за века у меня колело в груди, а на силой закрытых глазах выступали слёзы.

Когда смерть пролетела на своей косе над Европой, я надеялся, что это и моё спасение. Гибли и пустели города; по всему изведанному нами миром бушевали пожары и разбои. Урожайи гибли, вода была отравлена. Многие стали думать, что всему человечеству пришло время покинуть землю и отправиться в лучшие миры.

Но этого не произошло.

Уже в который раз?!

Сто лет прошло; люди не перестали болеть, но уже не так, как раньше. Города снова заполонили толпы. И среди новых людей я начал замечать тех, на кого прежде все закрывали глаза.

Конечно же, полоумные были всегда. Но после чумы самой страшной болезнью считали проказу, которая тоже заставила появиться целые города, жители которых носили кожу, внешне напоминавшую кору умирающего дерева, испачканного глиной. Когда прокажённых становилось всё меньше и меньше, в больших количествах во всех городах Евро-

пы стали выделять больных, к которым позже причислят и меня.

Существует много видов безумия и ещё больше частных случаев. Но них есть одно свойство, которое объединяет их всех; делает их похожими на страдающих от чумы и проказы. Человек отделяет себя от общества; для него остальные люди перестают существовать. Общество само отвергает безумцев и ищет способы от них избавиться. Как и с чумой, и с проказой – не существует способов уберечь себя от болезни; заразиться безумием могут и нищие, и богачи. Но из какого бы общества полоумный не вышел – на сочувствие он мог и не рассчитывать. Никто за сто лет так и не додумался до того, что страдающих безумием можно лечить – что их нужно спасать. Нет, от них просто избавлялись, списывая на такие же людские потери, которые существовали во времена разбоя чумы.

Так стали появляться корабли дураков. В первое время, на них сгоняли всех, кто лишился разума и отправляли в свободное плавание, чтобы те пропали где-нибудь – и лучше как можно дальше. Безумцы кочевали из города в город, ища себе место, где их не гнали, где они могли найти душевный покой. Легко представить, сколько людей погибло прежде, чем у кораблей появились капитаны, которые определяли курс и назначали законы. Они и стали первыми, кто лечил больных. Были случаи, что безумцы выздоравливали. Они заново учились жить и находили себе семьи на берегу. Тогда, ко-

рабль дураков с радостью прощался с ними. Но многие буйные безумцы, кого корабль приковал к себе цепями в буквальном смысле – находили на них и свою смерть. Ничего другого мы не могли для них сделать.

Если кто попадал на такой корабль по ошибке – он быстро сходил с ума.

Странствующие дураки причаливали в портах лишь за тем, чтобы пополнить запасы воды и еды; попытать счастье найти новый дом. Но все они, так или иначе, были изолированы от мира на своих кораблях; и в собственных головах.

Я долго ждал, пока мир покажет лишь одну – хотя бы одну черту, которая бы доказывала, что в нём осталось ещё что-то человеческое и справедливая. Но я этого так и не дождался. Теперь я тут; и живу я так.

Многие назовут меня просто убийцей и разбойником, которого трижды ловили, трижды приговаривали и трижды рубили голову. И каждый раз я оживал и начинал всё с начала. Я не знал другого пути, чтобы удержать себя на плаву в этом мире.

После падения Рима я долго ждал, пока вновь не сменятся времена и мир перестанет быть таким жестоким. Я ждал нового человечества и новой Европы. Но мир никогда не перестанет быть таким, каким он есть. И изменить каждый может лишь сам себя – восстать против собственной внутренней вселенной. Кто знает: станешь ли ты после этого безумным или наоборот. Любые изменения и любая борьба – только к

лучшему.

И всё же, тёмные века – почти прошли; как и в Европе – так и внутри меня.

Я шел по пристани: от трактира к кораблю. Мои люди были уже на борту; но я не особо торопился возвращаться к ним. И я шел так вперёд, мысли вертелись в голове и кусали меня подобно диким зверям, пока не сел у великой реки и горько заплакал.

Вокруг меня были только ночь и скорбь, с характерной для них пустотой мыслей и формы. Я подумал о том, что всё время именно этим и была вся моя безумная долгая жизнь – ночью после трагедии.

Но река – была во много раз старше меня; и видела она куда больше смертей, страданий и несправедливости. Я мог сидеть у неё часами; а затем – днями, неделями, проходящими мимо меня незаметно. Ведь что для меня время? Это безумие человеческого мира; от которого – река свободна. Нас с ней не нужны были слова, чтобы понимать друг друга. Всё самое прекрасное, что когда-либо строили люди – они возводили на берегах реки. И если бы ангелы, спустившиеся на Землю, решили бы не принимать людской облик – они стали бы реками.

Да, я мог просидеть там ещё очень долго, глядя своему ангелу прямо в лицо. Так и произошло бы, если бы настоящий демон не нашел меня. Сначала, он казался мне ангелом.

Я не услышал её шагов; я не заметил, как она села рядом

со мной. Только когда она повернула голову в мою сторону, я невольно отвлёкся и развернулся в её сторону. На месте, где совсем ещё недавно была пустота – сидела прекрасная девушка. Тогда, я удивился тому, как её глаза похожи на мои. Нас окружала непривычная для портового города, пусть и такого маленького, тишина. Мы смотрели друг на друга – я должен был испугаться или хотя бы удивиться. Но мой взгляд застыл на ней и мы оба не знали, какие здесь можно найти слова. В море тоски всегда найдутся такие островки, за которые хотелось бы ухватиться покрепче и помнить только их, без всего остального. Это был как раз такой миг. Пусть бы всё так и оставалось.

Спустя тысячу лет, когда я вспомнил о ней, я удивляюсь, когда тогда сумел начать разговор первым. Мне легче думать сейчас, что слова сами нашли меня в нужный момент.

– Никто не знает, откуда к нам приходит горе.

Я сделал вид, что размышляю вслух, подобно тоскливому полуночнику, обращаясь ни к кому, даже не к себе. Идеи сами проецировали себя в реальность.

– Кто плывёт за его течением, шатаясь по волнам; а кто мирно живёт у него на берегу, каждый день окунаясь в него с головы до ног и нося его с собой как одежду – продолжал я – ведь я безумен, не забывай, – вам – жителям суши – никогда не понять настоящего горя человека воды. А нам: остаётся только смеяться над вами, ведь мы живём в разных мирах – что для нас смешно, вас доводит до слёз.

Иногда, мне нравится моё безумие – оно даёт мне право говорить в разговоре о том, чего я хочу, без всяких прелюдий. Я могу сказать всё, что угодно – первое, что приходит в голову; ведь мир, в котором я живу и всё происходящие в нём события – для всех заранее означают лишь чепуху и вымысел.

Обычно, люди уходят; и сразу забывают о том, что услышали от меня. Но эта девушка посмотрела на меня так, как один разумный человек смотрит на другого – и сразу становится ясно, что эти двое говорят на одном языке, понятном лишь им одним. Не помню, как давно я уже не испытывал на себе подобных взглядов.

– Но оттого, – неожиданно заговорила она на нидерландском, – страдания людей, топчущих землю – не становятся легче горя тех, кто качается по волнам и не видит на горизонте суши.

Звучание этого языка вкусно как сыр и приятно как свежий ветер, дующий в поле. Я улыбнулся.

– Ты – говоришь совсем как я, – сказал я на нашем с ней языке, – а знаешь ли ты, что я – капитан корабля дураков и что приличным дамам следовало бы опасаться таких людей как я.

– Спасибо за совет – мне очень приятно. Но я не приличная дама, – покачала она головой, – а кто ты такой – мне и так известно; может, даже больше, чем сам ты знаешь о себе. Ты говоришь на прекрасно нидерландском, будто родился там.

– Я просто долго жил в этой прекрасной стране.

– А я родилась там. Но французским, немецким и английским я тоже владею.

– Тебе, наверное, пришлось много путешествовать, раз ты говоришь на стольких языках.

– Я никогда не была в Англии; зато говорила со многими торговцами в Антверпене, которые родом были оттуда. Они меня всему и научили. Умные; но жадные и страшные люди.

– А я был в Англии – волшебная и прекрасная страна; но жизнь в ней – тяжёлая и совсем не сказочная.

– Есть ли места, в которых ты ещё не был?

– Хоть я и живу уже две тысячи лет – я всё ещё не смог побывать везде в этом мире. Большую часть своей вечности я потратил на сидение в четырёх стенах за перечитыванием древних книг, многие из которых теперь не существуют. В основном, маршрут моего корабля лежит по Рейну, но заплываем мы иногда и в море, и в другие реки. Скучать нам не приходится, как и стоять на одном месте; но куда бы мы ни прибыли – нас ото всюду гонят. Поэтому, мы двигаемся дальше.

Если она лишь притворялась, что внимательно меня слушает, то это у неё удавалось хорошо. А затем, она сказала:

– Тот человек, которого ты пристрелил в таверне, – её глаза скользнули вниз, заглядывая вовнутрь меня, – он был моим лучшим другом. Единственным, кто заботился обо мне.

После этих слов я не знал куда смотреть и куда деть глаза.

– Откуда тебе было знать?! – сказала она.

– Он хотел убить меня.

– Да, он вёл себя не так, как достойный человек. Но что делать тем, кто без него останется ни с чем?! Одним выстрелом ты ранил не только его – но и множество невинных.

Я быстро заморгал.

– Лучше бы ты убил его – так, он бы не мучился.

– У меня была всего одна пуля.

– Ты мог попасть ему и между глаз, если бы захотел, – она резко повысила голос, – но не сделал этого.

И вот: первая слеза потекла уже по её щеке.

– Он мог бы быть убитым в бою; но вместо этого, он был ранен – а значит лишен возможности вернуть себе достоинство и обречён на худшую участь, которая может постигнуть такого как он.

– У меня есть и вторая пуля, – от страха и растерянности, я произносил первые слова, приходившие мне в голову, – в кармане. Или я могу вызвать его на поединок, где наличие здоровых ног – не главное. В этом поединке мы сможем сразиться на равных и у него будет шанс вернуть себе свою честь. Это всё, что я могу для него сделать. Этого ты хочешь?

– Нет, – она вытерла слёзы со щеки, – всё это – уже не столь важно. Никто уже не вернёт ему то, что он потерял сегодня ночью. А он – единственный человек, который заботился обо мне с тех пор, как мой отец умер от гриппа. И ты даже не представляешь, как я ему благодарна.

Она ненадолго притихла, давая мне время собраться с мыслями.

– Но за все эти годы: я его уже достаточное количество раз отблагодарила. Так что, думаю, я расплатилась с ним за всё.

– Сколько тебе лет?

– Шестнадцать, – ответила она, немного подумав, – и теперь: дальше по жизни и до самой смерти мне придётся идти одной – пока какой-нибудь разбойник с большой дороги не поймает меня, не наиграется мной и не убьёт, или пока очередная болезнь не свалит меня с ног. Но не думай, что я жалею о жизни и на Господа. Я прекрасно знаю, что этот мир мне ничего не должен; как и я ему – ничего.

Её голос вновь стал холодным и спокойным. С каждой новой минутой она пугала и очаровывала меня всё больше. Она говорила со мной так, будто скрывать ей было нечего – но загадка в ней определённо была. И я не мог просто уйти, оставив её нераскрытой.

– С самого начала ты всё правильно понял, – тон её был ледяным, – да, я пришла сюда, чтобы в последний раз отблагодарить своего друга за всё, что он для меня сделал. Он не сможет жить в унижении и бедности, лишившись ног. Раз ты сделал его таким – так избавь его от страданий. И я каждый день буду молиться, чтобы его душа попала в Рай.

Я кивнул; ничего другого мне и не оставалось.

Мы вместе вернулись в злополучный кабак. Только тогда я вспомнил, что мои друзья на корабле, наверное, уже зажда-

лись меня. Но я мысленно ответил и им, и всему миру: это дело – куда важнее всех прочих; остальные подождут.

Хозяин смерил меня недобрый взглядом, хоть моя монета теперь лежала в его кармане. Одна его рука лежала под стойкой, где, видимо, он держал топор. Но мешать нам подняться на второй этаж он не стал – хоть и знал, что там лежит раненный мечник. Уже на последней ступени я посмотрел вниз. Хозяин всё так же смотрел на нас безумными глазами; но не двигался с места. Нет, скорее всего, это было не совсем безумие. Ужас – все маскируют его за подобной злобой.

Когда дверь в его комнату отворилась – я подумал, что за убийство лежачего – меня и всю мою дурацкую команду могут ждать серьёзные проблемы. Если на схватку с этим мечником люди могли смотреть сквозь пальцы, если мы поторопимся скрыться – то за убийство нас ждёт та же самая участь. Но тогда я подумал и о том, что все в этом городе, кому есть дело до закона – уже давно спят; а под утро – нашего корабля уже и след простынет. К тому же, у меня был долг перед этим несчастным человеком. Только я могу нанести ему последний удар милосердия, чтобы хоть как-то смягчить свою вину перед ним и избавить от страданий этого ужасного подлинного мира.

– Прости меня, – сказала я, доставая нож и думая: мог ли я в тот миг, когда спускал замок своего пистолета поступить иначе?!

В трактирных номерах обычно ночуют сразу по шесть-

семь человек на комнату. Но на этот раз единственным свидетелем для нас с этой девушкой в номере рыцаря – была одна единственная звезда в маленьком окошке в стене.

Несчастный, мучимый кошмарами, уже давно отошел в глубокий сон – не без помощи усыпляющих смесей. Конечно, он и не мог заметить, как мы зашли внутрь. Он не вызывал у меня никаких чувств, кроме жалости и сожаления. Я приготовил свой нож и подошел к нему вплотную.

– Мне – всего шестнадцать, – неожиданно прошептала моя спутница, – а тебе сколько? Прости, что сейчас, но мне нужно знать. Ты забыл мне сказать.

Я застыл над спящим человеком, сжимая в руке нож и стал пересчитывать прожитые мною годы. Их было невероятное множество – слишком много, чтобы вынести без жертв.

– Через шестьдесят или восемьдесят лет... в общем, совсем скоро, мне исполнится две тысячи лет.

Я подумал, что мне совсем не обязательно обманывать свою юную спутницу; ведь вряд ли она поверит в мою правду. Но она осталась спокойной, будто мой возраст был в порядке вещей.

– А как тебе удалось прожить так долго? – продолжала спрашивать она.

Я начинал злиться.

– Меня проклинали.

– Это не похоже на проклятие.

– Поверь. Смерть – во много раз приятнее и слаще, чем многие люди о ней думают. Она не лучше жизни. Но этот мир – совсем не стоит того, чтобы жить в нём так долго, как я.

– И за всё это время тебя никто не пытался убить?

– Пытался.

– И не получилось?

– Я убежал, – улыбнулся я, – всё-таки, мне хочется жить, когда моему существованию угрожает опасность.

Когда я произносил эти слова, один глаз спящего несчастного невольно открылся, чтобы взглянуть на надоедливый источник шума. Когда до его пьяного сознания дошла мысль, что он видит не чьё-то случайное лицо – а лик глаза его собственного убийцы – уже второй глаза его открылся и упал на мою спутницу, стоящую у меня за спиной.

Я увидел, как его рот раскрылся, чтобы завопить от ужаса. Мне стало ясно, что отвлекаться на разговоры больше невозможно; и в тот же миг ударил его ножом прямо в сердце, не желая пачкать себе одежду реками крови, как если бы перерезал я горло.

Поэтому, он смог перед смертью выкрикнуть последнее своё слово на родном языке. Я услышал его – и это было последнее, чего я только мог ожидать:

– Oppassen!

Это означало – «берегись»!

Моё недоумение заняло всего полсекунды. Затем, я всем

умом и телом ощутил, как что-то холодное пронзило мою кожу; и затем стало жарко, как в Аду. С давних лет мне знакомо это чувство.

Я упал на колени и повернул свою голову в сторону убийцы, надеясь, что она ещё не успела скрыться. Это была моя спутница – она ещё несколько раз ударила меня ножом, пока я не свалился без сил.

Последним, что я увидел перед тем, как потерять сознание – была она, покидающая комнату и спускающаяся по лестнице.

Перед своей смертью мне хватило сил улыбнуться; ведь я знал, что всё это – ненадолго.

Несчастный рядом со мной, как я думал – был уже мёртв. А за маленьким окошком на стене тем временем – становилось синим небо и подымалось солнце. Наступал новый день, стирая из памяти ночь.

Интермедия Вторая

Мы шли по Хрещатику в сторону Майдана Незалежності, как какой-то нищий преградил нам путь. Он сказал:

– Вы думаете, что знаете куда идёте; но вы ошибаетесь! Там, – он указал в сторону площади, – вас ждёт только горе. Такое, каким оно постигло меня, всю страну; и такое, какое ждёт и вас!

И убежал.

Вокруг, как всегда: бродили толпы людей; и остановивший нас бродяга неопределённого пола быстро скрылся среди них, направляясь, наверное, в сторону какой-нибудь станции метро.

Киев, в который мы прибыли утренним поездом, встречал нас весело.

Уже и не вспомню в который раз я снова здесь; и в который раз я снова вижу этих чудаков, всегда умевших поднять мне настроение.

В Киеве, как и в любом большом городе, единственное, что меня привлекало – это его ритм жизни. Во всех этих пейзажах, застывших в постоянном движении – я каждый раз прочитывал гимн вечной жизни, состоящей из множества коротких – таких же бессмысленных, сколько прекрасных. В таких городах легко проходит время; хоть и сам Киев, почти во всём, меня только разочаровывал. Но это не важно.

Вопрос: почему?

Потому что мы вместе; но, кажется, я немного заговорился. Совсем забыл, что рядом со мной находится милое и ранимое создание – куда моложе и ранимее меня. Её совсем не интересуют метафизические достопримечательности Киева, о которых я распинаялся перед ней битых полчаса – впустую потраченное время.

Когда я так много говорю и не встречаю сопротивления – мне постоянно приходится напоминать, что в мире существуют и другие люди кроме меня. Но, впрочем, на этом свете много чего существует – и всё ни про что.

– Хочу спать, – сказала она, но вряд ли обращаясь ко мне.

Она перевернула сувенирный шар с ёлочкой и искусственным снегом, который всегда носила с собой в рюкзаке. Затем, моя спутница долго смотрела, как маленькие звёзды так медленно падают вниз. Она там устала, что не осталось у неё сил даже на то, чтобы закрыть глаза и просто упасть головой на стол кофейни, куда я привёл её и где я надеялся слиться с толпой зевак.

– Как ты? – спросил я.

– Неплохо, но бывало и лучше.

– Это всё из-за того, что я всю ночь рассказывал тебе свою историю?

– Да нет. Просто мне нужно немного прийти в себя.

– Тебе бы выспаться. Извини, я совсем забыл, что люди придумали ночь для сна; это всё моя вина.

Она только вздохнула.

– Да – ты права; я – тот ещё мерзавец. Я ещё более вредный, чем яд на завтрак. И мне многие об этом говорят; но я слушаю только тех, кто как ты – мне ничего не говорит, зато так громко думает.

– А ты сам: вообще, хоть иногда спишь?

– Только когда мне невыносимо скучно – тогда, я могу спать и день, и ночь. Но во время путешествия – мне почти никогда не бывает скучно. Этот мир – постоянно меняется и я не хочу пропустить это ни секунды этого момента.

– С твоими деньгами ты можешь путешествовать постоянно.

– И да, и нет.

Я улыбнулся.

– Сложно, правда?

– Ну конечно, – она упала на спинку кресла, всем своим видом давая понять, что устала и от него, и от меня, и от путешествия, да впрочем, и от всего остального.

Я смотрел на неё; и думал о будущем.

А затем, неожиданно, она подымается со спинки кресла, будто что-то придумала, и широко раскрывает глаза.

– Ладно, действительно, чего это я?! Всё ведь зашибись – мы наконец-то выбрались в Киев, а не в какой-нибудь проклятый Мелитополь, в который тебе неизвестно с какой стати понадобилось отправиться. Допивай уже свой дорогуший, невкусный кофе и пошли гулять. Уж как-нибудь, раз мы пу-

тешествуем, постараюсь не свалиться с ног после той ночи.

А ведь это – почти искусство – жить так, как живёт она.

Двадцать четыре удара – двадцать четыре рёва; отовсюду слышен гул мотора, кислотные сигналы электрокаров и топот ног. На время, мы с ней сошли с ума; и полчаса в этом городе стали всего одной минутой.

Добравшись до Мариинского парка, мы вернулись обратно до Европейской площади; затем спустились вниз до Фунникулёра и направились к Андреевскому спуску, чтобы по нему подняться. Прогулка для любителей горных походов. Мы прошли мимо Михайловского и Софиевского собора и по Пушкинской улице вышли на бульвар Шевченка. И направились по нему вверх.

Мы прошли уже довольно много; но всегда готовы пройти ещё больше – пока ноги не отвалятся, ну и чёрт с ними.

Я ходил по этому же маршруту сто лет назад; и не могу не поразиться, как сильно изменился город за это время. Теперь, он похож уже не на свежий плод, а скорее на перезревшее, червивое и надкушенное яблоко, все дыры и трещины в котором заделаны металлом и стеклом. Но я не говорю, что всё, что произошло с городом – плохо; это просто совсем по-другому, чем было. Любое зрелище стоит того, чтобы им любовались. И я – смотрю на все эти сорокаэтажные дома, но вижу совсем не их, а происходившие в них когда-то маленькие трагедии и истории, многие из которых затронули и меня – однажды, когда-то давно. Тогда, эта страна была

совсем другой. Но люди в ней – остались всё те же. Легко представить, что ждёт в будущем эту продутую всеми ветрами землю, люди которой проносят через всю жизнь ожидание счастья.

Я снова принялся что-то рассказывать Маше, даже не обращая внимания, рассказываю я о прошлом, настоящем или будущем. Я – даже не слышу собственных слов. Мозги мне давно промыло знойное солнце. Но мысли ко мне приходят всё равно.

– Человек, который жил в этой квартире – редко выходил из неё; даже из собственной комнаты он предпочитал не высовываться. Его единственный друг, знавший его ещё со школы, рассказывал мне, что всё время, которое он проводил взаперти – он посвящал мыслям о будущем. Но это – всё равно не помешало смерти очень быстро найти его. Те, кто должен умереть – умрут всё равно – они рождены не для жизни. А тот, кто должен жить долго – не сможет умереть, даже если очень сильно того захочет.

Когда мы вернулись к Майдану Незалежности, меня накрыла новая волна воспоминаний. В былые годы, все самые большие концерты, всё самое лучшее и важнее – происходило здесь. Сюда стремились попасть все из самых дальних уголков этой страны. А теперь: здесь только молчание, памятники мёртвым революциям и пустые надежды.

Столица полна памятников нашей великой и ужасной истории. Но столько людей – уже не спасти; и не стоит беспо-

коиться о них. Думать стоит только о живых.

– Ты помнишь этот город во время прошлой войны? – неожиданно спросила она, – та заварушка уже давно кончилась; но ты ведь был ещё тогда здесь, раз говоришь, что прожил уже почти три тысячи лет?

– Это была не война, – покачал головой, – это было безумие.

– И всё-таки, расскажи о ней.

– Я ещё не дошел до этой части своего рассказа.

– Ну, хоть коротко.

– Хорошо, – сказала я и почесал подбородок, – Представь, что у меня в руке кубик. Ты не видишь того, что находится внутри; но есть люди, которые просто знают, что там. Они не говорят откуда – а если говорят, то часто лгут. Так вот: в одно ухо тебе шепчут одно; а в другое – совсем иное. А у тебя в голове может быть своё мнение – третье. Но на то, что происходит внутри самого кубика – это никак повлиять не может. А узнать, что там, наконец, происходит – можно только разбив его. Но это невозможно. Ты можешь просто выбрать одну из существующих гипотез – но наверняка среди них нет ни одной правдивой. Вот почему я не люблю говорить об этом.

Я говорю ей все эти странные и грустные слова; и почему-то добавляю:

– Но для нас – это совершенно неважно. Для нас – значение имеет лишь собственное будущее – единственное, о чём

имеет смысл думать всерьёз.

Мы проходим мимо Контрактной Площади.

– Эти мысли могут прийти к тебе, когда ты с чашкой полуночного кофе станешь в сотый раз пролистывать свою однообразную ленту в телефоне; или читать книгу; или ехать в переполненном вагоне поезда, вдыхая запах, от которого начинаешь жалеть, что у тебя не заложен нос. Эти мысли догоняют тебя, как бы быстро ты ни бежал. Они могут застать тебя при исполнении самых обыденных и рутинных дел. Но так или иначе: они приходят всегда и ко всем – это знали люди, которые жили ещё три тысячи лет назад. Эти мысли могут прийти к тебе, когда ты шестнадцатилетняя или шестидесятилетняя. Они – чудовищны и прекрасны. Они заставляют тебя смеяться сегодня; но завтра – уже плакать. Но благодаря им ты знаешь точно, что жива.

Эти мысли...

Проходит полчаса.

– И чего ты снова улыбаешься? – слышу я голос, будто издали.

– Да так: задумался.

– О чём?

– О будущем, конечно.

Мы свернули вправо; дом за домом, улица за улицей – нам открывался город. Мы остались совершенно одни. Я заразил её своими думами о грядущем; но своё прошлое мы вспоминали вместе. Это было не очень приятно. На той позабытой

территории лежала лишь давно умершая любовь. Вернуть её к жизни было невозможно. Нет, и думать даже здесь не над чем. И эти одинокие мысли на пару – напоминали мне город, по которому мы всё идём и идём, и не видим ему конца.

– Ты веришь в ту историю, которую я тебе рассказал этой ночью?

– Разве тебя это волнует?!

– Иначе окажется, что вся моя жизнь – это просто выдумка.

– А ты попробуй самому себе доказать обратное.

Она улыбнулась.

– Забей, ладно? Ты позвал меня в это путешествие и мне нравится здесь. А ещё: мне просто нравится тебя слушать. Хорошая история. Жду продолжения.

– Я это делаю не только для того, чтобы она тебе просто нравилась.

– Пока что у тебя хорошо получается только это – хорошо рассказывать, – она похлопала меня по плечу, – надеюсь, твоя следующая история окажется убедительнее. Давай купим кофе в этом киоске и сядем вон там – оттуда открывается хороший вид на закат.

Что и говорить: так мы и поступили. Сели; и она спросила:

– Ну и в какую эпоху мы отправимся сейчас?

Мы – путешествуем постоянно, каждую секунду; и не важно: по лабиринтам планеты Земля или в глубинах собственного сознания, своих судеб.

Нам обоим – это известно. И мы – отправляемся в путь.

Она купила кофе латте, а я эспрессо. Мы сели, смотрели на умирающее солнце. И в этот момент я продолжаю свою историю.

Бойня №1

Начнём с того, что смысла у жизни – нет; и нечего даже его искать. Проблема в том, что узнав эту правду с утра – к вечеру, как говорят, можно и умереть. А раз так – значит всё дозволено.

В то время: мы были сыновьями своей родины. Это не мы должны были спрашивать вас, потомки: «Что вы сделали с нашей страной?», а вы нас: «Почему вы сделали нас такими? Зачем родили в мире рабов тех, кто больше всего на свете жаждет свободы?!». Мы – не желали мириться со своей проклятой и нелепой судьбой; потому и встали на баррикады и шли со штыками против пушек. Мы хотели, чтобы наши дети родились в свободном мире – не том, в который пришли мы. Это – была настоящая школа ненависти и огня. И я – учился жить заново, в новом для всего мира времени.

Но будем говорить обо всём по порядку.

План всеобщего кренинизма – действовал безотказно. И сотни тысяч людей по всей Франции уже устали ждать, пока придёт кто-нибудь и избавит их от тиранов, варваров и беспощадных убийц, закрывшими двери своих роскошных дворцов перед гибнущими толпами; поэтому, они взяли оружие в свои руки. Когда революция свершилась – самое трудное только начиналось. Парижу нужны были герои, которые не дали бы ему вернуться к той рабской жизни, против ко-

торой он восстал.

В день, когда это произошло: все в городе стояли как на иголках; и почти никто не знал, что творится вокруг.

Но ясно было одно: власти отныне боятся нас – простых людей. Они боятся того, что мы можем сделать. И они отправили армию сражаться против собственных граждан – против тех, кого однажды поклялись защищать.

Я не видел, как всё это происходило; но слышал, как люди кричали и пели гимны, когда солдаты присоединились к народу и взяли в плен генералов-живодёров. Быстрее ветра дух восстания разнёсся по городу от бедных рабочих кварталов до самого Нотр-Дама на острове Сите. Я шел по улице и видел столько радостных лиц, когда преступное правительство было свергнуто и на его месте – родилось новое, где, прежде всего, власть имел народ.

Двадцать два года назад уже происходило нечто подобное; и я заранее мог себе представить, чем это закончится. По крайней мере, мне так казалось. Двадцать два года назад – улицы покрыты были трупами и по их телам маршем прошли полки убийц. Но теперь, народ казался сильнее, чем прежде. И я, вместе со всеми – поверил в тот дух, которых пахнул свободой и новой, лучшей жизнью.

Это было похоже на праздник, который длится и день, и ночь; и на котором каждый отныне волен делать всё, что хочет. Каждый может осудить буржуа, если тот вёл себя несправедливо. Нам было всё равно, что в девятнадцати километ-

рах от нас – в Версале – армия тиранов готовится покорить самый свободный город на Земле. Мы были готовы принять этот бой.

Я наблюдал за всем этим по сторонам – это было моим любимым занятием уже не одно столетие; и я радовался, что внёс свою лепту во всеобщий праздник свободы. Когда в кофейне «Утомлённое Солнце» проводили свои сборы анархисты, я больше всех говорил о том, что образование и политика – требуют не просто реформ, а полного пересмотра; и что правительство, каковым оно было нам представлено – должно быть свергнуто полностью, до последнего мелкого чиновника. И, конечно же, я больше них всех понимал, что вся эта борьба с самого своего начала – обречена на сокрушительное поражение, как и всё прекрасное и правильное, что есть в этом мире.

Но мы – должны были дать толчок для общества, чтобы приблизить наш народ к новой жизни, которой, может быть, будут жить наши дети, а может и наши внуки. Пусть судьба улыбнётся им больше, чем нам; и пусть это будет добрая улыбка, а не подлая. И пусть этот день станет одним из тех, что меняет ход истории.

Мы – не жители восточноевропейских государств, народы которых воспринимают террор со стороны собственной власти как должное. Мы – французы – и будем отстаивать свой выбор и свою свободу до того момента, пока тираны не посадят в клетку последнего свободного человека – чего не

произойдёт никогда. Пока есть французы – есть и Франция. А Франция – не погибнет никогда. Да здравствует Коммуна! Да здравствует Свобода!

Моего лучшего друга в то время звали Жоржем – в честь Георгия Победоносного. Он был ещё таким молодым, но уже несчастный.

Нас обоих возмущало, что негодяи и проходимцы, вышедшие из толпы зевак – теперь занимали высокие и уважаемые посты в новом правительстве. Жорж просто видел, что Коммуна не в силах сделать людей счастливыми. А меня не покидало жгучее чувство, что я всё это уже где-то видел.

Мой друг вглядывался в кофейную гущу на дне своей чашки, будто действительно верил, что сможет увидеть в ней своё будущее. Наш столик стоял в самом углу кофейни «Утомлённое Солнце», владельцем которой на данный момент был некий Жюль. Мы заказали себе завтрак, который стоил как дневное жалование рабочего. И им всё равно нелегко было наесться. Жорж был одним из тех, кому нечего было терять в грядущей гражданской войне; он был одним из тех немногих, кому мне действительно хотелось уберечь от грязи и дыма поля битвы. Юный Жорж, которому в день парижского восстания семьдесят первого года исполнилось всего двадцать лет. А знакомы мы с ним были уже пять лет. Он был сыном портнихи и выходца из рабочего класса, которого убили в пьяной драке десять лет назад. Революция вдохновляла его. Но жизненный курс не изменился – он был

солдатом национальной гвардии, вся жизнь которого протекает в наблюдениях страданий множественных других.

– Когда мы победим, – оторвал он меня от мыслей о городской политике, – страдания нашей страны только начнутся.

И я был согласен с ним. Но так будет не всегда: народ, который один раз восстал – уже труднее вновь заковать в цепи. Европа ещё вступит в период своего немислимого рассвета, в котором свобода и права – будут цениться выше денег и безопасности. Это была капля мёда в бочке дёгтя – радость и надежда, которая живёт глубоко в умах людей всегда, даже в самые тёмные времена.

На площади, отделявшей центр города от бедных кварталов, танцевала девушка. Я как раз проходил мимо в тот момент, распрощавшись со своим другом и возвращаясь домой. Я бросил на неё всего один рассеянный взгляд и уже не мог оторваться; мне показалось, что я знаю её. Конечно! Я видел её вместе с Жоржем. Не только я один, но и много других мужчин обратили на неё внимания и стояли теперь на одном месте, позабыв, куда направлялись. Она напомнила мне тех прекрасных галльских девушек, которые были настолько чисты и беззаботны, что могли найти повод для праздника даже в годовщину смерти собственного отца.

Засмотревшись на неё, можно было забыть, что значит моргать. Любому бы на моём месте стало ясно, чего такого нашёл в ней Жорж. Удивительно было только, почему среди всех прочих она выбрала именно его. Я бы сам не отказал-

ся от такого приза, будь у меня шанс. А пока: мне приходится довольствоваться тем, что я могу найти в пятую рабочую четверть у любого кабака за пятьдесят сантимов. А днём: я участвую в собраниях народного комитета. Я мог только порадоваться за своего грустного друга: он просто исполняет приказы старшины полка и не в ответе ни за что; и просто любит свою красотку, которая делает его счастливым. Счастливый, грустный друг. Как же ему повезло.

А затем произошло то, чего и следовало бы ожидать. Это выглядело как неизменный ритуал, которому сотни лет. К девушке, которая танцует на площади и радуется своим видом отчаявшихся мужчин подбегает старуха, в три раза старше неё, и трижды даёт ей пощечины, призывая её вспомнить, где находится уготованное для неё место.

А дальнейшие события напоминали уже спектакль, которому самое место в репертуаре бродячих театров, выступавших на деревенских сценах более полувека назад.

Подбегает другая женщина – мать уже не такой беззаботной танцовщицы, которая один в один пожилая копия собственной дочери; ей ещё неизвестно, что только что произошло. Я и ещё несколько мужчин подходим ближе, чтобы внимательнее услышать грядущий диалог и глубже вникнуть в самую абсурдную суть происходящего. Наше присутствие здесь так же должно было сыграть роль сдерживающего механизма на случай, если ситуация накалится – предотвратить драку, если женская чувствительность доведёт их до

подобных мер.

– Вы только посмотрите на неё! – на одном выдохе пищит женщина с крепко стиснутыми кулаками, которым позавидовал бы и кузнец, – посмотрите только на эту старую потаскуху, прибегающую на первый свист и на её паршивую дочь! Они тут веселятся, бездельничают, пока все мы – стоим одной ногой в могиле и одним шагом – всего в одном – от голода!

– Да что вы себе позволяете, – неудачно постаралась возразить уже не такая богатая и влиятельная госпожа.

Я подошел совсем близко и помог девушке подняться – она вряд ли понимала, что происходит вокруг.

– Я друг Жоржа. Мы уже виделись раньше, но он забыл нас представить. Как твоё имя?

– Мария.

Я назвал ей одно из своих имён, обнял и постарался увести подальше от разборок её матери со своими бывшими подчинёнными, наконец-то получивших возможность безнаказанно высказать все свои накипевшие претензии прямо в лицо госпоже, не опасаясь последствий своих слов.

– Эта пышная корова эксплуатировала меня двадцать лет, обрекая меня и всю мою семью на страдания и несчастья.

– Вы не смеее так со мной разговаривать! Я дала вам всё; и даже больше...

– У вас – нет совести мадам.

– Я дала вам работу, жильё, зарплату...

– И за это – только послушайте! – я должна была подти-

рать ей задницу по четырнадцать часов в день без единого выходного. И вся моя семья.

– Позор! Это такой позор...

– Я была её рабой. Но больше – мы такого не допустим. Мы свергли буржуазную власть и теперь у нас такие же права, как и у вас. Твоя дочь должна работать так же, как и моя – мы все равны! Давайте, товарищи, долой проклятых буржуа! Пусть они работают так же, как и мы.

– Свобода! Равенство!..

В такие времена – всегда следует держаться подальше от шумных площадей. Буржуа Парижа избрали себе путь конформизма – отсиживаться в своих квартирах, не выступать с критикой Коммуны, помогать друг другу и каждый день ждать, пока к ним не вернётся былое уважение и могущество. Но Мария выступила в поддержку Коммуны и вступила в комитет женского самоуправления. Теперь ей придётся терпеть издёвки и насмешки от тех, с кем у неё одинаковые цели и пути.

Дни и ночи – все мы работали, при этом оставаясь без зарплаты. Теперь мы можем отомстить за всё; но мне – всегда было жаль невинных, которым просто не повезло родиться в интересное время. Но, может быть, после революции, чем бы она ни кончилась – люди наконец-то смогут получить право есть, учиться, работать, думать, любить.

– С тобой всё в порядке? – спрашиваю я её.

– Да, только голова немного болит.

– Это скоро пройдёт – ни о чём не беспокойся. У меня дома есть немного кофе – я сварю его для тебя, а потом мы вместе направимся к Жоржу. К тому времени, толпа охладит немного свой пыл. Они поступили с тобой несправедливо. Ты ведь помогаешь Коммуне.

Мы зашли во двор, где я снимал свою тесную комнатку. Мой интерьер был обставлен побогаче, чем у многих остальных – возможно, я даже немного злоупотребляю своими связями и дружбой со многими влиятельными парижанами. Я достал спиртовку и поставил на неё кастрюльку с кофе. Я подержал немного зёрна мельчайшего помола на огне, а затем залил холодной водой.

– Так кофе готовят на востоке – в тех странах, где люди и открыли волшебные свойства этого напитка.

– Раньше, я пила кофе только с молоком.

– Прости, но молока у меня нет – мне его приносят раз в месяц и даю я за него семь франков крестьянину из Бургундии. Но ничего уже не осталось.

Я стал объяснять:

– С зарплатой в пять франков в день и такой щедрой душой как у меня – начинаешь забывать вкус хорошего вина, свежего хлеба и жирного мяса. Приходится жить, как есть – но мне не на что жаловаться. Я знаю много хороших людей, которые за свой труд получают по два, по полтора, а то и вообще по одному франку в день. Особенно сейчас – этого ни на что хватить не может.

– Вы – хороший человека, – сказала она, улыбнувшись и принимая у меня из рук потрескавшуюся чашку с горьким и крепким кофе.

Да, жизнь в Париже не легка – она так же горька, как и первый глоток моего кофе.

– Знала бы ты меня получше, – сказал я, глядя не на неё, а в дыру в стене, служившую мне окном, – не торопилась бы с выводами.

Во дворе послышался крик. Я выглянул в окно и ответил:

– Эй, что ещё?

– Эти безбожники кидают камнями в нашу святую церковь!

– К чёрту церковь! – донесся до нас звонкий женский голос из другого окна, – она захватила и эксплуатирует всё – вплоть до образования. Моя дочь ходила в церковную школу, но я забрала её оттуда и больше не пущу. Там не место детям – там их учат подчиняться силе, а не грамоте.

– Безбожница! Гореть тебе в Аду.

– А вы – проклятые рабы – что б кости ваши сгнили в земле, которую вы сами превратили в кладбище невинных! Слава Франции! Да здравствует Коммуна!

Дело уверенно двигалось в сторону ещё одной драки – на этот раз, уже под самым моим домом. Так бы всё и произошло, если бы не один человек, который зашел ко мне во двор и встал между двумя кучками разъярённых мужчин и рассерженных женщин. И им пришлось подчиниться. Меня ре-

шил навестить сам офицер национальной гвардии – один из тех героев, в которых нуждался Париж; и которые сами нуждались в Париже, а потому были верны ему до конца.

Просто так он никогда бы не зашел сюда; но он пришел навестить меня. Мне пришлось в один глоток разделаться с кофе, извиниться перед Марией за вынужденную неловкость и выбежать во двор, чтобы пожать руку своему гостю и давнему другу.

– Пан Домбровский! – сказал я, – сколько лет мы уже не виделись.

Ярослав Домбровский – только тот, кто может призвать толпу к бунту, может её же и усмирить. Он был одним из самых талантливых военачальников коммуны. Очень скоро, ему суждено будет стать комендантом Парижа – мера, которая всё равно не сможет никого спасти.

– Я не считаю зимы. Я надеялся, что ты когда-нибудь вернёшься в Варшаву и мы встретимся там. В Париже много поляков, но почти ни с кем из них у нас не совпадают взгляды. А с тобой – мне всегда было приятно общаться.

– Уж не за одним лишь мною ты приехал в Париж?

– Я здесь, чтобы исполнить свой долг. Мы потеряли Польшу; но Францию – я так просто не отдам. Мы не повторим ошибок прошлых бунтов. Меня беспокоит лишь одно: в Польше поляки сражались против русских; но здесь французам приходится убивать других французов. Многих это беспокоит... Но не будем о грустном. Я слышал, ты состо-

ишь в одном из комитетов?

– Да. Свою роль в Коммуне я играю.

– Если честно, не обижайся, но я удивился, когда узнал, что ты здесь. Мне почему-то казалось, что сбежал в Америку – сейчас все, кому не лень бросают всё и переплывают океан, будто переходят через реку. Я и не верил в то, что мы ещё увидимся. С тех пор ты почти не постарел.

– Здоровье хорошее. А залог долголетия – хорошее настроение. Оно помогло мне пережить не одно народное восстание – поможет справиться и с этим. Будем верить в то, что мы поступаем правильно.

Краем глаза я заметил, что всё это время Мария наблюдала за нами из окна. Она вряд ли знает хоть слово по-польски. Я перешел обратно на французский:

– Ярослав, позволь мне кое с кем тебя познакомить.

И я жестом подозвал свою гостью к себе.

– И что же это за прекрасная мадемуазель?

Я представил их обоим:

– Мария, это генерал Ярослав Домбровский, – он взял её руку в свою и поцеловал, – месьё генерал, это Мария.

– Для меня большая честь познакомиться с вами, мадмуазель.

– И для меня тоже, генерал, – кивнула она.

– Жду тебя утром в ратуше, – развернулся ко мне Домбровский, – всем нам, ответственным за Коммуну, есть о чём поговорить.

С этими словами он ушел, будто ему нечего было больше сказать.

Нам с Марией тоже, самое время было идти к Жоржу. Я говорил ему, что навещу его сегодня вечером. Наверное, он уже ждал нас.

По дороге мы прошли мимо ателье мадам Рабли, насколько лет назад сшившей мне замечательный, удобный пиджак, который и сейчас украшает мои плечи, пока Парижская Коммуна в расцвете своих сил. Правда, теперь у двери стояли не клиенты, а возмущённые портнихи, которые, не стесняясь никого, громко о чём-то спорили. Я решил подойти и спросить их о том, что произошло. Вскоре, мне пришлось пожалеть о своём любопытстве.

– Мне уже неделю, как не поступают заказы, – жаловалась владелица ателье, – мне нечем платить своим работницам. Совсем нечем.

– Пусть продаёт свои драгоценности, проклятая буржуйка, – сказала одна из портних, – три дня назад наши отважные солдаты казнили двух генералов-душегубов и показали всем господам, на что мы способны. Они умерли, потому что страдал народ. Но больше – мы не будем мириться с несправедливостью. Настало время перемен, правда, месью?! Да, девочки?!

– Да!

И нам с Марией ничего не оставалось, кроме как идти дальше. Она, которая совсем недавно танцевала от счастья,

теперь чуть не рыдала. Я старался успокоить её, напевая полупшепотом какие-то старинные французские мелодии.

Наконец, мы добрались до многоэтажного дома, где жил Жорж и поднялись к его квартире на втором этаже.

– Безумие, – сказал он, как только мы вошли внутрь, – на улицах творится абсолютное безумие.

– Наконец жить стало интереснее, – неудачно попробовал я пошутить, но меня уже никто не слушал.

Жорж, видимо, ожидал увидеть меня одного. Прямо с порога, Мария выкрикнула его имя и направилась к нему. Молодой гвардеец не двигался с места, пока весь мир ему не заменила его единственная спутница на жизненном пути. Они обняли друг друга и забыли о том, что я стою рядом. Мне, как скромному гостю, ничего не оставалось, кроме как тактично оставить их наедине друг с другом. Будь я моложе хоть на пару столетий – я бы, наверное, завидно поглядывал на них со стороны. Но мне уже даже этого не хотелось. Я мог только отчаянно ждать, пока судьба подарит мне шанс на спасение.

Не знаю, какое такое безумие Жорж увидел на улице. Я подошел к маленькому окну в соседней комнате, служившей для Жоржа чем-то вроде кухни, туалета и гардероба. Мимо проносились люди – кто бегом, а кто упорно делая вид, что ему некуда торопиться. Мне чем-то нужно было занять время – домой я в любом случае не торопился.

Пока двое любовники по соседству забыли обо всём, че-

рез дорогу все окна были уже заколочены досками. Не многие в Париже действительно понимали, что происходит вокруг – они старались жить мирно, вели себя так, будто ничего не произошло. Но тем временем внутри каждого из них прорастало зерно того самого безумия, про которое говорил Жорж. Если на улице всё слишком спокойно в далеко неспокойные времена – то самое страшное ещё только впереди.

Пока я смотрю в окно, я улыбаюсь. Нет, не из-за криков и стонов любовников из соседней комнаты – их я как раз стараюсь не замечать. Я думаю о том, что настанет день – и все наши усилия откликнутся в сознании сотен миллионов людей по всему миру; и именно им придётся продолжить наше дело – взять инициативу на себя и брать с нас пример.

Даже сокрушительные поражения – всегда приводили к изменениям, ради которых стоило идти до конца.

Я долго мог ещё вдохновляться этими мыслями. Но один человек из толпы, который не прошел мимо и остановился прямо напротив моего окна – заставил меня резко переключиться на другую тональность. Я не стал терять времени и осторожно вылез из окна, спрыгнув вниз на землю со второго этажа. Этому особому человеку пришлось аж оторопеть от неожиданности, когда я спустя всего секунду уже крепко сжимал того в объятиях.

– Ну и день сегодня задался! Столько знакомых лиц. А ты-то какими судьбами здесь?

Я щедро дал ему три секунды прийти в себя после встречи

со мной.

– Поверь, тебя я рад видеть не меньше. Но это ведь не повод ломать мне все рёбра! Да чтоб ты знал: я был здесь с самых первых дней восстания – я сам был одним из тех героев, которые схватили генералов-преступников. Ты знал, что они отдали приказ стрелять в женщин и детей?! Надеюсь, оба они сейчас горят в Аду.

Всё это он сказал на немецком – языке, которому как можно реже стоило звучать на этих улицах. Польский генерала Домбровский – ещё куда ни шло; но вот немецкий, когда со дня позорной капитуляции Франции в войне с Пруссией не прошло и года... Впрочем, я никогда не сомневался в безрассудстве Фридриха – хорошо хоть его не хватило на участие в лихой франко-прусской войне.

– Перестань. Говори на французском, если тебе дороги целые руки и ноги. Забыл, куда попал.

– Не дрейфь, дружок, – с пафосом просвистел он на местном наречии, – этот язык – мой второй родной. Но мы с тобой – немцы – можем, где угодно говорить на своём языке.

Да, для Домбровского я поляк, а для Фридриха немец; для Жоржа и Марии я, конечно же, француз. Слишком сложно будет объяснить им все тонкости моей проблемы с самоидентификацией.

Фридрих тем временем осмотрел меня с головы до ног:

– А ты нисколько не изменился – за столько лет-то.

– Молодой дух – не стареет никогда.

Я улыбнулся и покачал головой:

– Куда ни погляди: в Париже кругом одни приезжие и иностранцы, будто для них был построен этот великий город и именно им выбирать его судьбу. Именно нам с тобой – и не важно, на каком языке мы будем это делать.

По необъяснимым причинам мы засмеялись друг для друга и натянули на себя улыбки, обращаясь ими к Парижу и ко всему миру в целом.

– Пойдём, я покажу тебе одну кофейню, – сказал ему я и добавил, – впрочем, ты и так, наверное, знаешь, про что я. Все якобинцы, анархисты и противники власти с шестьдесят восьмого года встречаются и проводят свои собрания именно там.

Кофейня «Утомлённое солнце» – мы оба прекрасно знали, что означают эти слова.

– Да что ты...

– Ты обязательно должен её увидеть.

Кофейня находилась на несколько улиц левее от Латинского квартала – совсем неподалёку от богатых районов, но и не отдаляясь от бедных.

В былые времена художники и ораторы могли встречаться здесь и обсуждать последние новости, свободно высказывать своё мнение и не опасаться жандармов, в любой миг грозивших вломиться в эти двери. В те прекрасные месяцы кофейня была главным храмом и штаб-квартирой подпольной оппозиции. Но теперь, когда давняя мечта о новой революции

свершилась, почти все завсегдатаи кофейни переехали в городскую мэрию и их места заняли пьяницы и гуляки.

Несмотря ни на что, народу в кофейне было больше, чем когда-либо; хозяин и несколько официантов едва успевали разносить заказы. И если раньше здесь было шумно, то теперь – гам стоял такой, что невозможно было услышать даже собственные мысли.

– Что-то это не похоже на место, где зародилась революция, – сказал Фридрих, когда мы зашли внутрь, – но мне нравится.

Он снял шляпу и закричал на всю кофейню:

– Товарищи, да здравствует Коммуна.

– Да здравствует Коммуна! – раздался крик в ответ.

– Здесь всё слишком изменилось. Прошло всего несколько часов.

– Давай лучше покурим на крыльце – внутри нам всё равно протолкнуться не дадут.

Так мы и поступили.

Хозяин, знавший меня уже не один год, всё равно вынес нам две чашки с кофе, за что я наградил его однофранковой монетой. За эти деньги можно было позволить себе целый обед в какой-нибудь дешёвой забегаловке, но я не мелочился.

– Я бы вынес вам стол и стулья, – развёл в стороны руками хозяин, – но вы сами видите – всё занято.

– Ничего. И без них обойдёмся, – и я добавил, – а ведь эта

толпа бушует уже третий день на улицах. Теперь вот к вам пожаловать решили.

– Пока платят – не выставляйте же их.

– Интересно, откуда у них деньги, что хоть целый дворец возвести можно?!

Но на этот вопрос, естественно, ответа не последовало. А сам хозяин – удачно скрылся где-то в гуще толпы.

Я засмолил папиросу и сделал первый глоток кофе; Фридрих тем временем всюду дымил своей трубкой.

– Вижу, великий революционер ещё не отвык от роскоши.

– Перестань; настанет время – каждый сможет позволить себе маленькие радости жизни. Как ни крути – от своей семьи человеку всё равно никак не избавиться. Особенно, если она, к несчастью, так богата, влиятельна и знаменита.

Он перешел на шепот, разделавшись одним глотком с доброй половиной чашки:

– А эта мадмуазель и месье в соседнем окне... Прости, что спрашиваю сейчас, но они выглядели настолько буйными и страстными, что я просто не мог тогда не остановиться у твоего окна.

– А я ведь думал, что это ты меня заметил.

– Нет, тебя-то я конечно рад видеть тоже. Но эти двое – особенно мадемуазель... Париж, что и говорить – люди здесь более открыты.

– Не засматривайся на неё, – и тут я поймал себя на ревнивом тоне, – её кавалер – мой лучший друг в этом городе.

Конечно, я тебя с ними познакомлю. Но Жорж на штык посадит любого, кто только посмеет обидеть её.

– Конечно! Я ни о чём таком и подумать не мог.

А я мог – стыдно признавать, пусть даже и перед собой. Я нарочно отпугивал Фридриха взрывным характером Жоржа – он хоть и служит в национальной гвардии, настоящего ада сражения ещё не видал и был таким себе примером детской наивности.

А Мария – в ней было нечто волшеббно-человеческое и правдивое. То самое свойство, что в глазах других и старуху запросто может превратить в девочку. Этим она притягивала всех, кто её окружал; и даже тех, кто видел её впервые. Но это, конечно, было лишь первым впечатлением. Чем ближе ты подбираешься к ней, тем больше понимаешь, сколько слоёв скрывается под её невинно чистой кожей. Дьяволица, принцесса; невинная и распутная – это всё была она. И как только такой герцогине сердец было достаточно одного Жоржа – маленького и наивного солдата, которого вскоре неизбежно позовёт за собой судьба в преисподнюю передовой?! Ей нужен был такой как я – опытный, мудрый и выдавший больше, чем кто-либо из людей. Она нужна была мне – разбавить собой серую горечь бесконечно тянущихся вдаль дней. Я должен был ждать, пока они закончат свой танец вдвоём, чтобы втиснуться в него в самый подходящий момент. Ждать, а затем появляться вовремя – это то, чему я учился не одно столетие и в чём достиг несравнимого со-

вершенства. И Фридрих – мог помочь мне в этом по-своему.

– Буржуйка?

Мой немецкий друг вернул меня на землю.

– Что, ещё раз?

– Буржуйка она? Или из наших?

– Даже не знаю, что ты можешь иметь ввиду под «из наших», но семью её, до недавнего времени, можно было назвать состоятельной. Она член комитета женского самоуправления.

– Ясно. А она знает, за кого она будет голосовать?

– Ты про что?

– Про выборы в новое правительство.

– А разве власть себе в руки не забрал Центральный комитет национальной гвардии?

– Да, но на собрании комитета было решено, что правительство будет составлено согласно решению народа. Завтра будут проходить выборы. Я думал, об этом знают все.

– Завтра посмотрим.

– Надеюсь, ты не станешь доверять такие важные решения, как выбор правительства, воле случая.

– Знаешь ли, дорогой Фридрих, мой богатый жизненный опыт – не раз убеждал меня в том, что самые важные решения – лучше всего принимать по мановению судьбы, вверяя их случаю или настроению. Ведь эта революция тоже, хоть и готовилась годами – произошла по чистой случайности.

Внезапно, я ощутил усталость. У меня закружилась голо-

ва, закололо в желудке и стало скрипеть в ногах. Я понял, чем для меня могла обернуться революция – долгожданной смертью. И тогда мне было невыносимо хорошо, хоть я и понимал, что хоть сейчас могу потерять сознание и свалиться с ног.

– Тебе нехорошо? – спросил Фридрих, – я просто думал обговорить политику с мадмуазель и её кавалером, если ты познакомишь меня с ними сегодня... Да что с тобой?

– Всё в порядке – просто немного устал, – отмахнулся я, – все эти революции и свержения власти – так утомляют. Не могу поверить, что говорю это: но я никогда не чувствовал ничего подобного.

– Друг, может тебе обратиться к врачу? Я тут познакомился с одним...

– В последний раз я был в кабинете у врача двести лет назад – и то, с целью убить его, – выкрикнул я с неожиданной даже для самого себя резкостью.

Все мы – вдыхали тогда запах революции и свободы. Мы знали: никому больше не удастся заковать нас в цепи. Врагу больше никогда не победить нас, потому что все мы – стали братьями. И мы понимали: нас и всех, кто придёт за нами – ждёт счастливая, новая жизнь.

И в этот момент, под обеспокоенным взглядом Фридриха, я падаю на землю и теряю сознание.

Солнцестояние Первое

Всегда ли мы должны оставаться такими, какими привыкли быть?

Из помятой временем картонной коробки я достаю сияющую новизной пластинку и кладу её под иглу граммофона. Она начинает вертеться вокруг своей оси. Для меня это всегда магический момент. Я уже замер в ожидании музыки. И спустя секунду, воздух вокруг уже заполнился теми самыми прекрасными звуками, которых я ждал. Это были лёгкие и печальные женские голоса в сопровождении медно-духового оркестра. Они пели о жестоком, беспощадном мире; и о красоте любви, которую им удалось в нём отыскать.

Я слушал эту пластинку сотни, если не тысячи раз. Тем временем, у меня осталось всего одна сигара – затем о роскоши придётся на время забыть. Всё равно я больше не испытываю ни малейшего удовольствия от них – так привык. Выдыхая дым, я делаю музыку как можно громче. Окна и двери моего дома надёжно закрыты. Вот-вот это должно было начаться – полностью убереечь себя от невыносимого шума мне всё равно не удастся, зато я смогу сделать вид, что ничего не замечаю. Затаив дыхание и я, и все жители этого маленького городка ожидаем того, что неизбежно должно было произойти. И вот, совсем недолго осталось.

Артиллерийский залп и правда не заставил себя долго

ждать.

Война бушует уже шесть лет. Но теперь, к счастью, ей уже недолго осталось.

Пыль и грязь поднялись в воздух, а некоторые стены даже начало шатать вправо-влево. Орудия противника, по звукам, находились километрах в тридцати от нас. Ситуация такая, что мне хочется пошутить, да не с кем. Страх перед мощью противника я не испытывал совсем – испугались лишь те, кто думал, что им есть, что терять. А я, тем временем, вёл себя так, будто просматривал документальный фильм о войне, которая кончилась лет двадцать назад и проходила где-то на соседнем континенте. Безответственно, цинично – да, именно так; но это лучший план действий, когда точно знаешь, что от твоего решения – теперь совсем мало что зависит, даже если ты офицер.

Шум и ярость долго ещё отзывались эхом по нашим улицам. Но стоило моей пластинке доиграть до конца, как и артиллерийские залпы смолкли. К сожалению, из памяти тех, кто хоть раз их слышал – так просто они не уйдут.

Мой дом и все те, чьи лица и имена мне были известны – на этот раз уцелели. Потому что целью были не мы. О существовании нашего гарнизона, видимо, забыли и грозные сэмы, и даже недобитые остатки некогда самой могущественной армии на Земле, продолжающие каждый день давать сражения и почти все из них проигрывать.

Но радио продолжало вещать к нам то голосом берлин-

ских станций, то эхом бельгийских. Из них нам было известно, что уже две недели, как колонны, растянувшиеся на километры, бегут с востока на запад, спасаясь от безумных русских орд, не останавливающихся ни перед каким сопротивлением. Тем временем, каждый день всё новые и новые батальоны сдаются на милость сэмов на западном фронте.

В городах не осталось солдат – они тоже разбежались, кто куда. У кого есть голова на плечах – пытаются залечь на дно; у кого её нет – сдать в плен. Кто плачет, а кто и смеётся над гибелью нашей страны. Миллионы людей не знают, что будет с ними дальше; и что ждёт нашу родину, уже много веков как забывшую, что это за чувство, когда земля уходит из-под ног. Только я один – уже очень долго не смеюсь и не плачу.

Отечество – мертво; оно погибло ещё два года назад – тогда и стоило закончить эту войну, превратившуюся в откровенную бойню и для нас, и для врага. Тотальная война – безумие такое же, как и бросаться в бой без надежды победить. Но если отечество может погибнуть, то родина – никогда; эта истина была известна многим древним народом, в своё время испытавшим те же чувства, что и мы сейчас. Родина останется с теми, кто выживет. И только чувство юмора на грани здравого смысла не даёт многим из нас окончательно сойти с ума.

Как бы долго я не просидел в своём кресле, раз за разом проигрывая эту пластинку у себя в уме – мне всё равно придётся встать.

И выйти наружу – в этот чудесный мир, где солнце всё равно светит нам, хоть и сквозь облака дыма и пыли.

Навстречу мне идёт рядовой. Его рука тянется вверх, будто силится пронзить небо, стоит ему только завидеть меня. Этот жест узнает каждый в любой точке нашего безумного шара. Он подходит почти вплотную: молодой, выбритый, одет как с иголки – ну чем не герой славного отечества. Вот только лицо у него больно напуганное – самому жутко становится.

Он бормочет что-то, спрашивает, видимо; и не кого-то, а меня. Хоть речь его звучит совсем неразборчиво, ненужно быть провидцем, чтобы догадаться, о чём он может спросить меня в подобной неформальной обстановке. Какие у нас планы? Что мы собираемся делать? Придут ли сюда сэмы или не они, а русские; и как мы будем защищаться и будем ли мы вообще?! А я что – Господь Бог, чтобы знать ответы на эти вопросы?! Поэтому ничего ему не отвечаю, а лишь загадочно отвожу взгляд и иду себе дальше, дескать, не твоё дело – как прикажем, так и будет. Но приказывать нечего – и это хорошо; потому что в случае приближения батальонов врага, я не знал бы, что с этим делать.

Ситуация, в которой мы оказались, уже даже не действовала мне на нервы; я просто хотел, чтобы всё это как можно скорее кончилось.

Я смотрел на вещи и людей, мимо которых проходил, с каменным взглядом человека, прочитавшего все книги и вы-

учившего все языки – в том числе и язык тотального истребления, в котором нет слов, обозначающих «любовь», «веру» и «надежду». Был бы среди моих подчинённых хоть один человек с головой на плечах, а не с держалкой для ушей – сразу понял бы всё с первого взгляда, но последние соображающие люди давно погибли, кто на фронте, кто в лагерях. И кругом не осталось даже солдат – одни желторотые новобранцы из фольксштурма – мясо для пушек, не более того. А командуют ими, в основном, люди ещё более низкого качества. Забавно слушать, как они браво отзываются об отечестве и говорят о реванше, когда столица в осаде врага, а армия разбита на своей же собственной земле. По ним видно, что они будут бороться до последнего и не отступят. Умели бы ещё эти люди читать мысли – давно разжаловали бы меня и расстреляли. А пока смиренно исполняют команды и ждут приказа ринуться в свой первый бой. Одного выстрела, одной картины сражения хватит, чтобы всех их обратить в бегство.

Я шел к единственному в городке пивному дворику, где меня уже давно дожидалась компания, которую я заслужил. Когда я зашел внутрь, никто даже не повернул голову в мою сторону – все были заняты своими разговорами с более интересными людьми. Поэтому я мог спокойно идти между столов, занятых людьми в коричневых униформах и бросать в сторону то одного, то другого взгляды человека, которому давно стало всё равно: будет ли он жить или нет; будут ли жить те, кто его окружают или нет.

Я добрался до барной стойки и окликнул своего единственного друга в этом городе:

– Как всегда, Ганс, – сказал я бармену вместо приветствия.

В ответ он многозначительно кивнул и принялся за свою работу. Когда литровый бокал пива стоял передо мной, я взял его и после первого же глотка он опустел на две трети. Ганс, хорошо зная меня, принялся за новый бокал, готовясь к тому, что я попрошу повторить.

– Спасибо, Ганс.

Он снова ответил лишь неоднозначным молчанием человека, как бы говоря: «Мне лучше молчать». Больше и говорить здесь не о чём. С ним я знаком уже почти год и как никто другой знаю: у него есть и право, и повод молчать.

В этот момент, на другой стороне зала, в дверях показывается Рудольф. Он вошел внутрь, напоминая всем о себе громким приветствием, восхваляющим нашего славного вождя. Всем присутствующим пришлось повторить эти слова за ним. Ганс опустил глаза и не сказал ничего, лишь косо поглядывая в сторону посетителя. И ещё один паренёк лет пятнадцати, даже не из фольксштурма, а из юнгеров – ничего не ответил. Глаза бывшего начальника полиции города Варшава, теперь оказавшегося здесь, упали на мальчика.

– Встать, – сказал Рудольф, обращаясь к нему.

Теперь, он уже не мог игнорировать присутствие старшего по званию.

– Так точно, господин офицер.

Рудольф продолжал осматривать его с головы до ног.

– Твоё имя?

– Адольф, господин офицер.

В следующий миг, одна рука Рудольфа ударила парня в солнечное сплетение так, что он чудом не потерял сознание, но согнулся пополам; а другая схватила его за подбородок.

– Красивое имя, стоящее. Но сам ты не стоишь ничего.

Кто твои родители?

– У меня нет родителей, господин офицер, – прохрипел мальчишка, сделав над собой явное усилие, – дядя есть.

– Где? – был следующий вопрос Рудольфа, который парень понял верно.

– Отец в Севастополе. Мама – через год. Грипп.

Наконец, он отпустил парня.

– Так знай же, Адольф: кто не чтит своих предков – обречён на собачью жизнь. Твои мать и отец – герои нашей страны, которые отдали ей всё, что имели – в том числе и своего сына. Ты – должен ценить то, за что твои предки принесли в жертву свои жизни. Они оставили тебе в наследство страну – самую великую из всех, что когда-либо видел мир. И твоя цель – сохранить её для своих потомков. Ты – армия. А в армии должна царить дисциплина. Я дам тебе второй шанс.

И он повторил слова национального приветствия. На этот раз, Адольф сделал всё как нужно. Тогда, Рудольф отпустил его толчком от себя и направился в мою сторону. Он повто-

рил своё любимое приветствие теперь лично для меня и я ему ответил по всем правилам, но добавив от себя:

– Эти ребята – тебя ненавидят, но уважают. Готов поспорить – ты сможешь заставить их пойти в атаку даже в самом сердце русского ада.

– Они – слишком молоды, – покачал он головой и улыбнулся, будто мы с ним были старыми друзьями, – я – так устал нянчиться со всеми этими щенками. Мне нужны солдаты – хоть пару десятков настоящих мужчин и нам нечего было бы бояться. Совсем немного – но все настоящие вояки заняты обороной столицы. Всё бы отдал, чтобы вновь сражаться плечом к плечу с настоящими героями. Правда, Ганс?

Ганс покачал головой, поставив на стойку бокал пива для Рудольфа.

– Ты ошибся в одном, Рудольф, – сказал я.

– Да?

– Настоящие солдаты не защищают столицу. Они лежат в земле – миллионы солдат.

Рудольф стукнул бокалом по стойке, разлив четверть.

– Вместе с десятками миллионов наших врагов!

– Не радуйся гибели, пусть и врага – ведь все мы, люди, род от рода, – покачал я головой.

– Тебя называют героем, – процедил он сквозь зубы, едва сдерживая гнев, – но какой из тебя ариец?! Сукин сын – да ты всего лишь предатель.

Я встал из-за стойки. Давно пора проучить его.

– Говори: где ты был в сорок втором?

– За свиньями гонялся в Варшаве, – самодовольно ухмыльнулся Рудольф, – выполнял долг перед отечеством.

– Я тоже. И ты знаешь, где мне пришлось побывать.

Он поднял одну бровь. Я сказал:

– В Сталинграде.

Глаза, внимательно следившие за каждым нашим жестом, за каждым словом, вдруг стали бегать по всему залу, где солдаты уже стали перешептываться между собой.

Я не стал ждать атаки; вместо этого, я сам ударил Рудольфа в лицо и затем два раза в живот и шею. Он потерял ориентацию и стал задыхаться.

– Тепло тебе было зимой в Варшаве?! Знаешь ли ты, что такое настоящий холод?! Что такое настоящая бойня?!

Я отпустил его – пусть живёт пока. Его рука потянулась к поясу, где висел его табельный пистолет.

– Только попробуй, – предупредил его я, – и ещё одним мерзавцем станет меньше.

В отличии от него, я быстро достал своё оружие и один раз выстрелил в воздух, чтобы показать, что я шутить не намерен. Затем, я прицелился прямо ему в голову.

– Мы убивали одного русского; на его место сразу становилось десятеро – это было незадолго до конца битвы, но уже после нашего поражения.

У него тоже был пистолет. Его чёрное дуло тоже смотрело прямо на меня. Могу себе представить, что чувствовался

ли наши солдаты, когда двое высокопоставленных офицеров угрожали прикончить друг друга.

– А кому было легко?! – вспыхнул Рудольф, – в Варшаве мы тоже не цветочки выращивали.

– Каждый день я видел смерти десятков тысяч солдат. Половина из них вымирала от холода. Я был командиром одного батальона. В нём было двести тринадцать утром, а к полуночи нас осталось лишь трое. Один за другим наши силы таяли от русских пуль. Единственное, что никогда не таяло в тех краях – так это лёд и снег. И что сделала для нас наша страна? Миллионы человек погибло в тысячах километров от дома ни за что. Она бросила нас на произвол судьбы. Тех, кто вернулись домой, было несколько тысяч. Наша судьба была сложной – многие сошли с ума и больше никогда не надевали форму. Но я продолжил сражаться – теперь уже здесь.

Я снял пистолет с предохранителя.

– Назови любую крупную битву на Восточном фронте и узнаешь, что я участвовал в ней. И знаешь, как я выжил?

Я покачал головой вместо него. Его взгляд заледенел.

– Я никогда не уходил от битвы и шел до конца, пока не отдавали приказ отступить. И после всего, что я сделал для этой страны – ни одна тыловая крыса не смеет называть меня предателем.

– Это мятеж! – сквозь зубы выдавил Рудольф.

– А ты попробуй устроить суд надо мной – над лучшим из

стрелков, оставшихся у страны. За это – тебя самого отправят под расстрел. Но сейчас совсем не то время, чтобы два офицера устраивали дуэль в пивной.

Он ничего не ответил. Я снова выстрелил в потолок и вернул пистолет в исходную позицию.

– Враг с каждым днём на километр ближе к победе. А чем занят ты в это время, Рудольф? Поучаешь молодёжь своими авторскими методами?! Лучше бы ты занялся делом, не то тебе будет трудно дожить до конца этой войны. Помни, Рудольф, что и от тебя зависят многие наши жизни.

Я спрятал пистолет и протянул ему руку.

– Тебе решать: мир или война. Но учти, что последнее обойдётся тебя очень дорого.

Секунды три ушло у Рудольфа, чтобы выйти из ступора. Я знаю, что для него прошла целая вечность. Но пистолет ему пришлось опустить. Не сейчас – думал он – ещё не время.

Сзади слышались аплодисменты и одобрителные свисты.

Рудольф взял бокал с пивом, осушил его в три глотка и вышел из пивной, так и не удостоив меня рукопожатия.

Мы с Гансом снова остались одни за барной стойкой. Я сел и уткнулся щекой в кулак. Ганс налил мне ещё один бокал и, неужели, проговорил, явно обращаясь ко мне:

– Что, совсем не идёт, да? – он махнул головой в сторону следов недавнего буйства Рудольфа, – когда два лидера не могут найти общий язык между собой – без беды и лишних

трудностей не обойдётся.

– Тебе-то какое дело, бездельник?!

– А помнишь ли ты, сталинградец, кем в своё время был я?

– Очередной тыловой крысой – кем же ещё, – прошипел я, осушив половину бокала, – чёрт тебя знает. За всё время, что мы с тобой дружим, ты ни словом не обмолвился о своём прошлом – только нёс какую-то чушь, да и только. Даже за три тысячи лет своей жизни я не научился узнавать о прошлом людей, чьи лица не отличить от статуи.

– Скульптуры с неподвижными лицами – могут рассказать множество историй. Надеюсь, к твоему четвёртому тысячелетию ты поймёшь это, – Ганс достал огромный бутылёк со шнапсом и отлил себе немного в рюмку, явно намереваясь выпить со мной прямо на рабочем месте, – из Бухенвальда, говорят, сбежать невозможно; и это касается не только заключённых. Надзиратели – тоже были пленниками тех стен. «Каждому воздастся» и нам – в том числе. Но я-то знаю: даже надзиратель, даже Бухенвальда – имеет шанс на побег. Возможно, он расскажет обо всём, о чём молчат те стены и чего передать не в силах даже сами уцелевшие заключённые. А может, он тоже на веки умолкнет. Всегда правильнее молчать, когда вокруг столько, о чём можно рассказать, не правда ли?

И я ответил:

– Значит, – я покачал головой, – это ты – главный про-

изводитель мыла в стране. Самый большой живоде́р из всех нас. И этот «человек» наливает мне пиво.

– Ну, от того, что его наливаю тебе я – оно ведь не становится хуже?!

Рассмеялся.

– Долгое время, – продолжил он, осушив рюмку со шнапсом, – я думал над тем, почему мы так относимся к людям, которых истребляем. И недавно я нашел ответ. Он очень прост.

– Кажется, я уже знаю, в чём он заключается.

– Они просто лучше нас. Во всём. Мы ненавидим их настолько, что даже ненависть исчезает как-то сама собой в процессе.

– Всем нам это известно. Так зачем же ты повторяешь это вслух, Ганс?!

– Они достигли больше, чем мы. Нам легче назвать себя обманутыми и обворованными.

– Да. Всё так и есть.

– И мы истребляем их; только потому, что они лучше нас.

– В точку.

– И почему?

– Ты, вроде, уже ответил на этот вопрос.

– Они лучше нас?!

– Это не повод. Так было, так есть, так будет всегда. В будущем, человек создаст разумную машину, которая будет как человек, только лучше его во всём, даже в гуманности. А

затем, он уничтожит её. Именно человек уничтожит машину, а не наоборот. Машина не может быть жестокой. Мы – слабы; но пусть сильные боятся нас. Мы – смерть для них. Это ты хотел сказать?!

– Нас обманули. Но не те, кого мы сослали в лагеря. И теперь, миллионы невинных страдают. Только за одну десятую наших слов – в былые времена нас бы расстреляли.

– Все те, кому было до этого дело – сами давно расстреляны. Сейчас, для нас самым главным является не попасть в их число.

– А затем, когда война кончится – нас назовут злодеями. Потому что мы проиграли.

– Нас уже давно так называют – и весь мир против нас.

– А кто вспомнит о том, что когда-то мы были простыми людьми и жили в стране, которая должна была служить примером для остальных?! Мы были такими же людьми и в голове у нас были те же мысли, что и в головах всех тех, кто поднял против нас оружие. Они сами поступили бы так же, как и мы, родись они в нашей стране. Разве мы такие чудовища, как о нас говорят?! Мы ведь такие же люди, просто жертвы обстоятельств. Просто люди и больше никто.

– Нам, помнится, говорили, что мы сверхлюди, – засмеялся я.

– Никогда в это не верил. Но жить в своей стране остался. Это – мой дом.

Ганс налил себе ещё одну рюмку и осушил её. Теперь ему

было трудно даже стоять. И, чёрт возьми, никогда я так его не понимал, как теперь. Много веков разделяли нас – но понимал до последнего слова.

– Нельзя так жить, Ганс, – покачал я головой, – нельзя так продолжать.

– А что делать?

– Бежать.

– Для всего мира мы – чудовища. Нас примут только как пленных. Некуда нам бежать, дружище, кроме как в страну мёртвых. Ты слышал, что говорят?

Теперь Ганс ответил самому себе покачиванием головы.

– Откуда тебе это знать, конечно. Ты всё время сидишь у себя в особняке и выходишь только за пивом, будто ты никакой не офицер, а просто богатый бездельник. Я же, тем временем, слушаю всё, о чём говорят и как говорят. На Западном фронте сдавшихся на милость солдат лягушатники и сэмы называют вовсе не «военнопленными», а «безоружными силами врага». А знаешь, что означает этот выдуманный статус?! Они убивают их, друг мой, убивают. Стреляют в тех, кто бросил оружие и сдался – сотнями, тысячами, десятками тысяч. Не стреляют только по женщинам и детям. Только они и останутся после этой войны. А на востоке сдаться невозможно. За одну ночь русские отбрасывают нас назад сотнями тонн бомб. Вулкан, цунами, землетрясение и торнадо вместе не наносят такой урон и проходят тише, чем их войска. Зато, фольксштурм не даёт пройти их танкам – мно-

го смертников отдали свои жизни, чтобы покончить с их ордой.

– Значит, кое-где мы побеждаем.

– Нет. Это лишь конвульсии обречённого на смерть за минуту перед концом. Уже ничто не спасёт эту страну – просто не осталось того, что можно было бы спасти. А когда всё кончится, о нас и не вспомнят. Может, мы и заслужили всё то, что с нами происходит.

– В ужасах этой войны, Ганс, не может быть только одних виновных. Любой человек, взявший в руки оружие – уже преступник. Это самый трудный вопрос морали, на который не существует ответа. Оружие было создано для того, чтобы защищаясь приносить ещё больше вреда. Единственный выход из войны – это остановиться.

– Всё, в чём мы виноваты – так это в том, что до конца оставались самими собой.

– Поверь, этого уже достаточно для массы несчастий.

– Раз ты такой миротворец, – Ганс театрально закатил правый глаз и смотрел на меня теперь только левым, – почему же ты носишь форму, которую сам ненавидишь и которую презирают на всём Земном шаре?

Он снова покачал головой.

– Поверь, я видел не меньше смертей, чем ты; и всё время искренне верил, что поступаю правильно. Затем я понял, что это не так. И знаешь, что произошло? Что за минуту превратило из убийцы в дезертира и предателя, теперь скрывающе-

гося под чужим именем? Я до сих пор люблю нашу землю и всем сердцем верю в наш великий народ. Но я ненавижу то, что их превратило в чудовищ.

– Что сделало тебя собой, Ганс?

– Нет, сначала ты расскажи: почему ты сражаешься за нашу страну? На то, что сделал ты – способен лишь настоящий патриот. Но ты ведь родился не здесь – и даже не вздумай сейчас меня обманывать. Ты родом не отсюда, а из совсем другого края. Никто не смог бы раскусить тебя. Но мне – повезло. Когда ты сидишь один в своём доме, ты часто ходишь по нему кругами и говоришь сам с собой на очень странном языке. Если ты не один из нас – тогда кто же ты и зачем сражаешься? Если ты агент противника – твоя миссия явно затянулась.

– Я не могу тебе это рассказать; не сейчас.

– Тогда я тоже не стану говорить, что сделало меня собой. Но скажи мне хоть одну правду – одну единственную, чтобы я мог тебе доверять. Назови город, в котором родился.

– Вейи.

– Никогда не слышал о таком месте. Где это?

– Этой страны не существует уже несколько тысяч лет. А в шестом веке до нашей эры мой народ сражался с римлянами. Они превратили нас в своих рабов. Страна называлась Этрурией. Но я про себя всегда называю её «домом».

Его глаза вновь перестало выражать какие-либо эмоции, будто у него не было лица.

– Ты и правда сумасшедший, – наконец, сказал он.

– Даже руины городов моего народа превратились в прах.

Я прекрасно знаю, что значит видеть смерть собственной страны и всего, что когда-либо знал. Я видел это много раз. И поверь: на месте старого – вырастет новое – сильнее и лучше. У нашей страны – золотое будущее.

– Но кровавое настоящее.

– И чёрное прошлое.

– Ты – самый невероятный сумасшедший, которого я когда-либо встречал. Даже безумные надзиратели, спятившие в Бухенвальде – не были настолько ненормальными, как ты.

Я пожал плечами.

– Наверное, это нужно понимать, как комплимент.

Я встал. Ганс поднял глаза на меня.

– Раз уж мы уже преступники и нам не удастся никого спасти, – сказал я, – спасём хотя бы самих себя. Пойдём со мной, если ты убедился, что этому сумасшедшему – можно доверять.

Я направился к выходу из зала, но Ганс за мной не последовал.

Я бы хотел, чтобы не было проклятия. Чтобы не было ничего и смерть спокойно забрала бы меня ещё две с половиной тысячи лет назад в объятых пламенем Вейях. И не видеть, как глубоко в безумии погрязла история; в какой ад превращаются все желания вечного блага.

Я прошел мимо своей крепости – своего дома; и прошел

мимо. Не он был моей целью. Эти стены, эти книги и пластинки за ними – не спасут меня. Помочь себе могу лишь я сам. Если бы я только знал, как. Надежды у этого гарнизона – всё равно давно уже не осталось.

В этом городе я жил последние двадцать месяцев. Я попросил назначить меня начальником гарнизона располагавшихся в нём казарм. И мне с радостью разрешили – чтобы я держался подальше от более высоких постов. Тем временем, пока армия гибла, я прятался здесь. Даже бессмертным я испугался того ужаса, который увидел за тысячи километров отсюда. Я надеялся лишь на то, что война кончится раньше, чем армия врага успеет подойти к моим стенам. Но я ошибался. Нет места на этой земле, которое смерть и горе обойдут стороной.

В этом городе, где живёт чуть меньше полутора тысяч человек – когда-то было все пять тысяч. Теперь, здесь есть и кладбище, на котором мёртвых больше, чем живых; и пустые площади, широкие улицы, заброшенные дома. Цветы, зато, растут здесь повсюду – ведь давно уже настала весна, а до лета – меньше месяца осталось. На нашем кладбище всегда цветёт жизнь и грусти – почти и нет. И я направляюсь туда.

Большая часть павших – навсегда остались на земле своих убийц; и лишь немногие вернулись домой, пусть и после смерти. Они нашли покой на родной земле. О чём они думают сейчас, когда видят, что мир, за который они сражались – уничтожен; и вместо него приходит совершенно иной

– такой, каким никто не может себе его представить. И среди могил, надгробий и памятников – стоит одна скромная плита с крестом, к которой я всегда смогу найти путь. Надпись на ней: «Марианна Гауфен 1871-1943. Жди меня, скоро мы будем вместе в новом мире». Она родилась в Париже во время бойни конца мая. Ей предстояло пройти вместе со мной весь свой жизненный путь, который для меня был всего лишь мгновением – сквозь интересные и печальные времена. Она нашла для себя покой и мудрость, пока вся страна задыхалась в огне и невежестве. Дочка ярых борцов за дело Коммуны – ей не было место на родине. И она нашла себе другую – на востоке. И с ней она останется навсегда, какой бы та ни была.

И вот он я: в кругу своих любимых мёртвых, в тишине достаю трубку из кармана и начинаю раскуривать её. Я думал, что остался один. Но спустя какое-то время, когда я уже двигался по направлению к городу, я встретил Ганса на узкой, заросшей полевыми растениями тропинке.

– Ты хотел поговорить?

– Я давно этого хочу, Ганс. Жаль, что только мёртвые согласны слушать безумного офицера. Пошли ко мне.

Мой дом стоял у самого края, где лучше всего слышно артиллерийские залпы. Потому, нам недолго пришлось идти к нему.

В моём доме всегда царил идеальный порядок. Всё своё свободное время, которое у меня было в избытке, я посвя-

щал коллекционированию необычных вещей, вроде бальзамированных австралийских пауков и редких статуэток безымянных творцов. Внутренняя обстановка моего жилища больше напоминала музей или паноптикум, к которому я давно привык и только среди подобного окружения мог найти для себя покой.

Ганс разглядывал выставленные напоказ многочисленные предметы, о назначении которых мог только догадываться. Видимо, он думал, что увидел в своей жизни достаточно и уже ничто не сможет поразить и заинтересовать его. Просто, ему не хватает настоящих чудес – ими насытиться невозможно.

Я оставил его ненадолго одного – пусть развлекается и разглядывает безделушки и думает о том, что потратил свою жизнь. Сам я принялся варить кофе. Дефицитный продукт, которого у меня было достаточно. Кому как не мне знать о том, что правильно приготовленный кофе – это залог любого успеха. В то же время хватит всего нескольких глотков неправильного кофе, как самые прогрессивные идеи останутся без внимания слушателя – он просто развернётся и уйдёт. А уж если перед собеседником стоит чашка правильного кофе – ты можешь говорить ему, что угодно; и он будет слушать, пока чашка не опустеет. Правильный кофе и правильные идеи – две составляющие любого успеха.

Тот кофе, который я сделал для Ганса – был мягким на вкус, но я добавил в него три щепотки перца, одну щепотку

соли, пять щепоток цикория и немного крепкого шнапса. Затем, я не поскупился и на одну ложку сахара, чтобы смягчить вкус и усилить эффект. Во всём этом коктейле вкус кофе почти не ощущался. Такая гадость понравится немногим; зато я точно знаю, кому она подойдёт в самый раз. И он останется довольным. Есть люди, которым нравится, когда их чувства выворачивают наизнанку. И Ганс – точно был одним из них.

Поэтому он сказал:

– Как необычно. Что это?

– Это кофе.

– Нет. Эта гадость – не может быть кофе. Но мне нравится.

– Это кофе моего дома. Сам знаешь: какой дом – такой и кофе.

– Извращенец.

– Это точно.

Мы рассмеялись. Обстановка достаточно разрядилась. Для себя я приготовил самый обыкновенный крепкий кофе на слабом огне. Я пил его маленькими глотками, рассматривая своего гостя. Хозяин единственного в городе пивного дворика, где солдаты могли отдохнуть душой и телом – будто переселился в другой мир.

– Этот напиток – убивает любую усталость.

– Даже усталость от жизни и от войны?

– По крайней мере, о них я пока не думаю.

– С неуверенностью он тоже справляется не по-детски.

– Так о чём ты хотел поговорить со мной? Ты звал меня к

себе – так вот он я, прямо перед тобой.

– Наконец-то мы подошли к самому главному.

Я отложил чашку, на дне которой оставалась одна лишь гуща, в сторону. Сонливость покинула меня.

– К этому городу, – сказал я, перейдя на шепот, – движется целая армия сэмов. Рудольф тоже знает об этом – потому он такой нервный и я не злюсь на него за это. Единственное, что меня в нём не устраивает, так это его решительность превратить наш город в один большой склеп. Самой лучшей идеей для нас было бы сдаться сэмам. Но этого может и не произойти – а гибели гарнизона я сам не допустил бы никогда.

– И что же ты собираешься делать?

Ганс медленно подводит меня к тому, что я собирался сказать с самого начала. Мне нравится эта его смелость.

– Батальон наших ребят, – начал я, – отступает от линии фронта с русскими. Они рискуют на каждом шагу попасть в ловушку. Но русским не до того – сейчас все их войска сосредоточены под столицей, где ведутся решающие сражения. Но сэмы – совсем другой вопрос. Поэтому, солдаты из этого батальона шарахаются и бегут от каждого выстрела, чуть ли не от каждого шороха. Они находятся примерно в тридцати километрах отсюда. Двигутся по двадцать-двадцать пять километров в день. Эта свежая информация, которую я получил только вчера от наших с Рудольфом ушей и глаз в окрестных лесах.

– И что дальше?

Я постарался говорить со всей возможной непринуждённостью, на которую был способен:

– В поле, в километрах пяти от нас, стоит пушка. Её зарыли несколько месяцев назад для обороны территории, но она так и не принесла никакой пользы. Снаряды тоже имеются, чтобы дать бой врагу в любой момент. Но мы можем взять её и выстрелить по отступающему батальону несколько раз – осторожно, разумеется, чтобы обошлось без лишних жертв, но достаточно угрожающе, чтобы отогнать их в сторону нашего гарнизона. Объединившись, мы можем ещё повоевать с сэмами, если планы не поменяются.

– Почему мы не можем просто призвать их на помощь.

– Бесполезно. У них нет командира. Это не армия – это стадо, которым движет только одно желание и одна цель – выжить. Они видели, что такое война; и знают, что сражаться, кроме как за собственные жизни, больше не за что. Они собираются сдаться. И только убедив их, что дорога к сэмам перекрыта и что они не берут пленных – у них не останется другого выхода, кроме как поделиться своими патронами и сражаться за нас. Другого пути нет. Ты – единственный, кто может мне помочь в этом.

– А Рудольф?

– А Рудольф – скорее поведёт гарнизон на битву с отступающим батальоном. Он вешает и расстреливает предателей – всех, кто отказывается сражаться насмерть. Рудольф слиш-

ком безумен и опасен. Только мы с тобой можем ещё спасти наш гарнизон от верной гибели. У нас не так много времени. Я понимаю, что тебе нужно обдумать моё предложение, но позволить себе ждать мы не вправе. Ты со мной?

Ганс медлил, так ничего и не ответив. Вместо этого он застыл и опустил взгляд себе под ноги. Он думал. Я раз за разом убеждался, что лучше всех понимаю его, как и он понимает меня. Мы с ним были будто братья – вот только кто старший, а кто младший определить было трудно. В конечном итоге, я знал, что он ответит. Печальный хозяин пивного двора ничего другого сказать не мог. Он тоже чувствовал свой долг перед историей. И выдохнул:

– Да.

Решение было принято.

Если этот мир уже не удастся спасти, то помочь самим себе – у нас ещё есть шанс.

Возрождение Первое

Стена стоит в одном из дворов близ перекрёстка двух улиц: Победы и Патриотической. По работе мне часто приходится проходить в тех местах. Каждые несколько дней надписи на ней меняются. Никто из жителей окрестных дворов и не вспомнит, что должна была ограждать эта стена, стоящая перед безымянным строением с обвалившейся крышей. Её воздвигли задолго до появления первых пятиэтажек. Теперь заросший двор среди мрачных панельных домов, выстроившихся как под линейку, стал полем битвы для двух, а может и для трёх, художников, рисующих не на холстах, но на самом городе – повсюду, где сохнет краска. Надпись сегодня: «Да кто ты такой, чтобы бросить мне вызов?» и человек с огромным глазом вместо головы. Завтра она исчезнет. Так бывает всегда: что-то появляется и его тут же закрашивают белилами, чтобы поверх него нарисовать что-нибудь новое. Есть, вроде бы, дорогая краска, которую ничем не закрасишь. Но даже если настенные гладиаторы подозревают о её существовании – им всё равно нравится бросать друг другу вызов.

Я прохожу здесь каждый день и могу вести подробную хронику этой схватки – что я и делаю, фотографируя каждый день эту стену на телефон. Каждый день я снимаю на камеру одно и то же место – и каждый раз получаю совер-

шенно разные снимки. Эта борьба вечна и победит лишь тот, у кого окажется больше наглости и ослиного упорства. Эти ребята, с которыми я даже не знаком – так напоминают мне две части меня самого. Я наблюдаю за их борьбой, будто она ведётся вовсе не за стену. Но за что?

Для многих людей своего времени я показался бы странным. Но я и не стремлюсь к одобрению пенсионеров, безработных и бездомных. Я был одним из тех, кто вдруг остановится посреди улицы и будет стоять там час, глядя в пустоту – зрелище не для слаонервных.

Я выхожу к набережной магистрали; иду и думаю: а ведь я так и не стал королём или президентом. Зато род моих занятий намного ближе к природе человеческой души, чем политика.

– Катай, – доносится голос за моей спиной, назвавший меня по имени, – ты как?

Я не оборачиваюсь. Достаяю пакет из внутреннего кармана и держу его в рукаве. Хозяин голоса подходит ко мне сзади и обнимает меня. Тем временем, я ловко и незаметно кладу пакет ему в карман. Затем, он разворачивается и уходит. Он знает меня, а мне его знать совершенно необязательно. Скоро я понимаю, что мне тоже пора двигаться дальше.

Всё это представление – вовсе необязательно. На улице и так никого нет. Но, как и любой ритуал – я уважаю и чту его. Другие, подобные мне торговцы – редко соблюдают такие мелкие формальности. Много раз я сам видел, как пря-

мо на трамвайных путях или за деревьями в скверах, или за гаражами, два человека просто обменивались пакетами, у всех случайных прохожих на виду. Их совсем не волнуют ни традиции, ни самая элементарная предосторожность. Потому-то они и дилетанты, а я – один из тех, кого можно назвать профессионалами.

Торговцев встретить можно в каждом районе, чуть ли не в каждом дворе. Эти люди стоят часами на одном месте или ходя из стороны в сторону, глядя в себе под ноги. Кому надо – тот знает, что эти сомнительные личности не бездельничают, а торгуют. Кому надо – тот знает, чем. Таких людей вычислить нетрудно. Они хотят, чтобы их поскорей узнали. Они продают дёшево, но дороже, чем их товар действительно стоит. Я не продаю помой. Только самое лучшее – это девиз моего бизнеса. Простых торговцев знают все, кому не лень. Меня – знают лишь те, кому я действительно нужен. Я не терплю неудачников, не прощаю измен и не знаю пощады.

Долгие годы изучения мировой литературы не прошли мимо и пошли мне на пользу. Познания в этой области полезны для всех сфер, которые затрагивает моя профессия: экономика, финансы, маркетинг; групповая психология, философия, риторика, технология. Я знаю всё, что может мне пригодиться; а полезным оказаться может всё, что угодно. Те, кто знают меня – боятся моей власти; но у меня хватает мудрости держаться подальше от всех своих знакомых коллег. Хотя, мне стоит всего один раз оступиться, как меня со-

жрут с потрохами и приберут к рукам мои позиции на рынке. Но ждать им придётся очень долго – возможно, даже дольше, чем длится человеческая жизнь.

У кого хватает на это смелости, задаются вопрос: почему я добровольно избрал профессию, в которую идут, чаще всего, из-за того, что не остаётся другого выхода? Они удивляются, но вслух не спрашивают – боятся. Но я знаю: у моей профессии – есть будущее. Конечно, многие не хотели бы, чтобы это будущее у неё было. Мне бы тоже этого не хотелось, если бы я стоял по другую линию фронта. Я просто шагаю нога в ногу со временем, не пытаясь ни ускорить его, ни остановить. Ведь сколько раз мне уже приходилось наблюдать, как даже самым стойким оно переламывало ноги за то, что те двигались слишком быстро или слишком медленно. Я же – всё ещё жив, не смотря ни на что.

И своё мрачное незатейливое существование – я привык считать за жизнь.

После выполнения заказа я стал бродить по проспектам – сворачивал в сторону переулков и бульваров. Сколько бы я ни сменил переходов, нигде в этом городе мне не удастся найти себя. Пока что, мне это и не было нужно. У меня оставалась ещё парочка невыполненных дел.

Я дошел до самого бульвара Шевченка и затаился в одном из его дворов. Оглядевшись по сторонам, я убедился: ни единого взгляда в мою сторону. Зато оба моих глаза уже выловили нужного мне человека в толпе. Я прибыл как раз во-

время, чтобы застать того врасплох. И ему – уже не скрыться.

Я пошел за ним следом. Он бредёт себе расслабленно, прогуливает ноги и ещё не знает, что ждёт его впереди. Когда настал нужный момент, и мы зашли в безымянный пустой переулок, я быстро и решительно подхожу к нему сзади, обездвигиваю, подавляя всякое сопротивление. Он, наконец, понял, что с ним произошло. Тогда, я даю ему напоследок глотнуть воздуха и тащу в сторону заброшенного здания в ближайшем дворе. Всё проходит идеально – даже лучше, чем я мог ожидать. Сообразив, что его ждёт, он снова предпринял попытку отчаянного сопротивления, но моя жертва оказалась уже не в тех условиях, где её сила чего-либо стоила.

Несколько раз сплюнув кровью, он смирился, наконец, с тем, что живым ему отсюда уже не уйти. Мне интересно послушать, какими будут его последние слова:

– Если даже я умру, – произносит он со сдерживаемой звериной яростью, – мои ребята до самой твоей смерти не дадут тебе покоя.

– Ты получишь то, что заслужил. Отныне у тебя нет ни ребят, ни положения.

Я ударил его ещё несколько раз.

– Надеюсь, теперь ты понимаешь, в чьих руках сила. Теперь в этом городе всё будет по-другому. Если ты желаешь пустить всю свою банду в расход – можешь приводить их ко мне. Я не терплю мятеж. Дань с твоего района увеличивает-

ся вдвое. Если вздумаешь ещё раз устроить подобное – я не просто ворвусь в твой район – я приду к тебе в дом. Ты нигде и никогда не сможешь скрыться от меня. Я контролирую всё. И ты – одна из моих кукол.

Я говорю всё это, пока он жадно глотая воздух с кровью. Он пытается смотреть на меня, но видит лишь темноту.

– Дань собирать будет мой приемник. А ты – даже не пытайся меня выследить. Твои друзья – больше тебя не спасут. А если попробуешь – все демоны ада ополчатся против тебя.

Теперь, он боится меня больше смерти, потому что я дал ему почувствовать, что значит быть мёртвым и жалким.

Главное не сломать человека; главное – задавить, проделать дыру в его сознании и пустить в неё своего паразита. Тогда он будет моим, пока смерть не освободит его.

Я отпустил его и быстро скрылся, покинув этот район – надеюсь, навсегда. Уже давно меня преследовала тоска – от неё мне не скрыться. Казалось, что уже вечер, но взглянув на часы, я обнаружил, что ещё нет и часу дня. Делать было нечего – и я отправился на поиски новых жертв и новых клиентов. Я передвигался по городу дерзко и властно – будто хозяин, прогуливающийся по своим владениям. Я быстро сообразил, что ничего больше сегодня у меня не выйдет; и что я могу лишь бродить по бесчисленным улицам безо всякой цели и смысла.

В такие минуты, сам не знаю почему, я вспоминаю о смерти. В последний момент я решил сменить маршрут и напра-

вился не через мост, а в единственное место, где мог отдохнуть человек, которому уже давно стало наплевать и на мир, и на его будущее.

Кофейня «Утомлённое Солнце» – будто всегда была со мной; и я каждый раз возвращался туда с мыслями о том, что делаю это не зря.

– А, ты снова здесь, – такими словами встретил меня хозяин, сидевший в кофейне один, без единого посетителя, – ну, тогда, проходи.

И я сделал это – в сотый, если не в тысячный раз после того, как узнал о существовании этого волшебного места.

Здесь: всегда царит хорошее настроение – как раз то, чего мне так не хватало в последние несколько месяцев.

В кофейне «Утомлённое Солнце» не подают алкоголь. Но для хороших гостей у хозяина, под барной стойкой, всегда припасена початая бутылка рома. Наливая мне его в чашечку из-под эспрессо, он спрашивает:

– И что на этот раз произошло?

Догадливый. Знает, что я редко являюсь поболтать с ним не о чём и всегда прихожу, когда больше некуда идти.

– Я живу в чёрно-белом мире. Это странно, особенно в последнее время, когда повсюду так много цветных картинок и фильмов. Даже музыка становится цветной. А я на этом празднике – дальтоник. Не знаю почему, но мне кажется, что когда фильмы были чёрно-белыми, в этом мире было больше красок.

Я кладу маленький пакетик на стол, и он методично прячет его в укромный уголок. Всегда, когда я прихожу, я не жалею для своего друга самого лучшего.

– Не знаю – не могу этого знать. Я родился уже в начале нашего тысячелетия. А ты не кажешься мне настолько старым, чтобы ностальгировать о временах столетней давности. Это – если ты настроен говорить буквально; а если условно – то я скажу тебе лишь то, что всегда говорю тем, кто приходит мне с подобными новостями: нет лекарства от болезни, которую можно вылечить счастьем.

– Таким как я – не дано его познать. Налей-ка мне ещё. Вся проблема, конечно же, не в эпохе; но в людях, которые меня окружают.

Он снова налил мне ещё.

– Значит – пей, пока не поймёшь точно, что должен сделать. Редко люди сами понимают, чего они хотят, пока не осушат достаточное количество чашек.

Он подмигнул:

– Пока посетителей нет; и не предвидится в ближайшее время – это нормально для этого времени суток в этот день недели. Но если хоть один заблудившийся клерк зайдёт сюда, чтобы выпить одну чашку эспрессо – я сразу уберу ром и забуду о твоём существовании. Ты сам должен забыть о том, что сейчас в твоей чашке. У меня идеальная репутация – мне пришлось строить её долго; и я редко позволяю себе отдохнуть прямо в разгар рабочего дня. Так что, в случае чего –

ничего личного, только бизнес.

– Уж мне ли не понимать, что значит «только бизнес». Хотя, репутация у тебя не такая уж и идеальная, лжец ты несчастный. Иначе, у тебя бы не было этой бутылки под стойкой и я не сидел бы здесь; и налоговая инспекция не оставляла бы тебя в покое. А так – смотри, как хорошо устроился. Мне часто бывает завидно твоему образу жизни. Иногда, мне кажется, что много лет назад я должен был заняться совсем иным бизнесом. Ну, а пока, я сижу здесь; бутылка рома – тоже.

– Ладно, – засмеялся он, – ты меня расколочил. Моя репутация – почти идеальна с маленькими нюансами.

Он – такой настоящий и такой человечный. Такой, каким всю свою долгую жизнь мечтал стать я; но не мог, потому что всё время скрывался и прятался. Видимо, для некоторых дел вечности – недостаточно.

Тем временем, как я просто сидел и радовался тому, что нахожусь здесь, в дверях кофейни неожиданно возникла гостья. Я и не заметил, как бутылка рома волшебным образом исчезла со стола.

– Ох, – прошипел он, – у нас посетитель. О чём я тебе говорил?

– Посетительница.

Но он даже не обратил на меня внимания. Женщины, что ли, делают это с ним?!

– Здравствуйте! Присаживайтесь.

Она подошла к самой барной стойке, хоть и в её распоряжении был весь зал; и заказала лонг-блэк. Я упорно делал вид, что её не замечаю, скрывшись за широким воротником. Мой взгляд был прикован к стакану воды. Я краем глаза я всё равно вижу, что она поглядывает в мою сторону. Тем временем, хозяин заведения ставит перед своей гостьей чашку с нависающим над ней лёгким дымком.

– Пожалуйста.

И оставляет нас одних, скрывшись где-то под бездонной барной стойкой – что только там не помещается: от бутылки рома до самого бармена. По крайней мере, в моих глазах это выглядело именно так. Я стараюсь ни о чём не думать и просто замер на месте. Девушка делает первый глоток своего кофе, оглядывается на меня и затем со смачным звоном стучает чашкой о блюдце. Я чуть не падаю со стула, едва сохраняя равновесие – чувство собственного достоинства в её глазах мне всё равно уже не сохранить.

Из своей ямы выныривает хозяин заведения с такими глазами, будто гостя перебила ему всю посуду. Но ничего подобного. Удар получился громким, но за пределы чашки вылетело всего несколько капель; а на самой посуде – ни трещинки.

– Достаточно уже всего этого! – произносит она.

Мой друг по-прежнему смотрел на него. Никогда я ещё не видел столько растерянности и удивления на его лице – да и вообще на чьей-либо физиономии.

– Какой, по-вашему, вкус у этого кофе?

– Да... самый обыкновенный лонг-блэк, как вы и заказывали: Двойной эспрессо с небольшим количеством горячей воды.

– Вот именно, что он обычный. А кофе – не должен быть таким. Теперь понятно, почему в вашей кофейне в такое время суток столько людей, – она кивнула в сторону пустого зала.

– Так сейчас же рабочее время.

– Вы знаете, сколько фрилансеров в это ваше «рабочее время» находятся в кофейнях?! Но не в вашей. Потому что кофе у вас стандартный – хороший, но слишком обычный. А кофе – должен быть как лучшая литература, как говорящие картины, как живая музыка.

Я упёрся щекой в кулак и улыбнулся, глядя, как эта сумасшедшая утирает нос хозяину кофейни. Она встаёт со своего места и произносит:

– Как один из видов искусства, кофе – должен либо вызывать у людей смех, либо заставлять плакать. Кофе – выражает чувства. Попробуйте-ка свой лонг-блэк – что он вам напоминает?

Мой друг нерешительно взял в руки чашку и сделал из неё глоток под пристальным наблюдением гостыи.

– Это... зёрна Кении, которые мы заказали вчера. Кофе свежий, идеально обжаренный. Я, лично, чувствую бодрость. Ни улыбаться, ни плакать мне пока не хочется. Но у

меня после него появляется настроение работать. Если говорить вашими словами, то это – кофе вдохновения.

– Вот видите – никакой это не обычный кофе. Вы вдохновились, а мне от него – хочется танцевать.

И действительно несколько раз покружилась и подпрыгнула. Давно мне не приходилось видеть таких чудес. Её одежда была яркой, глаза горели огнём, а мебель в кофейне вдруг тоже стала разноцветной и я, наконец, понял, в какие цвета разукрашено всё вокруг. Картина перед моими глазами из чёрно-белой перешла в невиданно светлую, будто на чистый лист кто-то пролил три тонны красок.

– Таким и должен быть кофе. Не благодарите.

Хозяин кофейни заплодировал. Эта гостья хорошенько его развлекла. Но со мной он сделало нечто большее.

Всё это время я внимательно следил за ней. Что и говорить: ей – удалось меня поразить. Что касается меня, то я – почти достиг предела отчаяния, откуда выбраться будет невообразимо трудно. Но, кажется, я нашел свой свет посреди всей это бездонной пропасти.

К сожалению, она быстро утратила свой огонь. Допила кофе, почти не выговорив ни слова. Расплатилась и быстро зашагала к выходу, даже не взглянув на меня напоследок и не дав мне ни единого шанса завязать с ней разговор. И тогда я бросил к чертям свой стакан и хозяина кофейни; меня волновало лишь одно – как можно скорее догнать её. Я уже много десятков лет топчу эти улицы и ломаю жизни людям на

них. Но теперь, меня захватило чувство, будто всё стало совершенно иным.

– Подождите, – крикнул я ей уже за пределами кофейни; она повернулась ко мне, и я смог более тщательно разглядеть черты её лица, – вы так быстро ушли – даже не дали мне шанса сказать ни слова.

– А вам есть, что сказать?

Мне всегда есть, что сказать; но только не сейчас.

– Ну, – торопит она, – чего вы от меня хотели?

А я по-прежнему в ступоре и не могу выдать из себя ни слова.

– Может, хотите выпить чего-нибудь покрепче кофе? – слышу я, наконец, собственный голос.

Она пристально смотрит на меня стеклянными глазами. А я уже знаю, что не смогу больше добавить ни слова. В лучшем случае, я буду только слушать – даже если она всё время будет молчать.

Стоя под покосившимися столбами, под крышами серых домов – я годами выслеживал сотни и тысячи жертв: кто был рад мне, а кто боялся – но всех ждал один печальный конец. Вначале своего пути мне было совершенно безразличны судьбы тех, кто всё равно обречён на смерть, так ничего в своей жизни и не достигнув – это был период моей античности. В середине: я боролся за спасение заблудших душ, неожиданно для самого себя, открыв важность всех происходящих в мире событий – от мелких и рутинных до гло-

бальных; я открыл взаимосвязь всех предметов в природе – это был мой ренессанс. Но мне в последнее время кажется, что вот уже больше ста лет, как я вернулся в прежнее средневековье, размазав ногой об асфальт всё то доброе и хорошее, что я знал о человечестве. Но двигаясь по кругу, преодолевая его градус за градусом, мы неизменно переживаем свои жизни и свои истории заново, отправляясь в забытое путешествие из раза в раз.

Я ждал. Мне не терпелось вновь встретить возрождение таким, каким я его запомнил – прекрасным; без сожаления о прожитых годах и веках. И, кажется, я уже знаю, какой меня ждёт к нему путь.

События завернули нас в свой вихрь – и из него нам уже так просто не выбраться.

Но расскажу обо всём по порядку: я всё-таки нашел слова, чтобы убедить её прогуляться со мной в парке, сразу после того как понял, что ничего крепче кофе она пить не намерена.

Два человека идут вместе по парку. Как часто мне приходится наблюдать эту сцену. И как редко доводится в ней участвовать. Удовольствия от самого парка мало. Всё, скорее, должно заключаться в том, кто рядом в этот момент. Но и здесь не всё оказалось так гладко.

С самого начала нашего разговора мне хотелось спать. Я отчаянно пытался сопротивляться навалившемуся на меня чувству, но оказался бессильным перед самим собой. Все её

слова – усыпляли и тело, и разум; а мои ответы – только подливали масло в огонь. Она разоблачила меня, когда я из последних сил имитировал бодрость.

– Ты что, делаешь вид, будто стараешься не заснуть?!

– Я плохо сплю. Ничего не могу с собой поделать.

На самом деле, каждую ночь я гладко отсыпаю по восемь часов. Я пытался подкинуть нам тему для разговора, но всё выходило слишком банальным и скучным, от чего мне ещё больше хотелось спать. Спасти нас, а в особенности, меня – могло только чудо. И в самый подходящий момент, произошло то, чего мирные граждане опасаются больше всего.

Он набросился на нас, когда я уже валялся на землю от усталости и чувства, что на каждом шагу к моей ноге привязывают по гире. Но его нападение – вернуло меня к жизни. Наш разговор с моей спутницей шел уже два часа – и всё это время каждое своё слово я выговаривал с закрытыми глазами. Теперь, случай заставил меня раскрыть их.

Он был пьян от своей глупости, но сражался неплохо. С виду он показался мне самым обычным прохожим – что ещё можно сказать о том, кто просто идёт мимо. Но внезапно, он набросился на нас: успел сбить меня с ног и схватить, впрочем, не очень дорогую сумочку моей спутницы. Стоило ради этой мелочи так напрягаться и так рисковать?!

Всё ещё лёжа на земле, я засмеялся. Как бы быстро не бежала эта мечта психбольницы – пулю ему всё равно не перегнать. У него был шанс скрыться в зарослях деревьев – то-

гда мне было его уже не поймать. Но он упустил свой шанс. Неужели я настолько безвестен в собственном городе, что на меня может напасть любой одинокий окурок с дороги?! Тем не менее, как бы мне не было его жаль – я не мог поступить иначе. Бег бедняги оборвал выстрел. В меня же – вернулся дух борьбы. А вот моя спутница, не смотря на её силу, кажется, чуть не лишилась сознания. Она закричала – может, её даже кто-нибудь, да услышал. Если бы хоть половина её слов за эти два часа была правдой – то такая обычная вещь, как пистолетный выстрел – никак не мог довести её до подобного состояния. Значит, дело было не в пистолете; и не в том, что она говорила неправду. Но разбираться в этом – у меня не было времени.

Я подбежал к своей жертве и обнаружил, что тот всё ещё дышит – сложно прицелиться, когда кругом одни деревья. Я взял у него сумку из рук и сказал:

– Расскажешь кому – тебе это цветочками покажется, если после этого от тебя хоть что-то останется.

По-прежнему держа руку на кровоточащей ране на ноге и крепко сжимая зубы, он закивал. А затем закричал, от боли пуская слёзы и сопли. Он запомнит это на всю жизнь.

Я развернулся, чтобы вернуться к своей спутнице, заранее подготавливая у себя в голове сценарий нашего дальнейшего с ней разговора. Конечно же, мы не будем вести себя так, будто ничего не произошло. Наоборот: мы с ней запомним этот инцидент надолго – будем обсуждать его, разглядывать

со всех сторон, так и сяк вертеть его из стороны в сторону.

Я делал шаг за шагом из зарослей, заранее предчувствуя грядущее, но не мог в него поверить. Уголки моих губ застыли – глаза впитывали каждый пиксель пронесившихся мимо меня кадров.

Моя спутница была фотографом по призванию – почти всё время, она говорила только об этом. Её родной город был настолько маленьким и глухим, что любая фотография, сделанная в нём – запросто могла попасть на выставку «Смерть среди руин» – и всё равно считался городом. Она ненавидела то место, где ей так не повезло родиться. Впрочем, ей не повезло не больше каждого второго жителя этой страны. Она воспользовалась первым удачным случаем сбежать оттуда навсегда – свадьба, а затем развод. Она сохраняла равновесие в собственной жизни, черпая силы для своих достижений внутри самой себя.

Итак, ядвигаюсь к месту, где её оставил. Я уже готовлю планы на вечер, к которому верно движется солнце. Я возвращаюсь на то самое место – с её сумочкой в руках и застывшей от ужаса улыбкой на лице. В уме я приготовил уже несколько фраз, с которыми я верну ей пропажу – вот только мне так и не придётся произнести их. Оглядевшись вокруг я понял: она исчезла.

Пожар Первый

На двадцатый день мы покончили ещё с двадцатью бывшими членами службы безопасности. Им тогда же предъявили обвинения в предательстве против народа Марса и зачитали приговор. В тот же день их казнили. Эти – были последними. Было время, когда они ловили и расстреливали нас. Мы научились многому за эти долгие годы; теперь, от наших учителей не осталось и следа. На любой другой казни я предпочёл бы выйти в соседнюю комнату. Но сейчас, мне захотелось увидеть своими глазами гибель последних представителей старого режима.

Всё происходило в старых добрых традициях, описанных подробно ещё в древних книгах. Виновников торжества вывели к стене из красного кирпича; каждый был наряжен в свою рабочую униформу и мешок, за которым они скрывали свои лица. Глаза их не увидели последних лучей далёкого солнца. Вместо этого, из тьмы своего мешка они сразу окунулись в черноту смерти и вечного забвения. Раньше, для исполнения смертного приговора специально выводили солдат из гарнизона. Теперь, как и всё в этом мире, процесс происходит автоматически – с помощью автомата с десятью стволами, чем-то напоминающим трубы органа. Раздаются выстрелы – чистая работа. Убрыв трупы, можно расходиться по домам. Уборщица смывает кровь со стен и пола в пять

часов вечера.

Двадцать дней прошло с тех пор, как толпа повстанцев ворвалась во дворец Наместника, пока тот спал. Не успел он ещё продрать глаза и понять, что происходит вокруг, как ему был зачитан смертный приговор. Большая часть агентов из службы безопасности, а также полицейские гарнизоны – всё же предпочли присоединиться к числу революционеров. Несколько генералов неделю держали оборону в крепости, взятие которой отныне считается национальным праздником. Тогда, мы начали вылавливать чудом уцелевших преступников по разным местам и закоулкам, где они надеялись залечь на дно и избежать расплаты за свои злодеяния. Их поимка была лишь вопросом времени. Марс отныне был свободен. Не отдельные города или отдалённые регионы, куда просто не дотягивалась железная рука Наместника – а вся планета целиком, теперь объединившаяся под собственным флагом и своим правительством, конституцией и национальностью – марсиане. Наше законодательство, разумеется, в условиях войны было слегка варварским. Но теперь, когда с последними представителями старого режима было покончено – мы можем исправить многие свои недочёты в конституции. На двадцать первый день после свержения Наместника будет принят закон, запрещающий смертную казнь; а вместе с ним ещё многие, которые утвердят нас как демократическую республику.

К дворцу я шел медленно и нерешительно. Хоть я всем

сердцем ненавидел агентов службы безопасности – я совсем не был рад их гибели. Долг обязывал меня сообщить об успешном выполнении задания временно исполняющему обязанности премьер-министра, в прошлом лидера национально-освободительного движения, Марку. Во многом мы расходились во мнениях; но он позволил мне взять на себя пост министра обороны Марса. Я был новым главным полицейским; если угодно, цербером на цепи своего хозяина. Марк преследовал высокие идеалы и все считали его прирождённым лидером. Но он – человек войны. А если Марс действительно стремится к чему-то, то ему нужна не война, а мир.

Я вошел в бывший кабинет Наместника, новым хозяином которого был высокий тощий человек с бледным лицом и острым взглядом, пережившим за свою короткую жизнь всё, что только может пережить человек. Он был нищим из трущоб, а я главным библиотекарем Марса. Он был так молод, а я невообразимо стар. Мы не могли понять друг друга. Но нас связывал общая цель и любовь к планете, которую мы называли своим домом. Из этого и выросла наша дружба. Но подобные союзы редко бывают прочными.

Марк улыбнулся мне так, словно вместо губ у него было два кинжала и протянул мне обмякшую руку. Я доложил ему, что задание выполнено успешно. Как можно скорее нужно принять законы, запрещающие варварство над людьми – это была главная цель всего нашего движения. Те-

перь, у нас был шанс воплотить свою мечту в жизнь. Марк кивнул и сказал:

– Я подпишу все бумаги.

И неожиданно добавил:

– Но не все старорежимники отправились на тот свет. Одного я приказал оставить в живых – тебе это может не понравится.

– Ты знаешь – я всегда был против грубого насилия, даже когда оно направленно на наше освобождение. Я буду только рад, если кто-нибудь из бывших полицейских осознает, что ему больше не за что сражаться и примет нашу сторону.

– Конечно, были и такие. Но я говорю не про рядового полиция. Я имел в виду одного из генералов внутренних войск. Ты, пока, присядь. Нам есть о чём с тобой поговорить. Все трудности для нас и нашего народа – ещё впереди. И только вместе мы сможем их решить. Поэтому, мы должны доверять решениям друг друга. Даже старые враги могут стать ценными друзьями, если их объединяет общая цель

Я сел, но сразу сказал ему, что не понимаю, что он имеет в виду, говоря о врагах.

– А что мне тебе рассказывать?! Лучше показать один раз, чем час без толку болтать. Ты, главное, не нервничай. Скоро, он придёт.

Зря, ох зря же он всё это затеял. Мне и прежде доводилось сомневаться в рассудительности Марка и его способности принимать верные решения; но все его действия, в итоге,

привели нас к победе. Он был самым талантливым из нас. Когда в наших рядах возник вопрос, кому быть лидером: мне или ему – я без колебаний уступил ему это место. Мы верили: он один сможет выиграть надвигающуюся на нас войну. Однако оказалось, что он готов пойти на сделку с самим дьяволом ради этой победы.

Не думал, что мне снова придётся встретить своего врага. Тот, кого называли «Хозяином Преисподней», вошел в кабинет четверть часа спустя, в наручниках и в сопровождении двух солдат. На какой-то миг я лишился рассудка – такое иногда происходит с людьми моего возраста. Я смог прийти в себя лишь в последний момент, когда дуло моего пистолета смотрело прямо в лицо врагу, а курок только и ждал приказа отправить того в самое сердце ада.

– Ты!

– Генерал Томазо Торкеда, – выкрикнул Марк со своего кресла имя, известное каждой собаке на Марсе.

– Можно просто Томаз. Звания генерала, видимо, меня уже лишили, – улыбнулся он.

Говорили, что он ест людей и пьёт не воду, а человеческую кровь. За тридцать лет его карьеры по его инициативе погибло больше людей, чем вмещала в себе столица. Каждого седьмого жителя нашей планеты он проклял своим вниманием. В худшие из времён, на каждом углу стояли люди, одержимые смертью и верные своему хозяину, занимавшиеся тем, что ловили бандитов и преступников и отправляли

их на расстрел. Обвинить они могли кого угодно. Даже Наместник – просто дурак, который не сознавал, что творит; Торкеда же – был истинным ангелом смерти и террора. Мало кто видел его в те времена. Но ещё меньше было тех, кто не желал его смерти. И вот, оказывается, за все свои преступления он не получит ничего, кроме прощения.

– Что вы, конечно же, вы по-прежнему генерал. Прошу прощения за некоторые неудобства вашего содержания – но ведь вы сами понимаете необходимость этих мер.

– Можете не сомневаться, господин премьер-министр. Я так же знаю, что вы многим рискуете, оставляя меня в живых после всего; и я очень ценю ваши усилия.

– Кто-нибудь объяснит, наконец, что здесь происходит?! – не выдержал я.

Я развернулся в сторону Марка.

– Как ты можешь оставить этого палача в живых?! Он – последний, кто заслуживает такой милости. И уж тем более не стоило приводить его во дворец.

– Я говорил, что ситуация, в которой мы оказались, довольно сложна. Я прошу тебя, дружище, успокойся и позволь нам всё объяснить. В конечном счёте, это не гостеприимно.

– С каких это пор массовые убийцы стали почётными гостями в твоём кабинете, Марк?! Что бы ты ни говорил: каждая лишняя минута его жизни – преступление против человечности.

Я всё ещё не мог поверить своим глазам.

– Неужели, ты предал нас... И ты решил сообщить об этом мне?! И все те тысячи, десятки тысяч жизней, которые наши братья отдали за свободу, были напрасными?! Ради кого ты пошел на это?

– Не забывайте, товарищ, – перейдя на серьёзный тон, покачал головой Марк, – я всегда был предан Марсу и ни на секунду не забывал о той цене, которую заплатил наш народ, чтобы дожить до сегодняшнего великого дня. А ты – многого не знаешь. И я хочу это исправить; надеюсь, ты сможешь понять. Поэтому, я сделаю вид, будто не слышал всех брошенных тобой необдуманных заявлений. Ты один из самых старых представителей нашего движения – но ты сильно торопишься и забываешь о последствиях. Генерал Томаз, не могли бы вы объяснить министру обороны, как обстоят дела на сегодняшний день и пересказать ему наш недавний разговор.

– С удовольствием, господин председатель.

– Вы кончайте свои игры, – едва не закричал я, – это не детские игры. Вы превращаете политику в театр.

– Я понимаю, почему у вас, да и у всех, кого я встречал, столько ненависти и презрения ко мне. Но ведь вам и самому известно, что когда я пришел к власти, колонии Марса переживали самые тяжёлые времена в своей истории. Наше население увеличилось на два миллиона человек беженцами с Земли, когда всего за месяц произошло три аварии на крупнейших шахтах планеты. Марсианский банк чуть не лопнул,

а крупные города впервые ощутили на себе угрозу надвигающегося голода. Кредит в двадцать миллиардов марсианских долларов с Земли спас нас от катастрофы. Но в это же время марсианскую корпорацию потрясла серия терактов, нанесших ей крупный урон. Я знаю, что правительство корпорации было далеко от гуманности и редко соблюдало договорённости с профсоюзами; но Наместник требовал от меня восстановления порядка. И я не мог не подчиниться, как бы сильно мне самому не нравились методы борьбы.

– Лучше умереть, чем принести столько страданий собственному народу.

– Согласен. Вы ведь тоже родились на Марсе?

Я кивнул.

– Я был на Земле дважды. И могу отметить существенное отличие между нашими цивилизациями. Марсиане любят свою планету, когда она всё ещё находится на первой стадии развития на ней экосистемы. Мы жизнь готовы отдать ради блага для наших городов и нашего мира; но что важнее – мы готовы смиренно жить и терпеть тягости своего быта и долга ради светлого будущего. И я, как марсианин, тоже хочу принести пользу для своей планеты. Раньше, я думал, что достичь процветания нам мешают те, кого мы называли «террористами». Но я вижу, что нашими настоящими врагами всё это время были терраны.

Он скривился, произнося грубое название землян.

– Они знают, что богатства Марса неисчислимы. С тех

пор, как была открыта первая шахта – города Марса стали богаче многих городов на Terre. Если верить нашим эколо-гам, то через сто лет по земному календарю наша планета, на всей её территории, будет, подобно Земле, пригодна для жизни. Мы уже выращиваем еды столько, что снабжаем ею многие земные государства. Мы сильны. И терраны боятся нас. Поэтому, они сделают всё, чтобы не дать нам той свобо-ды, за которую мы боремся. Я совершил много ошибок; мне казалось, что только благодаря Terre Марс может выжить. Но теперь я точно вижу: мы сами хозяева на своей планете. Терраны будут сражаться за неё; но мы победим. И я сделаю всё для этого. Я хочу исправить свои ошибки.

– Почему же ты не сделал этого раньше? За столько лет?!

– Истинная сущность вещей открылась мне слишком поздно.

– Когда задница загорелась?!

– Нет. Раньше. Почему, как вы думаете, полиция не дала отпор вашему движению, когда ваши товарищи ворвались во дворец и свергли Наместника?!

– Они были обезглавлены. Им не за что было сражаться.

– Вовсе нет. После Наместника по иерархии стою я. Я мог заявить о своих правах на эту должность. Меня поддержали бы десятки тысяч полицейских – вооружённых до зубов. Это было бы нелегко, но подавить бунт, мне кажется, я сумел бы за несколько месяцев. Сотни тысяч погибли бы. Но я этого не сделал. Я не отдал ни единого приказа своим людям. И

те сами перешли в ваши ряды. Мне кажется, это уже существенное доказательство моей верности свободному марсианскому государству. Если вы так не думаете: прошу вас, испытайте меня. Вы убедитесь сами: я презираю Землю и служу одному только Марсу. Я стар; больше ничего, кроме долга, меня не держит на этой земле.

Он опустил голову и прикрыл глаза.

– Мы с господином премьер-министром обсудили план моей реабилитации. Некоторое время факт моего существования мы будем держать в тайне, чтобы не возникало недоумений, связанных с моим тёмным прошлым и дурной славой. Но я нужен вам – иначе, всё это не имело бы никакого смысла. Я талантливый командир и хорошо знаю терранов, как и их методы ведения войны. Нам понадобятся все силы и таланты, чтобы победить врага.

– Вы имеете в виду терранов?! Разве угроза со стороны Земли столь высока, что есть смысл готовиться к полномасштабной войне?

– Подумайте сами: половина земной экономики держится на том факте, что Марс – это мусорная свалка и огромный пищевой и промышленный завод Терры. Если мы станем независимы от марсианской корпорации – то они потеряют десятки триллионов вложенных в нас своих долларов. Экономика Земли рухнет и им придётся долго справляться с этим кризисом. То, что нас разделяют миллионы километров – не остановит их. Они сделают всё, чтобы снова поса-

дить нас на цепь. А мы – ни за что не дадим и пяди забрать нашей земли.

– А что если ты нас предашь? Марк, тебе самому не могла прийти в голову эта мысль, когда ты вербовал в свои ряды того, кто тысячи наших камрадов угостил свинцом в подвалах службы безопасности, откуда до сих пор не выветрился запах трупов?! Томаз, ты правда думал, что я тебе поверю?! Что я позволю обвести себя вокруг пальца?! Со мной этот фокус так легко не пройдёт. Ты ведь знаешь, Марк, что я по запаху чую человека, который что-то затевает. Моё чутьё не раз спасало нам жизнь. Неужели, ему и тебя удалось обдурить?

– Успокойся, дружище; и просто скажи: как долго мы друг друга знаем? Лет двадцать, не меньше. Я тогда был совсем ещё мальчишкой. Сначала, я был твоим учеником; а затем настали времена, когда мы поменялись ролями. Мы выручали друг друга из разных передряг. Не смотря на свою связь с национально-освободительным движением, тебе удалось сохранить пост директора марсианской библиотеки до самых последних дней существования колониального доминиона. Ты был лучшим из нас. И сколько я тебя помню, ты никогда не подводил меня; а я – ни разу не подвёл тебя. И теперь, я просто прошу тебя: Томаз – лучший стратег, которого когда-либо знал Марс. Его опыт – незаменим. Если он встанет на нашу сторону – мы дадим землянам прикурить.

– А если нет? Ты сам понимаешь, что мы рискуем всем. Можешь ничего не говорить и не объяснять. Я никогда не

приму его за своего брата по оружию. И если он и дальше будет стоять здесь и смотреть на меня своей идиотской ухмылкой – то клянусь Фобосом и Демосом – я пристрелю его немедленно.

– Томаз, ты слышал слова министра обороны? Не мог бы ты ненадолго оставить нас наедине?

– Да, я с радостью приступлю к своей работе. Я благодарю вас, премьер-министр, за доверие. А вам, министр, я хочу выразить надежду, что вы ещё убедитесь в моей преданности родине. У меня нет дел с врагами моей родной планеты. Я, как и вы, тоже хочу увидеть её свободной.

– Поэтому ты столько лет удерживал её в кандалах?! С глаз моих вон.

И он действительно ушел. За ним последовали и двое солдат, которые напоминали скорее не надзирателей, а телохранителей.

– Может, объяснишь, наконец: что за чертовщина происходит в этом дворце?!

– Пусть Томаз тебя не беспокоит. Не думай, что я как последний идиот ему полностью доверяю. Такого зверя я никогда не выпустил бы из клетки без страховки. Я позволил ему жить – я им и займусь. После всего, что ты наговорил, было бы логично, если бы ты спросил: зачем мне так рисковать? Я позволю себе ответить вопросом на вопрос: какое самое большое преимущество терранов над нами?

– Нас мало.

Он кивнул.

– В некоторых особо больших городах на Земле людей живёт больше, чем на всём Марсе. Но нам удалось, спустя столько лет, утереть им нос. Пока что, счёт один-ноль в нашу пользу. Но люди там, – он указал пальцем в небо, – не из тех, кто пасует даже не попробовав отыграться по-крупному. В их руках неисчерпаемые средства. И они в любой момент могут обратить их против нас. В самом худшем случае, нам не просто придётся сражаться – нам придётся вести войну долгую и кровавую. Учитывая наши людские запасы – выбрасывать такие крупные карты как генерал Томаз Торкеда было бы непростительной глупостью. Наши товарищи избрали премьер-министром меня; ты проголосовал за меня. И я не могу подвести вас, какие бы опасные решения мне ни пришлось бы принимать в этом кабинете, который отныне будет символом не нашего рабства, а нашей борьбы за самое большое государство, которое только знало человечество – за Марсианскую республику, единую и независимую.

– Отличная речь. Но если ты не хочешь в скором времени очутиться у стенки – тебе следует больше слушать меня и как можно меньше его.

– Ты поможешь нам, дружище? Знай, у меня на тебя большие планы; и только ты можешь воплотить их в жизнь. Говорят, незаменимых людей не бывает. Так вот: это неправда. В твоём случае: вообще все правила не действуют. Если ты испытываешь отвращение к Томазу сильнее, чем любовь к

Марсу – я не смогу требовать от тебя понимания и уж, тем более, повиновения. И если ты откажешься делать то, что я тебе сейчас скажу – я не стану от тебя ничего требовать – никто не станет, поверь. Ты останешься министром обороны и будешь делать всё, что от тебя зависит, во благо нашей страны.

– Я с самого начала был с тобой. Конечно же, я согласен. Я против Томаза, но готов смириться с его присутствием. И готов сделать всё, что только в моих силах, если это поможет Марсу.

– Другого ответа от тебя я и не ждал.

Он встал со стула и подошел к окну. Я сделал несколько шагов в его сторону. Как только я приблизился, он снова начал говорить. В его голосе, наконец, я понял, как тяжело было ему всё последнее время. В нашем лживом мире нельзя доверять ничему, кроме самого невероятного и фантастического. Марк говорил со мной теперь откровенно – доверился больше, чем самому себе:

– Времени осталось совсем мало. Мы не можем больше ждать. Я был бы рад найти какой-нибудь другой выход, но всё время приходил к одному и тому же. Кто-нибудь из нас должен отправиться на Терру. И я решил, что это будешь именно ты. Твой пост министра обороны незаменим; но пока ты на Марсе – наша партия будет разделена на твоих и на моих. Твоё присутствие будет полезнее на Земле. Когда ты вернёшься – планета станет другой.

– Мы должны сдерживать друг друга. Если один человек возьмёт в свои руки абсолютную власть – всем нам настанет конец.

– Поэтому я и создал палату общин. Все социальные кольца будут отделены и независимы друг от друга. Ими будут править профессионалы. Это – будет марсианское общество будущего. Но пока идёт война – создание подобной системы будет самоубийством. Если ты веришь мне, то позволишь принять власть на себя и создать все условия для нашей обороны и для нашего будущего. Тем временем, я доверю тебе решать, как будет выглядеть Марс с точки зрения Земли. Ты будешь нашим представителем – человеком, говорящим от лица всех марсиан. Если мы будем доверять друг другу и следовать плану – наше общество и наше государство выстоит. Если мы будем действовать не согласованно и потеряем связь друг с другом – мы погибнем. Я создам наше государство здесь. Ты же – поселишь его на Терре.

В последний раз я был на своей родной планете лет семьдесят назад. С тех пор, как я прибыл сюда вместе с третьей волной колонизации, я так и не нашел повода вернуться обратно. Земля стала слишком старой и скучной. В этом противном мире не осталось ничего нового. А в звёздах каждый видел будущее – как и я. Кажется, это было совсем недавно. По сравнению с моей долгой жизнью, моё пребывание на Марсе больше напоминает летние каникулы. Зато сколько всего успело произойти за это время... Я надеялся

уже, что снова увидеть свою родную планету мне не придётся никогда. Дело было вовсе не в том, что не осталось там ничего, что мне было бы интересно. Моё расставание с Землёй скорее было бегством. С каждым сантиметром Земного шара у меня были связаны воспоминания – и все они были о боли. Ведь самое невыносимое в вечности то, что ничем преодолеть её нельзя: ни верностью, ни любовью, ни страданиями, ни странствиями.

На Марс я прилетел, чтобы забыть о более чем двух с половиной тысячах лет своей жизни. Меня не покидало ощущение, что это позволит мне начать отсчёт своей истории с нуля. Я стал уважаемым человеком в Елене – самом сердце Марса. Мой новый дом сам нашел меня. Но каждый раз, когда я подымал глаза в небо, маленькая, едва заметная глазом голубая точка манила меня к себе обратно.

– Если того требует родина, я немедленно полечу на Землю и исполню свой долг.

Произнести слова «Земля» и «полёт» в одной фразе – страх и неуверенность; всё тело покрывает гусиная кожа.

– На Терре уже давно знают о том, что произошло на Марсе. Директора Марсианской корпорации в бешенстве – они будут давить на лидеров стран, чтобы уничтожить нас. Даже если тебе удастся убедить мировых лидеров, что Марс выгоднее оставить свободным – они всё равно попробуют восстановить здесь свой контроль. Я уже запретил посадку всех кораблей с Земли – мы изолированы от врага. Более того, я

объявил, что транспортные суда с зерном и ресурсами отныне тоже будут оставаться на Марсе до подписания торгового соглашения со странами Земли.

– Пока я целыми днями гонялся за нашими бывшими полицейскими, я, видимо, совсем утратил понимание того, что происходит. В чём будет заключаться моя миссия и что я должен сделать?

– Ну, для начала, ты должен быть готов к тому, что все земные СМИ будут называть нашу революцию террористическим актом. Это связано с тем, что терраны просто не особо осведомлены о том, что твориться у нас – мы очень далеко и тому подобное. Ты должен будешь объяснить им, что мы никакие не террористы, а борцы за права и свободу. И что для самой Земли мы никакой угрозы сами по себе не несём. Некоторые страны заявили, что готовы приложить все средства для восстановления порядка на Марсе, если в этом появится необходимость. Ты должен будешь провести переговоры с представителями каждой из этих стран и убедить их, что необходимости в агрессии ни у нас, ни у них нет. На Земле набирает силу международная организация «Друзья Марса». Мы должны этим воспользоваться. Как ты помнишь из истории, успешные революции происходили лишь тогда, когда власть страны ослабевала. Достаточно вспомнить о Французской и Русской революции, когда власть в стране стояла на самом краю общественного разлома. Нам нужны союзники на Terre. Тогда, земляне будут разделены

и мы победим. Так же ты должен передать моё обращение к гражданам Терры. Вкратце, оно будет заключаться в том, что после признания конституции Марса другими странами, молодой республике потребуются рабочие руки и инвестиции с Земли. Это будет выгодно обеим сторонам. Создание предприятий – первое, на что мы сделаем упор в первое время. Каждый желающий может бесплатно получить десять гектаров земли и год отмены налогов на создание предприятия, при наличии марсианского гражданства, конечно, которое получить тоже будет довольно просто. Нам нужны люди. Нам нужно создавать новые города. За всё время существования колоний мы освоили меньше одного процента планеты. Настало время нам двигаться дальше. Посмотри на Елену – через сто лет, может быть, это будет самый большой и технологически развитый город, который только видело человечество.

– Именно поэтому земные лидеры не позволят нам сделать это. За Марсом стоит будущее, а Земля окажется заброшенной свалкой.

– Это будет нелегко, но у тебя будут помощники. Тебе нужно убедить их в том, что Земным странам тоже будет выгодно индустриализация Марса. Это решит демографический кризис на Терре и позволит создать новый рынок сбыта. Развитый туризм и огромная возможность для инвестиций, которые точно принесут небывалый доход. Вот, на чём тебе нужно сделать акцент. Во времена Марсианской корпорации

весь доход от колоний она присваивала себе. Теперь, мы можем создать развивающуюся экономику. Это, без сомнений, привлечёт многих бизнесменов. А если они выберут нашу сторону – то и политическим лидерам придётся, скребя зубами, позволить нам заниматься тем, чем мы хотим.

– Марсианская корпорация этого не допустит.

– Она уже банкрот. Но десятки триллионов долларов прибыли в год позволили ей стать одной ведущих сил в мире. Да, вероятно, они будут давить на потенциальных инвесторов. Ты тоже окажешься под прицелом. Ты будешь в серьёзной опасности постоянно – они наверняка будут пытаться расправиться с тобой. Но резервов корпорации хватит, в лучшем для них случае, на год. Тогда, если не восстановят контроль над своей собственностью, наш главный противник просто исчезнет сам собой.

– Их главным аргументом может оказаться то, что мы незаконно завладели их собственностью.

– Да, забыл сказать, тебе придётся представлять нашу страну перед земным судом. Нам действительно выдвинули обвинения в краже собственности корпорации. С тобой будет целая армия адвокатов; но и против нас их будет не менее сотни. Это, без сомнения, будет самый громкий суд в истории. Целые армии юристов. Судится самая влиятельная корпорация в мире против целой планеты и нации. В итоге могут возникнуть десятки новых мировых законов – вот только в нашу пользу или против нас – будет зависеть от тебя. Но и

это – не самое важное, что тебе предстоит сделать.

– Значит, мы подошли к моей главной задаче.

– Ты должен предотвратить военное вмешательство. У тебя на пути встанут торговцы оружием – те, кто наживаются на войне. У корпорации тоже есть армия, но в бой она пойдёт только в том случае, если её поддержит хотя бы одно из мировых государств. Ты должен убедить всех, что в этом нет никакого смысла. Можешь пригрозить им сверхоружием – хоть и делать это стоит лишь в крайнем случае.

– Тебе не кажется это слишком опасным – вмешиваться в земную политику?

– Иного пути нет.

– Тогда понятно. Если мой корабль не сожгут ракетами прямо на земной орбите – я сделаю всё, что будет в моих силах во имя родины.

– Более подробный план своей миссии ты найдёшь у себя на столе. Под грифом «Совершенно Секретно», разумеется. Ты знаешь, что никому не имеешь права рассказывать подробно о своих целях прибытия на Землю.

– Пойду, ознакомлюсь с ними – не буду терять времени.

– Мы ещё с тобой встретимся и поговорим более детально обо всём. А пока, я думаю, нам обоим стоит отдохнуть.

– Да поможет нам всем удача.

– Да спасут нас всех звёзды от беды...

Тело Марка просило и требовало сна, хоть и было ясно, что если он и приляжет, то проспит не больше нескольких

часов. А затем, как по звонку, проснётся и снова встанет в строй. Скоро власть сломает и сведёт Марка с ума. Кто знает, что случится со всеми нами, когда мы потеряем его.

Выйдя из дворца Наместника, я направился прямо по проспекту Независимости, в прошлом, Трудовому. Мой дом стоял прямо в центре города, прямо по проспекту, через несколько километров. Городской транспорт шел как надо – но мне хотелось на этот раз пройти пешком. На этом проспекте зародилась революция; здесь же она и свершилась. Он стал первым объектом, изменившим своё название в процессе так называемой «детерранизации». Настали времена, когда марсиане должны найти свою национальную идентичность. Кажется, в массовой культуре древних землян марсиане ассоциировались с маленькими зелёными человечками. Глядя на самых настоящих марсиан, существование которых стало не фантастикой, а суровой реальностью – старые сказки звучат одновременно и смешно, и грустно.

Во второй половине двадцать первого века Марс впервые был колонизирован. Тогда же появились первые марсиане, наделённые особыми правами и подчиняющимися специальным законам, вступающими в силу на поверхности и орбите Марса. Спустя сто пятьдесят лет, к началу двадцать третьего века, колонии восстали и заявили о своей независимости от владеющей всеми предприятиями на красной планете Марсианской корпорации. Это стало первым в истории человечества государством за пределами Земли; первым го-

сударством, включающим в себя всю планету целиком. К этому моменту, население Марса составляло четыре миллиона человек. Население Земли составляло около одиннадцати миллиардов, а сама планета страдала от перенаселения. Проблему можно было бы решить, если бы Марс стал свободным и позволил бы каждому землянину получить гражданство Красной планеты. Его огромная территория была бы освоена; возникли бы новые города и предприятия. Экосистема быстро приблизилась бы к земной, благодаря эйросинтезу и быстрому освоению пустых пространств. А пока, молодое государство населяло всего четыре миллиона марсиан, большинство из которых жило в западном полушарии. Здесь же, на западе, расположены четыре больших города: Спирит, что растянулся на многие километры в долине Эллада и стал первым в истории городом-полем; Нью-Хоуп – мегаполис шахтёров в долине Фарсида, где возник первый древесный лес на Марсе (сейчас их около дюжины), преимущественно состоящий из елей; Синь Ченг Ши – марсианский Китай, в котором самих китайцев почти не осталось, так как их место быстро заняли индомарсиане, афромарсиане и славяне, а сам город знаменит своей уникальной колониальной архитектурой, которая уже стала называться «Марсианское Барокко»; сам Синь Ченг Ши находится на правой стороне Большого каньона долины Маринер; а вот на левой стороне – раскинулся самый старый, самый большой, самый богатый и продвинутый технологически город Марса. Каждый город

оборудован куполом, закрывающимся при приближении метеоритов и песчаных бурь. Постепенно, вокруг городов появляются водоёмы и поля. Но на Марсе до сих пор полномест, где лучше не появляться без скафандра. Остаётся лишь надеяться, что освоение пустых территорий в будущем приведёт к тому, что вся поверхность планеты будет безопасна для человека.

Жизнь здесь не из лёгких. Но ещё никто за всю недолгую историю красной планеты не прибыл сюда против своей воли; а те, кто родились здесь – с самих пелёнок не знали другой жизни и дом у них был один. Бывало, что люди не выдерживали – возвращались на Землю. Но с приходом кровавого режима каждый простой житель Марса фактически считался заложником Красной планеты. Но эти тяжёлые годы научили нас любить и ценить то, что у нас есть.

Всего крупных потоков мигрантов, от сотни тысяч и более, было четыре; я прибыл вместе с третьей. Просто так попасть сюда было нельзя – Марсианской корпорации нужны были специалисты разных областей для организации идеального общества профессионалов для более эффективной добычи полезных ресурсов, выращивания еды и обустройства социальной жизни. Я назвал себя специалистом в области древних языков. Мои знания в этой области были настолько обширными, что я считался настоящим культурным сокровищем на планете, у которой не было своей культуры, но которая постепенно появлялась. Как полиглот, я сначала ра-

ботал в переводческой конторе; но затем мои навыки пригодились в библиотеке Марсианской корпорации, позже переименованной революционными властями в Национальную Библиотеку Марса. Там я всего за год дослужился до звания директора. В этом деле мне помогли не столько познания в языках, сколько многовековой опыт интриг. Тогда же, я сблизился с радикально настроенным движением марсианских студентов, вскоре превратившимся в революционную партию. Мой высокий пост не раз выручал и меня, и многих моих друзей, казалось, из безвыходных ситуаций. Это были по-настоящему весёлые, опасные и интересные времена, когда я боролся за то, во что верил рядом с людьми, которые считали меня своим учителем. Много раз они предлагали мне пост главы; и каждый раз я отказывался. Это было для меня всего лишь игрой. Я не мог позволить себе взяться за управление не отдельными сферами, а всем будущим планеты. Поэтому у штурвала оказался Марк. И я боялся: как бы он не стал ещё хуже тех, против кого мы сражались.

Но всё равно: я был счастлив в новом мире; и наслаждался всем – даже лишениями, которые сулила мне тяжёлая марсианская жизнь. И теперь, видимо, ей суждено закончиться. И пока я шел по этому прекрасному, тянущемуся в невиданную и волшебную даль проспекту, я вдыхал искусственный марсианский воздух и мысленно прощался со всем, что знал в этом мире. И хоть Марк наверняка думал, что рано или поздно, когда у нас всё получится, я вернусь обратно в Елену

и стану почётным пенсионером, героем планеты – я знал, что поездка на Терру будет в один конец. Я исполню долг перед своей новой родиной. Но остаться жить здесь до конца бесконечных лет – мне не придётся. Я останусь на Земле; и уже там буду ждать своего ангела смерти.

Оказавшись у себя в квартире, я сразу сел за изучение уже лежащих на столе планов моей операции на Терре. Забавно. Я не был дома около недели, всё время уделял работе. Тем временем, кто-то проник ко мне в квартиру и оставил планы под грифом «Совершенно Секретно» прямо на столе, будто заранее зная, что отказаться я не могу. Если они действительно были так во мне уверены – зачем же говорить об этом так прямо?! Ох, не нравится мне то, что задумал Марк. Хотя какой у нас выбор?

Я окунулся в работу с головой и даже не заметил, как настал вечер. Но я всё равно не успел прочитать всё, что мне оставили гости на столе. В дверь раздался звонок. Незваные гости – отличный повод приостановить недоевшую работу. Я быстро спрятал бумаги в стол и закрыл ящик на замок. В дверь продолжали звонить – теперь уже более требовательно. Я достал пистолет и направился к дверному замку. Иные предпочитают бежать; но что бы ни случилось – я всегда на своих позициях и готов принять бой. Все мои товарищи, да и я вместе с ними – удивляются, как это я умудрился так долго прожить.

У самой двери я заглянул в глазок – вдруг пристрелю не

того и тогда проблем не оберёшься. Уже было сняв пистолет с предохранителя, я улыбнулся и вернул его в безопасный режим, пряча глубоко в далёкий карман. Я широко распахнул двери и вместо приветствий – крепко обнял стоящего за ней человека, которому был рад всегда.

В кармане у него тоже всегда можно было найти что-нибудь огнестрельное – привычка, которую я ему привил. Как не бывает бывших полицейских – не бывает бывших революционеров. Борьба за свободу для нас – вечна; и цель её – достижима всегда только в далёком будущем, уже после нашей славной гибели.

Тех, кто задержался в этой жизни дольше положенного им срока вычислить не трудно. Их путь, обычно, бывает полон тёмных переулков. Среди их родственников, друзей или знакомых всегда можно найти сумасшедших политиков, диссидентов, серийных убийц, шизофреников и тех, кого называют по-разному, но мне лично нравится говорить о них, как о «проклятых поэтах».

Мой гость воплощал в себе все эти качества и даже больше. Артур Кенненберг – был в прошлом наёмным убийцей, пиратом, бунтовщиком; и вместе с этим – лучшим поэтом в марсианской литературе. Таких людей обнимать не стоит; но у нас с ним это вошло в привычку и стало старой доброй традицией. Других таких людей как он – не найти на обоих планетах.

– Проходи. Чего стоять в дверях?! Ты даже представить

себе не можешь, как я рад, что ты пришел.

Богиня улыбнулась этому поэту ещё при жизни, хоть и немного позже, чем могла бы. Писать стихи он начал в пятнадцать лет, когда пристрелил своего тридцатилетнего любовника и впервые залёг на дно. В марсианскую литературу он войдёт под именем «поэта, музой которого всю жизнь была Красная планета»; он был самым настоящим «певцом революции», а в новое время – главным писателем молодого государства, чьим именем вскоре будет названа литературная премия. Именно его стихи мы печатали ещё двадцать лет назад на оборотах своих маленьких брошюр, в которых призывали простых граждан к борьбе с тиранией. Когда вокруг царила ложь и отвратительная массовая культура, именно литература была нашим основным оружием за народ. Именно поэтому вклад Артура в общее дело был неоценим. И даже не смотря на то, что много лет он зарабатывал себе на хлеб разбоем и убийствами, стихи его всё равно были полны той любви, в которой мы так нуждались:

*Есть камень, что должен быть разбит, чтобы
Был построен дом; сорван лист, чтобы
Одеялом была покрыта вся земля, что
Столько лет была
Так одинока.*

И миллионы световых лучей пронзают людей с целью

*Известной им одним – детям не Земли, но Марса.
Эта правда бессловесна; знающему её
Свяжут руки и заткнут рот.*

*Они стелятся в ряды двух наших лун,
Один за другим подряд пролетают
Со скоростью мысли – выше далёких звёзд,
Чтобы упасть на головы дуракам.*

*Так нацель же, Красная планета, свои пушки в небо,
За новую жизнь, против тирании,
И пусть удары красных сотрут голубых в пыль и прах,
Чтобы мы могли родиться вновь.*

Голубыми называли сторонников терранской политики; красными – землян, дружественных к Марсу и самих марсиан. Мир всегда был биполярным: римляне и варвары; христиане и мусульмане; монархисты и республиканцы; коммунисты и капиталисты; теперь вот: марсиане и земляне – красные и голубые.

Я ставлю перед свои старым другом чашку кофе, зёрна которого были выращены на Марсе. Местный кофе сильно отличается от земного – в худшую сторону. Но за годы жизни привыкаешь ко всему. Земной кофе: арабика и робуста – очень дороги, потому что Марс экспортирует товар, но почти ничего не импортирует. А марсианка – сорт марсианско-

го кофе – настолько безвкусен, что я жду не дождусь, когда вернусь обратно на Терру.

– Многое изменилось с тех пор, – он добавляет в чашку четыре ложки сахара.

– Изменилось к лучшему. В те весёлые времена, признай, ты и представить не мог, что мы вот так сможем спокойно встретиться и мирно поговорить, не опасаясь, что в любой момент ко мне в квартиру может ворваться группа захвата.

– Да, теперь мы – это власть. И мы не должны совершать ошибок своих предшественников. В особенности: нам нельзя думать, что мы достигли окончательной цели. Некоторые уже думают, что они – граждане свободного марсианского государства. Но ведь мы оба понимаем, что до полной независимости Марса – нам так же далеко, как и до Земли.

– Ты уже знаешь о том, что Марк отправляет меня на Терру?

– Нет, – улыбнулся он, – но я догадываюсь уже, что это за миссия. Мой средний код доступа не позволяет мне знать обо всём, что творится в голове у Марка, а потому я не могу ни реагировать, ни на что-либо влиять. Будь моя воля, ты бы остался здесь. Марк это затеял – пусть сам разбирается со своими проблемами на Терре. Хотя, определённая логика в его действиях есть. Но тебе она может не понравиться.

– Марк не стал ничего от меня скрывать. Он хочет убрать меня от штурвала власти.

– Если он окажется мягкотелым – всем нам придётся

очень сложно.

– Ты ничего не знал, ничего не слышал; и всё равно уже знаешь обо всём. Может, у тебя никакой не средний код доступа, а самый высший и ты просто это скрываешь.

– Нет. Но мы ведь оба знаем, какое богатое у меня воображение. По крайней мере, его хватает, чтобы представить себе не только все варианты дальнейшего развития событий, но и то, для чего Марку и всем нам могут понадобиться твои таланты.

В три глотка я осушаю чашку кофе.

– Да?! Ну давай, скажи мне, какое задание дал мне Марк. Ты уже не раз демонстрировал при мне свои телепатические способности. Но сможешь ли ты сделать это теперь?

– Смогу. Только это вовсе никакая не телепатия – так её называют лишь проклятые журналисты, у которых не всё в порядке с головой. Это всего лишь богатая фантазия и немного дедукции. Я ставлю перед собой задачу представить все возможные и невозможные варианты – их часто оказывается больше нескольких тысяч, а то и миллионов. Затем, я перебираю их, оставляя лишь те, у которых больше всего шансов воплотиться в жизнь. А после, я оставляю один – тот, который мне кажется самым привлекательным. Забавно, что для других они такими вовсе не кажутся – но это уже личное дело каждого. И чаще всего я оказываюсь прав. Благодаря методу фантазии можно предсказывать будущее и угадывать мысли других людей. Фокус – и не более того.

– Ну, так удиви меня им.

– Как мы уже знаем, Марк не хочет, чтобы ты оставался здесь.

– И это вариант кажется тебе более привлекательным?!

– У нас с тобой разные определения этого слова. Не будем останавливаться на мелочах. Итак, что у нас дальше... Он хочет использовать твои необычайные и уникальные знания и способности с максимальной выгодой для себя. Но как он может это сделать? Только отправив тебя на Терру, разумеется, где наши союзники нуждаются во влиятельном представителе с Марса, желательно из нового правительства. Ты идеально для этого подходишь. Он поручит тебе какое-то важное для общего блага задание – наверняка, очень опасное. Я угадал?

– Ну, это было не трудно. Прояви истинные чудеса и скажи, что именно я должен сделать на Земле.

– А подсказки будут? Мне хватит самого малого намёка.

– Попробуй обойтись без них. Я хочу услышать твоё мнение, провидец. Посмотрим, правда ли ты волшебник.

– Ладно. Ни для кого другого я делать этого не стал бы – мой дар слишком опасен, для меня в том числе. Но только ради тебя, я постараюсь с помощью своего воображения заглянуть под гриф «Совершенно Секретно» и узнать все государственные тайны, не взломав ни одного замка.

Он ненадолго замолчал, опустив взгляд на чайную ложку. Он не моргал и смотрел не на предмет у него в руках, а как

бы в никуда, покинув Марс и отправившись в путешествие в миры, известные ему одному. Он несколько раз прокрутил чайную ложку в руке, вокруг своего пальца.

– Я уверен, – начал он, – что в этой истории не обойдётся без убийства. Главный вопрос, важный и для меня, и для Марка – убийство кого: тебя или кого-то другого с твоей помощью. Это может быть не прописано в официальной части плана. Поручил он тебе, конечно же, какую-то дипломатическую миссию. Власти Земли не станут ограничивать твою свободу; но в то же время, они не будут спускать с тебя глаз. А Марсианская корпорация, скорее всего, попробует тебя убить – но сделает это так, чтобы их самих ни в чём нельзя было обвинить. Ты будешь находиться в странах Европы: скорее всего в Варшаве или Стокгольме – может, даже в Вильнюсе, но это не так важно. В твои обязанности будет ходить на встречи с разными людьми: как с друзьями, так и с врагами. Ты постоянно будешь под наблюдением. Твоей целью будет убедить и тех, и других в том, что землянам выгоднее оставить Марс в покое. Но самому Марку больше всего нужно будет убийство. Может быть на Terre человека незначительного; но для Марса – исключительно опасного. Настолько, что наш премьер-министр даже не стал раскрывать его имени.

– Но почему?

– Как я уже говорил: он исключительно опасен. Если он узнает, что ты там ради него – он сможет избежать встречи

с тобой. Но если ты сам не будешь знать, что должен убить его – он сам придёт к тебе.

– И как же я должен его узнать? Как я должен убить его?!

– Марк надеялся, что ты сам сможешь это понять. Простой человек, естественно, не справился бы. Поэтому, туда едешь именно ты. Да, всё так и будет. Зря Марк не стал рассказывать тебе всего. Без смерти этого человека – добиться окончательной победы над Террой будет невозможно. Я прав.

Он произнёс свои последние слова не вопросительно, а так, будто констатировал факт.

– Да, прав.

– Вообще, – скривился он, – я зашел сюда только с одной целью: спросить тебя, как долго ты ещё пробудешь на Марсе.

– То есть, ты заранее знал о том, что я лечу на Землю?

– Не про Землю; но что-то я предчувствовал. Хорошее слово: предчувствие. То, что возникает раньше чувств. Оно никогда меня не покидает. Я так же предчувствую, что возвращаться обратно в Елену, да и вообще на Красную планету – тебе вряд ли захочется.

– А тебе бы хотелось?

– Глупый вопрос. Я ничего так сильно не люблю, как свой дом. Если твой дом не Марс – то мы друг друга не поймём.

– Ты знал, что я жил на Терре немислимо долго?

– Предчувствовал, – покачал он головой, – но мне даже страшно спросить тогда: сколько тебе лет?

– Тебе и правда лучше об этом не спрашивать.

Он кивнул.

– Так, долго? – повторил он вопрос.

– Не знаю. Может, несколько дней.

Он снова кивнул.

– И всё это время тебе будет не до старых друзей. Тебя ждут дела куда важнее – и их нельзя откладывать на потом. Поэтому, я пришел в идеальный момент, чтобы попрощаться. Так я и знал.

– Прощай.

Артур сильно изменился. Он и до этого был странным – и дело было даже не в том, что ему были на практике известны тридцать семь способов быстрого убийства человека и в теории в сто раз больше. Он сам по себе никак не мог вписаться в колесо повседневности. И там, где присутствовал он – обычных вещей быть не могло. Это было его главное проклятие. Ничего уже его не спасёт.

Когда проклятый поэт ушел, одним словом пообещав не возвращаться больше никогда, я выглянул в окно. В столице Марса Елене садилось солнце, размером с горошек. Красное небо медленно переходило в чёрный. Начинали свою работу световые электростанции и во всём городе зажигались огни. Когда-нибудь, все эти бескрайние и пустынные земли будут устелены лесами и полями зелёного цвета. Когда-нибудь, эта планета станет похоже на Землю. Тем, кто живёт сейчас здесь – никогда не увидать плодов своей борьбы. Все

мы сражаемся за будущее.

На Terre почти не осталось природных ресурсов. Как оказалось, Марс ими полон. Созданную здесь ещё в прошлом веке переменчивую атмосферу – не загрязняют ядовитые газы. У Земли есть прошлое; у Марса – будущее. Через много лет, земляне потеряют свою планету. К тому времени Марс, если его города не превратят в пыль земные бомбы – станет могущественным государством, способным приютить космических бродяг. Когда население планеты с нескольких миллионов увеличится для пары миллиардов – придётся ли марсианам будущего так же защищать свою планету? Всё может произойти. Во всём изведанном космосе есть только две планеты и один спутник, населённые людьми: Земля, Марс и Луна. Кажется, мы уже не так одиноки. Но соседям лучше жить в мире, чем в конечном итоге, быть уничтоженными войной.

Так или иначе, но Красная планета выбрала себе свой путь. Она не станет второй Землёй; но будет первым Марсом, со своим собственным человечеством. История этого маленького, но гордого народа – только начинается.

Я лёг на диван и стал читать сборник рассказов марсианских писателей. Вскоре, я перестал отличать сюжеты книги от собственных сновидений. И сам не заметил, как медленно окунулся в сон.

Сборка Вторая

Когда я проснулся, Гелион был уже мёртв. В его горле торчал тупой нож, оставленный убийцей, а тело лежало в луже собственной холодной крови.

Все жители города Вейи хорошо знали друг друга с рождения. И ни у кого из них не нашлось объяснений: как один из них мог совершить такой ужасный поступок. Даже смерть была малым наказанием за подобное преступление? Почему? Кому понадобилась жизнь того, кого любили все?!

Целитель осмотрел тело и сказал испуганным гражданам, что смерть Гелиона была долгой и мучительной. Это был удар подлого и жестокого человека, умеющего наслаждаться болью своих братьев по крови. Но внимательнее приглядевшись к телу, он указал на признаки, по которым становилось ясно: Гелион не сопротивлялся. В бою с лучшим из этрусский воинов, каким был мой друг, в одиночку не справиться даже исполину. Одним подлым ударом, человек, которому Гелион доверял, он свалил несчастного с ног, лишил того сил и оставил стекать кровью. Весь город мог подняться на ноги и схватить оружие, если бы молодой воин закричал. Но ночь его смерти была безлунной и тихой.

Отец Гелиона, обезумевший от горя, весь день провёл, наматывая круги под городскими стенами. Он потребовал себе тело убитого и оружие из его раны. Не нашлось никого, кто

мог бы ему возразить.

Мир больше не мог дать мне места в нём; и я не мог найти для себя уголка под солнцем. Прошли тысячи лет после свершения проклятия Тухулку. Чаша, из-за которой погиб Гелион, а я получил бессмертие – бесследно исчезла во времени. Именно я был главным виновником того, что случилось. Моим наказанием была вечная память. Даже сейчас: всё так живо и ярко, что я не могу не заплакать, вспоминая времена, о которых известно лишь по пересказам пересказов, пересказов.

У меня не было того, к кому я мог бы прийти. Гелион подругил меня с половиной города – и ни к одному из них я не мог обратиться. Я не нашел лучшей мысли, кроме как вернуться домой. Войдя внутрь: я увидел отца, медленными и уверенными штрихами наносившего краску на глиняный кувшин – это была сцена из давней этрусской легенды; отец как раз заканчивал изображение Тухулку. Ужас, охвативший толпу во внешнем мире – не мог оторвать его от работы.

Мне показалось, что он не слышал о том, что Гелион погиб, а потому спросил его:

– Пап, – он даже не шелохнулся, – ты знаешь, что происходит на улице?

Я был готов поверить, что он не слышит меня. Но отец на время оторвался от работы:

– Я слышал, что кого-то убили, – сказал он и вернулся к последним штрихам в рисунке на своей амфоре.

– Убили Гелиона, – сказал я, проглотив слёзы, – я знал, что это должно было произойти, но не помог ему, – большими глазами я смотрел на работу отца и на него самого, – ответ же мне – хоть что-нибудь!

– Когда я был молод, – он даже не поднял со своего кувшина глаз, – но всё же немного старше тебя, я – тоже был влюблён. Не в юношу, но в самую красивую девушку в Вейях. Мы засыпали и просыпались вместе, будто были обручены богами. Каждый день мы тоже ходили в лес. Но однажды, мы решили пойти на реку. И вот, когда она купалась в Тибре, она не справилась с течением и утонула, заплыв слишком далеко. В тот же день, когда я её оплакивал, я встретил твою мать. Конечно, болезнь унесла многих наших детей и её саму. От своей первой любви я получил жену; от неё у меня остался один замечательный сын. Не плачь о мёртвых – Стикс и без тебя слишком часто выходит из берегов. Все мы отправимся туда – ты тоже, рано или поздно, поделишь и мою участь, и судьбу твоей первой любви. Моя мудрость, сын, такова: только искусство, если оно будет прекрасно, переживёт всех нас. Шедевры древних времён живы до сих пор; а черты лиц людей – быстро ускользают из памяти. Сын, займись делом, пока жив сам – увидишь, как тебе станет легче.

Он закончил свою работу, встал и отошел в сторону, чтобы очистить руки. Я подошел к его амфоре, над которой он трудился не один долгий день; взял его в руки, подождал, пока отец обратит на меня внимание и бросил его на землю.

Он разлетелся на осколки – и кувшин, и отец.

Он ничего не сказал; его глаза напоминали взгляд мертвеца – человека, потерявшего чувства.

– Ты сам – давно уже мёртв.

Здесь меня подводит память: я помню, что фраза эта прозвучала, но в кого она была направлена? В меня, в отца или в нас обоих?

Он подошел ко мне и ударил так, как не бил никогда; я упал на землю и уже ничего не мог вспомнить.

Когда я очнулся – у меня всё ещё болела голова; осколков амфоры рядом уже не было. Пошатываясь, я выглянул за дверь – уже вечер. Страх исчез с улиц вместе с людьми, отдыхающими после работы. Его осколки можно найти только внутри домов, где люди теснее прижимаются друг к другу и не выглядывают наружу ночью. Но один запоздавший охотник, возвращавшийся домой, всё же попался мне на пути. Я спросил его о том, что произошло с утра, будто сам не знал ничего.

– Гелион погиб, – покачал он головой, – убит. А его отец обезумел от горя.

Он мало говорил в тот день с людьми, потому так и разговорился. Но из его долгой речи я узнал и нечто новое:

– Безумец – он сказал, что уже видел этот нож. Когда он был в Коринфе и хотел купить партию таких же ножей у местного мастера, ему ответили, что они все уже куплены ростовщиками из Рима, и что на следующий день все они от-

бывают туда. Нужно быть смелым или сумасшедшим, чтобы обвинять римлян в таком преступлении; но если это правда...

Я кивнул. Охотник положил руку мне на плечо и сказал:
– Будь мужественным.

Я поблагодарил его и мы разошлись. Теперь, я уже даже не спрашивал себя, куда иду. Мои ноги лучше меня знают ответ. Они вели меня в сторону городской стены. Стражники – всегда наготове; их жизнь полна скуки, но без них никто за стеной не смог бы спать спокойно. О времени, в котором мы живём, можно судить по характеру стражников. Они были миролюбивыми и приветливыми со мной. И я на какое-то время нашел покой там, где его не ищут.

Уже много лет, не смотря на многочисленные победы римлян, последнее слово в Италии остаётся за этрусками. Даже за пределами страны, власть федерации сильна и незыблема. Но с тех пор, как Рим изгнал последнего этрусского царя и отбил все атаки варваров и наёмников, город на семи холмах вырос в несколько раз. Это единственное место на всём полуострове, где у нас нет власти. Каждый мог стать гражданином Рима просто заявив об этом. Город, построенный беглецами из всех концов изведанного мира – какая сила сравнится со страной, в которой власть принадлежит талантам и хитрости?! Власть в Риме сохраняется за древними его родами; но и быть плебеем не означает в Риме быть никем. Во главе страны стоят лучшие из старых и новых родов.

У них нет царя – все их решения продуманы и оговорены сенатом. Уже несколько лет, как Рим завоёвывает южные земли. А когда их воинам надоест меряться силами со скотоводами – их взгляды снова обратятся на север. Вейи уже воевали с Римом дважды во времена своего расцвета. Но теперь уже не ясно, на чьей стороне перевес. Между нами был всего один день пути. Если семь этрусских городов встанут друг за друга – никакая сила не сможет одолеть нас. Ещё столетия власть в Италии будет за нашим народом. Но времена, когда Рим становился могущественным – были тёмным для нашего древнего союза. Если будет война – Вейям придётся встретить Рим в одиночку; и принять верную смерть. А если один этрусский город погибнет – остальные вскоре тоже разделят его судьбу. Наши земли будут опустошены войной, а править будет тот, кто лучше знает своё время.

Гроза будто не собиралась кончаться; в тот день ночь настала слишком рано. Но ближе к полной темноте, сквозь стену дождя, к городу приближались две тёмные фигуры. Мы заметили их, только когда они подошли вплотную. Сколько времени они провели там, в надежде, что кто-нибудь обратит на них внимание.

Стражники, к которым я пришел, чтобы провести вместе с ними ночной дозор, попросили меня отойти в сторону. Я ответил, что останусь. Духи будто шептали мне, что я должен так поступить. Толстяк стражник закричал своим грубым и беспощадным голосом в сторону чужаков, перекрикивая да-

же гневный рёв богини дождя:

– Кто вы? Что забыли здесь?

Их лица с этой высоты разглядеть было невозможно. Но даже слепому стало бы ясно, что эти несчастные люди нуждаются в приюте на ночь. Слишком жестокое испытание – провести эту ночь без крыши над головой. Их голоса были во много раз слабее и тише крика толстяка, хоть они и старались изо всех сил, чтобы мы могли услышать их ответ. И всё равно, слова, с которыми они обратились к нам, не услышал никто. Тогда, двое силачей спустились к воротам и приподняли ставни, чтобы впустить их вовнутрь.

Я был одним из тех, кто встречал их. Мои глаза следили за их робкими шагами, а богиня продолжала шептать моей душе: они – именно те, в ком я нуждался. К людям во все времена приходят подобные видения. То, как они возникают у нас, не смог бы объяснить никто. На дальнем востоке, где проводит ночь солнце, говорят, что это мудрость былых жизней; в варварских странах уверены, что это предки дают свои наставления. Через две тысячи лет, романтики назовут это «голосом сердца». А этруски верили, что с помощью наших мыслей, с нами общаются боги. И мы должны следовать их советам. Из века в век, они напоминают, что следовало бы человеку чаще прислушиваться к шепоту богини.

Стража – не могла тратить своё время на поиски приюта для ночных гостей. У неё были свои дела и долг перед каждым жителем Вей – держать дозор всегда, не спуская глаз.

Даже не могу себе представить: куда отправились бы путники и что стали бы делать они, если бы я не сказал, что готов принять их у себя до утра, когда им удастся обратиться к гражданам и объяснить причину своего срочного прибытия. Хорошо зная меня, стража позволила двум незнакомцам войти в город, не смотря на ночной запрет.

Ночью, город не освещает ни один фонарь, ни один огонёк; его улицы – чернее самой ночи. В его лабиринте не составит труда заблудиться, если точно не знаешь, куда хочешь попасть. Если бы не стук капель о крыши домов – только ночные птицы смогли бы сказать, что перед нами находится город, а не пустое чёрное пятно.

Втроём, мы пробирались сквозь мрак, нащупывая уголки домов, не позволяя себе ошибиться поворотом. В это время, по городу расхаживал убийца Гелиона.

Отец принял гостей и растопил печь; вчетвером, мы сели вокруг неё. Мы не особо задавили вопросов своим гостям. Я был похож на своего отца – нам обоим больше нравилась тишина и общее одиночество. Только сейчас я заметил странную симметрию: один из наших гостей был таким же стариком, перевалившим за сорок лет, как и мой отец; а другой – моих лет. Так мы и сидели в тишине, пока дождь таранил наши крыши. Но стоило шуму за стенами утихнуть, как последний страх исчез, будто и не было его никогда; и в головах у нас засветились первые ясные мысли. Я должен был начать с чего-то разговор; но понять не имел с чего именно.

Я бросил умоляющий взгляд на своего отца – но он даже не повернул голову в мою сторону. Вместо этого, сказал, обращаясь к гостям:

– Вейи – всегда рады принимать у себя гостей; даже не смотря на погоду, – он привстал, взял из угля полено и бросил в огонь, – даже в такие времена. Скажите: откуда вы пришли? Насколько я понял, вы зашли через южные ворота.

Я уже догадывался, каким будет ответ.

– Я пришли к вам из Рима, – отозвался старший.

– Уже не первое колено Рим и Вейи забыли о прежней дружбе между нашими великими городами. Рим воевал против нас и проиграл. Люди здесь не злопамятны. Но, возможно, вы слышали, что один из нас был убит римским клинком. Рим – становится всё сильнее и опаснее; а Вейи – всегда будут стоять у него на пути, пока стоят наши стены. Вы пришли к нам в интересные времена; какими бы ни были ваши причины – делать этого не стоило.

– Мы знаем обо всём, – сказал младший, – мы бежали из Рима. Мы этруски и помним об этом, хоть наша семья живёт там уже три поколения. Но в Вейях не знают о том, что каждую ночь в Риме находят убитых этрусскими клинками. Кто-то сеет вражду между нашими нами.

Отец нахмурился, а говоривший продолжал:

– Плебс и патриции требуют от сената войны. Сыновья Марса берутся за оружие. Легионы готовы выйти из ворот и ведут их лучшие полководцы из Рима и Греции. Этруски –

воины от рождения. Но если вы будете не готовы – как бы вы не сражались – в битве с ними вам не выстоять.

– Лето, урожай, война, – сказал мой отец, – сейчас – не сезон войны. С каждый днём становится всё холоднее – только безумец выйдет в поле с копьём и щитом.

– Рим знает об этом. Сенат готов нарушить традицию и застать вас врасплох. Вы не знаете, что происходит в Риме. К власти пришли молодые и готовы вести войну даже в зимние холода. Их цель – не победить Вейи, а разрушить их. Ваш самый опасный враг – полководец из Коринфа, который бежал от приговора к смерти из-за чрезмерной жестокости. Ни женщины, ни даже дети не избегут самой страшной участи. Все вы – в смертельной опасности. Мы предали город, приютивший нас, чтобы спасти вас.

– По вашим словам выходит, что война объявлена?

– Боюсь, что да.

– Тогда на рассвете, вы должны будете сообщить об этом всем. И всё же, я надеюсь, что мир между нашими городами вскоре будет восстановлен, а все недоразумения – забыты.

Мой отец – художник; а значит, единственное, что он делает – это врёт, пусть и плохо. Мира между Римом и Вейями – не будет больше никогда. И он, и я – уже знали это. Но ни искры страха во мне так и не появилось. Родившись в мирное время – я знал о войне тогда только из историй стариков и рапсодов. Я ждал этой бури, что надвигалась на нас – только она одна могла помочь мне отомстить. Мечь и только мечь

– стояла в авангарде моей души тогда, и даже века спустя.

Когда отец уснул, я предложил гостям своё место у печи. Они приняли мой подарок, но лечь отказались, решив провести всё ночь без сна и отдыха. Странными наши гости были людьми – я начинал побаиваться, не сумасшедшие ли они. Я тоже не мог уснуть, хоть и сильно устал за этот день. Голова у меня была забита мыслями, которые мне никак не удалось выразить вслух. Мне хотелось о многом спросить у этих римлян; но они вели себя так, будто прикусили языки и никогда не умели улыбаться. Молодой – мало чем отличался от своего старика.

Втроём мы просидели долго; но вместе с ними я казался себе совсем одиноким. Мне пришлось собрать все свои мысли в кулак и спросить одного из них:

– Вы сказали, что в Риме каждый день находят мертвецов?..

– Уже восемь ночей, как люди боятся выходить на улицу.

– И они винят в этом этрусков?

– Те, кто хотят войны – во всех бедах обвиняют твоих соотечественников.

– Но зачем кому-то нужна война с нами?

– О, если бы мы знали ответ на этот вопрос – было бы намного легче. Слишком многие люди в Риме боятся, что однажды этруски разрушат их город. Он – последний, где нет власти ваших царей. Граждане Рима хотят, чтобы вся Италия принадлежала им. Но многие, просто хотят заработать

на войне. Многие просто устали от своих жизней; они верят, что война – всё изменит.

Наконец, я задал самый важный для меня вопрос:

– Вы знакомы с такими людьми, которым война нужна настолько, что они готовы убивать и римлян, и этрусков?

Оба моих собеседника покачали головой.

– Один мой хороший друг умер от руки разжигателя войны – я должен узнать, кто стоит за всем этим.

– Вряд ли тебе удастся найти его в Риме. Предателя тебе следует искать среди своих.

Я не знал, как мне удастся найти убийцу; но что я должен сделать это – сомнений у меня уже не оставалось.

На рассвете я шагал по мокрой насыпной дороге, пока весь мир собрался на рыночной площади, слушая речь моего отца, представлявшего городу ночных гостей. Выслушав римлян, старейшины приняли решение отправить их в Цери. Раз они предали Рим, то даже в этрусских городах им повсюду грозит опасность. Цери – город, в котором властолюбивый царь борется со всем римским и ведёт торговлю с галлами. Если Рим окажется сильнее нашего союза, Цери – последний город, который ему удастся покорить. Там наши друзья будут в безопасности. За их спинами ворота закрылись. Откроются они в следующий раз лишь для того, чтобы выпустить этрусское воинство в поле против Рима. Все жители Вей приняли решение остаться в городе в приближающиеся тяжёлые времена.

Я не хотел слушать речь своего отца – его тихий голос, взывающий к разуму, я слышу уже целую жизнь. Мне больше нравились пустынные улочки города и сандалиии, собирающие камни с дорог. Мне казалось, что я остался совсем один и наедине с собой, как всегда, избавился от одиночества. Но я оказался не единственным, кто не пошел сегодня на рыночную площадь.

Мои ноги привели меня к дому, на первый взгляд, кажущийся заброшенным. Он резко выделялся среди остальных, окруживших его зданий. У его порога сидел парень, чуть старший моих лет. Я не мог пройти мимо этого одиночки. Как только я оказался рядом, он бросил мне первый:

– Кто ты такой? – он поднял глаза на меня, – хотя, погоди, я тебя знаю.

Меня посетили подозрительные мысли. Мне показалось, что он один из тех, кому что-то нужно от меня.

– Мне очень жаль Гелиона. Но больше него – только тебя.

– Откуда ты знаешь его?

– Мы были друзьями с детства; а наши отцы знали друг друга ещё с тех пор, как жили в Цери.

– Значит, ты тоже один из греков.

– Во мне есть и галльские, и даже фракийские корни; хотя этрусской крови во мне больше. Мои предки много путешествовали.

– Почему я впервые вижу тебя?

– Может потому что ты, как и твой отец, ничего вокруг

не замечаете?! Я не удивлён. Иди ко мне, присядь. Ты всё время либо проводил дома вместе со своим отцом гончаром, либо шлялся где-то с Гелионом. Не трудно догадаться, что ты привык не обращать внимания на мир вокруг себя.

Я сел рядом, как он мне и сказал.

– Как твоё имя? – спросил я.

– Кассорикс, или просто Касс. А твоё имя я знаю.

– Ты знаком с Гелионом с детства?

– Я знал его, возможно, не хуже тебя – особенно то, что просто так убить себя он не позволили бы никому. А что именно тебе нужно?

– Я любил Гелиона; а он – любил меня. Я должен найти убийцу.

– Вот это интересно. Он был героем и не мог любить никого, кроме себя и своих подвигов. К тому же, даже если ты заставишь пережить своего убийцу самые жестокие пытки, какие только ты можешь представить – Гелиона это всё не вернёт.

– Боги решат, что будет с этим мерзавцем после того, как я его найду; но у Тухулку всё равно припасено особое место для таких как он.

– Хорошее решение. Я тоже хотел найти его; но вряд ли поодиночке у нас что-нибудь выйдет. Одно нам известно точно: убийца – среди наших. Если он умён, то он ни за что не даст себя выдать. Тут, нам нужно быть хитрее, чем он. У меня есть только один план, который может помочь нам его

найти.

Я внимательно слушал его, даже не моргая.

– Вейи собирает войско, чтобы выступить им против Рима. Думаю, нам с тобой тоже следует взять копья и щиты, чтобы быть частью этой армии.

– Зачем?

– Убийца – будет там; как ещё ему попасть к римлянам в такое время?! Во время сражения он только и будет занят тем, чтобы найти подходящий момент и перейти на их сторону. Уж поверь: на его месте я поступил бы точно так же. Это – единственная возможность для него перебраться к своим; а для нас – вычислить его. И уж тогда – боги подскажут нам, как мы будем мстить.

– Так и будет! Хорошая идея, Касс.

– Думаю, теперь мы с тобой союзники.

Я огляделся по сторонам.

– Касс, я действительно впервые о тебе слышу. Ты живёшь в этом доме?

– Да, он принадлежит мне. Не самый лучший вид, правда? Так только кажется – от дождя и ветра он неплохо защищает; а другого мне и не нужно.

– А твой отец?

– Он – очень занятой человек; и не так часто бывает в Вейях. Я же, решил остаться здесь. В прошлом, у нас с ним было много споров, но в одном с ним я точно согласен: чем меньше мы видим друг друга, тем лучше нам спиться по ночам.

– Чем ты зарабатываешь на жизнь?

– Летом помогаю крестьянам в поле и рыбакам в реке. Зимой для меня всегда найдётся место на рынке в какой-нибудь лавке, да и не только. Я давно живу в этом городе и многих здесь знаю; вон, даже ты мой знакомый, хоть и говоришь, что видишь меня в первый раз. Такие люди как я, мой друг, в любом месте смогут выжить, даже не сомневайся. Я знаю, в какую сторону дует ветер; и всегда следую за ним.

Просидев там ещё какое-то время, мы с Кассом решили пройтись. Дороги в Вейях сложены таким образом, что трудно попасть куда-либо, не миновав рыночную площадь. Сейчас, пока там собрался народ, чтобы каждый мог поделиться своим мнением по поводу надвигавшейся войны с Римом – это было место, куда мне хотелось попасть меньше всего. Но подойдя поближе, мы всё равно вслушивались в долетавшие до нас обрывки фраз:

–...А ведь люди просто срываются с места и бродят по миру. Если они приходят в любой другой город – они становятся там отбросами, чужаками. Но только в Риме, принимающего в себя весь мусор: они имеют права и могут стать кем-то. И когда их новый дом в опасности – они берут в руки ножи и копья, и идут умирать за него. Человек готов умереть за то, во что верит; и Рим – даёт им эту веру. Они знают, что когда умрут, их детей назовут сыновьями героев, истинных римлян...

–...Говорят, что это генерал из Коринфа – людоед...

– Против одного нашего воина они смогут выставить десять!

– Нужно вести переговоры; у нас ещё есть шанс предотвратить эту войну.

– Война уже началась.

– Мы все погибнем.

– Этрусские города – встанут за нас стеной; вместе мы – непобедимы.

– Они бросили нас. Почему их армии до сих пор не здесь?! Мы – остались совсем одни. Нам не выстоять.

Мы услышали, как закричал во всю глотку, перекрикивая остальных ораторов, начальник городской стражи. К тому времени мы уже были на площади вместе со всеми; и слушали его пламенную речь, после которой каждый, кто способен держать в руках оружие – возьмёт его, чтобы сражаться против Рима. Я и сейчас помню, какими примерно были его слова:

– Мы победим их! Я знаю как – и мы это сделаем! Ведь всегда побеждали. Наши воины выстоят против них. Мы победим!

Вдохновлённая его речью, толпа на площади взорвалась воодушевлёнными возгласами.

Семь дней ветераны готовили молодых к будущим битвам. Начальник городской стражи объявил себя диктатором и отправил шесть гонцов в этрусские города, требуя от них военной помощи. Тогда, я ещё не знал, удастся ли моему го-

роду выиграть эту война; у меня – была своя. Но даже о ней мне пока мало что известно.

В ожидании бойни, я почти всё своё время проводил вместе с Кассом. Я старался как можно больше узнать о нём; ему же, неожиданно, стал интересен я. Всё это время, пока знамёна римских легионов могли появиться на горизонте в любую минуту, а дни проходили в утомительных тренировках – без конца шел дождь, а ветер будто хотел снести этот город на другую сторону Тибра.

Дни проходили быстро; но все вместе складывались в целую эпоху. За это время я успел узнать о Кассе столько, сколько когда-то знал о Гелионе. Я всё никак не мог понять: почему он никогда не рассказывал мне о Кассе? Когда я задавал этот вопрос ему самому, он лишь пожимал плечами, но о чём-то всегда недоговаривал. И всё же, будь у нас в запасе больше времени – я всё равно не смог бы узнать его лучше.

Он был невысокого роста – глаза его всегда, где бы он не находился и с кем бы не разговаривал, были устремлены вверх. Его кожу покрывали родимые пятна. Некоторые гальские племена верили, что это – признак того, что за ним стоит вся сила предков из его рода. Он был сильнее и выносливее меня, да и всех остальных; только Гелион, наверное, смог бы одолеть его в борьбе или кулачном бою. Его образ был далёк от идеала мужской красоты, каким обладал Гелион; но он умел заставить других любить и уважать себя.

Ни Цери и ни один другой союзный город так и не пришел

нам на помощь. Никто не осознавал, что эта война не за будущее Вей, а за существование всей Этрурии. Римские легионы, по словам лазутчиков, тоже не стояли на месте. Они готовились выступить, чтобы подойти к городу и взять его в осаду. Только три сотни галльских всадников пришли нам на подмогу. Их вёл длинноволосый варвар, родившийся в седле и произносивший лишь одну фразу: смерть Риму. С их появлением, лучшие воины Вей готовились выступить в бой и не подпустить врага к своему дому; даже если в этой битве им придётся сражаться в одиночку.

Я взял широкий щит, крепкий шлем и острое копье. Мой отец, оставшийся в городе, пролил несколько слёз, глядя на меня. Я отвечал ему, что лучше бы он занялся своим делом – запечатлел бы все эти героические часы на одной из своих великолепных амфор, которых у него больше, чем даже воинов у Вей. Он ответил, что эти часы – ему хотелось бы забыть. Вместе с ним, я старался шутить и смеялся больше, чем мне самому того хотелось. Полдня я проводил на боевых учениях; полдня в доме Касса; полночи я сидел рядом с отцом, крепко сжимая в руке копье.

Я старался пошутить: когда я вернусь домой героем, мне придётся всем, кого я встречу в будущем, рассказывать эту историю. Даже если удача окажется не на моей стороне – боги не примут меня к себе на небо и я встречу вечность в роли призрака, рассказывающего из века в век одну и ту же историю.

– Раз ты, отец, художник – значит и тебе, так или иначе, приходится принимать на себя роль рассказчика, хоть и не произносишь при этом ни слова. Может, поделишься опытом и ответишь мне: как, глядя на себя, мне передать историю своей жизни?

Он взглянул на меня так, как больше никогда не посмотрит – ведь это была последняя наша ночь. Улыбка навсегда забыла, где находится его рот. Он сказал:

– Размышляя о потусторонних вещах, ты всё равно, так или иначе, возвращаешься к себе. Истинный талант: всё время рассказывать о чём-то совсем уж глупом, произнося при этом истины, мудрость которых поразила бы саму богиню. Вещи, которые кажутся нам, сын, несвязанными между собой – связаны прочнее, чем мы только можем себе вообразить. И ты, если переживёшь грядущую битву – станешь одним из тех рассказчиков, которые смогли бы взять в руки кувшин, – он обеими руками поднял с пола одну из своих амфор, протягивая её мне, – и стал бы рассказывать о нём – только о нём, не сменяя темы; но сделал бы это так, что под конец твоего рассказа – слушатель будет знать о тебе всё. Даже кончик твоего ногтя связан со всем, что происходит в мире.

На рассвете, наше войско покинуло родные Вейи, чтобы не вернуться туда никогда.

Нас вёл за собой диктатор – лучший из воинов, равных которому не было ни в одном из поединков. Когда солнце

уже близилось к закату, а люди, оставшиеся в своих домах, начинали готовиться к ночи – мы встретились с вражескими легионами и начали приготовления к битве.

Первыми пошли в бой римляне: они отправили на верную смерть велитов – плебеев-копьеметателей. Лучники быстро не оставили от их рядов ни одного живого места – все стали едиными с землёй.

За нами, в бой пошли гастаты, ровным маршем приближая неизбежное. Диктатор повёл наши ряды к ним навстречу, не в силах дожидаться, когда сам сможет зубами вонзиться плоть врага.

Римские щиты – пробить невозможно; они стояли нерушимой стеной перед нами, делая поочерёдные выпады кинжалами и быстро возвращаясь в строй. К ним всё время подходило подкрепление, в виде союзных отрядов триариев и принципов – мы выставили копья вперёд и расширили линию фронта, не давая врагу взять нас в кольцо. По мере того, чем ближе была к нам ночь – отличать своих от чужих становилось всё труднее. Мы стояли с Кассом плечом к плечу, прикрывшись щитами; били в сторону, откуда приходили удары врага. Битва, какой бы долгой она ни была – это всегда одно единое мгновение ужаса, перед которым даже лучшим из лучших приходится сдаться. Крики уже не живых, но ещё и не мёртвых – сводили тех, кто ещё стоял по обе стороны фронта, с ума. Поле устилала уже не трава, а огромный и ужасный ковёр из живых и мёртвых человеческих тел. От

ужаса и ран погибало больше, чем от копий и стрел.

Когда рассвет был уже близок, диктору стало ясно, что наши войска потеснили врага куда сильнее, чем они нас. Казалось, одного удара хватит, чтобы добить остатки римского войска. Настало время сломить их и принести победу родным Вейям. Он дал заветный сигнал галльским всадникам, которая должна была зайти врагу с флангов и сокрушить оставшиеся у него силы. А римскому орлу, по всему, суждено будет найти свою гибель на острие этрусского копья.

Галлы действительно пришли на помощь; но не нам, а римлянам. Этруски не успели развернуть свои ряды, чтобы встать во второй фронт; а уже спустя несколько минут было уже поздно. Одни за другим герои гибли под чередами предательских ударов.

Диктору удалось сбить с седел и разбить черепа не одному десятку галлов; но он искал того самого, длинноволосого, не насладившись смертью которого не мог покинуть этот мир. Но он сам нашел его.

Галльский вождь слез с коня и натянул тетиву лука, заряженного стрелой.

– Зачем? – спросил диктатор.

– Когда этруски исчезнут, – улыбнулся он, – мой народ покорит богатый юг.

Диктор бросился на него и первая же стрела пронзила ему плечо; но не остановила его. Вторую стрелу он отбил на лету топором, сжимая его обеими руками, и подошел достаточно

близко, чтобы встретить смерть от третьей стрелы, но ударив со всей необузданной своей яростью в шею предателю. Рим всё равно остался победителем, поспорив тех единственных, кто мог его разрушить. Задыхаясь, они оба упали на землю с одинаковыми мыслями: их армии разбиты, а жизни – подошли к концу. Пока огонь битвы постепенно затухал, они оба таращили свои ослепшие белки к небу, откуда на них смотрели боги, безразличные ко всему.

Интермедия Третья

А в Вильнюсе: всегда хорошая погода. Даже сейчас, когда идёт дождь, здесь: будто всё цветёт и не перестаёт праздновать этот день, давая понять остальным, что некоторым городам – дождь даже к лицу.

Пока столицей Евросоюза остаётся румынский Бухарест, Вильнюс носит гордое название культурной столицы всего европейского света. Многие изменилось: после альпийской войны её улицы заполнили беженцы из Италии, Германии и Франции; теперь здесь со всех сторон можно услышать все европейские языки и людей всех цветов кожи. Западноевропейский союз постепенно превращается в пустыню, а Евросоюз движется к своей гибели из-за неоправданной политики пустократии. Тяжело жить в интересные времена; но есть вещи, которые всегда остаются неизменными и которые всегда в новинку.

С вокзала мы дошли до проспекта Гедиминаса – только для того, чтобы сделать крюк и пройти по Пилимо до Аушрос Варту – «Врата Утренней Зари», за которыми начинается старый город. Можно было пройти и по прямой; но Машенька выбрала именно этот маршрут, чтобы пройти по эволюционной цепи от конца к началу – от Нового до Старого Вильнюса. Теперь, я каждый раз, приезжая в этот город буду следовать именно за этим маршрутом: чтобы наблюдать, как

история проходит мимо – медленно и гордо.

Как ни странно, эта девушка до сих пор со мной; и слушает каждое моё слово. И как в былые славные времена, я не могу избавиться от мыслей: как бы мне от неё поскорее избавиться; но только для того, чтобы найти вновь – ещё раз завладеть её умом и сердцем. Мне, живущему в последний раз, всегда нравились молодые – со всей их наивностью и безумием.

– Наконец-то ты начал рассказывать о чём-то интересном. Это правда, что римляне чуть не проиграли дикарям?

– Этруски веками считали дикарями римлян. И очень заплатились за это.

– Теперь словяне считают дикарями англосаксов.

– А для меня – всё человечество остаётся диким.

– А твоя история про Марс – я никогда там не была, но, думаю, слетать туда на медовый месяц.

– Меня там ещё помнят. Надеюсь, ты никому не будешь рассказывать там о том, что услышала от меня – ведь я, как-никак, выдаю тебе государственные тайны Марсианской республики – то есть, нарушаю законы, одним из авторов которых сам являлся когда-то. В конце этой истории – ты будешь знать слишком многое; и как бы мне это ни нравилось – мне придётся устранить тебя в интересах своего бывшего отечества.

– Я всё равно не смогу воспользоваться ничем из того, что ты там мне наплёл; так какой смысл тогда её скрывать?!

Рассказывай уже всё, что знаешь, раз сам предложил.

– А потом ты расскажешь обо всём своему официанту; и он станет одним из тех немногих посвященных в реалии Марсианской революции. Не думаю, что ему будет приятно стоять в одном списке с президентом и министром безопасности Марса. Да к тому же, подозрительный он тип – никогда мне не нравился.

– Тебе вообще не нравится никто из тех, кто нравится мне. Если ты действительно живёшь вот уже почти три тысячи лет, то как до сих пор не усвоил тот факт, что девушек нужно подстраивать под себя лестью, а не грубостью.

– Ничего подобного; в этом деле – у меня как раз хватает опыта. И я с уверенностью готов сообщить, что чаще всего – всё бывает как раз наоборот.

Она рассмеялась.

– Да?! И как же ты собираешься заставить полюбить себя, если ты за три тысячи лет так и не научился быть нежным.

– Я умел когда-то, но забыл. Да и не нужно мне это совсем.

Бедный, маленький ребёнок. Она живёт всего один день в сравнении с той вечностью, в которой я кручусь как белка в колесе. Неужели она действительно хочет поспорить со мной – с тем, кто выигрывал в спорах чаще, чем ел?! Нет, я никогда не поверю, что она может быть настолько наивной.

Дождь кончился; надеюсь, этот был последним на сегодня. Хотя в таких вещах даже я не могу быть уверен окончательно. Мы сложили зонтики и оглянулись вокруг. Это бы-

ла улица, ведущая к башне Гедиминаса. Я взглянул на своё спутницу и обнаружил, что та уже давно следит за каждым моим движением. Приподняв уголки губ, я кивнул в сторону «Кофеина», стоявшего неподалёку. Пожав плечами, она взяла меня за руку и сама повела меня туда за собой. Уже сидя внутри, с чашкой капучино в руках, я сказал ей:

– Полезно ведь иногда остановиться и отдохнуть. Но вижу, ты ещё совсем не устала от моих историй. Поверь, мне ещё многое предстоит тебе рассказать...

– Давай поспорим, – сказала она, – ты говорил, что можешь расположить к себе девушку, не сказав ни одного ласкового слова.

– Я этого не говорил – ты сама сейчас это сказала.

– Ты это подразумевал; для меня это одно и то же, так что, теперь не отвертись. Придётся тебе, рассказчик и хранитель государственных тайн хренов, мне это доказать.

– Я позвал тебя в это путешествие и привёз в культурную столицу Евросоюза, чтобы продолжить свою историю; а не для того, чтобы доказывать тебе правдивость слов, которых даже не говорил.

– Давай-давай, дорогуша, ведь от меня уже так просто ты отделаешься. Видишь вон ту одинокую женщину лет под сорок в заднем углу? Подойти и пригласи её на свидание... Хотя нет, лучше просто возьми её телефон; но веди себя при этом как последняя скотина.

– Здесь главное знать меру – это как острая приправа.

– Тебе решать.

– У неё ведь кольцо на пальце.

– Тем лучше. Если ты действительно топчешь землю вот уже почти три тысячи лет – тогда точно должен знать, как это делается. Давай-давай, смелее.

Когда-то, я отказался исполнять приказы нацистского руководства, несмотря на все те меры, которые они могли применить против меня. Но кому-кому, а ей «нет» – я точно не мог сказать. А потому, я встал из-за стола и отправился исполнять её поручение, заранее приготовившись и к поражению, и к триумфальной победе. И действительно: на третьей минуте разговора с одинокой женатой женщиной лет под сорок на диалекте литовском, который используют в Клайпедде, я получил пощёчину. Затем, меня что-то прорвало; и я сказал ей пару фраз уже на столичном литовском, с помесью немецкого. А ещё через пять минут нашего диалога, у меня уже был её номер телефона и страничка в Инстаграме. А сама она – встала и стремительно направилась к выходу из кофейни.

Я вернулся к Машеньке с ликом победителя.

– И как тебе это удалось? – безучастно спросила она.

– Я просто был собой.

– Ты был свиньёй!

– Свиньи – довольно часто оказываются славными и отзывчивыми существами – любой свиновод тебе это подтвердит. Люди напрасно обзывают друг друга свиньями; но по

большому счёту, это можно счесть за комплимент. А вообще, у меня просто много опыта: я знаю, что и когда нужно говорить.

– И что ты собираешься с ней делать?

– Что-что – приглашу на свидание, как ты мне и сказала.

А затем, найду повод для расставания.

– Ну и свинья же ты.

– Спасибо.

Свой остывший капучино я допивать не стал.

– И всё равно: ты до сих пор здесь, со мной, – сказал я.

– А куда мне идти?

– Домой. Только скажи: я куплю тебе билет обратно.

– В таком случае, ты ведь всё равно отправишься за мной.

– Конечно. Я ведь должен закончить историю до конца.

Только ты не будешь знать, насколько близко я от тебя нахожусь.

– Раз так – то мне, наверное, лучше остаться – от тебя и на краю света не скроешься.

– Там у меня полно знакомых – о каждом твоём шаге мне будут докладывать.

– Рассказывай уже – мне как раз хочется спать.

Мы сидели у подножия статуи ангела на улице Ужупио. Я обнимал её. Без сомнений, это была та самая Машенька, которую я знал уже столько лет, хоть и всё равно слишком мало. Однако теперь, она молчала; и я знал, что это означает. Девушка прижалась к мое груди у памятника ангела в далё-

ком северном городе, насквозь продуваемому ветрами, пока я продолжал свою историю. Отпустив её и указав пальцем на солнце, выходявшее из-за грозовых туч – я прикрыл глаза, открыл рот и начал говорить.

Разрушение Второе

Утром, нас разбудил добрый римлянин, угрожавший нам топором. Его можно было понять – мало ли кто мог оказаться на нашем месте. Мы могли быть и бродягами-варварами, и простыми воришками. Но оказались патрициями, по воле случая угодившими в неприятности.

Слегка усмирив его пыл, нам пришлось объяснить ему, что мы вовсе не те, за кого она нас принял. Будь у нашего утреннего гостя мозгов чуть побольше, он вообще не стал бы нас слушать; а просто ударил бы подозрительных незнакомцев пару раз по черепушкам топором – и дело с концом. Но, видимо, это римлянин мало успел повидать в этой жизни и не успел как следует разобраться в людях нашего времени, раз решил не просто дать нам выговориться – но и предпринял попытку понять всё, что нагородили ему двое напуганных его топором странно разодетых человека из его повозки.

– Это – самая безумная речь, которую я когда-либо слышал, – только и ответил он на все наши увещевания.

Готов поставить всё золота римского императора на то, что этот крестьянин – самый странный гражданин империи, кого нам с Флавием Тиберием приходилось встречать за полвека нашей с ним дружбы.

– Вы, ребята, точно сошли с ума, – продолжал он.

Забавная выходила ситуация: два старика в повозке с се-

ном и крестьянин с топором перед нами – и обе стороны конфликта разумом считали друг друга за полоумных.

– В последнее время, в округе много развелось таких как вы, – сказал римлянин, который всё ещё осторожничал и не опускал топор, – кого ещё варвары зарубить не успели – так те все с ума, да и посходили. Иногда мне кажется, что я – последний трезвомыслящий человек во всей империи.

Он всё же опустил топор и мы смогли вздохнуть с облегчением. Но он тут же поднял его обратно.

– Так, что, говорите, вы делаете в моей повозке?

– Дело в том, что мы ищем нашего друга. Точнее, я ищу сына своего друга, а вот он – просто ищет сына.

– Понятно. Значит, в моей повозке лежит ещё одно тело и вы его там ищете?

– Не совсем.

– Тогда всё ещё более странно. Вы называете моё сено своим другом и сыном своих друзей, так? Или наоборот?

– Да нет же! Вот этот человек – мой друг; и я помогаю ему найти его пропавшего сына. Вернее, не совсем пропавшего, а сбежавшего. А в вашей повозке мы оказались случайно. Мы направляемся на север.

– На север?! Да кем вы себя возомнили, раз вздумали туда идти?! Вот, к примеру, этот старик – твой друг – кто он?

– Его имя – Флавий Тиберий Перн – уважаемый человек, своими усилиями добившийся любви общества.

– Один из сильных мира сего?! За свою жизнь я повидал

не мало таких; и только один из них был живым – его пленили и на следующий день собирались казнить. И жизни их лишили те, к кому вы так торопитесь попасть. Да что и говорить: сами римляне нанизывали их благородный головы на копья, чтобы их облик украшал дороги империи. Твоему другу стоит смириться с тем, что его сына – уже давно нет в живых, раз он направился на север. Там: вы найдёте только разграбленные города и одичавших римлян. Жизнь – давно оставила те края; отныне, там властвует только смерть. Я видел те земли; и если хотите услышать мой совет, то возвращайтесь туда, откуда пришли – в Рим – тогда, может быть, вы проживёте ещё несколько лет. Хотя и Рим – не самое безопасное место в нашем мире. Во всей империи не найдётся больше героев, способных держать меч против варваров. Все армии разбиты, а битвы проиграны. Сотни тысяч мужчин убиты; сотни тысяч женщин и детей угнаны в рабство в неизвестные земли, а сотни городов – стёрты с лица земли теми, кто никогда не сможет восстановить их. Мир никогда не видал трагедий, худшее этой. И вы – хотите направиться в самое логово львов. С тех пор, как умер Аэций – даже десять римских легионов не смогли бы пройти сквозь племена варваров.

- Где не пройдут десять легионов, – наконец сказал Флавий Тиберий, – два человека – смогут найти путь.
- А ты, благородный римлянин – не из робкого десятка.
- Ты тоже, раз решил покинуть Рим в такие времена. Не

могу понять только: почему ты говоришь нам вернуться в Вечный Город, раз сам бежишь оттуда сломя голову?

– Я же говорил: там – небезопасно; и всё же, такие люди как вы всегда смогут найти, чем откупиться от вандалов и им подобным. Я знаю один домик в горах – там я надеюсь пережить самые тяжёлые времена; женится на варварской девушке, оставить потомство и встретить старость. Я надеюсь, вы не станете рассказывать об этом варварам, когда попадёте им в руки? Мне очень важно, чтобы о моей тайне – не знал никто.

– Можешь быть спокойным. Твой секрет про убежище в горах – мы унесём с собой в могилу, – заверил его я, – мы с моим другом благодарим тебя за оказанную помощь. Мы предпочли бы идти дальше, раз нашим дорогам суждено разойтись.

– Я не стану ни помогать, ни мешать вам. Каждый – сам хозяин своей головы. Но я верю в Господа, а он говорит помогать нуждающимся. Вы, пара благородных кретинов – как раз подходите под их описание. Может, у меня найдётся для вас немного воды и хлеба, чтобы облегчить ваш безумный путь.

– Не знаю даже, как отблагодарить тебя за это, – сказал Флавий Тиберий, – но если когда-нибудь ты решишь вернуться в Рим, а он к тому времени не будет разрушен – тебе будет достаточно лишь вспомнить моё имя. Найди мою виллу и ты получишь там от моей семьи награду, которую

заслужил. Проси у них, что хочешь – и ты получишь это.

– Постараюсь запомнить это. Всегда лучше иметь место, куда можно было бы сбежать.

– Дай тогда ещё один совет напоследок: как нам выжить среди варваров?

– А никак, – улыбнулся добрый римлянин, – я не знаю. Знал – не стал бы так напрягаться, чтобы спасти свою шкуру. Но мне, как и вам, известно, что варвары – такие же люди, как и мы, римляне. У них те же слабости – запомните это; возможно, это поможет вам, а может, и нет. Они истребляют нас лишь для того, чтобы не исчезнуть самим. Они – слабы; наша беда в том, что мы стали ещё более хрупкими и беспомощными, чем они. Так пусть же Господь милосердный дарует вам веру в себя, чтобы вы могли стать сильнее и хитрее, чем они. Удачи вам.

С этими словами, он сдержал своё обещание, оставив нам пару сюртуков с водой и кусков хлеба; и укатил свою тележку прочь. Станный он был человек.

– Если он направляется далеко в горы – зачем ему столько сена? – спросил меня Флавий Тиберий.

– Догони его и спроси. Не видишь разве, что он – сумасшедший, один из десятков тысяч напуганных варварами римлян?!

– И правда, – покачал головой мой спутник.

Затем, мы двинулись в путь, в неизвестные земли за известной целью. И всё равно: ни один из нас понятий не имел,

куда именно приведут нас ноги.

Мы старались держаться подальше от больших дорог, на которых орудовали разбойничьи банды, способные ограбить и убить нас без лишних слов. Мы шли вперёд, сами прокладывая тропы, способные лишь строить догадки, куда они ведут; а пока, мы лишь слышали, как земля поддаётся нашим усталым ногам.

Отдыхать нам приходилось больше, чем идти вперёд. Так длилось до тех пор, пока не исчезли последние сельские тропинки; и идти дальше нам предстояло по прекрасным холмам и полям, на которые так богата эта удобрённая людскими останками земля. Прошло несколько и наши хлеб с водой кончились. Была осень; мы собирали урожай с диких деревьев и набирали воду из встречавшихся нам ручьёв. Мы встретили ни единого человека, хоть и повсюду встречали следы его присутствия: разграбленные виллы, пустые селения. Тем временем, Флавий Тиберий становился всё менее разговорчивым. Он и без того не был любителем поболтать; но теперь я мог наблюдать, как жизнь день за днём угасает в его здоровом богатырском теле, подобно тлеющему угольку – как саранча его поедала тоска и отчаяние. Он всё меньше и меньше сам верил в то, что сумеет дожить до того момента, когда в последний раз сможет увидеть Аппий Примула. Да сумеем ли мы его найти?! Ведь страна, покорённая варварами – так огромна...

В один из таких дней, мне в плечо вонзилась стрела. Фла-

вий Тиберий в ужасе упал на землю, прикрыв лицо ладонями; в его голове пронеслись мысли, что это конец всему. Я же остался стоять, каждую секунду сражаясь с адской болью. Я схватился за стрелу и одним рывком вытянул её из себя – мне повезло, что она вошла не так глубоко. Бросив её на землю, я закричал:

– Покажись! Мы безоружны и слишком слабы, чтобы убежать. Так смотри же нам хоть в лицо, когда убиваешь нас, невинных!

Но как бы я ни кричал, никто так и не появился. И других выстрелов после первого не последовало, будто стрела появилась из неоткуда и выпустил её никто. Но мы оба продолжали неподвижно стоять на месте, поскольку нам было ясно, что движение для нас – смерть. Неизвестно, сколько ещё вечностей нам пришлось бы пережить на месте, если бы стрелок так и не показался спустя то ли десять минут, то ли десять часов. Мы ожидали увидеть беспощадного варвара; но встретили напуганного охотника.

– Я принял вас издали за оленей и испугался, обнаружив, что это не так, – стал оправдываться он, – я убежал, но затем вернулся за вами. Мне очень жаль.

Я ослабел от потери крови. Смерть моя была близка, как и новое перерождение. Но в этой жизни у меня ещё хватало сил, чтобы сказать:

– Мог бы и быстрее показаться...

– Я боялся. Думал, что вы меня убьёте; и даже решил по-

кончить с вами раньше. Но передумал.

– Мне нужна помощь, – сказал я, продолжая держаться за рану на плече, – а мой друг – очень устал.

– Конечно, я помогу вам. Сначала, я подумал, что вы – варвары. Но ты говоришь как римлянин. Пойдёмте за мной. Я помогу тебе идти.

– В такие трудные времена: единственный шанс на выживание – помогать друг другу, пусть и незнакомцам, – сказал Флавий Тиберий, подняв глаза на охотника.

– Верно. Недалеко отсюда, – сказал подстреливший меня, – находятся развалены Вольтеры. Граждане отказались сдаться. Варвары ворвались в город и убили всех его жителей, забрав с собой всё, что можно было унести. С тех пор, некоторые их банды ходят вокруг и собирают урожай с посаженных крестьянами фруктовых деревьев. Ведут себя так, будто теперь это их земля. Но меня – они до сих пор не поймали. Вы – первые римляне, которых я встретил за несколько лет.

– Неподалёку отсюда проходит границы провинций Италия и Цезальпийская Галлия.

– Верно: день или два пути. Но провинциями эти земли больше никто не называет. Римляне здесь больше не живут. Везде, где проходят орды варваров, они оставляют лишь безлюдные пустыни и руины некогда великих городов. Есть те, кто селится в них; есть и те, кто просто уходит. Цивилизация гибнет; человечеству, кажется, скоро тоже настанет конец.

Он взял меня под целое плечо и повёл за собой. Он говорил всю дорогу, пока мы приближались к его дому, спрятанному в лесной чаще; но я устал так, что не слышал его слов. Флавий Тиберий же по-прежнему молчал, будто вовсе принадлежал у миру немых, не наделённый даром речи.

– Зло повсюду – даже внутри нас, – сказал наш спаситель перед тем, как впустить в свой дом гостей.

Как ни странно, я ещё был в сознании. Найдя для себя место помягче, я свалился на него, чтобы покинуть мир чувств, который не может обойтись без боли.

– Выпей вина, мой друг. Моя жена позаботится о ране. Но прежде, ты должен отдохнуть.

И он протянул мне кувшин, полный сладкого вина. Я осушил его полностью; на какое-то время забыл о боли и поторопился уснуть. Позже, мне скажут, что сон мой затянулся на весь день и всю ночь. И всё равно, сказать, что я отдохнул, можно лишь с большой натяжкой, потому что всё это время мне снились кошмары – один ужаснее другого.

Проснулся уже с перевязанным плечом; рядом со мной сидел Флавий Тиберий с лицом, постаревшим за пару дней на двадцать лет.

– Твои раны быстро затягиваются, – прокричала старуха на ломаной латыни из другого угла дома, где согнулась над кастрюлькой, – с моим мужем – всё было бы гораздо труднее. Крепкий из тебя получился бы солдат. Несколько дней – и сможешь ходить лучше, чем раньше.

Закончив, она протянула мне чашку.

– Выпей это – сил будет больше.

Я сделал глоток – солёное со сладким. Я узнал этот вкус.

– Молоко с конской кровью, – опередила она меня, – ты быстро встанешь на ноги. Вы уж не сердитесь на моего дурака за то, что доставил вам столько хлопот – он не хотел причинить вам зла; просто у него не хватает мозгов.

– Ничего страшного. Если бы не он – с нами могло произойти ещё чего похуже, чем царапина на плече.

– Вижу, тебе уже намного лучше, раз язык твой острее даже, чем стрелы, с которыми мой муж выходит на охоту. А раз так, то и голова на твоих плечах варит лучше моего котелка. А раз с головой всё в порядке, то и желудок не обидит старую гуннскую женщину и не откажется от угощения. Appetit-то у вас проснулся? Еда почти готова.

– С радостью проглотил бы сейчас всё, что угодно. А от таких ароматов – голова моя вообще сходит с ума.

Я старался улыбаться; но мой пришедший в себя ум всё никак не мог переварить и взять в толк одну фразу этой женщины, брошенную ей как бы случайно. То, что разница в возрасте у них лет двадцать – ещё как-то укладывалось в голове, хоть и казалось необычным. Но она сказала «гуннская женщина» – вряд ли это могло быть простой оговоркой. Жена этого доброго человека – из народа гуннов, опустошивших сотни мирных городов и чуть не уничтоживших обе Римские империи.

Я взглянул на Флавия Тиберия, которому сам воздух приносил невыносимые страдания. Глаза его, тем не менее, были ещё живы; и он моргнул ими один раз, подтверждая мои мысли.

– А где сейчас ваш муж? – спросил я у старухи, разливавшей горячее блюдо по тарелкам.

– На охоте – где же ещё – подстреливает других таких же несчастных, как и вы.

Она подставила к моей кровати табурет и положила на него тарелку.

– Не расскажите, с какой целью вы покинули тесный и шумный Рим, и зашли так далеко в земли, которые принадлежат тем, кого вы называете «варварами»?

– Мы ищем сбежавшего сына моего друга, – я кивнул в сторону Флавия Тиберия, – его имя Аппий Примул Перн, ему уже больше пятидесяти лет. Вам известно что-нибудь о нём?

– Ах, эти длинные римские имена – даже если бы слышала, то не запомнила бы. Высокомерные названия всё равно не спасли бывших хозяев от гибели. А твой друг – не особо разговорчив.

– Флавий Тиберий – очень стар. Он родился в год, когда имя Стилихона, спасителя Рима, звучало там из каждого угла. А человек, которого мы ищем, был в расцвете лет, когда вандалы ворвались в Рим, унизив и сыновей, и отцов. С тех пор, он много лет не показывался на людях; а теперь вот сбе-

жал. Мы с моим другом очень переживаем за него.

– И у вас есть на это основания. Попасть в руки гуннам и готам – далеко не самое страшное, что могло с ним произойти. Много всякого народа властвует теперь в местах, где раньше каждый мог назвать себя римлянином. Жители этого паршивого города закрылись за своими воротами, будто надруганная женщина прикрывает свой срам юбкой. Люди там привыкли называть каждого чужака «варваром». Они считают, что за стенами их города теперь дикое поле, полное хищных зверей. Но все мы – такие же люди; и тоже не всегда мирно ладим друг с другом. Мы обрели новый дом – хотят того старые хозяева или нет. И мы будем строить новые селения, взамен утраченных вами. Вы думаете в своём Риме, что вы проиграли; что всё кончено и время остановилось. Но всё – только начинается. Я прожила долгую жизнь; правда, не такую, как твой друг. И я видела множество духов, говоривших со мной языком сновидений. Исчезнут и гунны, и готы, и римляне; и все германцы, и франки, и лангобарды, и остальные. Появятся новые народы и новые империи. Рим – сделал всё, что мог для этого мира; теперь, ему нужно тихо уснуть, чтобы не мешать времени идти дальше.

– Меня вовсе не волнует, что будет с Римом; моего друга – тоже. Мы даже не намерены возвращаться обратно. Мы просто хотим найти одного заблудившегося человека, судьба которого нам небезразлична.

– Увы, за много лет, вы – первые римляне, которых встре-

тила я и мой муж; а ведь нам известны все окрестные места – иначе мы не сумели бы выжить. Возможно, вы движетесь не в том направлении. А может, вашего пропавшего друга уже и нет в живых – он ведь тоже старик. Сам ты ранен, хоть и бодр духом; но вот спутник твой – больше напоминает живого мертвеца. Я не хочу его расстроить; но должна сказать, что вряд ли он ещё когда-нибудь увидит своего сына.

После этих слов, даже каменное лицо Флавия Тиберия перекосилось от гримасы отчаяния. И здесь, он тоже не нашел, что сказать.

– Ну, ешьте, давайте. Во все времена: не было ничего важнее еды.

Вскоре, вернулся и сам хозяин дома. Но пришел он не один; следом за ним во внутрь зашел парень со светлыми волосами, похожий на охотника. Я догадался, кем он был; передо мной стоял остгот. Теперь, их народ – хозяева этой земли; надолго ли?!

В Риме об остготах ходит множество пугающих легенд; среди всех варварских народов только гунны смогли бы тягаться с ними в сфере страха римлян перед ними. Однако этот парень – вовсе не казался таким уж страшным. Хоть он и был врагом Рима, а я – неприятелем королевства остготов, от него исходила доброта и приветливость. Его трудно было ненавидеть; и у него – не было никаких причин враждебно относиться к нам.

Позднее, мы с ним наладим диалог, во время которого он скажет:

– Хоть остготы и отобрали у римлян землю – мой народ и твой сражались плечом к плечу против общего врага – гуннов Аттилы. И мы победили.

Он говорил о битве на Каталаунских полях. В той битве, насколько мне известно, не было победителей. Аттила был вынужден отступить; а спустя какое-то время расстался с жизнью – а вместе с ним и величие гуннов. Аэция – лучшего римского полководца, одержавшего вверх над варварами – убили по приказу императора. Теодорих – король остготов – погиб во время битвы; а его страна окунулась в братоубийственную войну за власть. И гунны, и римляне, и готы – для нас это был самый печальный из всех дней. Это была победа Рима; но она же и показала, что нашей цивилизации настал конец.

Молодой остготский охотник сел за один стол с двумя старыми римлянами и стал молча уплетать еду из тарелки, которую поставила перед ним гуннская женщина. Даже Флавия Тиберия это обстоятельство слегка позабавило – ведь это было фантастичнее вымысла; даже в самых безумных легендах, ходивших по Форуму, не случалось подобных чудес.

Что происходит с этим миром? – слова, которые я не устану повторять каждый день.

– Я похож на римлянина, – сказал подстреливший меня хозяин дома, – но на самом деле, отец мой был гунном; а мать

родом была из Вольтеры. А этот славный охотник остгот – спас однажды мне жизнь. На меня напали волки, а он подстрелил их – одного за другим. Я никогда не видел ничего подобного. С тех пор, мы с ним – друзья.

Всё намного труднее, чем может показаться на первый взгляд.

– Меня всё никак не покидают мысли о прощальной записке, которую оставил Аппий Примул, – сказал я однажды Флавию Тиберию, который за день старел как за год, – он говорит в ней, что хочет вернуться к некоему дому. Я не уделил этому должного внимания; но под «домом» он мог иметь в виду самое, что ни на есть конкретное место, в котором мог жить когда-то. Но ведь дом его находится в Риме – и на этом месте я окончательно запутался в словах и безумных идеях Аппия Примула.

– В его далёком детстве, – ответил тогда Флавий Тиберий, и каждое слово ему приходилось выдавливать из себя через силу, – мы каждое лето отправлялись на нашу виллу в Цезальпийской Галлии. Но затем, я был нужен Риму больше, чем любил семью. Я сражался и я победил; но в конечном итоге, все мы проиграли. Не было никого, кто смог бы нас защитить; варвары пробили тараном ворота Рима. Мы потеряли все провинции – и Цезальпийскую Галлию тоже. Мы потеряли Италию, которая была римской уже тысячу лет. И больше сорока лет мы с Аппием Примулом не бывали на той вилле с тех пор.

– Что ж ты сразу не сказал мне об этом! Цезальпийская Галлия, север, вилла, которую Аппий Примул называет «домом» своего счастливого детства. Всё сходится – мы знаем, где его искать.

– Вот только я не знаю, – вздохнул Флавий Тиберий, – прошло столько лет, что о той вилле я могу вспомнить лишь то, что она существовала когда-то. Я не мог поверить, что Аппий Примул ещё помнит её; ведь я сам – не знаю, как добраться туда.

– Проклятье!

Я потерял душевное спокойствие, которое всегда считал одним из величайших своих достоинств. Я кричал; и сломал бы наверняка несколько предметов, если бы было, что ломать. Но так же быстро, как настало моё безумие, я привёл себя в порядок – это ещё одно моё достоинство.

– Может быть, ты помнишь хотя бы, как далеко находится эта вилла от границы Италии и Цезальпийской Галлии?

Флавий Тиберий покачал головой.

– Ну, хоть что-нибудь!

– Нет. Ничего. Прости.

– Как же нам теперь его найти?!

– Мы уж точно не сделаем этого, если будем сидеть на месте, – неожиданно повысил голос он, – вот только идти так далеко – я вряд ли смогу. Жизни может не хватить, чтобы искать среди тысяч опустевших вилл Цезальпийской Галлии ту самую.

Я знал, что он скажет это. И он, и я – мы оба боялись этих слов больше угрозы варваров, больше всего.

– Мы найдём его, – сказал я, – мы уже близко.

– Нет. Я вообще зря всё это затеял. Возвращайся домой. Прости, что втянул тебя в это – в своё старческое безумие. Всё кончено.

Те два или три дня, что мы провели в компании варваров – я должен был догадаться, насколько Флавию Тиберию было тяжело выносить их присутствие. Ещё один день здесь – и он умрёт, возможно, самым несчастным из римлян в эти тяжёлые времена.

Но я не дам этому произойти.

Я встал с кровати и поднял Флавию Тиберию на ноги. Остгот охотник не всегда был здесь, но приходил каждый день в час, когда солнце светит ярче всего. И сейчас, он был здесь; как и хозяин дома. Они оба обернулись в нашу сторону; и увидели нас: я, рана вместе с чудом затянувшейся раной и Флавий Тиберий, едва стоявший на ногах и державшийся за моё плечо. Но и мы, и они молчали; заговорила женщина:

– И куда это вы собрались?! Ты ещё по-прежнему слаб, а у твоего друга вид и вовсе такой, будто он помирать собрался. Вам нельзя пока покидать этот дом.

– Я знаю. Но умоляю вас: ждать больше нельзя. И я прошу вас о помощи: если мы задержимся здесь – мой друг умрёт. Помогите нам найти его сына.

– Мы блуждали в пустоте, – сказал Флавий Тиберий, – а

выйдя из неё – так стремимся попасть обратно.

– Мой брат охотится неподалёку, – сказал охотник остгот, – у него, может быть найдётся лошадь для меня и ещё одна для вас двоих, если я попрошу. Мне сказали, что вы хотите попасть в Цезальпийскую Галлию – а я хорошо знаю земли на север отсюда. Я могу вас провести.

Он добавил:

– В тех землях обитают готы; но многие из них – простые разбойники. Если нас поймают – могут и убить. Поэтому нужно идти осторожно и не сбиваться с пути. Скажите, куда именно вы хотите попасть?

– Точно сказать не могу. Где-то там есть ныне заброшенная вилла, где сын моего друга бывал в молодости. Мы думаем, он там.

– Я так понял, вы не знаете, где находятся эти римские развалины. Вы сами не знаете, куда едете; и хотите найти то, что найти невозможно. Не лёгкие задачи вы, римляне, ставите перед собой.

– У нас нет другого выхода, – сказал я, – мы должны попасть туда; и как можно скорее. Нам нужна ваша помощь – нам ни за что не справиться в одиночку.

– Хорошо. Я попрошу своего брата дать нам лошадей. Если он согласится, то уже к вечеру вы будете в Цезальпийской Галлии. Но помогать вам искать нечто, что вы сами не знаете – я не смогу, особенно, рискуя жизнью. Это уже ваше испытание.

– Ты великий человек, раз помогаешь им, – сказала старая гуннская женщина, – а вы – отважные люди, раз идёте в неизвестность ради любви.

Римлян больше нет. Нет больше и тех, кого мы называли «варварами». Время бесконечных войн – прошло. И так много людей теперь лежат в земле. Отныне: есть только люди, которые живут рядом друг с другом – нравится им это или нет. Тысячелетие Рима прошло; новое тысячелетие настало.

Молодой охотник остгот гнал своего коня так быстро, как только мог; и мы вдвоём на одной лошади едва могли поспеть за ним. Если бы я стал рассказывать эту историю в Риме – любой счёл бы её за вымысел – настолько она была невероятна. Но всё было именно так: ведь воспоминания мои такие яркие. А может, всё это был один лишь сон?! Но тогда бы он длился всю жизнь. Нет, не смотря на все прелести сна – только реальность может быть настолько невероятной.

У Цезальпийской Галлии мы действительно были уже к вечеру. Он завёл нас так далеко, как только мог; и затем, остановил своего коня.

– Дальше я идти не могу. Но это кольцо – принесёт вам удачу. Оно сделано из старого священного дерева, в которое ударила молния. Найдите того, кого ищите. И да поможет вам ваш бог.

Он кинул в нашу сторону деревянное кольцо и я поймал его в кулак. Не успел я и поблагодарить, как он уже скрылся

так далеко, что видна была одно лишь облако пыли на горизонте. Я примерил кольцо себе на палец – оно идеально подошло.

Флавий Тиберий и я – мы развернулись, чтобы увидеть свой путь. Перед нами стоял глубокий тёмный лес.

Возрождение Второе

Так пролетело множество жизней, прежде чем я снова встретил её. Восемь раз сезонам пришлось смениться, чтобы этот день настал. Обстоятельства, которые привели нас друг к другу во второй раз – никак иначе, кроме как удивительными и невероятными назвать было нельзя.

Это произошло во времена, когда мне опротивел тот образ жизни, который я вёл до того; и всеми удачами и неудачами пытался скрыться. Иногда, даже всего моего опыта оказывается недостаточно, чтобы избежать проблем. Но бывает и так, что все сквозь неприятности, мы всё равно приходим к тому, что так долго искали.

Так произошло со мной одним вечером (а может это была уже ночь), когда я слонялся по холодным и пустым улицам города, в котором не был уже много лет. Он изменился – ничего от старого в нём уже не осталось. А я только и мог, что мечтать о тёплом уголке в каком-нибудь кафе.

Бывали уже такие времена, когда мне приходилось прятаться. Я пережил их все и знал, что нужно для этого делать. В это время исчезнуть стало намного сложнее, чем хотя бы сто лет назад. Но я отказываюсь верить, что существует хоть что-нибудь, чего я не смог бы, приложив достаточные усилия. На одном месте я долго не задерживался. Избегал отелей и прочих мест, где от меня потребовали бы удостоверен-

ние личности. Бывало, приходилось ночевать под звёздами, как веков восемь назад, в похожей ситуации. Но часто, даже это было лишним.

В кафе я находил одиноких, скучающих женщин; уставшие друг от друга пары. Я легко находил повод для начала разговора. Дайте мне сказать лишь слово, и вы уже в моей власти – так считают многие, кто знает меня. Доля правды в этом есть несомненно. Я выбираю только тех, кого смогу убедить впустить меня на ночь – по паре жестов, по походке, по тембру голоса я могу быстро узнать таких. Наутро я покидал их, хоть и многие просили меня остаться. Это опасно и для меня, и для них. Нет, я не хочу рисковать – даже жизнью незнакомцев. Одна пожилая дама предлагала мне целые пачки денег своего мужа, если я останусь с ней всего на пару ночей. Какая наивность. Будто бумага когда-то что-то значила для меня. У меня целыми днями не было и копейки в кармане, но я по-прежнему на высоте и двигаюсь быстрее, чем вести обо мне доходят до моих преследователей. Несколько правильных слов в правильное время, правильному человеку – стоят дороже всего, что она только могла мне предложить. Я поцеловал её и ушел, больше никогда не появляясь в том городе, чтобы всё начать сначала. Я сменял людей и места чаще, чем ел; и так могло продолжаться вечно.

Когда-нибудь, это должно кончиться, несомненно. Вот только чем? Будет ли это моя долгожданная смерть?! А может и новая жизнь; но всё равно, какой бы она не была, мне

скоро захочется от неё избавиться. Я ждал конца; но даже предположить не мог, что всё кончится именно сегодня.

Арткафе «Ретро» находилось в подвале серого здания из прошлого века. Подходя ближе, музыка становилась всё громче, а на входе висела табличка с надписью на старомодном шрифте: «Сегодня работаем круглосуточно, господа». Как раз в это время подул сильный ветер, а одет я до сих пор был не по сезону. Наступивший внезапно мороз пробирал до костей, а от голода мои ноги ели-ели могли двигаться дальше. Выбирать себе место для охоты сегодня не приходилось. Я протянул руку в надежде избавиться от страданий – хоть на одну ночь. На зависть всем остальным, кто остался снаружи, мне это удалось. Я вошел внутрь.

Исчезнувшие за века дух и воля пробудились с новой силой, стоило мне только услышать первые три аккорда. Затем, они заиграли вновь – и звучали каждый раз, когда моя нога спускалась на одну ступеньку вниз. Голос прошлого, тёплое дыхание и весёлая, пусть и не всегда, компания; и надежда на спасение – последнее было самым важным. За столетия, прошедшие у меня за спиной, мне казалось, что я слышал всю музыку, что люди были в силах сочинить. Новое звучание – это всё то же самое, только на других инструментах, в других тональностях. Я думал так и тысячу лет назад. Потом, мне пришлось признать, что я ошибался. Несмотря на сверхбыстрый полёт человечества вперёд, кто-то ещё оборачивается назад и записывает мелодии в стиле, окончательно

вышедшем из моды полвека или больше назад. Музыка, которую все считали мёртвой – живёт и развивается в таких местах: в барах и подвалах. И это было прекраснее всего, что этот город только мог мне предложить.

За вход мне пришлось расплатиться последними деньгами, оставшимися у меня после моей последней жертвы – от той самой пожилой дамы, которая была настолько заботливо, что всё равно пожелала наполнить мои карманы хоть парой своих драгоценных бумажек. И вот, теперь там дребезжит последняя мелочь. Моё отношение к ней осталось прежним, хоть она и могла насытить мой желудок раз, а то и два. Голод – это всего лишь муки и слабость. А слушая голос ушедшего века – меня уже ничего не заботило. Меня ждало освобождение.

В этом старом мире всё настолько ново, что найдётся и такая мелочь, ещё способная меня поразить. В этом зале, подходящем больше для склада банок с солёными огурцами, а не для джазовых концертов, чего могло стоять одно серое лицо незнакомого никому человека, среди стольких потенциальных жертв? Возможно, оно стоило больше всех богатств больших городов – нужно всего лишь узнать его, и всё. А чего стоило её лицо для меня?.. Ещё дороже, ведь богатство меня и так не привлекало.

Помнит ли она меня? Может и нет – тогда... Но не могла она просто так забыть меня. И я её помнил: ещё два года назад, как она случайно заглянула в «Утомлённое Солнце»

и я пошел за ней. Моей первой мыслью при виде её в подвальном арткафе «Ретро» было бежать оттуда – и как можно скорее. Такого ещё не происходило со мной. Мелочь, но никогда...

Я стоял посреди зала, казалось, уже вечность рассматривая её. Глаза у неё были направлены немного в сторону, где, как я заметил, не было ничего. В тот момент я знал: просто так подойти к ней я не мог. Нажать на курок снайперской винтовки, глядя на неё сквозь прицел, находясь где-то за километр – запросто. Но стоя так близко от неё и свести на нет возникший пробел в несколько шагов между нами – невозможно. Не мог и всё тут.

Но я хотел этого, а потому, мне пришлось прибегнуть к одной маленькой хитрости: как истукан, стоя на одном месте, незаметно для головы пустить ноги в свободный ход. Я не мешал им двигаться, ничем их не сдерживал – таким образом, обманывая сознание, с ужасом постигающее то, что объект внезапно возникших у меня страхов обратил ко мне своё внимание и что я сам теперь стою перед ним. Она отвлеклась от пустоты и с любопытством меня осмотрела. Но теперь, вспомнит она меня или нет – от моих сил это теперь почти не зависело. Я мог только прошептать голодным, но всё ещё уверенным и сильным голосом:

– Здравствуйте, вы меня помните?

Она нахмурилась, правда стараясь что-нибудь припомнить. Но по выражению её лица и по смущённым глазам мне

стало ясно, что первое сражение проиграно.

– Вы, – протянула она, – наверное, меня с кем-то путаете. Ничего не могу вспомнить. Хотя, лицо вроде и знакомое. Простите, вы не сказали своё имя. Кто вы?

Нужные слова запрыгали у меня на кончике языка. Но как всегда, я проглотил их, дав волю совсем иным:

– Попробуйте вспомнить. Лично я не забуду этого никогда: у нас с вами было свидание в парке несколько месяцев назад.

– Извините, но вы ошибаетесь. Я жената. Я не могла пойти с незнакомым мужчиной на свидание несколько месяцев назад.

– Возможно, это было больше пары месяцев – не помню. Я забыл взять ваш номер телефона. Это меня расстраивало больше всего – я не мог даже позвонить и извиниться, что напугал вас. Кое-кто в тот день нарвался не на тех – он посмел вырвать у вас сумочку и я остановил его, но большой ценой.

– Господи... Я вспомнила. Вы убили человека!

– Нет. Я никого не убивал. Это был травматический пистолет, а парень оказался не по профессии пугливым. Я оставил ему небольшой синяк и сбил с ног – вот всё. Наверное, я должен был предупредить вас – вышло всё совсем не так, как должно было.

– Два года назад. Не несколько месяцев, а целых два года прошло. Станный вы человек.

– Всё может быть. Я помню только вас, а не время между нами. Оно всегда идёт для меня по-другому – не так, как для всех.

– А это как?

– Ты слышишь джаз со сцены? Если хоть чуть-чуть ускорить ритм, то мелодия станет для людей совсем непонятной: эти безумные ритмы, сумасшедшие аккорды и синкопы. Но я слышу только первую и последнюю ноты в такте. Вот примерно с чем это можно сравнить. Я перешагиваю через время.

– Это же ужасно!

– Нет. Просто музыка звучит по-другому.

– Как странно. О, извините, мы как-то заговорились и я совсем забыла, что вы стоите. Присаживайтесь.

– О, мне не хотелось бы так нагло навязываться. Вы, наверное, пришли сюда отдохнуть, а с моей стороны было так грубо подходить и смущать вас...

Она захохотала. Её смех напомнил мне предсмертные вопли фазанов.

– Сколько вам лет? Из какого вы века?! Садитесь уже – мы отдыхаем.

Я сел.

– Слушай, – продолжала она, – наверное, это я должна извиниться за тот раз. Ты помог мне, а я, ни в чём не разобравшись, просто взяла и исчезла – ужасно вышло. Тогда, я помню, у меня в голове всё закружилось – я нашла удоб-

ную возможность, спряталась и убежала. Странно, правда? Я вспоминала тебя потом; мне было стыдно. Прости меня.

– Ничего. Зато, мы встретились теперь – и мне это нравится куда больше. Во всех случайных встречах есть нечто магическое, тебе не кажется?

Наш разговор шел в том же русле ещё долго. Мы снова встретили друг друга спустя два года, а говорили так, будто были старыми друзьями. За вечер, почти все наши слова были из тех, что можно было и не произносить – все они известны наперёд. Только один мой вопрос из всех произнесённых фраз и её слова, которые я получил в ответ – действительно были мне интересны:

– А что ты делаешь здесь? Пока я не появился, ты сидела здесь одна и почти ничего не пила. И вот я захожу – и всё становится совсем по-другому. Тебе так нравится слушать джаз в одиночестве?

– Ух, ну и вопросыки же у тебя. Да, мне очень нравится эта музыка. А вот почему?! Мне вообще трудно объяснить то или иное своё чувство. Понимаешь: что-то я просто люблю, а что-то ненавижу. А джаз – я люблю. Вот я сижу здесь и вижу разные удивительные фигуры, каждая своего цвета. Я пью мало не потому что не люблю выпить, а для того, чтобы не испортить вкус джаза. Другой бы меня не понял; но ты, я надеюсь, поймёшь. Когда я говорю «фигура» или «вкус», или «запах» в разговоре с кем-нибудь о джазе – я никогда не имею в виду нечто абстрактное. Наоборот, вкус джаза –

это конкретное ощущение моего языка и больше всего оно напоминает мне сейчас вкус ванильного мороженого с орешками. Если я слышу аккорд, то сразу вижу перед собой наяву фигуру – всегда либо прекрасную, либо отвратительную. Только десять лет назад, можешь себе представить, открыла для себя то, что люди не чувствуют ни звука, ни запаха, ни цвета, когда слушают музыку. Как ты думаешь, на что была похожа моя жизнь десять лет назад, когда я наслаждалась вкусом музыки и думала, что люди вокруг меня чувствуют то же самое?! Вот, к примеру, посетители вокруг нас – они ведь только слышат её, да и то, далеко не все. Мне кажется, что это – пустая трата бесценного воздуха, раз удовольствие от музыки мы получаем неполное. Если и любить, и наслаждаться музыкой – то только так, как я.

Я рассмеялся, хотя она и могла счесть мой смех за противоположное тому, что я хотел им выразить.

– Я уже встречал таких людей как ты. Это большая редкость; и невероятная ценность обладать таким даром. Расскажи ты мне о нём ещё в первый день нашего знакомства – и я бы из кожи вон вылез, чтобы найти тебя после него и объясниться.

– Не могу же я об этом первому встречному растрепаться. Ты далеко не первый мужчина, с которым я встречалась – и, наверное, был бы единственным, если бы я каждому в первый же день рассказывала о себе всё. Я, всё же, не дурра. Я могу представить себе, что будет, если все мои друзья и

знакомые узнают обо мне всё. Где-то я уже слышала или читала, что подобное восприятие действительности может возникать у некоторых людей во время действия ЛСД на организм: люди начинают искать смысл жизни в семечках лимона, пробовать музыку на вкус, слышать песню ветра, прикасаться к воздуху. Но я в жизни не принимала ЛСД и на себе не знаю, как он может на меня подействовать. Но по рассказам, ничего нового, чего я ещё не видела с моим странным восприятием, произойти не должно.

Концерт закончился в полночь. Это была музыка, после которой красиво умирать, но ещё лучше – жить. Об этом даже лучше не говорить, а только думать, чтобы не испортить лишними звуками вкус музыки, который ещё долго будет вдохновлять сердца на любовь и милосердие.

– Теперь, ты едешь домой? – спросил я.

– Да. Моя машина припаркована неподалёку. Тебя подвести? Где ты живёшь?

– Нигде. Я не из этого города. Я здесь проездом.

– Мы переехали с мужем сюда год назад. А ты, наверное, здесь как турист?

– Не совсем. Просто еду.

– И куда?

– Ещё не знаю.

– Понятно. Могу подвести тебя до отеля.

– У меня нет здесь отеля. Последние деньги я потратил за вход на этот концерт.

– Тебе что, вообще нигде остановиться?

– Если честно, то действительно, теперь нигде.

Её взгляд оставался таким же острым, как и всегда; но теперь в нём зародилось беспокойство.

– Ко мне ехать тебе нельзя. Я сказала уже: я живу с одним парнем и он немного теперь мой муж. Придёт он часам к четырём утра, а может и раньше – я никак не могу впустить тебя. Вряд ли он поймёт, что бы я ему ни объясняла. После перелётов у него, обычно, плохое настроение.

– Ясно.

– Но позволить тебе ночевать на улице я тоже не могу – что и говорить. Просто заснуть больше не смогу, зная об этом. Тут неподалёку есть ночлежка – извини, но на большее пока у меня денег не хватит. Всё, что найду в кошельке – оставлю тебе – там немного, но хватит. Я могла бы воспользоваться карточкой, но муж...

– Не объясняй.

– Как долго ты планируешь ещё оставаться в этом городе?

– Насколько меня хватит.

– Зачем тебе путешествовать так – без всякой страховки?

– Обстоятельства – я тоже не конченный романтик, чтобы быть от этого в восторге.

– Мне ничего не понятно, но видимо, мне лучше всего и не знать.

– Да, всего – лучше не стоит.

– Ладно, поехали уже.

Это была далеко не самая худшая дешёвая ночлежка, в которой мне когда-либо приходилось бывать. Отдельный номер с чистой кроватью, столом и стулом и, страшно сказать, огромным окном с видом на переулок, крышу соседнего и несколько его верхних этажей. Самый роскошный номер в гостинице из всех, в которых мне приходилось бывать с тех пор, как я бросился в бега от старых забот; если не считать те ночи, что я был гостем у тех или у иных.

Она оставила мне немного денег – фантастически огромную сумму, если правильно ей воспользоваться. Заплатив за номер на неделю вперёд, она сразу уехала, а я купил у администратора пачку самых дешёвых сигарет, которые только можно было достать в этом районе в это время суток.

Спать мне не хотелось совсем. До самого утра я слушал Джона Колтрейна с ворованного телефона. Старые вещи, а работают исправно. Я стоял у распахнутого окна, смотрел на здание напротив и бросал вниз окурки за окурком, будто хотел, чтобы гора из них поднялась до самого моего окна.

Утром она не пришла. Воздух был чист и свеж, а комната внутри и вокруг меня была пустой и мрачной. Третья пачка подошла к концу, а я ещё не умер. Только мне одному и смешно. Даже сигаретам нет до меня никакого дела. Я не хотел выходить на улицу, ведь столько раз уже видел очертания всех этих однообразных мест, что мог лечь на постель и годы напролёт бродить по улицам городов в разных концах Земли, в разные периоды их истории. Для меня это бы-

ло прогулка, скучнее которой придумать было невозможно – правда, когда-то во мне ещё жило чувство ностальгии, но по нему я могу теперь только ностальгировать. Поэтому, я оставался внутри номера и ждал – просто ждал, пока время пройдет, и кто-нибудь не перешагнёт этот порог.

Только встретив её, я снова начал различать цвета. Капу-чино в одной руке и «Мальборо» в другой. Одетая не по погоде, будто живёт ещё вчерашними прогнозами. Только теперь я вышел. Я показал ей места в этом городе, о существовании которых она и не подозревала. Это были, в основном, интересные здания, стены, муралы и кафешки. Я знал все кафе и рестораны этого города и всей страны – не потому, что обедал в них, а из-за того, что путешествовал на голодный желудок и разглядывал их витрины, посетителей и проплывавшую жизнь. Одни закрывались, открывались новые. И так было повсюду и везде. Историки обманывают население каждый день, строча свои книги и учебники. На самом деле, за последние три тысячи лет, на Земле ничего особенного не произошло. Только мелькало что-то – но когда я обращал на это внимание?!

– Боже мой! – закричала она.

– Да-да, мы уже здесь, – слышалось в ответ.

Они окружили нас. Но ведь им нужен был только я. Со всем расслабился за последнее время.

– Думал, что сможешь так легко сбежать?

Что?! Со мной разговаривают – не ломают челюсть, не

бьют в живот и не отбивают ноги?! Неужели, всё настолько плохо?

– Панночко, вы ведь понимаете, что будет с вами и вашим сучьим кавалеров, если вы закричите. Всё равно некому прийти на помощь.

Знаю я, на кого мы наткнулись – раньше, я вообще знал всё и всех. Одного парня пригласили на вечеринку к этим ребятам. Весёлый был вечер. Если бы только он не украл из общага пятьдесят тысяч и не скрылся. А ведь вовсе не в деньгах было дело. Они доверились ему – пригласили на свой праздник. А он с ними так... В общем, правила для них – важнее всего. Из-за такой мелочи того парня поймали через неделю и обезглавили. Тело закопали в лесу, а голову прислали водителям в праздничной коробке. Об этом много говорили в известных кругах – кто поддерживал этих ребят, а кто говорил, что это уже слишком. Но свои принципы они тогда проявили по полной. Их зовут теперь, когда кто-нибудь переоценит свои силы и возможности. Со мной дела обстояли примерно так же: ни одно здание не переживёт бури без крыши.

– Знаешь, что это? – один из них показал мне пистолет.

Если им кто-то не угодил, они могут достать кого угодно и где угодно – лишь бы не слишком далеко. Я действительно, сделав круг, вернулся обратно в страну, из которой бежал. Мне было интересно – хоть и теперь я пожалел об этом. Не за себя мне страшно – об этом я всегда думаю в последнюю

очередь. Но ведь её жизнь – она такая хрупкая.

А с пистолетом я был знаком намного ближе, чем с человеком, который мне его показал. В такие пушки сразу после первого выстрела вселяется дух смерти. Оружие получает душу, а значит, и индивидуальность. Когда рука прирастает к рукояти, становится сложно забыть его, как и невозможно выкинуть из памяти того, кто однажды спас тебе жизнь. По крайней мере, так мне рассказывали.

Я думал, что навсегда расстался с ним. Где они его только откапали? После одного убийства, я выбросил его в реку – именно этот, ошибки быть не могло. Теперь, мне кажется, что безопаснее было бы взять его с собой.

Всё происходило как в фильме: я представил, что эта история – просто увлекательная, фантастическая и наверняка выдуманная сказка; и что на ход событий я никак не могу повлиять. Только в такие моменты можно измерить пределы выдержки и опыта; и насколько крепки нервы у того, кто попал в передрагу вместе с тобой. Так что, лучше этого не знать никогда.

Мою онемевшую от ужаса спутницу оставили невредимой, чтобы та увидела, как меня казнят. То ещё зрелище – ничего интересного. К моему затылку приставили мой же пистолет. Без предварительных побоев и пыток – как уважаемого человека, совершившего ошибку. Всего лишь пистолет к затылку. Быстро, хоть и грязно.

– Нет, сука, так легко не отделаешься.

Он ударил рукоятью мне по затылку и отбросил в сторону. Чего же они от меня хотят?! Знают ли они сами ответ на этот вопрос? Видимо, они не успеют мне рассказать обо всём.

– За всё ответишь, гнида продажная! – кричит и надрывается один из них, – для всех секрет: почему такую тупую суку до сих пор не прикончили. Пора исправить эту ошибку.

Совсем испортились. И все до последнего сошли с ума. Наверняка им сказали, что со мной разделаться нужно без всяких церемоний – хотя мне и так известно, что исход будет один и тот же. Им всем конец. Я слышал, что по ночам они всей бандой охотятся на бездомных, собирают их по помойкам. Они записывают их смерть на видеокамеры. Многих они отправили на тот свет – и некому вступить за их жертв. Совсем скоро – их положат всех до последнего. А на смену им придут другие. Поэтому, я и сбежал, уничтожив все мосты. За такую жизнь приходится расплачиваться ранней смертью.

Он нажал на курок моего пистолета. Один в голову и два в грудь. Подобно зверю, вырвавшемуся из капкана и птице, увернувшейся от камня – я сам должен спасти себя. И я смогу. Но я слаб – ведь я не знаю, что будет с ней.

Три дырки в теле – я теряю много крови. Но оставшихся сил хватило, чтобы неожиданно для всех сделать выпад вперёд и схватить своего горе-убийцу за запястье. Один выстрел ему пришлось пустить в асфальт. Ещё один – пришлось пустить ему между глаз. Зато остальных хватило, чтобы навсе-

гда лишить собравшихся вокруг меня дара речи.

Один, что помоложе, бросил битую на землю. Ствола, как у ребят постарше, у него не было. Я истратил уже всю обойму и на него пули у меня уже не было. Он быстро понял, в чём дело и дал дёру; я позволил ему скрыться. Он бежал и, наверное, понимал, что дарованная ему жизнь – была всего лишь ошибкой, случайностью, произошедшей из-за нехватки всего одного патрона.

В ту же секунду, я уже лежал на асфальте. Как всегда, когда меня убивают, я будто засыпаю от снотворного и просыпаюсь где-то в другом месте. У меня есть ещё три секунды, чтобы удержать сознание чистым перед тем моментом, когда обычные люди умирают. Первые две секунды я молил о помощи той единственной, что осталась жива – ей он уж точно пригодится.

Последняя секунда ушла у меня на то, чтобы простить себя. Простить этих людей за то, что они сделали со мной. Стать одним целым с миром, который я ещё долго не смогу покинуть и испытать наслаждение, приблизиться к которому удаётся лишь в момент смерти. И в этот момент, она стояла у меня перед глазами: я был здесь всегда, я буду здесь вечно. Когда-нибудь, мы встретимся с ней по-настоящему. Она была рядом. Но вот: всё дальше, всё дальше. Вместе с ней, мы существовали всегда. И когда-нибудь, мы встретимся. Когда-нибудь...

Танец Второй

К полудню светлее не стало – мир вокруг по-прежнему был мрачен как ночь, и казалось, что солнечный свет забыл о существовании этого городка. Мои глаза уставили на слабеющее пламя свечи в углу комнаты, и я едва не завывал от боли, будто её жар обжигал мою кожу. Глаза мои будто впервые открылись и никогда прежде не ощущали света, что режет острее кинжала. Совсем недавно я был мёртв. И боль от ран ещё не успела пройти.

Ад и страшен тем, что муки в нём вечны, а страдания – бессмысленны. Радоваться стоит короткой жизни, а долгого скитания опасаться. Все места на Земле одинаковы, люди неотличимы одни от других – минута за минутой, я будто плавал в этих мыслях, а они, усиливаясь болью, сваривали меня заживо. Застыв в вечности, я из века в век повторяю всё сначала – и так же однообразно. Нет работы более неблагодарной. Все мы – пыль, даже я; лишь души наши бессмертны. Одно умрёт – родится другое, похожее. Нет смысла искать вечности – она живёт внутри. Избавится от неё невозможно. Наша самая прекрасная трагедия.

Безысходное одиночество разделил со мной рыцарь, лежащий рядом на кровати с прострелянным бедром и ножом в груди. Он умер хотя бы на постели. Мне же достался грязный, твёрдый пол. Но внезапно, он заговорил со мной, об-

наружив, что я выжил. Тому, что жив и он – я удивился не меньше.

– Если тебе повезёт, – сказал он, – и ты выберешься отсюда живым, то запомни: больше всего на свете бойся молодых красивых девушек, говорящих загадками и первыми начинающими разговор с незнакомцами. Все женщины – ведьмы, даже если не знают об этом. Но та, что провела вокруг своей титьки и тебя, и меня – самая опасная из них потому, что кажется безобидной.

Мои бедные глаза – они ещё долго будут видеть не свет, а только пятна; и страдать будут больше самого позвоночника, по которому пришелся предательский удар. Я ответил рыцарю:

– Я ведь убил тебя. Дважды. А ты даёшь мне советы на будущее. Скажи, ты тоже бессмертный? Ты восстал из мёртвых или это я схожу с ума?

– Чёрт бы трахнул тебя по голове, дурак. Я не умер – и не собираюсь. Под рубашкой у меня всегда лежит металлическая пластина, и ты ударил прямо по ней – ребро чуть мне не переломал. Я должен был притвориться мёртвым, потому что увидел ведьму у тебя за спиной. Я хотел предупредить тебя, но было уже поздно. Я думал, что ты умер. Но это адское отребье оказалось не таким уж и умным – мы тоже перехитрили её.

– Когда мы встретились вчера, она сказала, что ты – её единственный друг и опора на этом свете.

– Наглая ложь! Я долго гнался за ней в надежде изрубить на мелкие кусочки. И очень скоро лисья смекалка подвела бы её – контракт с дьяволом истёк бы, и она попала бы в мои руки. Но тут появился ты. Конечно, кого ещё она могла использовать, если не капитана корабля дураков, выдающего себя не за того, кто он есть на самом деле.

– Ты пытался убить меня. Я предупреждал – ты не послушал меня и мне пришлось защищаться. Прости, но ты сам дал ей шанс меня одурачить. Сам-то я за километр чую таких актёров. Но в тот вечер ей удалось притупить мою бдительность твоим безрассудством.

Чудо свершилось и мои глаза вновь стали различать предметы вокруг. Со своего угла я мог видеть только щеку рыцаря и нож, застрявший у него в груди, но не причинивший ему никаких серьёзных повреждений. После моего дерзкого ответа он ещё долго не мог выдавить из себя ни слова и просто молчал. Мне тоже нечего было ему больше сказать. Я занял свой ум мечтами о солнечном свете, хоть я ослеп бы в ту же минуту, как до моих глаз дошли бы яркие золотые лучи, ведь я столько времени провёл в темноте.

– Прости меня, – услышал я вдруг и первые мгновения отказывался верить своим ушам, – я вёл себя недостойно.

Даже в самых диких своих фантазиях я не мог представить себе, что бы чёрный рыцарь признал свою вину и просил бы о прощении у простого человека. Молил о пощаде, проклинал, лишился бы чести – но ни за что бы свою вину

ни в чём не признал бы – это выходило за рамки реальности. Даже я, выдавший многое, ещё никогда не слышал таких слов от рыцаря. Видимо, их время подходит к концу. Сумасшедший век тот, в который я попал.

– Это я ранил тебя, – неожиданно, сказала я, – это ты прости меня. Я мог этого и не делать – мало ли было способов остановить тебя. Думаю, мы оба виноваты. Поэтому, давай забудем обо всём, что было раньше между нами.

– Хорошо. Я действительно упустил одну очень важную мелочь: тот жулик и убийца, о котором я говорил – он должен быть сейчас стариком, если до сих пор не провалился в Ад, где ему и место. Мне уже встречались люди, которые не были родственниками, но тем не менее походили друг на друга как родные братья. Не могу я перебить их всех – особенно, зная то, что они ни в чём не виновны. Проклятый эль – в нём живёт дьявол.

– Дьявол живёт во всех нас.

– Это святотатство, но я бы сказал, что в нас живёт и дьявол, и Господь. Эль – просто выпускает всех псов на волю. А так, старый чёрт сидит смиренно, как дед, пускает газы во все стороны так, что легко спутать эти облака с крыльями, а его самого – с ангелом.

Мы оба засмеялись. Не потому что нам было смешно, а потому, что нам хотелось смеяться, развеять мрак, проникавший внутрь. Мы стали друзьями, хоть и ещё недавно пытались убить друг друга. Безумный век. Зато теперь у нас бу-

дет больше шансов отомстить.

Рана от выстрела моего пистолета оказалась не такой серьёзной, как нам обоим казалось вначале. Как только мне удалось подняться на ноги, я сразу осмотрел его тело, при этом сделал это лучше местного врача, так и не осчастливившего нас своим присутствием. Роль капитана корабля дураков обязывает к владению, порой, самыми необычными навыками. С такой дыркой в бедре, мой новый друг рискует на всю жизнь остаться, в лучшем случае, хромым. Моё дело состояло в том, чтобы не дать ему умереть от заразы или приковать его на всю жизнь к кровати. Помощь одного дурака, который когда-то был неплохим лекарем, могла бы спасти его. В старости он будет страдать от периодических болей в районе таза, но это лучше, чем смерть. Хорошо, что инфекция, видимо, не успела попасть в рану. Разве что, от боёв, драк и длительных переходов ему придётся отказаться навсегда. Я так и сказал ему: либо это, либо поход в один конец в иной мир.

По крайней мере, для него. Хотел бы я оказаться в его шкуре – сражаться бы больше не пришлось.

Больше всего меня поразили его руки, полностью покрытые шрамами. Могу себе представить, что он чувствовал каждый раз, когда взмахивал своим огромным мечом. Я позволил себе дерзость спросить своего нового друга об этом. Он покачал в ответ головой и прикрыл глаза, окунувшись в далёкие воспоминания:

– Мой отец, – начал он, – в детстве часто брал мою руку и подносил прямо к пламени свечи; и держал её так, пока мой крик не заставлял залаять соседских собак. Он хотел, чтобы во мне исчез страх перед адской болью; чтобы я был готов к загробной жизни, после всех прегрешений, которые я совершу в будущем. Затем, он убирал мою руку от пламени и говорил: «Запомни – ведь в Аду это будет длиться вечно». Таким путём я шел к истинному пути и вере в Господа.

– Это варварство.

– Тебе ли ещё называть моего отца и меня самого варварами. Ты – капитан корабля дураков. Сам-то ты кто? Такой же немец, такой же европеец, как и я, и мой отец. Знаешь ли ты, что земля, на которой мы родились, живём, молимся, страдаем, любим, сражаемся и погибаем – зовётся даже не Германией, а Европой. И мы – все дети её. Короли думают только о себе – и никто о судьбе избранных народов, живущих на этой благословенной земле, защищаемой Христом. Только мы творим историю. Только эту землю избрал Господь, отвернувшись от всех остальных.

– Вы, европейцы – все эгоцентристы и иллюзионисты. Вы создаёте себе мнимые реальности и живёте в них, закрывая глаза на действительность. А мир – устроен гораздо сложнее, чем может представить себе даже самый гениальный из европейцев и самый большой дурак среди нас. Вся история написана европейцами – думаете вы. Считаете, что есть только один правильный взгляд на вещи – ваш. На самом деле,

Европа – лишь маленький клочок изведанного мира, родившийся совсем недавно посреди тёмного леса варваров. Европейский взгляд на вещи – это всего лишь одна из самых новых точек зрения на мир; к тому же, далеко не одна из лучших.

– А ты, всё-таки, еретик. Чего ещё можно было ожидать от капитана корабля дураков?! Скажу тебе, что точно всего я знать не могу. Мне известно лишь, что Бог есть, как есть и я; и моя страна. Ничего больше я сказать не могу и не буду – всё равно ты не поймёшь, ведь ты ещё больший дурак, чем все на твоём корабле. У нас есть общая цель: избавиться от ведьмы. Помоги мне и мы вместе решим эту проблему; пока жива она – жив и наш с тобой союз.

– У меня на корабле есть некоторые лекарства, которые изготавливает один из членов моего экипажа – они должны помочь тебе. Он научился готовить их у индусов, живущих на другом конце мира.

– Он колдун?

– Нет. Простой дурак, который в своё время почитал и Господа, и родную мать; и который просто знает больше всех остальных, но молчит об этом.

– Хорошо. Чтобы избавиться от этой боли, я бы согласился и на помощь дьявола.

Он вытянул нож из груди и застонал:

– Мне нужно как можно скорее встать. Мы должны предать суду это исчадьё Ада, чуть не погубившее нас обоих.

– Поменьше говори и ещё лучше, не двигайся. Скоро я вернусь, а пока попрошу хозяина принести тебе побольше эля – он успокоит твою боль.

Пока я расплачивался с хозяйской женой за ещё один бо- чонок их хмельного пойла, который попросил отнести на- верх в комнату моего нового друга, через весь зал до меня донёлся крик Головы-Тыквы:

– Капитан! Капитан! Наконец-то мы нашли вас! Мы на- полнили трюмы и готовы снова раскрыть паруса и отправить- ся в путь, пока местные не вздёрнули нас за то, что мы им не нравимся.

– Потише там, дурак! Не расходись здесь, – пробурчал один из дневных посетителей.

– Эй, иди сюда, – крикнул я своему подчинённому.

В три ловких прыжка, Голова-Тыква преодолел разделяв- шее нас расстояние, но в последний момент споткнулся и упал прямо мне под ноги, чуть не разбив тыкву у себя на го- лове. Этот парень был как сотворение мира: ничто ни с чем, а получилось вот что.

– С отплытием придётся подождать, Голова-Тыква, – ска- зал я ему, – у нас ещё есть дела здесь, не покончив с кото- рыми, мы нигде больше не сможем причалить. Мне понадо- бится помощь команды. Они мне ничем не обязаны – но я вынужден просить их о помощи. Как думаешь, они пойдут за мной, если я не прикажу, а попрошу?

– Это серьёзно, капитан. Ваша команда верна вам – вы не

такой как все. Вы относитесь к Голова-Тыкве как к настоящей, умной голове. И к остальным так, как они хотели бы. Они пойдут за вами хоть в пасть демона, если попросите. Только скажите, капитан.

– Мне нужен Нюрнштайн – скажи ему, чтобы явился сюда немедленно. Остальную команду собери вместе и передай им моё поручение: отныне, я буду передавать команды через тебя, а ты будешь слушать только меня одного. Пусть они исполняют твои приказы, если я не скажу им обратного. Я доверяю тебе, Голова-Тыква, не подведи своего капитана.

– Так точно, капитан.

– Команда дураков и чёрный рыцарь выходят на охоту за ведьмой. В таком участвовать нам ещё не приходилось.

– Не приходилось капитан. Но если мы получим за это награду, то все ведьмы на свете будут трепетать, только услышав наши имена.

– Всё может быть, Голова-Тыква. А теперь беги так быстро, как только сможешь.

– Так точно, капитан.

Даже сквозь его тыкву я видел, как он улыбается – как он счастлив. Но, не смотря на мой приказ, он всё ещё оставался здесь.

– А та ведьма, голову которой мы пронесём через весь город на пике – случайно не та фройлян, которая так понравилась нашему капитану вчера вечером, что даже Мозги-С-Зубок-Чеснока – тот старый идиот – прочёл бы мысли наше-

го капитана на её счёт.

– Держал бы ты язык за зубами, Тыква.

– Умел бы – не попал бы в вашу команду, капитан. От такой ведьмочки я бы сам и не отказался, даже не смотря на все муки Ада. Женщины заставляют стручок тыквы расти. Ох, как надеюсь я, что мы её скоро поймаем.

– Ступай на корабль. Приведи Нюрнштайна, как я тебе и сказал. И не делай глупостей.

– Эх, всё же, наш капитан – говорит, что прожил две тысячи лет, а по-прежнему наивен как ребёнок. Я же первый помощник капитана корабля дураков – а вы говорите мне не делать глупостей. Так точно, капитан. Исполняю.

– Что же мне с тобой делать, Голова-Тыква?! Пойдём уже вместе – как-нибудь рыцарь переживёт.

За что только я не люблю Голову-Тыкву. Он – это я в те времена, когда ещё не умел ни писать, ни читать; то есть, когда мне было около восьмидесяти лет и я так же путешествовал на римском корабле, и берега тысячи эллинских берегов открывались передо мной.

Стоило мне с Головой-Тыквой подойти к кораблю, как до моих ушей донеслось грязное, но весёлое пение команды:

На палубе стоит он –

Капитан Дураков!

За голову его выкуп –

Десять тысяч золотых корон!

*А дураки – танцуют,
Пускаются в пляс.
А погода – бушует,
Но не угробить ей нас.*

*На палубе стоит он –
Капитан Дураков!
Под мышкой у него выкуп –
Десять тысяч золотых корон!*

*А капитан наш кричит:
«Полный вперед!»
А Господь – один из нас:
«Вперед, корабль, сквозь шторм!»*

*Голова – под мышкой,
Мешок его золотой.
Безголовый капитан,
Вот он – командир дуракам.*

Это была старая песня моей дурацкой команды – уже не помню, кто и когда придумал её. Она рассказывала про капитана на корабле дураков, за голову которого объявили награду. Недолго думая, он отрубил себе голову, засунул в мешок и на своём корабле приплыл в город за своими деньга-

ми. Кто ещё может быть капитаном на таком корабле, если не последний дурак?! Хорошая награда – десять тысяч корон золотом за голову одного безумца.

Нюрнштайн прибыл так быстро, как даже я не мог этого ожидать. Вместе, мы вернулись в таверну. Хозяева наверняка были напуганы и обеспокоены тем, что затевает команда дураков. Вряд ли их терпения хватит надолго.

– Зачем мы пришли сюда, капитан?

– Помнишь, ты рассказывал мне о своих чудо-лекарствах? Наконец, они здорово нам пригодятся. Ты взял их с собой?

– О, я никогда не оставлю их на том корабле без надзора. Да, они со мной – всегда.

– Отлично. Пойдём со мной. Кое-кому нужна твоя помощь.

– Я могу узнать, что происходит?

– Помнишь рыцаря, которому я вчера выстрелил в бедро? Так вот, мы должны помочь ему снова встать на ноги. Ты справишься с этим?

– Думаю, да, если он мне позволит. Но зачем?

– Чтобы он помог нам найти ту, что сделала со мной вот это, – я повернулся к Нюрнштайну спиной и поднял вверх из штанов одежду, показывая ему спину с ещё не затянувшимися ранами от вчерашнего удара – скоро они пройдут, но Нюрнштайн не из тех, кто верит на слово.

Я продолжал:

– Как никогда, моё сердце переполняет ярость. Нюрн-

штайн, мне понадобится твоя помощь, чтобы отомстить.

Я думал, в ответ он промолчит, как делал всегда. Но вместо тишины, я услышал:

– Этот безумный век – погубит всех. Ни один из нас так и не доживёт до конца своей этой истории. И никому не дожидаться счастья, о котором все так долго мечтали. Если тогда смысл мстить, капитан?

Теперь, настала моя очередь быть тем, кто в ответ лишь отводит глаза.

– Пошли уже, – махнул рукой Нюрнштайн, – где твой больной? Скажи ему, чтобы позволил делать мне с ним всё, что я сочту нужным, если он действительно хочет когда-нибудь снова встать на ноги.

– На счёт этого не переживай – он будет сотрудничать, я обещаю.

Нюрнштайн работал слажено и методично – иного я от него и не ожидал. Всё меньше и меньше в нём можно было найти от дурака или полоумного. Рыцарь рычал от его операций как лев и стонал как дворовая кошка, посыпая злого доктора всеми мыслимыми проклятиями и угрозами – за каждую секунду страдания, обещая превратить целый месяц жизни Нюрнштайна в Ад. Для него эти слова весили не больше ветра и нисколько не мешали ему выполнять свою работу так, как сам считал нужным. Рыцарю пришлось смириться с этим, как бы трудно ему не приходилось. Он поплотнее сжал зубы и количество криков, доносившихся из комнаты,

поубавилось. И всё равно, это был один из самых скверных дней в его жизни.

– Солнце сядет на востоке, если он не станет на ноги через неделю, – заключил Нюрнштайн, – в худшем случае, через две. Мне пришлось повозиться, но всё могло обойтись намного хуже, если бы вы задели его чуть-чуть ниже, капитан.

Поскрипев ещё зубами, рыцарь признался мне позднее, что на самом деле был очень признателен моему доктору.

– Нюрнштайн – не доктор, – сказал я, – он презирает докторов. Скажем, он просто человек, который многое видал и знает не меньше. А тебе – просто повезло.

И дураку ясно, что пока мы стоим на месте, наша ведьма зря время не теряла, и наверняка успела сбежать из города. Нам с рыцарем тоже следовало отправиться в путь, чтобы иметь хоть какие-нибудь шансы догнать её. Но пока рана рыцаря заживала, у меня было время подумать. Странное чувство не покидало меня – и моего нового друга, видимо, тоже. В тот день, когда он смог подняться с кровати и сделать первые несколько шагов, мы сказали это одновременно, глядя друг другу в глаза:

– Она ещё здесь.

Но почему бы ей не убежать, чуть не прикончив нас обоих?! Сложно истолковать – но некоторые мысли и не требуют объяснений. Возможно это такой обманный манёвр. А возможно и то, что ведьма вселила в наши с рыцарем головы идею, что она прячется где-нибудь в городе, чтобы оконча-

тельно сбить нас с толку.

– И всё же, мы не можем ничем доказать, что она ещё здесь.

– Да, мы действительно можем глубоко ошибаться на её счёт, – подтвердил рыцарь, – зато её вина для нас – безусловна, как наша вера в Господа. И одного этого нам хватит, чтобы вершить правосудие.

Если говорить точнее: месть. Хоть это и обман, что в мире, где столько войн, предательства, нищеты и невежества – ещё найдётся место и для справедливости; только для праведной мести. Мне редко приходилось сталкиваться с этим чувством. Четверть жизни я просидел в библиотеках, полжизни я блуждал по миру, и оставшуюся четверть обчищал кошельки богачей. Не так уж и много я успел повидать – ведь у меня всего два глаза, а не двадцать тысяч. Я ни к кому особо не привязывался – даже к тем, кому говорил, что люблю их. Каждый век я встречал одних и тех же персонажей – в разных костюмах, но с неизменной жестокостью. Беспредельно много времени – это слишком мало времени. Чем дольше живёшь – тем сильнее время сужается в памяти. Я сам до конца этого не понимал и надеялся лишь, что перед тем, как рыцарь разрубит ведьме голову надвое, он даст мне время задать ей пару вопросов. Да, мной руководила не одна только месть; ещё было любопытством.

Ещё мне казалось, что она живёт намного дольше, чем я. И своё время, в отличие от некоторых, потратила с пользой.

Шестнадцать лет – какой обман. Человечеству тоже всегда шестнадцать лет, как я всегда говорил. Значит ли это, что она одного возраста со всем нашим родом?! Хоть тогда и была ночь, я разглядел её лицо, и оно напоминало мне теперь не молодую девушку, а уродливую старуху. Когда мы ещё были заодно, мне казалось, что она постоянно хочет мне что-то сказать – нечто важное; но не делает этого, потому что ждёт, пока я сам спрошу её. Теперь, нам предстоит найти её в лабиринте из трёх сосен и забыть о ней навсегда, прикончив. Как же эта погоня напоминала мне наш безумный век.

Рыцарь иногда молился вслух, а я пытался найти ответ в своей внутренней пустоте: как и где нам найти ведьму?

И я, и я рыцарь – целыми днями мы оба сидели на одном месте и ничего не предпринимали. Он смотрел на меня, размышляя о чём-то, а я всеми силами старался его не замечать. Мы оба ждали, что ведьма сама снова даст о себе знать. Если это правда, то что бы мы ни делали – всё это будет бесполезной тратой сил и времени. А если нет, то...

Ночь, в которую она приснилась мне, было сырой и холодной, будто после дождя, шедшего несколько дней. Я встретил её без вражды; и она говорила со мной так, будто я никогда и не желал её смерти:

– Значит, ты говорил мне правду о том, что ты бессмертный, – в голосе её звучала неуловимая нотка надежды.

– Это не отменяет того, что ты хотела убить меня. И злюсь я так, будто всегда был простым смертным.

– Будь ты им на самом деле, ты уже давно был бы мёртв. После таких ран в живых не остаются. Ты сказал, что бессмертен – именно тебя я и искала. Но я не могла поверить тебе на слово – слишком велик риск. Если бы ты тогда сказал о своём бессмертии в шутку – за неё ты бы расплатился жизнью. А так: ничего особенного с тобой не произошло.

– Ты предала меня и убила. Все, кто поступают так – заканчивают плохо.

– Ты действительно так хочешь убить меня после этого?

– Я хочу получить ответы: кто я? Зачем я появился на свет таким? И как это можно прекратить?

– Значит, мне не о чём беспокоится – ведь я не могу сказать того, что ты так хочешь услышать, поскольку не знаю. Всё, что я знаю: ты – такой же, как и я, хоть убить меня будет намного проще, чем тебя. И всё же, я сильнее; хоть я и не хотела такой власти.

– Отрубить голову, сжечь, забросить на дно океана – с ведьмами можно расправиться.

– Я не враг тебе. И я тоже не желаю зла ни тебе, ни рыцарю. Ваш враг – совсем другой человек.

– Кто он?

– Не могу сказать. Если он узнает, что вы раскрыли его – то всем нам конец. Я должна найти способ избавиться от него так, чтобы больше никто не погиб по нашей вине. Вы с рыцарем должны прекратить.

Как появилась, так она и исчезла из моего сна. А что было

дальше – навеки будет утеряно в памяти, потому что в конце этого сновидения лежали все ответы.

Рыцарю я ничего рассказывать не стал. Только за обедом сказал ему, как бы между прочим, что ожидать следующего появления ведьмы нам осталось недолго. Я сказал, что уверен в этом. Ему, конечно же, стало интересно, откуда мне это известно.

– А откуда миллионам христиан по всей Европе известно, что Бог существует?! – ответил я, – моё знание – не многим отличается от уверенности в существовании сверхъестественного.

– Нет, ты точно колдун, – стукнул он кулаком об стол, – тебе следует держаться подальше от воинствующих монахов и инквизиторов, если не хочешь сгореть на костре.

– Но ты ведь мне веришь?

– Пока что, – вытер он эль со своих усов, – ты не давал мне повода обвинить тебя во лжи. Но знай: ведьма может проникать в людское сознание и сеять там семена зла. Она намного опаснее и сильнее нас с тобой вместе взятых. Только хитростью и чудом у нас есть шанс одолеть её.

– А как она вообще появилась в твоей жизни? С чего ты вообще начал её преследовать?

Рыцарь выпрямил спину и серьёзно взглянул на меня:

– Долго же я ждал от тебя этого вопроса.

Он опустил голову и спрятал свои глаза за лбом, как это часто делают монахи в своих молитвах, скрываясь от того,

кого они превозносят и обращаются к самим себе. Впервые я видел, что бы он о чём-нибудь так долго размышлял. Голова-Тыква, тем временем, поставил перед каждым из нас по тарелке с густым супом.

– Наслаждайтесь трапезой, господа, пока ведьма уносит свои пятки от нас и корчит нам рожицы из-за спины – притом не без оснований на это, скажу я вам, господа.

– Да заткнись ты уже, чёртов головастик! Ни то превращу твою голову в тыквенную кашу вместе со всем, что под ней, – закричал рыцарь.

– А под ней, скажу я вам, как раз ничего и нет, – сказал Голова-Тыква и поспешил удалиться прочь.

– Это произошло три года назад, – начал рыцарь, захватив суп ложкой, – не знаю, правильно ли рассказывать об этом во время обеда, но ты сам выбрал этот момент.

И он начал свой рассказ.

В то время шли жуткие дожди. И сколько не двигайся на восток или запад, в каждой второй деревне у тебя на пути свирепствовала какая-нибудь хворь. Я жил тогда вместе со всей своей семьёй в Антверпене. А это – город, в котором происходят самые странные вещи во всей Фландрии. Со временем, к ним привыкаешь – мы ведь не выбираем время и место, чтобы родиться. Но иногда происходит такое, что кровь стынет в жилах, сразу вспоминаются старые рассказы про чертей и демонов и просто невозможно закрыть на это глаза и отвернуться. Именно это и произошло тогда со все-

ми нами.

У замка Стен тогда собралась целая толпа народу. Никак сам дьявол или кто-нибудь из его слуг побывал на улицах Антверпена. Три человека: муж, жена и сын просто шли по своим делам, как не успев даже закричать, упали замертво на землю с широко открытыми глазами. Ничто так не пугает, как мгновенная смерть на глазах у такого количества народу – притом безо всяких на то видимых причин. Если бы кто-нибудь собрал всех ополоумевших в тот день, то не хватило бы всего антверпенского флота, чтобы загрузить его дураками и отправить вниз по реке. Мне сложно осознать причины того, что произошло, но отовсюду стали даже слышны крики, что это знак Господа, говорившего нам отнимать добро и богачей и раздать его беднякам. Всеобщее безумие в тот день дошло до того, что вмешалась городская стража и сам бургомистр. Только приложив общие усилия, властям удалось предотвратить бунт и ещё большее кровопролитие.

Когда народные волнения были укрощены, пришло время задавать вопросы и искать ответы: к кому смерть пришла в столь жутком облике и почему? Оказалось, что это была семья одного небогатого купца, уже много лет торгующего овечьими шкурами. И хоть профессия любого торговца связана с грязью и обманом, никому не могло прийти в голову, кому понадобилось убивать его вместе со всей семьёй – при свете дня, в самом сердце толпы. Однако было очевидно, что без чёрной магии дело не обошлось. Тела похоронили за клад-

бищенской оградой, как убитых с помощью нечистой силы, а жители ещё много месяцев жили в страхе.

Сложно сказать, сколько времени прошло, прежде чем кто-то вспомнил, что в семье убитого была не только жена с сыном; была ещё и дочь, которую никто не видел со дня страшного происшествия. Среди убитых её тело не обнаружили. На какое-то время, в головах у людей начало проясняться, ведь теперь у дела появился главный подозреваемый. Однако что стало с ней? Об этом спрашивали многие, но мало кто действительно искал ответ – в хаосе городских лабиринтов практически невозможно было отыскать кого-то конкретного. Предполагали, что она мертва – ведь как девочке выжить без семьи? Но решили искать до последнего.

И она нашлась – в объятиях какого-то похотливого моряка, которого пришлось силой отрывать от её хрупкого тельца. Сколько она прожила в портовых клоповниках было неизвестно. Сразу после этого, её направили к священнику. При всём уважении, он мало чем мог ей помочь. В народе говорили, что это она навела на всю свою семью ужасное проклятие и убила их с помощью смертельных паров, рецепт которых ей подсказывал дьявол. Но если и в этом удастся доказать её невиновность, то достаточно и того, что она – портовая потаскуха из семьи порядочных людей и нет места ей в этом городе.

Но какое же прелестное у неё было лицо! Брат мой, в отличие от меня, оруженосцем рыцаря стать не смог, а потому

посвятил себя защите порядка и правосудия в нашем родном Антверпене. Он был одним из тех, кому доверено было вынести приговор этой потаскухе. Он должен был разоблачить её преступление и выбить из неё признания в своей вине. Но по непонятной мне причине, он отложил вынесение приговора. Он заявил, что в этом деле ещё следует разобраться.

В то время я тоже находился в городе и был одним из первых, кто сказал ему в глаза, что ведьма околдовала его. Но брат мой был сам не свой – никогда я не видел его таким. Он сказал, что не признаёт чёрную магию, а в этой девочке видит лишь невинную жертву. Я попытался вбить в его голову, что всё это чушь и ведьму нужно судить немедленно. Но он не слушал меня. Тогда, я сказал ему в лицо, что в таком случае, я обвиняю его в содействии силам зла. В ответ, он лишь выгнал меня из своего дома. Он сказал: правосудие – сильнейшее оружие человечества и требует осторожности.

Вскоре, всем уже было ясно, что мой брат, уважаемый юрист и учёный, сошел с ума. Что за безумие и ересь встать на защиту ведьмы в наш просвещённый век?! Он переоценил свою власть. Мой брат допрашивал ведьму наедине, прогнав стражу. Мне страшно даже представить, что она могла с ним сделать – за толстыми стенами темницы, без посторонних глаз. Судья сам стал жертвой.

Наконец, сама стража восстала против него и направилась вместе с толпой граждан к дому моего брата, чтобы самим завершить правосудие – и никто не мог их остановить. Вме-

сте с ним жил мой старик-отец с тремя моими сёстрами – больше всего, я переживал из-за них, поэтому тоже присоединился к толпе, чтобы в нужный момент остановить её. Но ведьма, видимо, чувствовала надвигавшуюся беду. К тому времени, как мы обрушили двери – мой отчий дом уже превратился в склеп.

Слухи и легенды о той ночи ещё долго ходили по Антверпену. На телах мертвецов не было ни единой раны – как и в тот раз; а глаза жертв как будто раздвинуты щипцами. Моего брата нашли в его спальне без одежды. В руках он сжимал подписанный приговор, в спешке разорванный на три части. А ведьма будто провалилась под землю к своему хозяину.

С тех пор, я не появлялся в Антверпене. Даже если бы я захотел остаться – не нашлось бы там места для меня. В глазах своих бывших сограждан, я был мстителем, всю семью которого уничтожила ведьма. Они думали, что я ушел потому, что дал клятву отомстить – и до тех пор, не смогу увидеть дома. Но на самом деле, я собрал всё нажитое моей уничтоженной семьёй богатство и в горе странствовал по городам, участвуя в каждой драке, нарывался на тысячу сражений в надежде, что в одном из них меня, наконец-то, кто-нибудь прикончит. Я стал хуже любого зверя – чёрным рыцарем без знамени и чести. Прошло много лет; и лишь несколько месяцев назад рассудок вернулся ко мне.

Случилось это, когда я встретил её снова. Я выглядел так, будто постарел на двадцать лет, а она – всего на один день.

Готов поспорить, что за всё это время ни единый волосок не упал с её головы. Сколько зла она успела причинить, пока моё сердце само обливалось тьмой?!

Я встретил её в далёкой Буде на Дунае. С тех пор, я преследовал её до вод Рейна; от Средиземного моря до Скандинавских берегов. Я не жалел ни сил, ни оставшихся средств, чтобы найти её. Она – была моим последним шансом вернуть всё, что я потерял. И я до сих пор готов отдать хоть тысячу жизней, но забрать ту, что виновна в гибели всей моей семьи и в моём собственном падении.

Он стукнул ложкой по тарелке.

– Так я оказался здесь: с прострелянным бедром, с дураком за одним столом.

– Вот это история.

– Для меня: печали и боли в ней больше, чем в тяжёлой судьбе Христа. Ведь страдал же он с целью и в конце победил. Я же – страдал без всякого смысла; смерть мне будет только наградой. На следующий день после моих похорон – даже могильщик не вспомнит обо мне. Нет, ни в грош я не ставлю собственную жизнь. Всё, чего я хочу напоследок – мести. А когда она свершится – я отправлюсь в отпуск прямо в Ад. И чёрт меня подери – я буду самым счастливым мучеником в огненном океане, потому что заберу её с собой.

– Не торопись так, рыцарь. Знай: мне ещё хуже, чем тебе.

Этот голос не принадлежал ни мне, ни Голове-Тыкве, ни кому-либо из моего экипажа. Он был женским.

– Даже если кто и вспомнит моё имя – то только для того, чтобы полить его грязью. Особенно, это касается тебя, капитан. Прости, так и не узнала твоё имя. Да у тебя его и нет.

Мы оба одновременно развернулись в сторону, откуда доносился голос. Без единого шороха и скрипа, ведьма оказалась тут, перед нами.

Я достал свой пистолет и приготовился к выстрелу. Рыцарь вытянул свой меч и встал в полный рост. Десятерым воинам с ним было не справиться.

– Всё было не так, как вы думаете, – сказала она, – каждый из вас ошибается по-своему. Я причинила тебе зло, капитан, только потому, что у меня были на то основания. А ты, рыцарь, всё это время зря преследовал меня. Сама я искала того, кто виновен в гибели твоей семьи. Истинное зло таится совсем в другом человеке. Долго, я сама не могла понять, кто он. Поэтому, я убегала и старалась найти ответ. Капитан, ты стар и мудр, но по-прежнему наивен как ребёнок. Раскрой глаза! Услышь меня, ни то жертв будет ещё больше.

– Замолчи! – взревел рыцарь, – Тыквоголовый, закрой дверь! Не дай ей сбежать. А ты – готовься стрелять. Она владеет магией – одним махом она может прикончить всех нас. Но так просто ей теперь не уйти.

– Если бы я хотела – то почему до сих пор я остаюсь в этом городе?! Истинный виновник должен встретить свою смерть здесь. Подумай, капитан – ты единственный такой же, как и я.

– Убить её! – чуть не вышел из себя рыцарь, – с тобой я разберусь попозже. Стреляй!

Я спустил замок пистолета и нажал на курок, прицелившись прямо ей между глаз – её болтовня не собьёт меня с толку. Будто всё это время он был здоров, рыцарь в один прыжок, замахнувшись мечом, преодолел расстояние, разделявшее его и ведьму, будто от этого зависела его жизнь.

С вкусным хрустом, одним ударом он разрубил пополам целый стул. Отдышка у него была такая, будто он убегал от стаи волков. Мы держали головы опущенными, стараясь не видеть места, где стояла ведьма.

Будто никого и никогда в этой комнате и не было.

Интермедия Четвёртая

Жизнь продолжается всегда, пока не кончится – простая истинная, которая тебе, конечно же, известна. И пока конец её не настал – она будет вечно требовать анестезии.

Мне пришлось разбудить её пораньше. Хоть Будапешт и знаменит своими дневными купальнями, всё самое интересное здесь можно увидеть либо ранним утром, либо поздней ночью.

Когда-то давно, ноги и мысли её уже топтали кривые улочки Буды. Но её вечные проблемы с памятью – каждый шаг заставляли её чувствовать как новый. Каждый вид – как изумительный, невиданный, который никогда не повторится вновь. И затем, каждый раз, она возвращалась сюда, будто это было впервые. Она помнила, что была уже на этой улице; вот только во вчерашнем сне или в прошлом году наяву? И в позапрошлом?!

На этот раз, ей уже и нечего было вспоминать. Выражение её лица и мягкая притуплённость в глазах от бессонной ночи явно говорили о том, что единственным чувством, которое вызывали в ней неизведанные, по-городскому дикие и волшебные места – была усталость. Она перечёркивала всё – стоило свету только упасть на кончик её зрачка.

– А мы уже скоро придём? – ноет она.

– За следующим поворотом, если помнишь, будет выход

на набережную. Оттуда мы можем пойти в тот белоснежный дворец и увидеть старую Буду; или перейти по мосту через Дунай и оказаться в Пеште.

– Ну хоть там ты дашь мне поспать?

– Нет.

– Проклятие. Более жестокого и злого человека я ещё не встречала. И ты ещё удивляешься, почему мы расстались.

– Разве только поэтому?!

– Нет. Далекое не только.

И замолчала, видимо, уснув на ходу. И ни одно моё слово не могло вернуть её в сознание.

Впрочем, ей это было простительно. Неважно, как пройдёт этот день – даже если мы будем расточительно брезговать волшебством утра и суетой дня в Будапеште. Куда важнее всего этого был вечер. Я заранее купил билеты. Надеюсь, ей понравится концерт – уж я-то постарался выбрать для нас самое лучшее. Но её, видимо, ничего, кроме подушки и какого-нибудь тёплого места, не интересовало.

И вот, мы переходим через мост Сечени с золотыми львами и оказываемся в старом Пеште. А она – по-прежнему видит всё, будто сквозь увеличительные стёкла.

На концерт мы попали не без трудностей – спустя бесконечно долгие часы впустую потраченного времени. Я вымотался до такой степени, что едва чувствовал ноги, на которых держался. А вот моя спутница выглядела более чем отдохнувшей. Улучив подходящий момент, Машенька попросту

сбежала от меня. Мне пришлось чуть ли не полгорода перевернуть, чтобы обнаружить её спящей в каком-то захудалом кафе. Теперь, уже она была отдохнувшей и довольной, а я был сыт Будапештом по горло. У нас двоих к вечеру осталось лишь одно общее чувство – нежелание идти на этот концерт. Но билеты были уже куплены, так что...

Мы пришли раньше всех. Сгорая от усталости и апатия, я вышел из зала ожидания, оставив свою спутницу одну. Всё ради того, чтобы подышать свежим, ещё не испорченным воздухом; подымить сигаретой и глотнуть крепкого, как ночное небо, кофе.

Девушке-бариста я сказал, что сахару не надо. Она заметила, что у меня странный голос. Мой венгерский действительно был уже не таким как прежде, но её удивило не это. Она спросила, много ли я пою. Я улыбнулся и ответил, что петь мне приходится не часто, но для неё сделаю исключение. Я спел её «Strangers in the night». В целом, вышло неплохо, но не настолько, чтобы заслужить такой её восторг. Она сказала, что ей ещё никогда не пел. С виду, ей было двадцать пять – очень странная девушка. Я сказал ей в ответ, забирая чашечку с кофе, что раньше ещё никто не делал комплиментов моему голосу. Это было не совсем правдой, но пару раз за три тысячи лет – действительно похоже на нисколько. Я спросил её имя и она ответила: Вероника.

– Спасибо за кофе. Ещё увидимся, Вероника.

И ушел. На улице собирался дождь. Я быстро вернулся в

зал ожидания. Одна рука у меня пропахла сигаретами, а другая кофе. Мы по-прежнему были единственными гостями в зале ожидания, но уже спустя минуту здесь было уже не протолкнуться, будто все эти люди ждали момента, чтобы войти сюда всем вместе. Взгляд моей спутницы стал рассеянным и наш с ней разговор на отвлечённую тему, который она сама же и завязала, довольно быстро угас.

Я встал в очередь у туалета – я устал и проголодался. И тут мимо меня прошел сам Кит Ден – блюзмен самого подходящего для этого жанра цвета кожи, на концерт которого мы и пришли. Я сразу забыл, куда шел и стал караулить его у двери, пока тот снова не появился. Он намеревался как можно скорее проскользнуть сквозь толпу обратно в концертный зал, но я перегородил ему путь, показавшись из-за угла – так просто от меня не уйти.

Я попросил его дать мне автограф, но не для меня, а для «for Veronica». Вздыхая и пошатываясь, давая всему миру понять, как он устал от приставучих фанатов, он всё же выполнил мою просьбу, одним ловким движением оставив внушительную закорючку на входном билете. Затем, он наконец смог вернуться туда, откуда вышел; а я остался доволен. А спустя ещё несколько мучительных минут в толкучке, мы зашли в зал и заняли свои места рядом со сценой. Довольно скоро, показались и сами музыканты.

Многие сравнивают жирный мужской блюз с чёрными тонами – но ими там и не пахнет. Если бы можно было описать

музыку цветом, то я бы выбрал красные и зелёные пятна на белом фоне с мазками фиолетового. Как музыкальная форма сложнее любой геометрической фигуры, так и её изображение должно быть выше простых очертаний предметов на холсте. Содержание важнее скорлупки – этот простой принцип я понял задолго, как о нём начали говорить все. И с тех пор, я живу по нему и наслаждаюсь прекрасным разнообразием.

После концерта я сказал ей, что ещё никогда такого не видел.

– Вот ты врунишка. Никакой ты не бессмертный. Если бы ты и вправду жил так долго, как о себе говоришь – то не осталось бы ничего, что ты ещё не видел. Тебе было бы скучно – особенно, со мной – так как ничего нового в этом для тебя уже не было. А так: тебе столько же лет, на сколько ты и выглядишь.

– Даже миллиона лет не хватит, чтобы увидеть в этом мире всё; а скучать может и первоклассник. Да, когда-то, моя тоска разрывала меня на части. Но мы оба можем порадоваться: те времена давно прошли.

По дороге я сказа своей спутнице, что мне нужно ещё кофе и заглянул в кофейню, со знакомой мне уже бариста Вероникой. Я попросил у неё эспрессо и пока он готовился, незаметно положил под стойку для неё автограф Кит Дена «для Вероники». Она вручила мне кофе, улыбнулась и мы снова попрощались. За три тысячи лет мне это не надоело.

Возраст – не главное.

Мы с моей спутницей долго шли сквозь густой мрак по дорогам из фонарей. Неожиданно, она попросила у меня закурить.

– Курят – только дураки, – вспомнил я одну фразу, доставая пачку, – да и татуировки делают одни мудаки.

Она рассмеялась.

– Тогда, раз так, что делать с теми, кто даёт прикурить и бьёт татуировки?! Кстати, я знаю в Будапеште один клёвый тату-салон. Для тебя набить татуху – это и вправду на века. Уж в чём, но в это венгры большие молодцы.

– Мертвецов не судят. А те, кто дают прикурить – сами наполовину мертвы.

– Кстати про мертвецов, за свои три тысячи лет скольких ты убил?

– Бывало, что приходилось оставлять немало трупов, если тебе так интересно. За мной больше смертей, чем у любого злодея.

– А ты их считал?

– Считают те, кому есть, чем гордиться. А проигрышам счёт не ведут. К тому же, сосчитать их было бы просто невозможно.

– Кстати о мертвецах – ты знаешь о моём новом тату? – она действительно быстро сменила тему.

– Ты про ту, что в форме черепа?

– Что?! Как тебе только удаётся подглядывать в местах,

которые тебе не показывают?! Убила бы!..

– Да ладно, я не подглядывал. Считаю, что угадал.

– Нет. Теперь, я успокоюсь только когда ты угостишь меня выпивкой. Слава высшим силам, что эта долгая поездка наконец-то близится к концу.

– Не торопись. Мне ещё много чего ещё предстоит рассказать, прежде чем мы разойдёмся каждый своей дорогой.

– Пьяной – мне легче слушать твои страшные сказки.

– А на следующий день – ты всё забудешь. Да я и не позволил бы тебе пить одной.

– И пожалуйста. Ты кажешься мне лучшим рассказчиком, когда без рубашки танцуешь на столе со стаканом в руке.

– Ты говоришь так, будто уже выпила. Кажется, мне уже приходилось встречаться с этой стороной тебя.

– Конечно, приходилось – и ещё придётся. Я – совсем не пьяна; но настроение у меня такое, что я вынуждена надеяться, что ты это исправишь.

Я завёл её в наш номер, а сам побрёл в ближайший магазин за виски. Что было с нами дальше – уже не так важно. Самое интересное, вопреки всему, началось, когда я держал пустую бутылку в одной руке; другой рукой сжимал её бедро. Она делала вид, что спит. Я притворился, что поверил ей и на ухо нашептывал продолжение истории...

Бойня №2

Продолжим тем, что смысл у жизни – есть; и искать его стоит. Эту истину познают уже после того, как удалось пережить самую разрушительную любовь; после самой разрушительной и опасной ночи в жизни. Человеку достаточно познать это всего один раз, чтобы изменить свою жизнь навсегда. Мне же, каждый век приходится заново переоткрывать все основные законы вечности.

Для Фрица и для Марии я был уже мёртв. Ах, если бы всё было так просто.

– Шарлатаны! – вырвалось у меня сразу, как только я проснулся, – прочь от меня.

Я обнаружил рядом с собой Фрица и опрятной внешности незнакомца в очках.

– О боже! Ты жив... – будто спросонья сказал мой старый немецкий друг.

– Зря вы так, – покачал головой доктор, глядя в мою сторону, – здоровье у вас железное, но подобные потери сознания могут быть звонками к тому, против чего и сталь не выстоит.

– Спасибо вам, доктор, – сказал Фриц, – а теперь, если не возражаете, прошу вас, оставьте нас.

Доктор кивнул и скрылся где-то в недостижимом мире – по ту сторону двери.

– А кто заплатил за врача, – спохватился я, – у меня есть несколько франков – и я могу заработать ещё. Я верну долг.

– Не стоит. У нас с доктором общие друзья. К тому же, зачем вообще нужна была революция, если всё останется таким, как прежде?! В мире должно быть место и для бескорыстности.

– Как долго меня не было? Какой сегодня день?

– Сегодня шестнадцатое апреля, друг мой. Не переживай, у нас всё в порядке. С каждым днём, коммуна становится всё сильнее.

Фриц ненадолго замолчал, сев на край моей кровати.

– Если честно, то мы боялись, что ты погиб. Но оказалось, что ты и не жив, и не мёртв. Никто не знал, что с тобой будет, когда ты проснёшься – если ты проснёшься... Но всё обошлось... Скажи, каково это – находиться там?

– Не уверен, что правильно понял тебя.

– Ты потерял сознание, но, как бы так выразиться, не совсем. Доктор сказал, что ты можешь слышать и понимать, что происходит вокруг. В какой-то степени, это походило на транс. Но, не смотря на это, мы до самого конца не могли понять, что с тобой происходит. Расскажи, что ты видел?

– Ничего. Если я и понимал, что происходит вокруг меня, то я обо всём забыл. Я видел лишь холод и пустоту – они успокаивают. Честно, у меня были неплохие каникулы – всем рекомендую. Больше всего сейчас мне хочется обратно.

– Ну, не говори ерунды, – прошипел Фриц, – мы с докто-

ром необычайно рады, что ты вернулся к нам – а ведь этого могло и не произойти. Мы не говорили об этом, но каждый из нас боялся, что в один день у тебя пропадёт пульс.

– Так легко меня не взять.

– Хотя, если признаться, это была бы самая подходящая для тебя смерть – во время танцев в кабаке.

Я улыбнулся и поддержал шутку Фрица:

– Честно, всегда о такой мечтал.

– Вот Мария обрадуется, когда узнает, что ты проснулся.

– Мария?! Вы вроде незнакомы. Или это я снова всё путаю?!

– Когда ты упал на пол и все вокруг подумали, что ты умер – мы действительно ещё не были с ней знакомы, хоть я и просил тебя представить ей меня. Общая беда сближает лучше клея – она ведь тоже считает тебя своим другом. Сам знаешь об этом не хуже меня.

– Конечно. А где Жорж?

– Этот её товарищ? Виделся с ним пару раз – хороший парень. А вот куда он делся – мне самому хотелось бы узнать. Он исчез несколько дней назад. Поэтому, Марии сейчас нет здесь, в этой комнате. Раньше, мы вместе сидели у твоей постели, беседовали о всяком... ну и Жорж, конечно, тоже был здесь. Сказать, что она расстроилась, когда наш товарищ исчез без следа – ничего не сказать. Она ведь из аристократок, а им сейчас туго приходится. Боюсь даже представить, сколько всего обрушилось на её маленькие плечики...

Несмотря на лёгкое головокружение, я попробовал подняться на ноги. Мне уже не раз приходилось совершать и не такие подвиги, но на этот раз мне пришлось смириться с первыми неудачами. Старею, что ли... Фриц пытался остановить меня, но я упрямо продолжал. Наконец, спустя дюжину попыток, я сумел удержать своё тело на ногах.

– Ого! – воскликнул Фриц, – а ты поправляешься прямо на глазах. Так держать, дружище.

– Считаю, что я уже поправился. Извини, но ты сказал, что Мария считает меня своим другом – и я не могу оставаться в стороне. Я должен увидеть её как можно скорее. Ты знаешь, где она сейчас?

Фриц пожал плечами.

– Я пытался её утешить, но раз это не удалось даже моей баварской настойчивости, то не удастся и тебе. Она вступила в так называемый «Союз Женщин Коммуны», а поэтому никто не сможет точно сказать, где она, кроме её «товарищей». Женские выкрутасы – как будто у них нет других дел. Тем не менее, я рад, что из избалованной аристократки она выросла в настоящую революционерку.

– Меньше слов, – я сделал свои первые несколько шажков после воскрешения и добавил, – мне нужно найти её. И ты, Фриц – поможешь мне.

– Ох, с радостью. Как в старые добрые времена. Узнаю своего друга – он может пролежать без сознания в постели несколько недель, а очнувшись, сразу встать на ноги и пу-

ститься в погоню за женщиной. Честно, на твоём месте я поступил бы точно так же. Правда ведь, она такая сладкая, воинствующая... Но не думаю, что ты для неё больше, чем просто друг. Как-никак, именно я был с ней, даже когда Жорж сбежал...

Мне пришлось привести его в чувства парой пощёчин.

– Кончай свои глупости. У тебя есть хоть какие-то предположения, где она может быть?

– Право, нет!

– А кто тогда знает?..

Как далеко они готовы зайти? Прошел всего месяц, а они по-прежнему готовы все свои головы сложить за коммуны – даже ещё с большим рвением, чем прежде.

Я ещё не до конца осознал, как изменился Париж всего за месяц. Двадцать три года назад, когда уже вспыхивали восстания, всё было совсем по-другому. Но одно стало ясным довольно быстро: со всех сторон город окружён бесчисленными врагами, которых вряд ли удастся одолеть. Тысячи людей уже погибли, защищая подступы к городу. Версальцы собрали армию из таких же французов, как и те, что подняли на восстание в Париже. Мы рассчитывали, что нашему примеру последует вся страна и тираны будут свергнуты как во времена великой революции. Но мы оказались одиноки.

Парижане заворачивали свой хлеб в газеты с обращением Тьера. Любопытно, как власти коммуны вообще допустили распространение таких журналов? Но содержание этого по-

слания сломило мой и без того угасающий дух:

«Правительству хотелось бы, чтобы вы самостоятельно смогли освободить себя от тиранов, что насмежаются над вашей свободой и жизнью. Но поскольку вы не в силах этого сделать, то это становится нашей задачей. Поэтому мы и собрали армию у ваших ворот – армию, которая идёт не побеждать вас, а дать вам свободу. И она старается убедить вас, в целях предотвращения жертв, которые могут последовать при штурме. Вас больше, чем сектантов от коммуны. Соберитесь, откройте двери, которые они заперли перед лицом закона и порядка. Если вы ничего не предпримите сами, то Правительство будет вынуждено принять самые надёжные и быстрые средства для того, чтобы сделать вас свободными». Даже ценой ваших собственных жизней».

Мы не были лично знакомы с Тьером, но сложись всё иначе, мы с ним могли бы стать хорошими друзьями. Его чувство юмора и взгляды на жизнь очень напоминают мои собственные. Вот только, он был одним из богатейших и влиятельнейших людей Франции, да и всей Европы. Он не был знаком с жизнью других французов, не входящие в число интеллигенции, известной во всём мире. Он, как представитель избранного меньшинства, считал, что для человека важнее всего его собственная жизнь, а потому верил, что увидев легионы наёмников, на содержание которых ушло больше денег, чем на хлеб для голодающих парижан – город сдастся. Жизнь и вправду – самая большая ценность, которой может

обладать человек. Но Тьер вряд ли был знаком с той силой, которой обладает идея, рождённая из отчаяния. Если человеку дадут надежду на жизнь – он пожертвует ради неё жизнью. Так и произошло. Мир хочет меняться – эту волю не остановить даже сотне титанов, подобных Тьеру и сотням тысяч его наёмников. Европа – как наковальня, по которой приходится бить со всей силой молотом, чтобы изменить. Наверное, по этой причине люди с такой верой смотрят за океан – в новый свет. Они думают, что там, чтобы что-то изменить не приходится голодать и гибнуть миллионам.

Тьер может испугать парижан – но от этого они ещё яростнее будут ему сопротивляться. Он может уничтожить коммуны, убить каждого третьего жителя. Но в конечном итоге, он проиграет, даже если и выиграет все битвы. Ему придётся смириться с тем, что Франция должна измениться – даже если он выиграет, даже если он проиграет. Одна идея, тысячи штыков и город, который может погибнуть не один, но не перестанет сражаться. Париж героев и дураков.

– *Nous sommes prêts à nous battre*, – грозно прокричал Фриц, что мы готовы к битве на довольно скверном французском.

– Насколько я слышал, по всему городу прошли аресты священников. Не пойми неправильно, ничего против действий коммуны я не умею, но считаю, что центральный комитет действует слишком поспешно.

– Только проснулся, а уже в курсе всех новостей?

– Если бы я не умел вовремя получать информацию – мне пришлось бы умирать намного чаще. Послушай, чтобы выжить, коммуне необходимо остановить версальские войска, а центральный комитет своими действиями не даёт ни единого основания сочувствовать коммуне и убедить остальных французов, что наше дело – правое. И поверь мне, ситуация ещё никогда не была настолько опасной.

– Мы победим, – только и ответил он.

Я надеялся найти Марию в здании ратуши, где, как мне сказали, проходили заседания союза женщин. Но все, кого мы с Фрицем спрашивали о ней отвечали, что уже давно её не видели.

– Странная парочка, – покачал головой я, пока Фриц доставал папиросу, – что Жорж, что Мария – все будто сделаны из пены и уносит их куда-то течением так, что и не догонишь.

– Да уж, что и говорить, тяжёлая потеря, – пробурчал он, глядя куда-то в сторону, выискивая, наверное, какую-нибудь менее независимую женщину, – чёрт, а ведь даже прикурить не от чего.

– Не говори так. Никого мы ещё не потеряли.

– Да я про них. Коробок спичек выпал, наверное, из кармана. Какая потеря. Сейчас в Париже их не так легко достать, как раньше. И что мне теперь делать.

– Подожди ратушу вместе со всеми в ней и подкури от пожара, что же ещё?! – разозлился я, – да что творится в твоей голове, Фриц?!

Он рассмеялся.

– Спокойно. Найдётся твоя Мария. Если повезёт, то она сама найдёт нас. Да и Жорж вместе с ней. Главное не терять веру в коммуну.

– Как раз её, наверное, мы и потеряли.

Но Мария не торопилась показываться. Не успели мы и обернуться, как прошло ещё две недели, и наступил май – самый ужасный и кровавый за долгие годы. Как ни странно, это было самое трезвое время за историю Парижа. Хотя у нас и было больше всего поводов выпить в кофейне, мы заказали только кофе.

Практически все соборы в городе превратились в дискуссионные клубы, на собраниях которых каждый мог высказать своё мнение по любому вопросу, задать вопрос и получить ответ. Поэтому, революционеры предпочитали теперь ходить скорее в церковь, чем в кофейни. Внутри было уже не так громко – основной шум доносился с улицы, где группа женщин из известного союза строили баррикады.

Пока коммуна готовилась к кровопролитной войне, мы с Фрицем опустошали буржуазные бокалы, уже не считая ни сантимов, ни франков. Нечего нам ограничивать себя, раз всё равно бури, в которой революция пройдёт проверку на прочности никому не миновать.

Мы меньше всего могли этого ожидать, но Мария сама нашла нас. Уже более трёхсот лет я не испытывал такого возбуждения от простой женщины. Хотя, куда там – не была она

простой. Что мы с Фрицем могли сделать с ней, когда она так внезапно появилась в дверях кофейни? Да что там – нам даже сказать было нечего. Мы могли, разве что, оставаться узниками своей любви и совести.

– Ну, добрый день. Мне сказали, что тут двое мужчин вместо того, что бы строить баррикады и защищать наши границы от версальцев, ищут меня. Вот, я стою перед вами собственной персоной. А теперь, идите – и принесите пользу революции, вы жалкие куски дерьма.

Как же сильно она изменилась за это время.

– Вы ещё здесь?! На что вы так пялитесь? Господи, будьте, наконец, мужчинами!

Слова так и текли из её рта, а мы не могли найти в себе силы, чтобы издать в ответ хоть пару звуков.

В конечном итоге, Мария смирилась с нашей пустоголовостью, успокоилась и села выпить рядом с нами.

Она стала грубой, но сохранила прежнее очарование. Новая Мария привлекала ещё больше прежней. Что бы она ни говорила, ей было приятно, что я снова пришел в себя. Я по-прежнему был для неё другом, хотя, если честно, не удивлюсь, если она почти перестала думать обо мне. В эти времена у всех есть проблемы куда важнее личных. Но про Жоржа она не забывала ни на миг. Причины её вступления в союз женщин могли быть самыми разными; но одна из них, несмотря на все трудности жизни в Париже весной семьдесят первого, была сугубо личной. Она надеялась его найти. Он

был лучше нас с Фрицем вместе взятых – важнее национальной гвардии, центрального комитета и всех парижан вместе взятых – по крайней мере, в её глазах. Но теперь, я не собирался так просто с этим мириться.

– Когда сюда придут версальцы, – заключила она, – мы будем готовы, безусловно. Их встретят тысячи штыков и десятки тысяч отважных сердец.

– А после них останутся сотни тысяч трупов, – сказал я, за что получил её грозный, укоризненный взгляд.

Все эти вещи пугали даже Фрица. Теперь, мне стало ясно, насколько изменился он сам. Бедный немец, уж я-то думал, что хотя бы его это не задело. Он никогда не терял чувства юмора – он был стойким. Но день за днём жить в ожидании неизбежной гибели – сломило бы и не таких. Мне стал ясен смысл каждого его жеста, вдоха и выдоха. Всё это были лишь разными способами сказать миру одно и то же слово, повторённое бесконечное количество раз: «страх». Неважно, насколько сильна коммуна; сколько мы выиграли битв, сколько у нас пороха и солдат. Неважно, как долго ещё национальная гвардия будет отбивать атаки версальских убийц. Нет разницы: выживет ли каким-нибудь чудесным образом коммуна или ей суждено будет погибнуть в море огня и крови. Каждая пылинка в Париже повторяла несказанные слова Фрица и скрывала их под холодным и суровым взглядом Марии – всё вокруг переполняло ужас. Он был древнее самого человека, намного старше меня самого. Неизбежность катастрофы,

страх перед будущим. Молчаливая и безумная уверенность, что всех нас ждёт один и тот же печальный конец.

Несмотря на всё это, алкоголя в нашей крови было достаточно, чтобы заплатить хозяину и начать думать о более важных вещах. Качаясь и пошатываясь, Мария и Фриц с трудом сохраняли равновесие – телесное и духовное. Наша спутница решила поделиться с нами своими мыслями:

– Жаль, о как жаль, что Жорж не может найти нас так, как мне удалось найти вас. Даже не знаю, с какой силой я трахну этого козла по башке, когда увижу. Вот бы встретить этого кабеля ещё хоть раз. Он бы гордился тем, кем я стала; а уж я бы успела сказать ему всё, что думаю о нём.

Красному солнцу плевать на всех нас – плевать на парижан со всех их бедами. Была весна и всё вокруг говорило о цветении жизни, когда в нас самих зрела только смерть.

Свои дела в союзе женщин Мария уже закончила. Как я узнал позже, Фриц нашел себе работу у пекаря и выходил на неё только послезавтра. А мои рабочие обязанности в Париже кончились с наступлением революции. Хоть это и казалось бесполезным, но втроём решили найти Жоржа – то ли нас переполняло чувство долга, то ли просто алкоголь. Найти его, где бы он ни прятался – живым или мёртвым.

Двое пьяных мужчин и аристократка-революционерка – для Парижа вполне обыденное зрелище. В этой толпе так легко затеряться – так, что тебя никто никогда не найдёт.

Результатом этой бесплодной глупой прогулки стало то,

что национальные гвардейцы взяли в свои ряды Фрица. Меня они, почему-то оставили. «На фронте такие как ты нужнее», – сказали они ему, уводя за собой. Так, в поисках одного друга, мы с Марией потеряли другого. Не быть ему теперь пекарем или чем он там хотел заниматься... Теперь, ему суждено быть тем, ради кого он и приехал из Германии во враждебную Францию – национальным гвардейцем, революционером, защитником свободы... Если Фриц кому-нибудь скажет, откуда он – его служба будет недолгой. Раны после войны с Пруссией ещё не зажили и немцев здесь любят не сильнее версальцев.

Возможно, Жорж тоже отошел на тот смерть где-нибудь там – под Парижем – ушел туда, куда я уже потерял надежду попасть.

Я протрезвел. Мария обливалась слезами, забыв о роли стальной женщины, в которую заигралась. А я просто думал о том, что происходит в этом мире – просто дерьмо, которым пахнет отовсюду.

Вскоре, Мария тоже куда-то исчезла – в один момент, я просто потерял её из виду. Она всегда забывает попрощаться, а потому и расставание с ней кажется странным. В моё тело вернулась забытая ранее боль. Меня всего пронзал страх и усталость; я не мог найти в себе силы даже для того, чтобы просто встать и уйти. И даже если бы мне это удалось – то куда бы я пошел?! Вся моя жизнь и бесконечная борьба привели лишь к тому, что у меня осталось – ни к чему.

И как всегда, в моменты крайнего отчаяния, в темнейшие из времён, происходят странные и чудесные вещи – такие, в которые трудно поверить даже после того, как они произошло. Они приходят ко мне, будто я сам зову их беззвучным свистом о помощи.

– Что ты здесь делаешь? – прозвучал весёлый голос откуда-то сверху.

Я поднял голову; и сразу не поверил своим глазам.

– О, извините, кажется, я опознался... – засомневался он.

Мишель. Единственный, кого я знал во Франции времён Луи Бонапарта. Тот, к кому я и приехал в этот тёмный, беспокойный город из Баварии двадцать лет назад. Тот, который исчез десять лет назад и кого я не ожидал встретить уже никогда. Он будто воскрес из мёртвых и случайно наткнулся на меня. В последнюю нашу встречу, я был на высоте, а ему приходилось прозябать в бедности. Теперь, он носил форму национальной гвардии и выглядел неплохо; а я был разбит и не мог предугадать, что будет со мной дальше. Конечно, он сразу узнал меня; но приглядевшись получше, не смог в это поверить и собирался уйти – на этот раз, навсегда.

– Постой, Мишель, это я.

– О боже, дружище, что с тобой произошло?! Где ты был все эти годы?

– Был занят тем, к чему привык – выживал. И это ведь ты меня бросил – исчез, даже не попрощавшись.

В моём голосе звучали нотки обиды и возмущения. Хотя,

десять лет – совсем небольшой срок для меня и для истории. За это время я успел не больше, чем смог бы достичь за пару дней. Теперь, это не имело для меня никакого значения. Я был просто рад, что мы встретились здесь и сейчас – с моим другом, которому, как и многим, суждено вскоре так рано и бессмысленно погибнуть.

Он всё же принял мои слова за обиду с моей стороны. Это его смутило и он качать головой, будто что-то искал. Затем, он попробовал оправдаться:

– Я... я... – но это получалось у него не лучше, чем мне справляться со страхом и болью.

Мне пришлось добродушно остановить его:

– Не надо, Мишель. Если у тебя есть лишний франк и свободный час, то просто угости меня выпивкой.

Он согласился и мы направились в ближайшую кофейню. Там, немного выпив, я стал рассказывать ему о смысле всего, что происходит вокруг:

– Эта коммуна создана по образу и подобию самой природы, чтобы наглядно показать нам законы нашей реальности, – мне снова пришлось приложить немало усилий, чтобы не упасть со стула и при этом продолжать говорить, – её стремление, как и цель самой природы, сделать нашу жизнь лучше и счастливее – признай, ведь кто этого не хочет?! Однако счастье в жизни приносят мелкие радости: папиросы, хорошая еда, выпивка, ночи с прелестными дамами... Проблемой общества было то, что далеко не все могли себе это

позволить. Если бы жизнь была легче – в революциях и прочих несчастьях не было бы никакого смысла. Мир был бы проще и приятнее. Жаль, что бывшая власть была не в силах сделать жизнь людей легче – она и не хотела. А теперь страдают все. Я стараюсь жить согласно законам природы: наслаждаться мелкими радостями и победами пока могу. Даже те, кто этого не осознают, всё равно подчиняются этим простым правилам. Ведь что есть борьба за общее благо, если не потакание своим собственным стремлением быть полезным обществу, чувствовать себя важным? Всем нам этого хочется. Наша борьба – навеки останется в памяти истории и послужит примером для остальных, избравших себе путь, подобный нашему. Мы принесём много страданий другим и самим себе в борьбе за счастье – и в этом найдём смысл жизни для самих себя и во всём, что окружает нас.

– О нет, ты ошибаешься. Коммунары борются не за сиюминутные отрады, а за достижения всеобщей победы в будущем. То, чем мы занимаемся сейчас – особого счастья не приносит ни нам, никому. Ты не бывал в боях, но наверняка слышал о том, что версальцы прижали нас к стенке. Они предлагают нам сдаться – говорят, что тогда проявят милосердие и не станут избавляться от всех.

Его кулаки сжались.

– Но мы не сдадимся. Национальная гвардия и каждый парижанин будет сражаться до конца. Это наш долг – и где ты видишь здесь счастье?! Я знаю – у нас не так много шан-

сов. Но история на нашей стороне. И нас запомнят, как защитников свободы. Мы – французы. Свобода у нас в крови и мы защитим её, даже если проиграем. Вместо нас придут другие и рано или поздно, но мы победим.

– Ты утешаешь себя этими мыслями, верно? В них и есть твоё счастье, смысл и причина всего, что происходит с тобой.

Пьяно пошатываясь, я встал и собирался предложить Мишелю расплатиться по счёту с хозяином. А затем, хотел убедить его пригласить меня к себе в комнату переночевать.

– А теперь, милый друг, запомни на всё то короткое время, что тебе ещё осталось топтать эти улицы с баррикадами и мусором, – сказал я вместо всего, что собирался сказать, – каждый человек находит счастье только внутри себя – не в общественном благе и не в других людях. Искать его нужно только в своей собственной душе, какими бы важными не казались ценности и люди вокруг тебя.

Я сделал паузу для отрыжки и продолжил:

– Нам предстоит пережить великую трагедию, но я рад за тех, кто будет расти в это время. Им будет суждено построить новый мир на пепле наших ошибок. Каждое новое поколение должно пережить моменты тотального разгрома, чтобы дать пример следующему. Каждое новое поколение должно быть поколением духа. Да, мы все должны погибнуть, как общество отъявленных эгоистов. И те, кто придут за нами – будут такими же. Они будут бороться за своё собственное счастье, даже если и станут называть его общественным благом. Мы

все эгоисты – такими нас создала природа и сама жизнь. А потому, борьба эта будет длиться вечно, пока существует человек. И все войны, все революции – ни одна не будет отличаться от другой. Теперь, я говорю не «Слава Франции» и не «Да здравствует коммуна», а «Слава вечной борьбе» и «Да здравствует вечное счастье».

К своему жилищу Мишелю пришлось нести меня на плечах. Я довёл себя до того, что ели мог ходить. Несмотря на всю ту ересь, что я наговорил про него и про коммуны в кофейне, у него хватило благородства всё же позаботиться обо мне. Он уложил меня в свою кровать, когда я давно уже спал. У него было всего одно место – и он уступил его мне вместо того, чтобы лечь самому. Мишелю было всё равно не уснуть сегодня – его снова звал за собой долг и он отправлялся на фронт. Утром он будет сражаться с превосходящими силами версальцев, чтобы коммуна могла прожить ещё один день.

Когда я проснулся, было уже около полудня. Я ещё не знал, что произошло – меня всего переполняла боль. Лишь несколько человек знали о том, что произошло – но вскоре, об этом узнают все. Эта новость пронесётся по кварталам Парижа быстрее пожара в ветреный день. Национальная гвардия проиграла эту битву. Её остатки отступили в одиннадцатый округ. Версальцы полностью заняли окрестности Парижа и начали наступление в самое сердце коммуны, и ничто не могло уже их остановить. А мой друг Мишель – был уже мёртв.

Солнцестояние Второе

Бывает и такое, что оставаться собой – становится преступлением против себя.

Мы с Гансом собрались покинуть городок в начале второго часа ночи, когда даже часовые, которые ещё не закончили смену, зевают чаще, чем вдыхают и выдыхают. Мы могли и просто уйти, дав знать об этом всем, выдумав какую-нибудь причину. Но угробище Рудольф – это не та дичь, к которой разворачиваются спиной; только спусти его с мушки и сам окажешься под прицелом. Поэтому, лучше лишний раз не рисковать – уйти по-английски и вернуться по-немецки. Ганс полностью поддержал эту идею. И незаметно часовых, которым я сам приказал никого не впускать и не выпускать, мы покинули город.

Даже в лесной тишине слышались шум войны – в каждом шорохе, в каждой глотке воздуха. Он стал таким же привычным для этих мест, как ветер. Каким бы разрушительным не оказался бы для Германии мир, он будет лучше опустошительной войны. Когда она кончится – настанет время строить. А пока этого не произошло, мы можем лишь постараться сохранить то, что ещё не успели разрушить. Но даже сохранять можно только разрушая; и так без конца.

К рассвету, мы дошли до пушки – нам не пришлось искать её, ведь как минимум один из нас знал, где она находится.

Трудно сказать: им был только я один или мы вдвоём. Ещё труднее было вспомнить: кто, когда и зачем оставил её здесь. Это произошло точно не в прошлом году и не месяц назад при отступлении, а гораздо раньше. Даже Рудольф не знал о ней – иначе она давно была бы в городе. Сам я тоже не раз задумывался над тем, чтобы перетащить её поближе к гарнизону – это было бы правильно по отношению к брошенной, но ещё боевой технике. Но этот план так и не воплотился в жизнь.

– Откуда ты знаешь, что батальон пройдёт именно здесь? – спросил Ганс.

– Я уже говорил, что эти трусы хотят сдать. Позиции сэмов находят в двадцати километрах от наших с тобой спин. Вот только даже если они увидят немцев с поднятыми руками – всё равно откроют огонь. Это война. Наша цель – притвориться сэмами и сделать вид, что мы нападаем. Насколько я знаю, у них нет тяжёлой техники и дать бой они не смогут. Несколько выстрелов им особо не навредят, зато напугают на славу. Ни один чёрт не заставит их после такого и дальше идти к сэмам, где их ждёт верная смерть.

– И тогда они придут к нам. Умрут и мы, и они.

– Необязательно. У нас будет больше людей. Сэмы не хотят гибнуть в чужой стране и будут вести переговоры. Думаю, мне удастся сдать гарнизон без единой жертвы. Мы окажемся в плену, но останемся в живых. Иначе, все умрём.

– То, что мы делаем с тобой – предательство. Если кто-ни-

будь узнает – нам конец. И что ты собираешься делать дальше?

– Если верить слухам, то фюрер мёртв. Война закончилась, хоть в стране по-прежнему гремят орудия. Когда сэмы подойдут к городу – смысла убивать нас у них не будет. Глупо воевать, когда война уже кончилась. Мы больше им не враги и не соперники; они и мы – победители и проигравшие; и ни для кого не загадка, кто есть кто.

– Тогда, почему ты уверен, что сэмы убьют немцев, идущих им навстречу?

– Я не уверен, но это им ничего не будет стоить. Нельзя рисковать жизнями стольких людей. Мой план – единственный способ сохранить жизни всем. Это была хорошая война для мертвецов. Но теперь, нам нужно постараться спасти живых.

– От наших выстрелов могут погибнуть люди.

– Значит, нам нужно постараться, чтобы этого не произошло. Помоги мне найти закопанные орудийные снаряды. Они должны быть где-то здесь. Да и наши овечки уже на подходе.

Пока мы с Гансом копались в земле, в поисках ящика с боеприпасами, я вспомнил, почему я вообще оказался здесь, как ко всему этому дошел. Мне хотелось хоть на миг забыть о том, где я нахожусь; и вспомнить одну из тех немногих историй, от которых моё стальное сердце начинает биться сильнее, а душа наполняется теплом. А ведь прошло семьдесят

четыре года с тех пор, как мы бежали из Парижа с маленькой, больной девочкой на руках. Она могла умереть по дороге сотню раз; но добралась живой и даже стала сильнее. Я вспомнил и дьявола, носившего лицо Фрица, и бойню, которой всё равно не сравниться по масштабам с современной. Когда мать девочки оставила нас, мне пришлось стать для девочки кем-то вроде отца или старшего брата. Но мы оба с самого начала знали, что это не так.

Я и раньше любил многих женщин, хоть подобные чувства притупляются с веками сильнее прочих; я заводил семьи, про себя посмеиваясь над «пока смерть не разлучит». Но я не мог иметь детей, как бы ни старался. Очень немногие жёны узнавали о моём секрете – кто умирал слишком рано, а от кого я просто вовремя сбегал. Только вместе с ней, сплетя паутину лжи, я мог сказать фразу, единственную, в которую сам мог поверить: я – отец.

Весь мир тогда встречал двадцатый век – я отмечал двадцать пятый век своей жизни, а она – разоблачение моей тайны. Ей было страшно – любой бы на её месте испугался бы, узнав о том, что при всём желании не смог бы осознать. Но мы с ней были ближе, чем магниты; и она всё же приняла тот факт, что я на пятьсот лет старше даже того, от чьего рождения считается время.

Я подделал документы и снова стал для неё, формально, незнакомцем. Мы поженились и построили свой дом – несмотря на все грядущие войны и беды, которые так и при-

тягивала к себе эта страна. Но мы решили остаться в Германии – она стала домом для неё, а значит и для меня тоже. Когда она состарилась, я выдал себя за её внебрачного сына. Я вступил в партию, чтобы уберечь её от опасных вопросов. Затем, я стал военным и отправился туда, где был нужен – безукоризненно подчиняясь приказам, но без всякого воодушевления. Я хотел жить мирно, но постоянно приходилось воевать. Много людей погибло от моих пуль – ещё больше от моих приказов. Я знал, за что воюю – таким идеям не суждено жить долго. Но и предать эту страну я не мог – в ней ещё оставалось то, что я хотел защитить. Я прошел огонь и лёд Сталинграда, и вернулся домой, чтобы встретить её спустя столько месяцев и километров разлуки. Но я опоздал. Меня встретило лишь могильное надгробие. Теперь, я пожинаю плоды своих ошибок и грехов – пытаюсь сохранить достоинство в бесчестное время и отдать всё, что могу разбитой, проклятой стране.

– Эй, а вот и они!

Мы откапали ящик и зарядили артиллерию. Я смотрю сквозь бинокль на приближающихся солдат. Мы договорились, что когда Ганс выстрелит пару раз из пистолета в воздух, я дам пару залпов раз из пушки – это должно хватить, чтобы они все там посидели. Но вот, их ряды всё ближе. Опасно близко.

Ганс. Он сказал, что был надзирателем в Бухенвальде. Что сделают с ним сэмы, как только схватят? Ничего хорошего

– это точно. Если многие из нас отделаются посильным наказанием, то с ним расправятся сразу же, как только узнают, какую роль он сыграл в этой войне. И он помогает мне удачно сдать всех нас в плен?! Возможно, он преследует ещё какую-нибудь цель.

Ряды солдат в одну секунду исчезают из поля зрения; и все они бросаются врассыпную или падают на землю. Ганс подошел к ним очень близко и расстреливает из пистолета – не целясь, но угрожая. Я выстрелил первый раз; второй. Интересно, если бы мы действительно сражались бы вдвоём с целым батальоном – удалось ли бы нам это? Пока что, всё складывалось в нашу пользу. Возможно, обошлось даже без потерь, хотя в такой неразберихе трудно сказать наверняка: подстрелил ли ты кого или нет.

Над нами пролетел самолёт сэмов – как раз вовремя. Я даю залп; а за ним ещё и ещё. Под натиском артиллерийского огня, впрочем, вряд ли унёсшего с собой хоть несколько жизней – даже самые отважные дадут дёру.

А может, и пойдут в наступление.

Тогда – нам точно конец.

Я смотрю в бинокль: несколько молодых человек подбрасывают каски вверх и бросают оружие. Они идут прямо мне навстречу с поднятыми руками. Решили сдаться сейчас – в самое неподходящее время. Я не успел даже придумать, что нам делать, как они один за другим стали падать на землю – в них стреляли.

Их ели успели отвести, пока очередной мой снаряд чуть не снёс головы десятерым. Немецкий батальон, после долгого получаса боя, наконец-то отступает. Идти им больше некуда, кроме как к нашему гарнизону. Остаётся только гадать, как встретить их Рудольф со своими головорезами.

Дав жару подставного сражения немного поутихнуть, я приблизился к полю битвы. Воронки от снарядов и оружие, брошенное на трофеи врагу. И посреди всего этого дикого дымного месива, я вижу Ганса, стоящего с пистолетом в руках над раненым солдатом. Я подбежал достаточно близко, чтобы слышать задыхающуюся мольбу о пощаде:

– Bite! Bite!

– Ганс, стой!

Но выпущенная пуля уже не подчиняется приказам. И этому солдату больше нечего выпрашивать у своего убийцы.

– Ганс, какого чёрта?!

– Если я правильно понял, – только теперь он поднял на меня глаза, – то вашим приказом, господин офицер, было не дать этим людям сдаться в плен американцам. И я выполнил его безупречно. Вы получили то, чего хотели. Мы победили. Теперь, у нас в гарнизоне не отряд, а целая армия. И она будет подчиняться вам. Это было нашей целью.

– Но я не приказывал его убивать!

– Вы про этого?! Но он бы всё испортил.

Значит, мы говорил теперь не как партнёры, а как командир с подчинённым. Так тому и быть.

– Слушай сюда, «этот» здесь только ты, раз позволил себе добивать раненных. Мы могли бы сказать, что спасли бы его прямо на поле боя, а с ним бы договорились, чтобы молчал о том, что на самом деле здесь произошло. Это была бессмысленная смерть.

– На войне почти все такие.

Внезапно, он посмотрел на меня угрожающе.

– Вы не немецкий офицер, не так ли? Я не знаю кто вы и откуда; ваши документы – поддельны. Я не знаю вашего настоящего имени. Чёрт, я даже не знаю, действительно ли вы были в Сталинграде и вернулись обратно. Но если честно, то если это правда и вы были в том аду, то я хотел бы быть среди тех, кто имел честь идти в бой вместе с вами.

Он наверняка заметил, что мой пистолет снят с предохранителя и в любой момент из него может вылететь смерть, направившись прямо в него.

– Знаешь что, Ганс, я не стану тебя убивать. Не потому, что я этого не хочу и уж точно не из-за твоей нелепой лести. И так уже слишком много людей погибло – ты и без меня это прекрасно знаешь. Всё, что я делаю сейчас – направлено на то, чтобы спасти жизни тех, кто ещё остался. Когда ты поймёшь это – если ты поймёшь это – то мы ещё сможем остаться друзьями. А теперь, давай спрячем пистолеты и прибережём патроны для более важных дел.

– Ты напрасно не доверяешь мне – думаешь, что я что-то задумал; что выстрелю тебе в спину. Если бы хотел, то

давно бы уже сделал. А стрелять, глядя тебе прямо в глаза – я тем более не намерен. Я помогу тебя всем, чем только смогу. Но я вижу, что тебя так волнует – я знаю, из-за чего ты так не доверяешь мне. И я отвечу на вопрос, который ты так и не решился мне задать: а что случится со мной? Что сделают сэмы, когда узнают о моём прошлом – ты ведь это хотел спросить?

– С чего ты взял, что ты им так нужен?! Ты предал свою страну, оставив свой пост и сбежав. Ты – всего лишь предатель. Тебя будут судить, если поймают; но не хуже, чем меня или Рудольфа. Сэмам нет дела до того, кто ты.

– Я не предавал свою страну, – прошипел он сквозь зубы, – я всегда оставался верным ей, даже когда её не стало. Я могу спокойно смотреть как гибнут люди, не испытывать ни единой эмоции – сейчас весь мир такой. Но вот от чего меня действительно выворачивает наизнанку, так это ото лжи. И я уже иду вразрез со своими принципами, согласившись находиться сейчас здесь, с тобой.

Казалось, ещё немного и он потеряет контроль. Хоть он и говорил так, как будто выкладывал передо мной все карты, но что-то подсказывало мне, что он что-то недоговаривает, продолжает скрывать самое важное. Нет, если он хотел своей речью заставить меня безоговорочно ему доверять, то он не на того напал. Но пока что, у меня не было ни единой причины считать его за врага

– Давай уже вернёмся обратно, – сказал я, – я проголодал-

ся. Думаю, что ты тоже. К тому же, будет очень неприятно, если сэмы, услышав звуки боя, пришлют сюда пару-тройку отрядов на разведку.

И мы оба молча направились в сторону города, возвращаясь по той же дороге, что и пришли. Всё время по пути, Ганс просто смотрел себе под ноги, размышляя о чём-то, но ни одним своим жестом не давая возможности определить о чём именно. Мою же голову без конца посещали мысли о будущем. Какими бы они ни были, ответ на всё был один: «возможно, так оно и будет». Может быть, сэмы превратят нас всех в капусту – для этого сильно напрягаться им не придётся. А может быть, кому-нибудь из нас удастся спастись. Или же, мы все сможем избежать самого страшного. Но вряд ли в их числе окажется Ганс – ведь я соврал ему, что сэмам будет всё равно. А он по-прежнему идёт за мной, хоть и сам прекрасно понимает, чем это может обернуться. Мой чин сейчас – чистая формальность; ведь какое значение имеют ордена и звания в стране, которой больше не существуют? Никаких, кроме самых пагубных. На что тогда надеется Ганс? За кем он идёт? Чего он добивается?

Когда мы вернулись в город, там всё будто с ног на голову встало. Многим показалось, что это не немецкие, а американские солдаты показались у нас на пороге – прямо под носом. Во всём гарнизоне не нашлось бы и двух десятков солдат, готовых сражаться; а все остальные – чуть не дались в плен тем, кто сами пришли сдаваться. Когда я встретил

Рудольфа, отдающего приказы новым подчинённым направо и налево, он сам был до сих пор бледен как труп, словно душа покинула его тело, оставив нам лишь одну оболочку. Зная Рудольфа, это вполне могло оказаться правдой. Мне пришлось подойти к нему чуть ли не вплотную, прежде чем он обратил на меня внимание:

– И где тебя носило?! – сказал он вместо приветствия, – знал бы ты, что здесь происходило...

– Я уже в курсе, – кивнул я, – мне доложили. Но не забывай, что не ты здесь командир. Эти люди пришли к нам за помощью – и они получают её должным образом. Все они переходят под моё командование.

– Мне сказали, что они наткнулись на авангард сэмов и дали бой, – невозмутимо начал он, – три, может, четыре сотни человек. Они храбро сражались, но врагов было больше. Они понесли потери и были вынуждены отступить к нашим позициям. Может, ты и проявил себя под Сталинградом, но такая война – моя специальность. Мы окружены со всех сторон – полностью отрезаны от мира – и это на нашей собственной земле.

Никогда прежде я не слышал в его голосе столько злобы, а одновременно с этим и ужаса.

– Есть ли какие-нибудь новости из столицы? – я попробовал зайти издалека, – не забывай, мы с тобой – тоже подчинённые.

Он тяжело вздохнул и взглянул на меня. Впервые он смот-

рел на меня, как на брата.

– Да, мне приходили телеграммы. Я не могу утаивать эту информацию от тебя, так как она адресована и тебе тоже, но говорить об этом с солдатами я не могу. Боевой дух и так подломлен – я не хочу мятежа. Поэтому, я надеюсь, пока что эта информация останется между нами.

Я кивнул.

– Нет больше никакой столицы. Мы проиграли битву за Берлин. Мирный договор будет подписан. Боюсь даже себе представить, что они сделают с нашей страной. Да чего уж там – не будет её больше. Германия погибла навсегда. Мы – последние, кто ещё сопротивляется.

Он не скрывал своих чувств. Стальной Рудольф был разбит и подавлен.

– И теперь, сэмы ошиваются в паре километров от нас, – продолжал он, – а завтра – их будет в десятки раз больше...

– Все мы уже давно знали, что эта война проиграна...

–...Но мы не должны сдаваться – ни за что, никогда!

– Мы уже проиграли, Рудольф. Какой у нас есть выбор?!

– Сражаться! Только сражаться. Что так – что так, всем нам придёт конец. Солдат в форме и с оружием они не берут в плен – ты же знаешь. И я знаю – я уже видел такое под Варшавой. Мы должны сражаться – это наш единственный шанс уйти с достоинством.

– Рудольф, одумайся. Ещё не поздно. Как только сэмы придут сюда, у нас не будет выбора: сдать и сражаться;

у нас будет только: сдаться или умереть. Если ты не жалеешь себя, то подумай хоть о тех, кто пришел сегодня к нам за помощью.

– Они уже пытались сдаться сэмам. И знаешь ли ты, что те сделали в ответ?! По тем, кто бросил оружие и поднял руки вверх, они открыли огонь. Такой попытки сдаться этим варварам им хватило на всю оставшуюся жизнь.

Я уже было раскрыл рот, но он развернулся и зашагал прочь, не желая больше слушать. «...Оставшуюся жизнь» – не долгой она будет с таким командиром как он.

На следующий день я проснулся и совершенно не мог вспомнить, что было вчера вечером. От него у меня осталась только боль и бесконечная жалкая усталость. Только моё незнание всего спасало меня от безумия. Но вскоре и ему придётся рассеяться.

Несмотря на своё самочувствие, я вышел пройтись по городу и убедиться в том, что мы ещё живы. Если что-нибудь пойдёт не так – лучше сразу взять всё в свои руки и умереть, полностью контролируя ситуацию.

В пивном дворике, как всегда, было полно народу – только теперь я мог встретить много новых лиц. Но все как один – убитые, будто только что вылезли из могилы. Мне не удалось завести мало-мальски осмысленного разговора хоть с одним из них. Ганс – моя последняя надежда, и того я впервые не застал на своём привычном рабочем месте. Вместо него какой-то другой бармен налил мне шнапса и удалился, наде-

сь, что я просто оставлю деньги на стойки и забуду о его существовании. Без всякого удовольствия, я выпил напиток, казавшийся мне уже не таким как раньше и вышел из зала – к не менее гнусному утру.

Жизнь солдата состоит из долгих часов скуки и кратких мгновений ужаса. И последнее – никогда не забывает напомнить о себе.

Я двигался будто с закрытыми глазами. Любой, кто привык к ясности в глазах, наверное, понимает, как легко с такой ходьбой споткнуться и упасть. Глядя на спокойные виды городка, я всё никак не мог понять: что с ним не так? Что со мной не так?! Вокруг было слишком тихо и спокойно, словно после окончания войны прошло двадцать лет. Я задавал себе кучу вопросов; и не получил бы на них ответов вовремя, если бы случайно не зашел во внутренний дворик ратуши. Там, обычно, проводились военные учения и раньше мне приходилось бывать там по нескольку раз в день. Но сегодня – кто смог бы ответить: почему я зашел именно туда? С другой стороны, трудно даже представить, что случилось бы, если бы я этого не сделал.

В шеренгу были выставлены солдаты – все в порванной вражеской униформе. На них смотрел Рудольф со своими головорезами, приготовив ружья к выстрелу. По-прежнему плохо осознавая, что творю, но понимая, что должен сделать, я встал между ними, заслонив своей грудью приговорённых на расстрел.

– Стойте! – закричал я, – кто эти люди? Почему мне не доложили о них?! И кто дал вам приказ расстреливать кого-либо без моего разрешения?

– Меньше бы ты лез не в своё дело, – пробурчал Рудольф, – ты здесь больше не командир. Солдаты выбрали меня, потому что я защищаю их интересы и не признаю больше никакого закона, кроме закона войны.

– Кто все эти люди? – упрямо продолжал я.

– Шпионы.

– Диверсанты! – донеслось у него из-за спины.

– Наша разведка взяли их под стражу около полуночи неподалёку от города. Они все – сэмы; и они уже услышали свой приговор, – взмахнул рукой Рудольф, – а теперь, прочь с дороги.

– Вы хоть знаете их имена? Почему мне никто не доложил о казне?! Ты нарушаешь закон, Рудольф.

– Ты слышишь, что тебе говорят – уходи. Или сам хочешь к ним присоединиться?!

Я пропустил его слова мимо ушей и повернулся к пленным: побитые и порванные – они выглядели совсем не как победители. Как глупо умирать после того, как выиграл войну.

– Кто-нибудь из вас говорит по-немецки?

– Так, ты собираешь отойти или мне позвать ещё одно стрелка?!

Один из стоящих ко мне лицом пленных поднял руку:

– Я, сэр.

– Рудольф, это не американцы. Сам не видишь, что ли – это англичане.

– О мой бог, да пристрелите его уже кто-нибудь. Какая разница, кто они. Они пришли, чтобы убить нас, понимаешь? Все, кто сейчас находится здесь – в смертельной опасности. Только я один забочусь о нас; только я могу всех спасти.

– Ты всех нас доведёшь до могилы. Солдаты, скажите, кто расстреливает своих врагов, когда мы сами живы лишь по их недосмотру?! Кто проявляет жестокость – сам заслужит её. Если вы убьёте их – англичане нам всем это припомнят, а ведь у них и без того больше причин ненавидеть нас, чем у сэмов. А теперь, скажите, доблестные немецкие рыцари: вы хотите расстрелять их и умереть самим на следующий день, или пощадить и прожить ещё не одно десятилетие – вы все вы ещё так молоды.

– Ещё одно слово – и тебе конец, – Рудольф наставил на меня пистолет, – одумайся.

– Вы должны жить, – продолжал я, обращаясь к ним, – и отстроить страну из руин. Новая Германия нуждается в вас. Только от вас зависит, в какой стране будут жить ваши потомки – в стране живых или мёртвых.

Все вокруг услышали выстрел. А я его почувствовал. Пуля пробила мне лёгкие и я чуть не свалился с ног, но устоял. Я сделал шаг вперёд – к шеренге немецких солдат, где стоял

Рудольф. Каждый мой шаг отзывался эхом нового выстрела. Когда я подошел к нему вплотную, он направил дуло прямо мне в голову, но ему уже нечем было стрелять. Со всей силы, я залетел кулаком ему в висок так, что от этого удара он сразу упал на землю без сознания.

Все – и немецкие, и английские солдаты смотрели на меня в изумлении, как я до сих пор жив. Я сплюнул кровью и спросил:

– Так что, вы решили?

Все ружья в тот же миг упали на землю; и последние отличие между немцами и англичанами исчезло.

И в этот момент, я услышал ещё один выстрел. Я упал на грудь, так и не успев увидеть того, кто нанёс мне последний удар. С такими ранами я всё равно долго не протянул; и пришлось бы искать место, где можно было бы спокойно умереть и воскреснуть. А так, проблема решилась сама собой.

До встречи, проклятый мир – мы ещё не закончили с тобой.

– Прости, – услышал я знакомый голос, прежде чем исчезнуть на какое-то время, – тебе было не очень больно?..

Пожар Второй

Возвращение домой – всегда радует сердце, если знать, что это действительно родное место. Неважно, насколько длинным было путешествие: неделю или семьдесят лет. Неважно, сколько было пройдено километров: сто или четырёхста миллионов. Теперь, я снова здесь. И всё это – лишь воспоминания, делающие всю планету только лучше.

Терра – колыбель человечества, смеющаяся над историей и имеющая все шансы стать её склепом. Я покидал Землю отважным колонистом, путешественником, первооткрывателем; а вернулся почти что захватчиком, пусть и с дипломатической целью.

По мере того, как эта маленькая точка в иллюминаторе увеличивалась – росла и опасность для жизни. Что бы там ни говорили про открытый космос – в нём намного безопаснее, чем на Земле – этом сумасшедшем доме среди всех планет.

Мы пролетели луну и устремились в сторону Терры. Вокруг моей родной планеты дрейфовали старинные спутники и прочий мусор, создающий нечто наподобие сферы. Между открытым космосом, кольцами из обломков и земной атмосферой кружилась орбитальная станция, принимавшая грузовые челноки с Марса и готовая, при необходимости, отправлять сотни кораблей до самой Красной планеты. Эта станция – главный оплот Марсианской корпорации на Зем-

ле; все сообщения велись именно через неё. Теперь, она же – одна из главных угроз нашей независимости. И что мешало терранам со станции запустить в своих гостей пару-тройку боевых ракет и пустить нас дрейфовать вместе с сотнями обломков кораблей вокруг Земли? К счастью, этого не произошло. Люди в корпорации – не настолько глупые. У них и без того будет тысяча возможностей покончить с нами. Осталось только пройти приграничный контроль на орбите Земли и мы сможем спуститься на планету.

Вместе со мной были и другие марсианские дипломаты. На станции нас приняли довольно учтиво, ни одним видом не выдавая истинных чувств корпорации к своим бывшим подчинённым. Всё шло хорошо, пока работники станции и встречающая нас делегация не начала задавать безобидные вопросы, на которые мы, обнадёженные тёплым приёмом, сначала с радостью отвечали. Но затем, когда вопросы становились всё более откровенными и заковыристыми, нам приходилось сохранять неловкое молчание. Но наши земные друзья, видимо, вспомнили о том, что терраны думают о нас:

– Оглохли что ли, марсианские свиньи? – вдруг взорвался один из них, выставляя на наших документах штампы с разрешением на въезд, – а знаете ли вы, что на Земле идёт война? И нам – живётся далеко не лучше, чем вам, предателям и убийцам.

Конечно же, мы знали.

Иначе, земляне давно покончили с нашей революцией.

Земные отцы сегодняшних марсиан были смелыми – они отважились сбежать из этого ада. Но они оставались землянами. Мы же, были лучше, чем наши предки, потому что пошли ещё дальше – мы восстали против старого мира и ещё утрём ему нос.

Война на Голубой планете действительно имело место. Правда, не на поле боя, а в бесчисленных туннелях мировой паутины, ставшей для терранов и тюрьмой, и уязвимым местом. По обе стороны фронта были самые обыкновенные терраны, но имеющие разные точки зрения на одни и те же вещи. Одни встречали новость о бунтах в далёких марсианских колониях с радостью и пониманием. Они объединялись по всему миру, создав многочисленное движение «красных». Другие же считали нас мятежниками и недолюдьми – эгоистами, стремящимися разрушить земную экономику, столько десятилетий стоявшую на эксплуатации Марса. Они выступали за то, чтобы подавить наш мятеж как можно быстрее и всеми возможными методами – если не выйдет по-хорошему, то придётся старушке Терре вспомнить и про свою плеть. Землян – миллиарды; нас же – в тысячу раз меньше. Они называют себя «голубыми» – уже никто и не вспомнит о временах, когда это название вызывало смех, а не страх и недоверие.

С орбиты, в маленьком шатле с автопилотом, нас доставили на Землю, но высадили не в городе, а посреди поля – далеко в «непонятно где».

– Они всё-таки трахнутые на голову, – закричал один из пассажиров, – где они, чёрт подери, нас высадили, если я чётко и ясно сказал им, что нам нужно в Берлин?!

– Может, – сказал я, – тебе нужно и в Берлин, камрад. Но я лично собирался в Вильнюс. Конечно, наши пожелания они учли и дружно смыли на помойку. Но ты сам можешь представить себе, какой шум подымится, если шатл с марсианами высадится прямо на головы жителей больших городов?! На всех либо на руках будут носить, либо порвут на части – в любом случае, без жертв, скандалов и полиции не обойдётся. Причём второе – куда вероятнее, чем первое. Может, они и лучше, что мы высадились именно здесь. Мы должны действовать инкогнито и не кричать о том, кто мы на самом деле.

– Но мы ведь не шпионы! – упорствовал он, – мы – дипломатическая миссия марсианской республики.

– Это друг для друга мы – дипломаты; а попробуй объяснить это пистолетам голубых. Для всех на этой планете, мы – апатриты, парии, мятежники, от которых все хотят как можно скорее избавиться. Только плюнь слово «Марс» не в то место – и одним дипломатом сразу станет меньше.

– Нас должны защитить.

– Кто? Марсианская корпорация?! Да, их охранник помогут – но вот только не нам.

– Да кто ты вообще такой?! – взорвался он, – откуда ты и что делаешь среди нас? Сейчас, точно одним марсианином

может стать меньше. Да и откуда нам знать, что ты вообще с Красной планеты – может, ты шпионишь для землян. Мне говорили, что я буду действовать один.

– Прошу, камрады, успокойтесь, – сказал третий марсианин, – мне тоже поручили миссию лично и не говорили, что будут другие. Она и остаётся индивидуальной для каждого из нас до сих пор. У каждого есть свой пункт назначения, а что нас не доставили туда сразу – считайте за дорожное недоразумение. Во время полёта нас держали в разных отделениях корабля и у нас и не было особой возможности познакомиться, а потому нам не нужно особо знать друг друга.

Он сделал несколько шагов вперёд так, как будто выходил на сцену, развернулся к нам и сказал, обращаясь ко всем здесь присутствующим, и будто даже к тем, кого здесь не было:

– Поэтому, я всем нам предлагаю разойтись – каждый, куда он должен идти. Только прошу, не забывайте об осторожности: на Терре у нас есть как друзья, так и враги. Постаремся не мешать друг друга, а главное, самим себе.

Он снова развернулся и больше ничего не сказав, зашагал прочь.

– Эй, ты куда? – крикнул ему в спину кто-то.

– В отличие от вас, я привык сразу выполнять свои слова в жизнь, – ответил он, даже не развернувшись.

– Ну и иди ты.

Я тоже сделал пару шагов, осмотрел всех здесь присут-

ствовавших, запомнив их лица и побрёл себе как можно дальше от них.

– Эй, а ты куда?! Никто, значит, остаться и подумать вместе, что нам делать дальше, не хочет.

– Вот сам и оставайся, – донеслось уже из-за моей спины, – а я и так знаю, что должен сделать.

Так или иначе, они все разошлись поодиночке прекрасно осознавая, что этот мир для них чужой, ничего вокруг неизвестно – они знали только, куда должны были попасть. Что это за странная форма казни – отправить их сюда?! Такой роскошный приём нам устроили явно не для того, чтобы показать, насколько нам здесь рады.

Только для меня одного эта планета была большим, чем пугающим клочком земли. Я всё здесь знал и меня радовало то, что я оказался в знакомой среде. Для остальных же марсиан всё может закончиться куда хуже. Вряд ли они сами представляют, что делают. У нас было немного земных денег – но сумеют ли они правильно ими воспользоваться?! Впрочем, меня это не волновало. Раз терраны встречают гостей вот так – то так тому и быть. Всё же, мы гости в этом мире.

Мне пришлось идти сначала через поле, а затем вдоль пустынной дороги, пока не добрёл до автозаправки, где мне повезло найти готового подвести меня водителя.

– Я вам очень благодарен, – сказал я ему, когда мы уже сидели в машине, – кто знает, сколько мне ещё пришлось бы проторчать, если бы не вы.

Моя радость была вполне искренней.

– Вам просто повезло. Я долго ехал и полностью разрядил свой аккумулятор и сам провёл здесь немало времени. Вы появились вовремя – машину я зарядил и не откажусь с кем-нибудь поговорить по дороге.

– Да уж повезло. А вы куда едите?

– Ещё не знаю. А вы куда хотите?

Его вопрос поставил меня в тупик.

– Что? А куда вы ехали до того, как оказались на заправке?

– Я ехал на заправку – как раз для того, чтобы встретить вас, – он заговорчески мне подмигнул, – я ведь, как это называется, «красный брат» – друг Марса.

Я вздохнул с облегчением, но не отделался от подозрений на его счёт.

– Я, правда, не знаю, что произошло с другими вашими друзьями, – продолжал он, – они вполне могли наткнуться на голубых – и тогда я им не завидую. Как только стало известно, что ваш шатл приземлился не там, где должен был, его сразу начали искать такие вот люди, как я. И, конечно же, голубые тоже. На самом деле, хорошо, что вы прибыли так внезапно и приземлились непонятно где – так для вас безопаснее. Но, если честно, не намного.

– Хорошо. Мне всё равно, что с ними. Мне важна только моя миссия.

Я тут же вспомнил, что именно Марк поручил мне сделать на Земле и вздохнул про себя. Ничего полегче он придумать,

видимо, не мог.

– Вот это я понимаю профессионализм – хладнокровие, бескомпромиссность в вас и чувствуется. Будь я на месте какого-нибудь президента – сразу бы начал вас побаиваться, но прислушиваться. Позвольте задать вопрос: а на Марсе – вы кем были?

– Почему был?! И обязан ли я отвечать на этот странный вопрос?

– Прошу прощения за недоразумение. Были – потому что вы больше не там. Это просто такой речевой оборот – конечно, я должен был понимать, что на Марсе говорят немного не так, как здесь. И вот второй ответ: нет, конечно же, не обязаны. Но вам нет и никакого смысла её скрывать. Вы со мной, а значит в безопасности. Мне просто любопытно.

Немного поколебавшись, я решил ничего не скрывать. Я по-прежнему ему не доверял, но и опасаться, видимо, мне пока было нечего.

– Я – министр обороны Марса. Я должен попасть в Вильнюс с дипломатической миссией и у меня есть на это разрешение. Но, как я могу судить по приёму, отношение землян к дипломатическим посланникам сильно изменилось за время, что Терра эксплуатировала Марс.

– Нет, всё осталось как и тысячу лет назад. Просто, постарайтесь понять и принять: люди людей встречают как подобает. Но вот вас, марсиан, за людей здесь не до конца принимают. Вообще, странно, что вы прибыли именно сюда. За

реально существующее государство вас признало лишь пара африканских республик; и как потенциальных союзник, вам не мешало бы быть там.

– Я не посвящён в то, в какие страны Марс отправил своих посланников. У меня есть своя задача – и меня беспокоит только она. Если для её достижения мне придётся узнать что-либо, что я пока не знаю – я сделаю это. А пока, мне просто не интересно.

– Ого, снова чую профессионализм. Вы кажитесь умным человеком и это хорошо. В Восточной Европе отношение к вражеским посланникам всегда было неоднозначным. Вы ведь знаете земную историю? В своё время, князя на этих землях приказали отрубить головы монгольским послам, когда те пришли к ним. Насколько я знаю, измениться может многое, но вот только не люди. Отличие от той ситуации и нашей состоит в том, что монголы здорово отомстили тем, кто так с ними обошелся, а вот Марсу сделать нечто подобное не удастся в ближайшую тысячу лет.

– Значит, вы хотите сказать, что мне угрожает опасность?

– Она угрожает всем нам – в той или иной степени. Ваша безопасность зависит от того, что вы делаете, кто находится рядом с вами и кому выгодна ваша кончина. Но вам не следует переживать понапрасну. Голубые пока не знают, где мы – можете быть уверены. А когда узнают – добраться до вас им будет уже не так легко. Но вы так же никогда не теряйте бдительности. Как я люблю повторять: всё можно,

если осторожно.

Это водитель начинал нравиться мне всё больше и больше.

– Насколько я понял, – сказал он, – вам нужно в Вильнюс.

– Было бы не плохо.

– Отлично. Моего заряда как раз хватит, чтобы доехать без остановок. Держись, довезу с ветерком. Здесь не так уж и далеко.

В учебниках по истории пишут, что после череды бескровных революций в центральной, северной и западной Европе конца двадцать первого века, от их бывшего союза, скреплявшего весь континент от Португалии до Кавказа, откололись Балканский и Прибалтийский союзы, когда-то бывшими простыми торговыми альянсами. Вместе с Украиной и Беларусью они создали новый союз, принявший наследие старого. Лишь спустя полтора столетия центральная и северная Европа вновь объединились не без помощи союзников из-за океана – на этот раз, не так бескровно. В Азии торговые империи, уже три столетия считавшиеся самыми прогрессивными, борются за влияние. Африка, пережившая культурный и технологический ренессанс, впервые за много тысячелетий вновь стала одной из опорных сил человечества, и принялась за свою игру, отбиваясь от нападков со стороны двух океанов, отстаивая свои права на мировую игральную доску. Трения между цивилизациями достигло своего исторического пика как раз во время революции на Марсе и на-

чале конца самой влиятельной и могущественной кампании за все века – Марсианской корпорации. Молодые и амбициозные африканские сверхдержавы увидели в этом свой шанс победить могущественных конкурентов на востоке и западе, повторив китайский триумф середины двадцать первого века. Современные Конго и Нигерия действительно чем-то напоминают теперь Индию и Китай в те времена. Наши союзники на этом континенте сильнее всего. Но чтобы одолеть корпорацию, точащую зубы и настраивающую против нас мировых лидеров, Марсу необходимо заручиться поддержкой двух Европ и двух Америк – это поубавит пыл азиатских тигров и даст нам шанс. Китай, Индия и Япония, в которых располагаются главные офисы корпорации, на данный момент настроены враждебнее всего. Ситуацию усложняет то, что ни в одной стране так до конца и не вышло одностороннее отношение о Марсе среди простого населения. Мир, разбитый на множество осколков, как и в былые времена, стал двуликим и двухпартийным. Земные цивилизации, наживавшиеся на Красной планете, достигли пика своего развития и процветания, и всем им угрожает волна кризисов и упадков. Но этого не избежать и каждый старается выиграть в этой войне с максимальной для себя выгодой, пуская в бой все возможные средства. Сверхдержавы не вели между собой кровопролитные войны исторически долгий период, но их армии всегда находят полигон, чтобы отработать новое оружие и свои умения. Их агрессия может последовать как

и в сторону Марса, так и друг на друга. Наша задача – не допустить ни первого, ни второго варианта. Отстоять свою независимость и достоинство с минимальным количеством жертв, ведя эту игру по земным правилам – с помощью политических интриг и двойных выгод. Марс, с площадью чуть меньшей ста сорока пяти миллионов квадратных километров, может стать самой огромным государством в истории человечества, контролируемым единой властью. Нас ждут и свои трудности, и свои тёмные времена. Но неизменно, через что бы нам пришлось пройти, ему суждено достигнуть величия стать Элизиумом человечества. Мы станем отправной точкой человечества на пути к другим планетам и в будущее. Мы заменим собой старую Землю и будем вершить свою судьбу среди звёзд... Но для начала, мы должны заручиться поддержкой здесь, в старом мире и надеяться, что ещё не слишком поздно, и корпорация ещё не успела пустить корни зла на этой земле.

Мой водитель не отрывал глаз от дороги и казался максимально сосредоточенным, но при этом сказать, что он был из любителей поболтать – означало бы сильно приуменьшить одну из черт его характера. Путь действительно был недолгим, особенно на такой скорости, но не смотря на это он успел наплести мне столько всякой маловажной чепухи о Земле, о жизни и о росте цен на продукты и электроэнергию, вероятно, считая меня за марсианина, ничего не сведушего в жизни на Терре, что я даже не знал, что мне делать

со всей этой чепухой. В придачу, он посвятил меня в некоторые весьма откровенные подробности своей личной жизни, слушать которые мне было особенно неприятно. Однако, я продолжал кивать с умным и озадаченным лицом, будто и вправду был тем, за кого он меня принимал – приятным, но тупым и совершенно не знающим земную жизнь марсианином. На самом деле, во многие исторические и культурные тонкости нашей исторической родины всех марсиан посвящают с младших классов; и хоть в Красной планете всё устроено совсем по-другому, многие земные традиции и нравы хорошо знакомы любому горожанину от Елены до Нью-Хоума, имеющему хотя бы среднее образование. Видимо, больше всего из его разговоров я вынес то, чего он так и не удосужился сказать – даже красные друзья Марса считают нас фермерами и дикарями, не имеющими ни своей культуры, ни знающими чужой; и что независимость мы получили только благодаря бандам вооружённых рабочих, разделавшихся с полицией только благодаря внезапному нападению. Нашим друзьям на Земле больше нравилась сама идея Марса, чем свободное и могущественное государство с населяющими его высокоразвитыми людьми, зарождающееся на его пустынных дюнах и безликих долинах.

Чтобы сместить в разговор в иное русло, я решил спросить его, что он знает о людях, которые летели вместе со мной. Я не особо надеялся на хоть какой-нибудь мало-мальски внятный ответ. Но мне было важно прощупать, насколько

ко хорошо осведомлены наши земные друзья о марсианских делах и не играет ли он сам двойной игры, скрывая за своей пустой болтовнёй нечто большее. В самом худшем случае, я добьюсь хотя бы того, что сменю тему с его коллекции шерстяных носков на что-нибудь другое – и этого мне уже будет достаточно. Он незамедлительно ответил, стоило моему вопросу только прозвучать:

– Как любила говорить моя матушка, которая, как я уже рассказывал, погибла из-за нападения стаи одичавших чихуахуа: никогда не задавай вопросов тому, чьи ответы тебе точно не понравятся. Не думайте, что о ваших соотечественниках я знаю всё или хотя бы многое – я ведь и на Марсе ни разу не бывал. Но, насколько я слышал, вашей родине нужны спонсоры и покровители, которые вложили бы в молодое государство несколько кругленьких сумм; разумеется, лишь в том случае, если они будут иметь гарантии или хотя бы уверенность в том, что богатство вернётся в их кошельки супербогатством, если вы понимаете, о чём я, – он похотливо улыбнулся – одна из его привычек так ухмыляться, даже если ничего непристойного в его речи не было, – ваш лидер хочет с помощью частных земных предприятий на Марсе навсегда зарубить топор войны с Террой. Как по мне, то это как выкупить душу у дьявола, продав её по частям паре десятков чертей. Вы думаете, что новые земные кошельки на Марсе будут лучше старой корпорации?

– Мы ничего такого не думаем. Но корпорация посягает

на наши права на свободу и независимость. Если эти ваши «черти» руководствуются только корыстью, а не стремлением поработить наш народ – то мы с радостью примем их. Как показывает история, стать сказочно богатым можно только разделяя своё богатство с остальными и вкладывая его.

– Да? Очень интересно. Но я, собственно, примерно об этом – ваши соотечественники на Земле здесь для того, чтобы заключать сделки от лица целой планеты – разумеется, с выгодой для обеих сторон.

– Об этом нигде не написано и ничего не сказано. О существовании друг друга мы узнаём лишь по прибытии на орбитальную станцию, а познакомиться успеваем только уже на Земле – притом удачным знакомством это назвать ни с какой точки зрения невозможно. По-вашему, что бы это могло означать?

– Это уже решайте сами; я ведь всего лишь водитель. А у вас есть собственное задание, которое вы не обязаны со мной обсуждать. Видите, мы сейчас будем спускаться вниз, как бы в яму. Это означает, что мы уже почти на месте и наше приятное путешествие близится к концу.

Этот город вырос и изменился до неузнаваемости с последнего моего визита сюда. Водитель подсказал, где я могу обменять свои деньги на местные и, на мой взгляд, совершенно излишне посоветовал не афишировать то, откуда я прибыл. Напоследок, он пожелал мне море удачи и горы успехов. Я от всего сердца поблагодарил его за помощь

и приятную компания, после чего мы крепко обняли друг друга и разошлись каждый своей дорогой.

– Надеюсь, ещё встретимся, – крикнул он мне в спину, хоть я и не представлял, при каких обстоятельствах это могло бы произойти.

Тем и кончилась моё первое за сотню лет новое знакомство с настоящим землянином.

Вторая занятная встреча произошла довольно скоро – намного раньше, чем я ожидал. Я пил пиво в какой-то забега-ловке для туристов с ценами как в приличном ресторане. Как назло, все места у барной стойки были уже заняты – обычно, хоть один, да остаётся свободным, но не на этот раз. Тогда я сел за столик на двоих и стал забыться так же, как если бы сидел за баром. Не успел я допить даже до половины бокала, как ко мне подсел какой-то тип, от которого несло за километр отвратительным табаком.

– А я знаю, кто ты, – сказал он вместо приветствия.

Я насторожился, но ни единым жестом этого не выказал. Лучшее, что я мог предпринять, это сделал вид, будто не обратил на него никакого внимания, как поступают обычные люди, когда к ним пристают городские сумасшедшие. Я демонстративно отхлебнул ещё пива, наблюдая за его реакцией.

– Только тихо! – перешел он шепот, оглядываясь по сторонам, – в этой дыре полно голубых. Вы в большой опасности, господин министр. Только не смотрите вокруг – если

хоть одним случайным жестом вы выдадите себя, то считайте, что вы уже труп. Вот, возьмите это.

Он протянул мне что-то под столом. По-прежнему опасаясь этого типа, я взял то, что протянутый им предмет. Им оказался пистолет.

– Надёжная штука. Но вам нужно немедленно уходить отсюда. Поскорее покончите со всеми делами в этом городе и уезжайте. Из-за вас могут погибнуть люди.

Если это действительно один из друзей Марса, то мне суть этой организации начинает проясняться. Она целиком состоит из сумасшедших – что водитель, что эта сомнительная личность. Постепенно, мною начало овладевать чувство, что все вокруг понимают, что происходит и всеми силами пытаются запудрить мне мозги, не дать понять ничего.

Мой ангел-хранитель ушел так же внезапно, как и появился. Кажется, эти постоянные предупреждения рано или поздно сделают из меня конченого параноика. Я допил своё пиво и вышел из забегаловки, думая о том, насколько странным и паршивым выдался день.

Дальнейшие события напоминают дешёвый детектив с элементами боевика. Мне не хотелось бы вдаваться в подробности; скажу только, что мои прошлые догадки о том, что все знают, что происходит вокруг, а я один в эти тайны – лишь усилились. Зато мне известны другие секреты, которые для многих лиц показались бы важнее нескольких жизней. Моей безопасностью занялась сначала национальная поли-

ция, а затем она передала это ответственное задание отряду лучших командос в союзе. Для всех вокруг моя скромная персона явно представляла какую-то свою особенную ценность. Мне не привыкать к подобным моральным и физическим нагрузкам, а потому я всеми силами постарался расслабиться; и если и умирать, то как можно реже.

Только после второй экспедиции на Марс, земляне смогли обнаружить ресурсный и экономический потенциал Красной планете. Примерно тогда же, крупнейшие компании, лидеры которых были одержимы космической идеей, создали Марсианскую корпорацию, взявшую на себя расходы на обустройство жилья на Марсе, экспедиции, транспортировку и разработку новых технологий, которые смогли бы упростить сообщения между двумя планетами. Даже несколько крупнейших мировых компаний разорились бы, вложись они в это дело. В те времена, триллионами долларов владели лишь ведущие мировые державы. Не буду вдаваться в политические тонкости – на эту тему написано десятки книг. Но благодаря всемирным вкладам, сделавшим Марсианскую корпорацию первым политриллионером, Марс удалось освоить. Деньги творят чудеса – вскоре, на Марсе появились большие города. Вместе с тем и технологии, значительно облегчающие транспортное сообщение. Спустя двадцать лет Марсианская корпорация начала возвращаться долги и отправлять всё новые корабли с колонистами. По мере того, как росли города, росли и богатства Марса. Казалось, что все

достигли того, чего хотели... Но Марсианская корпорация со временем забыла свои гуманистическими идеи и принципы. Колонисты Марса стали угнетёнными. Многие на Terre воспринимали Красную планету как бесконечные рудники, поля и исправные лагеря для земных заключённых. Теперь, настало время перемен. Потомки колонистов, родившиеся на Марсе и никогда не видевших Землю, свергли тиранов и установили собственное правительство.

После этих слов в зале послышались недовольные возгласы. Но я, как ни в чём не бывало, продолжал.

Несмотря на военное положение, введённое в стране после Свержения, экспорт товара на Терру не прекращается. Бесчисленные самоуправляемые корабли поставляют Земле собственность Марса, которую присваивает себе корпорация, продавая её и выплачивая свои давние долги. Так продолжалось десятилетия, но теперь, корпорация больше не имеет доступ к этим ресурсам. На Земле львиная доля экономики многих стран прямо зависит от этих ресурсов. Население планеты достигло тринадцати миллиардов человек и без посторонней помощи примерно десять процентов от этого числа будут голодать. Многие здесь уже и забыли о том, что такое голод – это слово стало скорее воспринимать как термин из справочников по диетологии, чем как катастрофа или бедствие. Марсу же знакомо это слово. Слишком многое корпорация присваивала себе. Теперь, мы контролем над производством будут заниматься не земные, а марсианские

специалисты. Это вовсе не значит, что Марс прекращает сотрудничество с Землёй – наоборот, наши отношения только более уплотнятся, поскольку это будут отношения государства с государством, народа с народом, а не одной компании с целой планетой. Так же, корпорация до этого не давала другим компаниям открывать свои предприятия и зарабатывать на Марсе. Отныне, этому пришел конец. Мы направлены на открытые экономические отношения с любой земной компанией. Любой, вкладывающий средства в бизнес на Марсе будет освобождаться от налогов на первые три года. Так же, мы готовы рассматривать соглашения о межпланетных экономических отношений между одноотраслевыми предприятиями Земли и Марса. Обе наши планеты могут вступить в новые эры процветания и перестать пополнять кошельки членов Марсианской корпорации, пополняя кошельки новых предпринимателей и простых граждан обеих планет. Подробности можно прочесть в блоге «Марсианская мечта», где выложена полная программа на будущие десять лет развития политических и экономических отношений между Марсом и народами Земли. Единственным требованием, которое Марс считает уместным предъявить каждой компании, каждому государству, пожелавшему иметь с нами дело, является следующие: уважение и соблюдение наших границ, наших прав, наших законов и нашей суверенности.

Такую речь я произнёс в Европарламенте, обращаясь ко

всему миру. Прошло три месяца, как я был на этой планете и я уже словил ритм, по которому всё здесь крутится и вертится, и без чего ничто в этой игре предпринять было невозможно. Всему этому я был обязан движению красный друзей, работавшему с паранормальной эффективностью. Честно признаться, даже за три тысячи лет мне не приходилось выступать перед собранием настолько влиятельных людей, каждую секунду осознавая, что от моих слов зависит не только моя судьба, но и будущее целой планеты. Конечно, я был не единственным. До меня доходили новости о своих соотечественниках, успешно добравшихся до стран, в которых должны были толкать свои речи; а в некоторых они даже умудрились добиться определённого успеха и статуса, поэтому их призывы помочь Марсу слушали с открытыми ртами. Мне, при всей своей удаче, повезло меньше и закончив с выступлением я заметил, что не особо заинтересовал им собравшихся здесь сильных мира сего. Поэтому, я напряжённо ждал, когда последуют вопросы, надеясь хоть с их помощью добиться большего, чем сумел за несколько минут своей славы.

– Скажите, а какую должность вы занимали на Марсе? – наконец, последовал вопрос из зала.

– Я был и остаюсь министром обороны. Правда, дома мне успешно нашли замену. Здесь я служу Марсу куда эффективнее, – мне отчаянно хотелось верить в это, но намного важнее было убедить в этом своих слушателей.

– Нет, вы не поняли вопроса. Я спросил какую должность вы *реально* занимали до известных событий. Пока что, Марс не признан за государство, а потому и реальным министром вы, при всём уважении, быть не можете.

– До революции я был директором Еленской библиотеки, самой большой на планете.

– И от библиотекаря вы по карьерной лестнице доросли до министра обороны?! Правда ли, что Марс действительно такая «земля возможностей» как о ней говорят и что следует из ваших слов?

– Жизнь на Красной планете сильно отличается от земной. У нас прежде всего ценятся личные качества человека – те ценности, которые свойственны для свободных государств и которые мы не имели во времена рабской диктатуры. Марсиане были очень похожи на древних египтян, возводящих пирамиды для своих фараонов. Но теперь талантливый человек на Марсе может достичь таких высот, которых заслужил.

– Хорошо. Ответите ещё на пару вопросов?

– Для этого я сегодня здесь.

– Я так понял, целью вашего присутствия на Земле является вербовка земных миллиардеров в союзники Марса, если позволите так выразиться. Я прав?

Нет, конечно же он был не прав. У Марка наверняка бы нашлось с дюжину дипломатов, которые могли бы вещать с этой сцены в десять раз лучше и убедительнее меня, а я бы

в это время корпел бы над бумажной работой в своём новом офисе в Елене. Нет, я был бы полезнее на Марсе. Но Марк сам мне всё объяснил – мне следует какое-то время побыть на Земле. Роль дипломата – всего лишь прикрытие, которое должно было создать защитный барьер между голубыми активистами и моим основным заданием, о котором знали только я и Марк; и Артур, который сам обо всём догадался. Но обязанности представителя Марса забирали практически всё моё время: встречи, выступление, а затем просиживания взаперти, под тысячью глаз лучших телохранителей в Европе, подготавливаясь к новым встречам и выступлениям. Но я ответил:

– Нет, вы ошибаетесь. Я – дипломат Марса, а не вербовщик. Наша планета находится за сотни миллионов километров, но о событиях, происходящих здесь, нам достоверно известно. Моя миссия состоит в том, чтобы показать людям, которые не могут найти себе место на этой планете, что на Марсе для них будут открыты все возможности. Убедить бизнесменов, что за Красной планетой – будущее и что сейчас лучшее время, чтобы инвестировать в выгодное предприятие. И показать Марсианской корпорации, что её время подошло к концу. И Земля, и Марс – для нас наступает новое время, где больше не будет место доминированию кланов и достичь высот сможет лишь тот, кто быстрее остальных увидит, каким потенциалом обладает Марс.

– Но ни одна страна, кроме Чада, Либерии, Марокко, Су-

дана и Эфиопии, не признала вас как государство. По сути, ваш статус остаётся неопределённым, что заставляет сравнивать вас с простыми бунтовщиками. К тому же, ваши действия стали причиной повешения цен практически на все товары и привели к потери сотен миллиардов долларов, честно заработанных Марсианской корпорацией. Согласно закону, вы должны возместить все убытки. Насколько нам известно, самопровозглашенная республика Марс не в состоянии выплатить и десятой части этой суммы. Я ничего не упустил?

– Насчёт убытков, которые понесла корпорация – думаю, это будет достаточным возмещением того ущерба, который она причиняла марсианскому народу на протяжении всей истории существования колоний. На месте корпорации, я бы заявил о своём банкротстве и не требовал от нас того, что ей не принадлежит. Насчёт нашей платёжеспособности, то вы обладаете ложными сведениями. Мы бы не стали предлагать сотрудничество земным компаниям, если бы сами не были в разы состоятельнее их самих. Нашей целью является приумножить общее богатство обеих сторон.

С моей стороны, это было откровенной ложью. Наши банки банкроты. Ситуация критическая и спасти нас может лишь чудо. Именно на него все мы и надеемся.

– А что вы скажите на то, что Марсианская корпорация вполне может вернуть свои убытки с помощью силы?

– В случае попытки военной интервенции со стороны корпорации или какой-либо из земных стран, Марс будет защи-

щать свои границы и своих граждан. Мы не хотим этой войны. Но хочу так же напомнить, что Красная планета была названа в честь древнегреческого бога сражений и воинов. Мы вовсе не так беззащитны, какими многие ошибочно нас считают.

– Вы захватили власть с помощью эффекта неожиданности, а так же разворованных полицейских arsenалов. До сих пор. Марс считался нейтральной зоной, на которой не было ни одного военного объекта. Так же на поверхности планеты до сих пор не было никакого военного конфликта, а следовательно и оружия, способного хотя бы приблизиться по мощи с современным арсеналом, доступ к которому имеет корпорация. Не кажется ли вам, что вы должны быть благодарны совету директоров за то, что вас до сих пор терпят, позволяют бесчинствовать на разграбленных станциях и пытаются остановить лишь путём убеждения? Тысячи жизней могут оказаться в опасности из-за вашей самоуверенности.

– Я не уполномочен открыто говорить об имеющемся у нас в наличие арсенале оружия. Но чтобы удовлетворить ваше любопытство, я готов заявить: каждый, кто покинет орбиту Земли с целью причинить вред гражданам республики Марс или посягнуть на нашу независимость – вернётся домой в гробу, сделанном из марсианского железа, если их тела нам удастся выловить из горы космического мусора, в который превратятся их корабли.

После этих моих слов зал чуть не вскипел. Чтобы хоть

немного сгладить сложившуюся обстановку, я продолжил, не смотря на крики, из-за которых мои слова были еле слышны.

– Но я так же выражаю надежду на то, что все конфликты и недоразумения между нами будут улажены. Хорошие экономические отношения с соседями – всегда стояли в приоритете у развитых государств и именно их мы предлагаем нашим земным союзникам. Пока что, мы остаёмся единственной известной разумной формой жизни во вселенной и мы не должны вести войны, которые приведут нашу цивилизацию к краху. С тех пор, как наш вид приручил огонь, освоение Марса и строительство городов за пределами Земли – было величайшим достижением, о котором многие наши предки могли только мечтать. Теперь, пришло время для новых трудных шагов – мы должны сотрудничать. Друг без друга – мы не мы. Только от вас самих зависит, сделаете ли вы шаг вперёд к процветанию или же шаг назад, в сторону войны и хаоса.

Мне давно следовало бы придержать язык. Говорить так откровенно с этой стаей голодных волков было пока слишком рано.

– Господин министр, если это всё, то думаю, вам будет лучше на этом и закончить, – донёсся голос телохранителя.

О, мне было много ещё чего сказать. Но лучше не девать волю чувствам – я и так был слишком откровенен. Нужно не выпускать из виду пистолет – думаю, после такого выступле-

ния он придётся как раз кстати. Теперь, когда меня покажут во всех интернет-каналах новостей и напишут во всех блогах, цитируя мою речь – могу только представить, сколько людей будут охотиться за моей головой. А я ведь, по сути, даже не приступал к своему главному заданию – тому, ради чего я здесь.

Провожали меня хорошо вооружённые люди с тяжёлым снаряжением. Видимо, они будут оставаться со мной до конца. Ни сведут с меня и глаза. Это пугает ещё сильнее, чем угроза теракта.

Мы прошли в чёрный бронированный фургон, стоящий у заднего входа и вернулись в мои скромные апартаменты, готовиться к новым встречам, выступлениям и вопросам. Я стал опасаться, что все мои усилия окажутся впустую. Скорее всего, настоящие разговоры настанет время вести уже после того, как на Марс попытаются напасть. Если только мы все выживем к тому времени.

А солнце здесь было таким огромным. И луна на небе – такая одинокая. В одном средних размеров городе на Терре поместится всё население Марса. Мы для них – песчинка и не относимся к нам всерьёз. Но на Красной планете живут точно такие же люди, как и здесь. Единственная разница, возможно, состоит в том, что на Марсе каждому приходится сражаться за свою жизнь. Это делает нас одним целым; мы становимся только сильнее. На Терре люди почти забыли, что это значит. Возможно, это ещё одна причина разно-

гласий – они считают нас другими.

В бронированной квартире, с двадцатью бронированными видеокамерами и десятком бронированных охранников – я должен был чувствовать себя в безопасности, но при этом всегда быть готовым ко всему. Я сходил с ума в этой вечной клетке, в которую меня посадили и из которой я каждый день должен вещать о счастливом будущем. К тому же, я вовсе не чувствовал себя в полной безопасности – бомбы, падения самолётов или захват здания целой армией убийц – когда дело доходит до устранения проблем любыми средствами, террористы никогда не экономят на этом средств. Поэтому, я и встал у окна, наплевав на все правила и на снайперов. Никому ведь неизвестно, что мне – действительно на всё это плевать. И всё-таки, того, что должно было произойти вскоре, даже я не мог предвидеть.

Я увидел, как охрана пытается задержать водителя, остановившегося у дома, в котором меня держали как в тюрьме. А он протягивает им какую-то пластиковую карточку с картинкой, которая есть у них всех. Думаю, излишне говорить, что весь пластик производится на Марсе. Охранникам приходится отвлекаться на изучения пропуска ко мне у незнакомца. Пока я смотрел на это, меня внезапно накрыла волна мягких чувств, которые я не испытывал уже много лет. Я уже думал, что они и забыл о моём существовании. Всё будет хорошо – прозвучало у меня в голове, пока внизу происходило нечто странное; мы справимся с любыми трудностями, а

наша жизнь обязательно принесёт сладкие плоды; всё образует и станет таким, каким должно быть и все наши надежды и стремления – воплотятся в жизнь. Я помню, как нечто подобное испытывал, когда мой корабль покидал Землю и устремлялся к Марсу чуть ли не век тому назад. Ах, этот лёгкий пьяный ветерок, который каждый раз обманывает меня.

Стоило мне только вспомнить об этом, как всё вокруг моментально исчезло: и комната, и охранники, и даже странный водитель внизу. Остался только я, наполненный тоской и усталостью. Или же просто усталостью – даже без тоски. Всё равно. Именно такие чувства постоянно, по мнению многих, должны испытывать бессмертные; или же испытывали, если бы существовали. Дэжавю и мечта об избавлении от памяти. На самом деле, в мире бесконечное множество того, к чему даже я не успел прикоснуться. А хотел ли? Нет. Меня интересует лишь одна вещь, которая неизвестна ни одному живому существу: возможно ли избавиться от бессмертия? Когда-то, возможно, я знал ответ. И за три тысячи лет, это оказалось единственной действительно важной вещью, которую я забыл.

Неожиданно, в дверь четыре раза нетерпеливо постучали. Все мои чувства моментально заострились, а рука автоматически потянулась к месту, где лежал пистолет. В комнату вошел человек; и первым, что он увидел – это дуло моего пистолета, направленное прямо на него. Но мне пришлось его опустить, как только я разглядел улыбчивое лицо пришель-

ца. Я должен был уже забыть его – и у меня это почти получилось. И вот, оно снова передо мной. Что ему нужно от меня – этому дьяволу?

– Ну, привет, – помахал мне рукой тот, в котором я многое упустил, – говорил же, что мы ещё встретимся. Надеюсь, ты меня ещё не забыл.

– Что ты здесь делаешь? – только и выдавил из себя я, подумывая над тем, что не помешало бы вернуть пистолет в угрожающую позицию.

Мой бывший водитель, всё это время выдававший себя не за того, кто он есть на самом деле, изобразил хмурое выражение лица.

– Почему сразу так грубо?! Я всего лишь зашел вернуть тебе то, что, как я считаю, принадлежит тебе.

– Мне?!

Никакой личной собственности у меня на Земле не было вот уже сотню лет. И прилетая сюда, с собой ничего своего я не брал.

Он достал из кармана свёрток и положил его на стол.

– Я оставляю это здесь, – снова улыбнулся он, – а ты посмотри, что в нём.

– Хорошо. Но как-нибудь попозже – сейчас у меня не то настроение.

– Раскрой его сейчас. Поверь, тебе стоит увидеть то, что в нём. Бояться, что я подложил туда бомбу – самое глупое, что только могло прийти тебе на ум. Мы ведь оба знаем, что

так просто тебя не убить.

– Да кто ты вообще такой?!

– Ты меня не узнаёшь? Я – твой брат по несчастью, который всегда был с тобой. Взгляни и всё поймёшь сам.

Я снова поднял пистолет, но всё же подошел к столу и взял оттуда свёрток с чем-то тяжёлым. Развернув его, я чуть не выронил оружие – к счастью, я умею контролировать свои чувства, особенно шок. Это рукоять, это лезвие, залитое этой кровью. Как оно сохранилось спустя столько лет?! В музеях, все предметы того времени напоминают скорее пыль; но этим кинжалом ещё вполне можно было убить. У меня в голове возникли мысли на языке, который ни одному человеку так и не удалось расшифровать – на этрусском.

Передо мной стоял ещё один бессмертный – и я знал, где уже его видел. Неудивительно, что он прошел всю охрану. И только человек с таким же проклятием как и у меня мог назвать кинжал, который убили Гелиона чуть ли не три тысячи лет назад, моим.

Хоть я и всегда гордился своим умением сохранять хладнокровие в любой ситуации, тогда я и вправду потерял дар речи.

– Наконец-то, ты встретился с убийцей, – сказал он, – снова. Я знаю: и тебе, и мне есть о чём поговорить. Но люди, которые сейчас ворвутся сюда – вряд ли дадут нам поговорить в тишине и с глазу на глаз.

Внезапно, весь свет погас и завопили сирены. Я посмот-

рел на бессмертного, стоящего напротив меня – единственного своего брата и главного врага во все времена, на всех планетах и измерениях. А он всего лишь улыбался.

– А теперь, – едва слышно прошептал он, – будет весело.

Возрождение Третье

Для всех, кто помнил меня и чьи тела уже не первый и не последний век пожирают черви – я останусь привидением. И всё равно, сколько бы раз мне не пришлось умереть, я запомню все их имена. И возможно встречу когда-нибудь, где-нибудь в другом мире с теми, чьи жизни были мне небезразличны, а судьбы позабыла история.

– Не подходи ко мне, – с едва слышным ужасом сказала она, когда я поднялся с земли с затянувшимися смертельными ранами, иначе я вызову полицию.

– Катя, – сказал я, ещё не собравшись с силами, – Катя...

Она даже не моргала – просто глядела, как у неё на глазах смертельные раны затягиваются. Если я пытался приблизиться к ней на один шаг, то она отдалялась от меня на три. Чтобы понять её, мне необходимо было проделать длинный путь, как до Марса; а ей меня – дальше, чем до ближайшей галактики.

И всё же, как бы ей не хотелось убежать, она оставалась стоять на месте. Либо она была настолько шокирована происходящим, что просто не могла уже бежать, либо от страха ей вышибло мозги. А может и всё вместе. И это не отменяло того, что нам нечего было друг другу сказать; так что, мы просто молча стояли, глядя друг на друга. Всё, что я мог произнести – это её имя, которое, видимо, для неё в тот миг бы-

ло лишь пустым звуком. Но для меня в ту бесконечную минуту, не существовало ничего, что значило бы больше, чем это слово.

– Катя, – повторил я ещё раз.

Освобождение от всех возникших перед нами трудностей и непониманий произошло как всегда уже на стороне. Так как идти нам двоим было особенно некуда, мы снова оказались в моём прокуренном номере отеля. Всю дорогу я думал, что она вот-вот закричит, убедит и я больше никогда её не увижу. Но она просто шла с таким лицом, будто ни о чём не думала; но на самом деле я понимал, какая борьба происходила внутри неё. Мы будто оказались в каком-то детективном романе и оба остались наедине с убийцей. Вот только его не было; были только мы.

Если она пытается осознать то, что она недавно увидела, с помощью ума – то у неё ничего не получится. Её лицо больше не выражало; я стал переживать за неё. И никто из живых не отважился бы угадать, что она испытывала. Единственное слово, которое могло бы хоть приблизительно описать сложившуюся ситуацию, был ужас – немой и проглатывавший всё вокруг без остатка. Фантазия открывает любые двери, делая всё объяснимым и поддающимся пониманию. Но её воображение порождало лишь чудовищ. Поэтому, я даже боюсь представить, по какому тонкому лезвию она шагала.

– Это такая форма бессмертия у тебя? – наконец, выдавила она, каким-то чудом приведя чувства в порядок, – тебя

ни одна пуля убить не может?

– Нет, может. Просто смерть каждый раз будто возвращает меня обратно в мир живых. Я и не могу умереть от старости – сначала я взрослею, а затем снова начинаю молодеть. На месте мёртвых клеток появляются живые.

– Как такое возможно?

– Возможно, когда-то я и знал ответ; но я прожил так долго, что забыл даже, как мне всё это прекратить.

– Сколько же тебе лет?

Я вздохнул. Придётся рассказать ей всё.

– Я родился в Этрурии, в городе Вейи, чуть больше двух с половиной тысяч лет назад – плюс минус два столетия, как понимаешь, мало что значат.

Каждый раз я вижу, как нижняя челюсть у людей падает вниз, когда они слышат нечто подобное. Но её рот лишь слегка приоткрылся. Всё удивление выражали глаза, раскрытые так широко, как это только было возможно. На самом деле, со всем этим легко смириться. Достаточно просто принять происходящее за игру, а затем, с течением времени, это станет нормой. Любая, даже самая страшная игра – лишь способ восприятия реальности. И в конечном итоге, новая игра превращается в жизнь. Самое трудное – это осознавать, что старые правила больше не действуют.

– Почему именно я? Почему ты не мог найти себе кого-нибудь другого?!

– А почему именно мне приходится так долго жить?! По-

чему именно в этой комнате мы должны всё обсуждать? Возможно, с нашими ролями справились бы лучше другие; но на самом деле, знай, что других не бывает.

– Хорошо. Тогда давай поступим так: ты меня не знаешь и я тебя не знаю. Мы никогда не встречались и даже не подозреваем о существовании друг друга. Мы просто пойдём каждый своим путём и постараемся забыть об этом, как о дурном сне, – она вдруг перешла на умоляющий тон; её слова больше напоминали стоны, а на глазах выступили слёзы, – мне ведь и мужу нужно ужин готовить... Хотя, чёрт с ним, закажу пиццу. Но просто давай покончим со всем поскорее.

– Да, ты права, – мягко сказал я, чтобы её успокоить, но стараясь не перебарщивать, чтобы не оскорбить, – всё же, вернись домой к мужу и приготовь ему ужин. Так или иначе, я всё равно не смог бы задержаться здесь надолго. Мне нужно продолжать своё путешествие – даже не знаю, когда оно закончится. Может быть, соберусь с силами и в двадцатый раз отправлюсь вокруг света – это никогда мне не надоест, ведь всё вокруг так быстро меняется. Я предлагаю тебе уехать вместе со мной. И для тебя, и для меня – это будет как глоток свежего воздуха, как возрождение. Я прожил достаточно долго, чтобы с уверенностью сказать: для человека нет чувства лучше, чем будучи взрослым взглянуть на себя в зеркало и увидеть там лёгкость и молодость; любовь к себе и любовь к миру. И у тебя есть такая возможность. Правда, не сейчас. Катя, оставь мне немного денег на первое вре-

мя и иди домой. Я выселюсь из этого номера и покину город – а уже там подумаю, куда отправиться дальше. К часам десяти ночи я буду на автозаправке, что у северного выезда из города – ты должна знать, где это. Я буду сидеть там всю ночь до рассвета и ждать тебя. Затем, я затушу об асфальт последнюю сигарету и уеду так далеко, что всем псам мира будет меня не достать. И я предлагаю тебе поехать вместе со мной. Будет не просто, но я бы и не предлагал, если бы не знал точно, что ты с этим справишься. Для простого человека, ты видела уже достаточно, чтобы навсегда избавиться от наивности и глупости. Поэтому, я жду от тебя серьёзного решения: уехать или остаться. Затем: ты либо будешь со мной каждый день, каждый час; либо ещё сотню лет не услышишь обо мне и слуху.

Слёзы у неё на щеках уже давно застыли. После всего, что с ней случилось, уже до того как я озвучил своё предложение она была не первой психической свежести. И всё же, нечто прекрасное происходило у неё в голове, хоть со стороны это и походило скорее на нервный срыв.

– А пока, – продолжил я, – в любом случае, не опаздывай домой. После убийств, смерти и воскрешения – я обычно очень устаю. Деньги оставь, будь добра, на столе; а мне нужно поспать. Катя, сейчас ничего не говори. Пусть всё скажут твои действия или бездействие. Но в любом случае, я хочу, чтобы ты знала: я верю в твой выбор.

Если она что-то и сказала в ответ, то я либо этого не услы-

шал, либо у меня начались серьёзные проблемы с памятью. Мне всё же легче думать, что она не нашла тогда слов. Какое-то время она ещё стояла там, в одном номере со мной, пока я засыпал. Затем, тихо ушла, щедро исполнив мою последнюю просьбу. В любом случае, деньги путешественнику никогда не помешают.

Проснулся я от мыслей, что нужно как можно скорее бежать из этого города.

Ещё давно я понял, как важны для человека его собственные ритуалы. Мои было каждый раз, когда я покидаю какой-нибудь город, делать остановку на заправочной станции – даже в том случае, если мне это вовсе не необходимо. Исключения, конечно же, были когда я летал на самолётах, отплывал на кораблях или ехал на поездах или автобусах; но если у меня была такая возможность – я никогда её не упускал и в последний оглядывался назад, на город, который покидаю. Для меня, это было как прощание со всем, что меня с ним связывало. Правда, в этот раз, мне придётся задержаться здесь надолго.

Ночной сторож с заправки видит, что у меня не осталось сигарет и дёт прикурить. Ему явно скучно и он думает, что скучаю и я. Но он сильно ошибается. Я могу ждать столетиями; а всего лишь одна ночь – как простая передышка.

– Ты, это, не иначе, как ждёшь кого-то? – спросил он, вместо того, чтобы продолжать вежливо помалкивать, – сюда редко, кто ночью заходит, кроме всяких алконавтов и даль-

нобойщиков; но ты, я вижу, не из тех и не из других. Чёрт, даже бродячие дворняги так далеко не заходят, потому что знают, что искать им здесь нечего. А ты, вон, дошел.

– Да, я кое-кого жду. Вроде как, если я ничего не нарушил, имею право.

– А он придёт – тот, кто должен? В смысле, кто же он такой, что заставляет так долго ждать посреди глуши поздней ночью такого доброго человека?

– Я вовсе не добрый человек. И я не знаю, явится он или нет. На рассвете я в любом случае уйду отсюда – один или вместе с ним.

– Всю ночь так вот просидишь?! Если собрался далеко, то лучше так не заигрывать со своим здоровьем. Вообще, правила запрещают, но плевать на них – можешь зайти погреться в моей кабинке. У меня там чайник, телик и блок сигарет. Если есть деньги – то купи себе что-нибудь в магазине. Но нельзя просто так сидеть на морозе.

– Мне и так тепло. К тому же, не хочу пропустить момент, когда она явится. А если и вовсе не приедет – то хочу запомнить то, как ждал её.

– Да ты псих. Ты сказал «она»?! Значит дело опять в очередной бабе?! Ха, вот уж над чем я не стал бы на твоём месте волноваться.

– Я вовсе не беспокоюсь – не видишь что ли, что я просто сижу и спокойно гадаю: придёт иль не придёт.

– Уж, послушай: я уже давно в автозаправочном бизнесе

и знаю, что к чему. Ты потратишь меньше топлива и будешь ехать легче, если отправишься туда, куда собрался, один. Вся эта школьная романтика – она только утомляет, тратит и деньги, и горючие.

– Конечно, я знаю. Но мне кажется, что я делаю это больше ради неё, чем для себя. Мне плевать на себя – я прожил достаточно долго, чтобы самому себе наскучить. Теперь, мне хочется остаться у кого-нибудь в памяти, пусть и ненадолго, не просто призраком, а продолжением глаз и воображения.

Не знаю, с чего это мне захотелось излить душу этому охраннику. Наверное, нам обоим долгое время просто не было с кем поговорить. Теперь, уже всё равно с кем и совсем не важно о чём – можно даже о личном – но говорить. Он сказал:

– Ты как-то слишком сложно всё это закрутил. Это напомнило мне историю про одного странного парня, который тоже прошел через эту заправку. Он пришел сюда, как и ты, чтобы найти кого-нибудь, кто согласился бы его подвести. При этом он отвечал, что ему абсолютно плевать, куда ехать. Ну, нашел он себе такую машину, которая тоже ехала куда-то и водитель которой остановился здесь заправиться. Через несколько дней я читаю об этом парне в новостях: этот водитель завёз его глубоко в лес, избил, отнял телефон со всеми деньгами, общей суммой в десять тысяч долларов и семь тысяч евро. Еле живым, этот путешественник добрался до какого-то городка и сообщил обо всём полиции. Да-

же не знаю, как он всё это объяснял. Вот интересно же: на кой чёрт он полез путешествовать автостопом, когда у него по карманам разбросано такое состояние?! Люди не от хорошей жизни бросаются в любой остановившийся автомобиль, чтобы добраться туда, куда им надо. Разве он не мог с такими-то деньгами жить нормальной жизнью на одном месте?! Знаешь, сколько бы мне пришлось вкалывать, чтобы собрать такие деньжищи?! Вот и я не знаю. Нет, обязательно нужно было пускаться во все тяжкие и всё портить. Разве люди идут на такое, когда им есть, что терять?! Нет, с места срываются только в конец отчаявшиеся – остальные делают это от жира и попадают в вот в такие вот истории. Я не хочу гадать: есть тебе чего терять или нет. Просто задумайся: во что ты ввязываешься, на что идёшь. Ты уже человек видно, что не молодой, и пора бы определиться с курсом. Но это я так – не подумай ничего плохого, там, что я пытаюсь навязать тебе своё мнение или запудрить мозги, или чего там ещё. Просто, мне кажется, смерть настигает даже тех, кто думает, что он бессмертен – так или иначе. Бессмертных нет – есть только те, кто считает себя такими. Мы должны оставаться жить там, где нам хорошо. А вот так бесконечно скитаться – кто не знает этого, думает, что в такой жизни полно романтики. Но дерьма в постоянных путешествиях не меньше, чем в чехарде какой-нибудь офисной мошкары. Ты ведь такой смотришь потом: какой путь я проделал, аж обделаться можно, а ведь никуда не пришел. Может быть, было бы лучше, если

бы мы остались жить на одном месте. Ведь, кажется, все люди когда-то были кочевниками, но ведь было что-то, что заставило их остановиться – нечто важное. Путешествие – это, конечно, хорошо. Но они ведь убивают.

– Если путешествия убивают – тогда стоит шататься по свету ещё больше, – улыбнулся я.

– Ты уже сказал своё слово, старик, а я его услышал. Но как насчёт той девчонки, которую ты собрался взять с собой?! На себя тебе плевать – но что будет с ней от такой жизни?! Точно ли ей больше нечего терять – неужели, она думает, что тоже бессмертна, как и ты?! Ладно, пойду я, не весёлый ты какой-то, а я, чтобы поговорить с тобой, сериал на паузу поставил. Пойду, досмотрю.

– Какой?

– «Хер с тобой» с Димой Вальски в главной роли. Всего тебе хорошего, чего бы там с тобой ни случилось.

Он ушел. Я заглядывал в глаза призракам и видел в них лишь бесконечно одинокую ночь – пустую, как белки их безразличных ко всему очей.

Возможно, в чём-то этот странный и подозрительный охранник был даже прав. Возможно, даже слишком во многом, как для простого ночного сторожила. О чём-то таком я и сам не раз задумывался, хоть и не говорил об этом вслух. Но ещё тогда, в «Утомлённом солнце», с первого взгляда я уже знал, что она способна на такое путешествие. Если бы я имел право классифицировать всех, кого когда-либо встре-

чал, то я разделил бы их на три типа. Первые – живут для других; у них мало близких друзей, зато их имена известны многим – даже тем, кто никогда не видел их в лицо. Вторые – живут ради тесных компаний; эти счастливее остальных, потому что всегда могут найти общий язык с каждым, в их обществе всегда легко и весело; они постоянно хотят быть с кем-то и не выносят одиночества, но им легко, потому что они всегда находят себе хотя бы одного спутника, хотя бы на один день. Третьи – живут даже не для себя; они, скорее, заблудились во внутренней стороне своей мечты. Их трудно назвать самыми несчастными, потому что счастье для них имеет совсем иное значение, чем у всех остальных. Мечтатели, которые не признают существования всех остальных. Я вижу таких людей сразу. Они могут скрываться под масками первых или вторых; но себя им обмануть, в конечном итоге, не получится. Они – единственные стрелы, выпущенные в меня смертью, которые имеют шанс долететь до своей цели. Смерть берёт свой лук и пускает их в меня. Жизнь бесконечно тянется, ведь кажется, что чем ближе ко мне стрела – тем дальше я от неё. Но когда-нибудь, она долетит.

Я сижу, упав лицом в ладони, уперев локти в колени. Ночь подходила к концу. Единственное, что доносилось до моих ушей – был уже известное гудение автомобилей вдали, шорох травы на ветру и глухой визг насекомых. Отражённый свет долетал до моих глаз, спускаясь с окрашенных в тысячу синих цветов небес. На горизонте медленно загорался фо-

нарь, освещающий путь.

Обычно, новый день я встречаю так, как простой человек новую секунду – кто будет радоваться ещё одной секунде, продолжающую его жизнь?! Но теперь, я позволил глазам жадно глотать каждый лучик света, в надежде прочесть хоть в одном из них, что я не ошибся в выборе своей спутницы.

Сколько бы сотен лет ни было у меня в запасе – ждать вечно я не мог себе позволить, не в этот раз. Особенно, если ожидать того, чему не суждено произойти никогда. Восход солнца остаётся одним и тем же вот уже почти три тысячи лет – я ручаюсь за каждый. Многие в городе ждут звон будильника с трепетом. Никому из них и в голову не придёт просто любоваться небом, которое наблюдало за человечеством сто тысяч лет спустя, и будет наблюдать ещё сто тысяч лет назад. По сравнению с ним, даже я – как стрекоза-однодневка, уж что и говорить про остальных.

Я погасил последнюю сигарету, которую оставил мне охранник, о бордюр. Я встал и размял ноги перед долгим путешествием. Солнечный свет по-прежнему слепил мне глаза – только теперь намного сильнее. Я надеялся, что развернувшись к этой надоедливой небесной лампе спиной, ничего кроме дороги вокруг себя я больше не увижу. Пора в путь.

Но далеко я уйти не успел. Кошмар спидометров, на полной скорости меня догнал автомобиль. С водительского сидения на меня глядело то самое создание, сомнений в котором я не испытывал никогда. И не испытаю. Она останови-

лась напротив меня и дважды посигналила.

– Эй, запрыгивай, давай!

И мы рванули с места, даже не подозревая, как быстро нам придётся вернуться обратно.

Охранник не сводил с нас глаз, пока мы не исчезли. Он оставлял за собой горы окурков не из-за привычки и не потому, что ему это нравилось. Это был его образ – ещё один, с которым он справился безупречно. Этого человека я видел уже не раз – и всегда с новыми лицами. А сам он никогда не переставал ждать нашей последней встречи. Правила игры, в которую он мен впутал, я узнал лишь столетие спустя. А пока, я полностью находился в его власти; и всегда был. Я был слишком озабочен самим собой, чтобы вырваться на свободу.

Я бросил взгляд вниз, под сидение. Глаза сообщили мне о странном предмете, напоминающем тряпку, непонятно что забывшую там. Я нагнулся, чтобы поднять её. Убедился, что я ошибался. Мне пришлось поднести предмет поближе к лицу, чтобы внимательнее его рассмотреть – что-то он точно мне напоминал. Сложно сказать, как точно я смог узнать, что это было. Ещё сложнее даже предположить, как это могло здесь оказаться. Но не оставалось никаких сомнений: это – была шапочка Рудольфа, которую он потерял перед тем, как американские войска ворвались в город. Мне пришлось собрать всю волю в кулак, чтобы не закричать. Но приглушенный крик всё же вырвался у меня из горла.

И в этот же миг, Катя не справилась с управлением на высокой скорости и вылетела с дороги на обочину. А машина продолжала двигаться – теперь уже независимо от нас.

Интермедия Пятая

– О, ты подстригся, – услышал я от неё, стоило мне только ступить за порог, – приятно думать, что ты хоть для кого-то стареешься выглядеть красиво.

Да, всё время я принимаю то мелкие решения, то глобальные. Но с тех пор, как две тысячи лет назад я отправился в путешествие с Флавием Тиберием в поиски Аппия Примула, я практически ни одно своё решение не принимаю в пользу окружающих, даже если хочу им помочь. Новая стрижка – не исключение.

– Знаешь, я никогда так много не путешествовала, – теперь, она смотрит на меня сквозь полный стакан воды и думает, что видит всю правду, – я мало чего по-настоящему запоминаю и ещё меньше вспоминаю. Но, кажется, я начинаю припоминать, за что когда-то ты мне так понравился.

– Я просто счастлив.

Мне хотелось как можно скорее покончить с этой историей. Только тогда прекратится и это путешествие. Сколько бы лет я не прижил на Земле, моё сердце принадлежит Марсу. Только история, превратившаяся в жизнь и жизнь, ставшая историей, держат меня здесь.

– Этот город мог бы быть красивым, но вместо этого он кажется мне мрачным, – сказал я.

Теперь, мы возвращаемся обратно, откуда начали этот

путь. По дороге, мы сделали небольшой крюк и посетили Бухарест.

– Надеюсь, – продолжал я, – ты не собираешься задерживаться здесь настолько же, сколько в Будапеште?

В Буде на Дунае мы решили сделать передышку, которая затянулась на две недели. Сотая доля секунды для меня и целая вечность для неё. Теперь, она хочет двигаться быстрее. И тем не менее, она отказывалась летать и ехать на скоростных поездах. Поэтому, везде мы передвигаемся только на автобусах. И всё же, нам некуда торопиться – ведь история всё равно не рассказана. Но мы уже ступили на путь начала конца – а закончится всё моей смертью.

Поёт, веселится и просто находится рядом – вот, чем занята эта странная девушка, пока я задумался над чем-то. Все вещи вокруг мне казались подозрительными и странными. Я люблю вещи – ничто божественное и неизменное не сравнится с простыми предметами вокруг: серыми и тяжёлыми, бесполезными, и страшными. Самые обыкновенные – пустые и прекрасные.

– Тебе нужно развеяться – выглядишь ты совсем убитым.

– Честно, – решил признаться я, – мне страшно заканчивать эту историю. Я думал, что готов к смерти – у меня было достаточно времени подготовиться к ней. Но я подумал, что в конце этой истории не останется ни единого слова, ни чистой страниц, ни даже могильного камня.

– Я думала, ты рассказываешь мне несколько историй, а

не одну. По крайне мере, так оно выглядит со стороны.

– Да нет же, как ты до сих пор не поняла! Всё это – одна и та же повесть об одном герое. Хотя, героем его называть не всегда правильно и не всегда получается. И всё это – я. Ситуации и времена, может быть, и разные. Но это не делит историю на части, а просто делает её длиннее.

– Ну ты и загнул. С чего ты вообще взял, что умрёшь, когда закончишь?! Ты, я смотрю, сам не знаешь, чем всё закончится.

– Знаю.

– Никто не знает.

– А я и не никто, и не все.

– Если ты и бессмертный – то это не повод так унывать и мучить себя. Постарайся расслабиться и получать от этого удовольствие. А если ты так не хочешь продолжать эту историю сам, так просто передохни и передай микрофон кому-нибудь другому.

Я рассмеялся.

– Вот это у тебя идеи. Кто ещё может закончить эту историю?!

– Эти истории. Все эти истории, которые ты называешь своими и принимаешь так близко к сердцу.

– История любого человека – это его личная и самая большая драгоценность, – покачал я головой, – никто, кроме меня, с этим не справиться.

– Возможно, я смогу вам помочь, – сказал официант, ни-

когда не снимающий улыбки с лица, подойдя к нашему столику с двумя чашками кофе, – с чего вы хотите продолжить? Или начать? О, я могу описать всё с такими подробностями, которые даже ты не смог бы вспомнить, дружище. И сделаю это не хуже тебя, можешь мне поверить.

Мы оба подняли головы в его сторону. Я сразу же его узнал.

– Ты обещал, что больше не покажешься – по крайней мере до того момента, пока я не закончу историю.

– О, как же я мог такое пропустить?! К тому же, разве ты не закончив, сам намекнув на то, что у тебя не осталось сил сделать это самому? Теперь, самое время твоей подружке услышать и мою версию правды.

– А разве тебе не нужно обслуживать других посетителей, раз уж ты решил вжиться в свой новый образ?

– Знаешь, удобно быть хозяином заведения, в котором работаешь официантом. Все неприятности этой профессии исчезают сами собой. Если хочешь, то я могу любезно попросить всех этих надоедливых туристов выйти вон, чтобы нам никто не мешал.

– Думаю, не стоит. Мы всё равно здесь не задержимся. Сколько с нас? Не думаю, что захочу пить кофе, зная, что принёс мне его ты.

– Я не только его принёс – я его и сделал. Честно, я старался. Специально для этой встречи купил целую партию отличных зёрен, а ты вот так со мной.

– Ты не рассказывал о своих друзьях, – наконец, подала она голос, – почти со всем ничего. Кто вы?

– Я уже рассказывал о нём. Но надеялся, что познакомиться вам никогда не придётся.

– Конечно, как ты мог не упомянуть меня хоть пару раз в своей истории – без меня она утратила бы остатки смысла.

– И он не мой друг. Я бы назвал его, скорее, своим ночным кошмаром – злейшим врагом. Достаточно вспомнить, сколько гадостей он мне сделал.

– Да ну тебя, дорогуша. Мы – последняя надежда друг для друга. И, наконец, нельзя же так долго обижаться на меня из-за мелких недоразумений несколько сотен лет назад!

– Ты убил меня! Притом не один раз.

– Если тебе от этого станет легче, – он взял третий стул и сел рядом с нами, – то можешь сделать тоже самое с помощью вот этой вилки, – он вручил мне её, взяв со стола, – я буду умирать долго и мучительно – всё как ты любишь. Что не сделаешь ради того, чтобы ты был счастлив.

– Приятно познакомиться, – вновь вмешалась это странное создание, которое я так до конца и не сумел понять, протягивая руку этому исчадию ада, – если честно, то я вас совсем не таким представляла.

– А как, по-твоему, должен выглядеть бессмертный?! Оказывается, наш общий друг ещё и плохой рассказчик, раз представил меня в неверном свете.

– Ты был болтливым водителем, охранником с автоза-

правки, ещё кем-то... А оказался молодым красивым парнем, к тому же, ещё и с манерами. За что он вас так ненавидит? Ведь, действительно, прошло столько времени...

– Если бы ты меня внимательно слушала, то знала бы, за что, – внезапно вырвалось у меня.

– А ты, – сказала чудовище, – действительно, по современным меркам, просто богиня. Что и не скажи, а наш общий друг умеет выбирать себе спутниц напоследок – чего уж у него не отнять. А насчёт моей внешности – то здесь ничего конкретного, то есть, лишнего, лучше не говорить. Всё, что только не придумал человеческий язык касательно внешности – будет неправдой, если говорить обо мне. Я меняю лица даже чаще, чем некоторые красавицы свой маникюр. С характерами тоже самое – сложно оставаться одним и тем же из тысячелетия в тысячелетие. Бывали времена, когда я был такой злоюкой, что и вспоминать страшно. Вот наш общий друг и злиться. А твоё, девочка, мнение обо мне может измениться неисчислимое количество раз по мере того, как я буду рассказывать окончание истории вместо нашего пупсика.

– Ты сказал, что можешь попросить всех вон?

– Да, я пока своих слов назад не беру.

– Можешь сделать это прямо сейчас.

Спустя пять минут и сотню недовольных возгласов, кафе, в которые мы забрели случайно(?) опустело.

– Вот. И что?

Я всё же решил воспользоваться подарком нашего незва-

ного гостя и воткнул вилку прямо ему в ладонь. К удивлению Машеньки, но отнюдь не моему, он даже бровью не повёл. Выражение его лица не изменилось даже тогда, когда я наносил удар за ударом, пока не убил. Зубцы вилки глубоко входили в него, а он по-прежнему улыбался, истекая кровью. Это пугало сильнее, чем если бы он кричал и вопил от боли. Но такого благородства от него, разумеется, ожидать не стоило.

Машенька тоже молчала. Просто смотрела, как он воскресает и раны на его теле заживают. В своей новой жизни он всё так же не переставал улыбаться, как настоящий конечный псих.

– Я не давал тебе права говорить обо мне вместо меня, – сказал я, немного придя в себя.

– Но ты ведь сам просил о помощи, – сказал он, слегка сузив улыбку и опустив глаза, – я слышал это в каждом твоём голосе, каждом жесте. У тебя не осталось сил выносить своё прошлое. Позволь мне разделить с тобой эту ношу и облегчить путь.

– С меня уже хватит твоей помощи на всю оставшуюся жизнь. И при нашей последней встрече, ты обещал мне, что оставишь нас в покое, и дашь мне поделиться своим прошлым с единственной, кто мог бы услышать о нём. Ты даже это хочешь у меня отнять?!

– Прошлое – не принадлежит одному тебе; и ты сам прекрасно об этом знаешь. Оно так же является частью историй

тех людей, что были рядом с тобой и разделили твои переживания. А я – был рядом дольше всех остальных, кого ты только можешь вспомнить.

– Да потому что прикончить тебя ничто не может. Жаль, что я никогда не увижу мир, в котором не будет тебя.

– Мне тоже. Такое тоскливое и скучной вышло бы место, знаешь ли, что самому становится интересно. Ладно, раз тебе так не нравится археология твоих окаменелых фекалий, который ты называешь памятью, то можешь рассказывать её сам.

– Я ещё не закончил, – сказал я, задумавшись, – конечно, ты уделил мне огромную часть своей жизни – такую, которую не смог бы выделить мне ни один человек. Хоть история твоих преследований меня – всё равно мелкая песчинка, по сравнению со всем остальным твоим опытом. Ты бы мог написать обо мне книгу и получить за неё какую-нибудь престижную премию в области психиатрии. Поэтому, мне самому, наверное, было бы полезно напоследок услышать обо всём случившемся с твоей точки зрения. История со стороны главного злодея... Но ты ведь всё высветишь не в том свете и выставишь меня за идиота, ведь так?!

– Если бы ты им не был, то не боялся бы этого. Да уж, в одном ты точно прав – я большой специалист в области тебя, хоть ты и считаешь меня монстром. Зря тебе так кажется, хочу тебе сказать. Нет, я могу с уверенностью и гордостью заявить, что за свою долгую жизнь сделал больше добра, чем

зла. А помноженное на проделанный мною жизненный путь, то люди вообще должны были объявить меня святым над святыми. Но, почему-то, они не особо торопятся. Да никого из простых смертных я не убивал без причины чаще, чем раз в пятьсот лет – вот скажи, кто может похвастаться такой статистикой?! Это рекорд, что ещё и говорить. Когда я убивал тебя – это не считалось; какое же это, в самом деле, убийство?! Да и ты за свою жизнь прикончил столько народу, что никому и сосчитать не под силу – даже я сбился. В кровожадности мне с тобой никогда не сравниться. Я всегда ищу выход, а ты действуешь напролом и убиваешь всех вокруг себя. Интересно, без кого этот мир был бы лучше: без меня, которого ты считаешь монстром, но который к людской жизни относится с уважением и осторожностью; или без тебя. Представь себе, сколько уроков за эти три тысячи лет так и не усвоил, малыш. Ты – хуже любого двоечника. И чем дольше ты живёшь, тем больше ты запутываешься не только в паутине этого мира, но и в самом себе.

Я бы мог много чего ответить ему на это и возразить на каждое его слово. Но я так и не собрался с мыслями для уничтожающего ответа. Поэтому, пришлось промолчать.

– Я помню, как пытался контролировать своё бессмертие среди непреступных скал и гор, – внезапно начала он, – хорошие ребята, но с ними быстро исчерпываешь все темы для разговора. Поэтому, я провёл там всего три сотни лет. Кажется, ты тоже баловался чем-то подобным, но намного поз-

же меня. Потом, когда я вернулся в мир людей, я встретил свою единственную надежду – тебя. Если хочешь, то можешь начать именно с этой истории.

– О, нет. О твоих горных приключениях мне хотелось бы рассказать в последнюю очередь. А ещё лучшим решением было бы вообще опустить этот эпизод.

Впервые за весь разговор он нахмурился.

– Знаешь, а ты начинаешь нравиться мне всё меньше и меньше. Хорошо, я тебя понял: мы будем рассказывать эту историю, двигаясь от событий, которые для нас с тобой произошли относительно недавно к истокам, которые даже я не постесняюсь назвать древними.

– И какими же своими словами я намекнул тебе на эту мысль?!

– Неважно, – отмахнулся он, – действовать мы будем именно так и никак иначе. И начнём немедленно. «Из всех тех отважных мужчин, ворвавшихся в «Дом Марса» в тот день...»

– Стоп, – объявила моя любовь, – что происходит?

– Ничего нового, – покачал головой этот мерзавец, – по небу плывут всё те же облака, что и три тысячи лет назад; а в головах людей по-прежнему пусто. Но ты, конечно, можешь задавать подобные вопросы время от времени. Хотя знай, когда что-нибудь новое произойдёт – я сразу же тебе об этом сообщу.

– Кажется, я начинаю понимать, за что ты так его ненави-

дишь. Ты ведь прекрасно понял, о чём я тебя спросила: что с вами происходит? Что происходит со всеми нами?

– О, похоже, наша девочка сошла с ума. Придётся подыскивать тебе новую и начинать с начала.

– На такое я не подписывалась. Я еду домой сегодня же. В одно место засуньте себе свою историю. Я думала – правда, до самого конца верила, что это просто сказка. Но всё это не может ведь оказаться правдой, да? Что вы оба бессмертные?..

Она вышла из-за стола и убежала. Мы с моим незванным гостем переглянулись.

– Это всё ты виноват, – покачал он головой, – беги уже, чего сидишь?! Не мне ведь она так нужна, а тебе.

Я выскочил наружу, расталкивая всё, что стояло у меня на пути. Очень быстро, мне удалось догнать её. Но это было самым лёгким из всего, что ещё только предстояло сделать.

– Отпусти! – закричала она, – ты обманывал меня с самого начала.

– Нет же, с самого начала я говорил тебе только правду. Мне нет нужды тебе лгать – ни в чём. Я видел, что ты не веришь ни одному моему слову, но никогда всерьёз на это не злился. Ведь если бы ты узнала, что я говорю только истинную правду – ты бы испугалась и бросила бы меня.

– Тогда, ты сказал мне, что хочешь рассказать историю своей жизни; сначала, я поверила тебе, а потом ты начал рассказывать историю каких-то этрусков, которые вымерли ты-

сячи лет назад. Я подумала: ладно, хорошо, подыграю ему, получу удовольствие, а потом он отстанет. Просто дай ему рассказывать то, что он хочет; дай ему высказаться и всё будет хорошо. Но этот человек и ты – вы оба и вправду бессмертные, и это не розыгрыш. И это ваша история, а не моя. Зачем, скажи мне, зачем я вам нужна??? Я ведь – просто человек, смертная; если меня пырнуть ножом, то я не восстану из мёртвых, а просто умру, как и все остальные.

– Когда я жил в Тоскане, – начал я, подняв глаза к небу, – это был одиннадцатый или двенадцатый век – уже и не важно – я занимался торговлей и у меня была жена. У нас не было и не могло быть детей, но я был уважаемым человеком и на нас смотрели снисходительно в городке, где мы жили. И мы были счастливы. До самого конца я держал от неё в тайне свой секрет. А в день, когда она тяжело болела, я не выдержал и рассказал ей всё; а она ответила, что давно знала об этом. Она сказала, что всегда знала, что я не похож на остальных. И мне никогда не забыть слова, сказанные ей в тот день: цветок без воды погибнет через день, человек без воды погибнет через две недели; но ты – что бы ни произошло, не умрёшь. Ты останешься жить и сможем рассказать людям обо всём, что видел собственными глазами, когда их праотцы ещё были детьми. Ты выживешь без еды и воды, но не сможешь жить только без одного – без истории. Если ты когда-нибудь расскажешь её кому-нибудь целиком – то это будет лучший рассказ, который простой человек услы-

шит за всю свою жизнь. Храни свою историю и заботься о ней – это величайшая твоя драгоценность, как и для каждого в этом мире. И когда настанет час – расскажи её тому, кто будет готов её услышать. Машенька, ты – единственная на двух обитаемых людьми планетах, которая готова услышать эту историю – я верил в это с самого начала и буду верить до самого конца. Но если ты сама считаешь иначе, то, что и говорить, даже бессмертный с тремя тысячами лет жизни вместе с людьми может ошибаться них. Если не ты – моя история умрёт. Я больше никому её не расскажу. Иногда, бывает трудно держать обещание всю жизнь; а в моём случае, когда говорят о тысячелетиях, это особенно долго. Я мог бы собрать горы золота и изумрудов – но они не стояли бы и со-той части моей истории. Но если нет никого, кто дослушал бы её до конца – то она и ломаного гроша не стоит.

– А ты умеешь выбирать себе жён. Это у неё ты научился так говорить?

– Немного у неё, немного у ветра, немного у солнца, – улыбнулся я, – немного от тебя. От всего я учусь, хоть и медленно, правда. Я рассказывал, что научился писать только в пятьдесят лет?

– А как она умерла? Это было тысячу лет назад...

– Немного больше, – нахмурился я, – она слегла от неизлечимой болезни, о которой сейчас даже не вспоминают. В те времена, ей никто не мог помочь. А я думал: бессмертие – чего оно стоит, если его ни с кем нельзя разделить? Но я ведь

знаю теперь, что можно – рассказывая истории. Некоторые из них ведь тоже бессмертны, как и я.

– Как ты переживал смерти стольких своих близких?

– Говорят, что привыкаешь ко всему. Но то, о чём ты меня спросила – как раз из того, к чему привыкнуть невозможно никогда. Каждый раз я переживаю это как в первый. Прошло больше, чем просто много лет, но я всё равно всех их помню. Части моих историй, бывших одним целым с ней, останутся во мне до самого конца.

– А когда я... Ты будешь вспоминать?

Я рассмеялся – так искреннее, как давно не делал этого.

– Конечно – до конца. Ведь ты будешь одной из тех немногих смертных, которые увидят истинное чудо – конец пути двух бессмертных.

– Нет, я не хочу, чтобы ты умирал.

– А я и не умру. Я просто исчезну – навсегда.

– Снова улетишь на Марс?

– Дальше. Так далеко, что даже свет туда не долетает. Всё идёт и всё проходит. А для меня нет большей радости, чем знать, что я исчез, оставив после себя свою историю, которая проживёт намного дольше меня в чьём-нибудь сердце и памяти. Это – наивысшая награда, которую мир только может преподнести тому, кто жил в нём. Слушай, давай вернёмся в ресторан к тому мерзавцу и я ещё немного поговорю с ним насчёт некоторых деталей. Уверен, что мы с ним как-нибудь сможем договориться, найдя компромисс. Тогда, у послед-

ней части этой истории будет не один, а целых два рассказчика.

Я взял её за руку и повёл за собой. Дверь ресторана распахнулась перед нами. Над столицей печальной республики собирались тучи, угрожая прохожим дождём. Внутри снова были посетители, как ни в чём не бывало, ели булочки, запивали кофе. Те несчастные, что не прихватили с собой зонтик, рисковали стать пленниками стихии и остаться внутри. Но никто из них даже не догадывался, свидетелями чего они так случайно стали благодаря своей неудаче. Никто из них даже не подумал взглянуть на столик для троих в самом углу, где происходила история.

Пожар Третий

Из всех отважных мужчин, ворвавшихся в тот день в «Дом Марса», как кричали со всех экранов и писали во всех новостях, не выжил никто.

Будто само зло спустилось с небес и убивало их одного за другим, безразличное к пулям. Это были идеальные новости – из разряда тех, которые следовало бы держать в секрете. Красные братья удовлетворили свою жажду крови; голубые получили доказательство того, что они – истинные поборники зла, которое олицетворяли собой марсиане.

Я не помню, как это происходило в деталях, потому что от моих рук один за другим гибли люди, не способные ничего противопоставить бессмертию. После этой трагедии, все её подробности я старался выкинуть из памяти. Но именно в разгар этого сражения (или бойни) я вспомнил о своём основном задании на Терре, которое поручил мне Марк; мне стала ясно, что нужно делать. А так же я понял, что всё это время ошибался и теперь все мы находимся в смертельной опасности.

Мне нужно было выследить и убить человека, множество раз бывавшего на Марсе и представляющего угрозу всему нашему делу. Неизвестно, сколько всего он успел разузнать, пока проводил годы среди марсианских рабочих, а затем и в рядах красных друзей. Но ясно было одно: его роль могла

оказаться решающей в грядущей войне. Нам было известно про него только то, что он существует. И, видимо, только меня сочли способным выполнить это задание, потому что обо мне достоверно известно не намного больше. Агент врага нашел меня первым – самым первым на всей планете, к тому же, оказался не в меру болтливым. Он тоже был бессмертным, а потому даже я ничего не мог с ним сделать. Разве что, я не оставлял надежды с ним договориться.

После этой битвы, он недолго пробыл вместе со мной; а точнее, не больше промежутка времени, достаточного, чтобы сказать: «Ты, видимо, забыл обо всём, о чём мы с тобой так душевно болтали. Ну и расслабился же ты, пока меня не было. Видимо, даже и думать обо мне перестал. А я вот тебя не забывал. Ладно, чего говорит, мы ещё с тобой встретимся, хоть и не при таких непринуждённых обстоятельствах. Ты помнишь главное правило: только вместе бессмертные способны уйти из жизни; но не просто так. Звёзды должны правильно сойтись на небе, если тебя устроит такая метафора. А пока, до встречи, дружище; у нас ещё будет возможность поговорить. Вот мой совет: чаще оглядывайся по сторонам. И береги свой Марс – уж поверь, ему угрожает настоящая опасность».

С этого момента моя история может считаться закончиться. Но мне придётся добавить ещё пару слов. Впоследствии, я узнал, что подобные нападения совершались на все «Дома Марса» на всей планете в одно и то же время. Широкой глас-

ности придали только мой случай, потому что он был особенным. Я ещё не знал, что остался последним марсианином на Земле – остальным послам и дипломатам с Марса повезло куда меньше. Я потребовал у правительства вернуть меня домой и усиленную охрану до тех пор, пока этого не произошло. Уверен, что вариант, в котором хоть один марсианских посол остаётся в живых, организаторы нападений даже не предусмотрели и пребывали сейчас в некотором смятении. Я решил воспользоваться этим и сбежать с планеты как можно скорее всеми возможными и невозможными способами, чего бы это ни стоило. Я должен прибыть обратно в Елену и сообщить о том, что происходит на Терре.

Что-либо менять было уже поздно – все до единой наши дипломатические миссии провалились. Марсу пришлось вступить на тропу войны с могущественным врагом. Мы отстаивали свою независимость перед эксплуататорами. Теперь, нам снова придётся взять в руки оружие и защищать свою свободу у себя дома и тиранов. Наши враги скажут, что военных поход на Марс необходим, чтобы очистить Красную планету от террористов, незаконным путём взявших власть в свои руки. И снова мнения самого гражданина Марса никто спрашивать не стал. Когда же к марсианам начнут относиться так же, как и ко всем остальным людям? Видимо, только встав на защиту своих городов от захватчиков и разбойников с Земли, мы сможем что-нибудь им доказать.

Друзья Марса сорвали попытку повторного нападения на

меня. Парламент Евросоюза проголосовал и, приняв нейтральную позицию в межпланетном конфликте, взял на себя обязанность моего безопасного возвращения на родину. Один человек ничего изменить не сможет – подумали наши враги и тоже позволили мне покинуть планету. Знали бы они, как ошибаются, то уничтожили бы города Евросоюза и их армии, но взяли бы меня. К счастью, мой корабль оторвался от поверхности, прошел орбитальную станцию и направился в сторону далёкого Марса.

С первых же минут по возвращении, я взялся за исполнение своих обязанностей, как всё ещё действующий министр обороны республики. Мне пришлось столкнуться с тем, что Марк, за время моего отъезда, не мог справиться с гражданскими проблемами и поручил это дело Томазу Торкеде. Мне пришлось исправлять его ошибки, отвлекая себя от своей основной задачи – защитить планету. Но кое в чём мне следовало отдать должное Томазу – он действительно был хорошим командиром и никто, кроме него, не смог бы возглавить нашу армию в эти тяжёлые времена.

Люди с древних времён создавали в своём мире двойственность: римляне и варвары, правоверные и еретики, богатые и бедные, капиталисты и социалисты, люди запада и люди востока, мы и они. Теперь, этот мир разделился на красных и голубых; марсиан и землян. Сколько бы времени ни прошло, всё остаётся таким, каким было раньше.

Отлично, дорогуша, у тебя вышла хорошая история. Ко-

нечно, говорить о том, что ты её закончил, пока рано. Но теперь, настало время узнать мою версию случившегося.

После уничтожения всех участников дипломатической миссии Марса на Земле, лицам, заинтересованным в стабилизации порядка на Красной планете, нужен был человек, который был бы самоотверженно предан голубому движению и знающий Марс достаточно хорошо, чтобы избежать катастрофических потерь в рядах миротворцев во время проведения операции и не допустить стратегических ошибок на местности. Такой человек у них был. Я прожил на Марсе двадцать лет – не то, что бы очень много, но достаточно, чтобы служить своей земной родине правильно. После своего возвращения, я вступил в ряды красного движения и с большим удовольствием играл в шпиона на протяжении ещё многих лет, сдавая их тайны голубым. Теперь, когда я в достаточной мере доказал свою преданность, я с радостью принял их предложение возглавить карательную операцию.

Так мы с моим единственным братом оказались в разных лагерях, по противоположные берегам реки крови, пролившейся на Красной планете и разделявшей нас. Ох, сколько раз мне пришлось наблюдать за алым небом, темнеющим от людских страданий; полей, шумных от криков боли, ужаса и звуков войны. Увидев такое хоть раз, любой, хоть на Терре, хоть на Марсе, потерял бы веру в Бога; или начал бы верить, но точно не в его милосердие.

Мы прекрасно можем понять друг друга, даже если ты за-

щищаешь тех, на кого я обязан скидывать бомбы. Ты можешь сколько угодно называть меня убийцей. Но я отвечу, что мы оба с тобой – спасители мира; ведь оказалось так, что от нас двоих зависит, что с ним будет и куда ему двигаться. Нам решать, жить ему или нет. Мы пили молоко разных матерей, но мысли у нас как у кровных братьев. Мы бессмертны, а значит, желаем блага, поскольку более всех остальных знаем, что такое боль. Просто, каждый выбирает для себя – кому именно это благо должно достаться. Может быть, для нас обоих было бы лучше, если бы Елена была разрушена, а Марс – вернулся бы в свой каменный рабский век. Может быть, под тяжёлой рукой земного вертухая Красной планете жилось бы не так уж и плохо.

В отличие от наших слушателей, представлять эту картину тебе не обязательно. Достаточно будет, если ты вспомнишь, что видел в тот день. Солнце – уже давно не самая яркая звезда на горизонте, а Землю не видно даже с вершины Марсианского Олимпа. По пути к Елене: десятки разорённых мелких городов – я сам настоял на том, чтобы начать наступление не с захвата столицы, а с обрезания путей снабжения сил марсианского сопротивления – мне было интересно, как вы будете защищаться. Так же, ты видел машины – о, ты не мог их не видеть, ведь мы так старались, чтобы каждый мог на них посмотреть. Тем, кто пережил то вторжение, земная фабрика смерти ещё долго являлась в ночных кошмарах. Они были забиты до отказа телами марсианских боевиков,

на каждом шагу дающим нам сражения, не уступающим и пяди своей огромной планеты. Для Марса эти события выведены на памятных камнях; а для Земли – они по-прежнему остаются недоразумением и ошибкой.

Все марсианские корабли, пригодные для сражения в воздухе и космосе, мы уничтожили ещё в первый день вторжения. Тогда же – ваша судьба уже была предрешена, но вы не прекращали сражаться. Томаз Торкеда оказался хорошим воином, который хоть и проиграл все битвы со мной в марсианских городах, но делал это разумно и достойно. Но всё равно – сколько бы вы ни стреляли, для нас это было как слону укусы комаров. Мы могли тогда же, ещё из космоса, даже не высаживаясь на поверхность планеты, стереть с лица Марса все ваши города, обратив их в пепел; но я не позволил. Мои аргументы в зале советов были убедительными. Я объяснил, что уничтожив Марс подобным образом, мы бы вернули его в то состояние, в каком планета находилась ещё до колонизации. Каким трудом Земле далось освоение этой местности – страшно даже вспоминать. И сейчас, просто из-за кучки мятежников, нельзя терять то, что строилось столетиями, если у Терры ещё имеются хоть какие-нибудь планы по эксплуатации этой планеты в интересах нашего общества.

Геноцид марсиан, с последующим полным уничтожением населения, а так же разрушением городов – никому не был выгоден, даже кровожадной корпорации. Вместо этого, мы приняли решение сохранить марсианские жилища для тех,

кто приедет сюда на смену мятежникам и кто возьмёт в руки их работу. Для жителей Красной планеты, пожелавших сдаться на милость освободителям, будут восстановлены те условия, в которых они жили до мятежа. Марсианская корпорация – не мясорубка; зачем ей убивать всех без разбору – особенно тех, кто умеет признавать свои ошибки. Марс был бы снова заселён – на этот раз, куда лучше прежнего. Земля так и трещит по швам от переизбытка ртов и рабочей силы, когда они так необходимы здесь. Только представь – как выросла бы цивилизация на этой планете! Хотя, насколько я помню, вы хотели сделать то же самое, только без корпорации. Впрочем, не важно. В нашем плане победы, новые колонисты должны были отстроить разрушенное и восстановить производство – на этот раз, уже под более жёстким контролем, чтобы избежать повторного мятежа.

Возможно, у нас не хватит морских пехотинцев, чтобы в честной схватке сразить всех непокорных марсиан. Но мы ведь и не варвары; нам нет никакой нужды расправляться со всеми, к тому же с глазу на глаз. Нам известен древний, как сами войны, метод, который обеспечивает победу – это обезглавливание вожака. И тогда, вся стая разбежится и либо покорится сама, либо её легко будет придушить силой – а нашему брату больше и не надо.

В нашем случае, вожаком Марса являлся не ваш президент, Марк, вроде так его звали; если бы он был тем, на ком всё держалось, то в этой войне погибло бы в десяти раз мень-

ше людей, да и сама она закончилась бы быстрее и легче. О, нет. Он, может, и был героем революции, но час его славы и силы давно прошел; и смерть его ничего не изменит.

Настоящим героем войны, безусловно, и для граждан, и для солдат – был ты. Поэт по имени Артур в своей поэме «Олимп» сравнивал тебя со всеми античными героями, отважными и смелыми, не робеющими ни перед чем. Людей, имеющих такого вожака, просто так не победить. К тому же, нам обоим известно, что избавиться от тебя попросту невозможно. Ты можешь в одиночку выйти против тысячи моих лучших людей; и тогда у меня в армии будет на тысячу человек меньше. Нет, бесполезно. Ты даже представить себе не можешь, как на военном совете я пытался объяснить то, что пытаться избавиться от тебя – пустая трата сил и времени. Они, как стадо баранов, отказывались это понимать. Но в конечном итоге, были вынуждены согласиться, что уж лучше, чем от тебя избавляться – нужно взять Елену – сердце восстания. Не оставить от этого гнойника камня на камне. Руины самого большого и прекрасного из марсианских городов – будут памятником и живым напоминанием о вашей самоуверенности и глупости для тех, кто будет жить на этой планете под руководством корпорации в будущем.

Синь Ченг Ши и Елена – два первых и самых густонаселённых города на этой планете, расположившихся по обе стороны Большого каньона в долинах Маринера. В военном совете долго шло обсуждение уничтожения всего живого в

этой проклятой долине с космоса, с помощью бомбардировки. Не буду скромничать и скажу, что приложил титанические, сверхчеловеческие усилия для того, чтобы этого не произошло, в первую очередь, напомнив воякам-бизнесменам об убытках, которые последуют за подобным легкомысленным вандализмом. Ведь так называемый «Лабиринт Ночи» – в котором находятся долины Маринера, был и остаётся крупнейшей шахтой по добычи сырья, из которого производится чуть ли не половина всей земной продукции! Потеря подобного предприятия, а так же городов и селений в этой области – приведёт к космическим потерям и убыткам.

Сторонники «тотального уничтожения» привели аргумент, что вовсе необязательно уничтожать всё живое; можно выстрелить пару раз из «Большой пушки» по Елене, а Синь Ченг Ши и прочие населённые пункты оставить нетронутыми. Но я сразу сравнял с землёй подобные глупости – взрывная волна и осколки не оставят ничего живого в огромном радиусе. Нет никаких оснований пускать в расход Синь Ченг Ши, его граждан и предприятия, которые проявили большую лояльность к освободительным войскам, чем их соседи еленианцы.

Дебаты по этому вопросу длились дольше, чем планировалось, и намного дольше, чем позволял здравый смысл. Тем не менее, конечный результат меня искренне обрадовал, потому что я победил. Моё чувство гуманизма, иногда просыпающиеся в тиранах, ликовало. Мне удалось добиться то-

го, что даже Елена не будет разрушена до основания. Все, кто будет находиться на территории города во время входа войск, будут расстреляны на месте, дома разграблены, памятники и важные здания – уничтожены. Но, в целом, этот город когда-нибудь получит возможность возродиться из пепла. Когда-нибудь – в одну из новых волн колонизации, на этот раз, более покорной. После падения мятежной столицы, все те мелкие очаги сопротивления по всей планете погаснут сами собой – у них не останется надежды. А если кто и продолжит борьбу – избавиться от них будет вовсе не так сложно. Терранская власть вновь восторжествует на Марсе, а корпорация будет спасена от банкротства.

Для выполнения этой задачи, против защитников Елены будут брошены все силы освободительных войск. С высоты, с самой орбиты Марса, военный совет будет отдавать прямые приказы полевым командирам, имея перед собой полную панораму сражения. Чуть ниже орбитальной станции располагался небольшой флот, состоящий из трёх авианосцев, с тремя сотнями беспилотных бомбардировщиков и истребителей на каждом. Воздушные силы, разделённые на красную, синюю и жёлтую эскадрильи, будут обеспечивать огневую поддержку с воздуха пехоте на поверхности. С земли, с восточной и западной стороны, к городу приближаются две армии. Одной такой хватило бы, чтобы победить наверняка, но лучше перестараться, чем потерпеть неудачу из-за какой-нибудь случайности. Сотни танков, тысячи лучших бойцов и

вояк со всех концов Терры, прибывших на другую планету и получающих неслыханные деньги за свою славную работу. И этому элитному войску, наступающему с двух сторон на земле и с воздуха, противостоит кучка вооружённых граждан, которых ведёт за собой пусть и бессмертный, но бессильный генерал.

Всё идёт по плану. Эта битва – как раз из серии тех, победа в которых празднуют ещё до грохота первых выстрелов. Что мы и сделали. Шампанское, открытое в честь успешного выполнения операции – я выпил, но немного, объясняя это тем, что не могу радоваться, пока этот проклятый город не лежит в руинах и не устелен трупами мятежников. К такому заявлению невольно отнесёшься с уважением и пониманием. Зная о моей безукоризненной преданности корпорации, мне было поручено важное и ответственное задание – управление ходом битвы в центре стратегических операций. Не в одиночку, разумеется, но основная масса обязанностей лежала именно на мне. Говоря точнее, я получил доступ к двум самым важным орудиям освободительных войск: к «Большой пушке» и информации о перемещениях боевых групп. А информация – это и есть власть. И я с честью принял на себя все эти обязанности.

Человеческий мозг – по-прежнему остаётся совершеннее любого компьютера. По крайней мере, такова на данный момент самая прогрессивная идея из всех имеющихся на Терре. Ведь никто не отменял компонент творчества, не под-

дающийся ни одному компьютеру до конца. И моя творческая личность поклялась сделать всё от неё зависящие, чтобы остаться честной перед собой и корпорацией.

Вот оно, значит, было как. Хорошо. А вот я, тем временем, подготавливал Елену к осаде. Интересно, представляли ли себе герои-колонисты, основавший этот прекрасный город с красными колоннами и дворцами посреди пустыни, с какими трудностями предстоит столкнуться их потомкам в будущем и через что придётся пройти?! Возможно, это полностью наша вина. Если бы не наша горячая кровь, то Красная планета ещё не одно столетие оставалась бы собственностью Марсианской корпорации и никто из всех этих отважных людей не рисковал бы своей жизнью, почти наверняка обречённой. Кто ещё несёт ответственность за все эти страдания и кто как не мы должны понести наказание вместе с теми, кто эти несчастье нам принёс?! Но так же остаётся вопрос, который нам следует задать самим себе: а могли ли мы поступить иначе и не восстать?

Синь Ченг Ши не стал сопротивляться врагу – этот город не заслужил той участи, которая настигла бы его, окажи он бессмысленное сопротивление. Только Елена должна принять на себя этот удар. Верные революции граждане Синь Ченг Ши покинули город и перешли в Елену, после чего проход между двумя городами был закрыт.

Ни одно здание на Марсе не строилось, исходя из военных целей. Ни один город нельзя было назвать крепостью. Елена

была уязвима и её слабости сразу же бросались в глаза. Но если первые марсиане были недальновидными и нерасчётливыми, то мне пришлось исправлять их ошибки, выстраивая защитные укрепления вокруг Елены с нуля. Этот город, в отличие от всех остальных, строился не просто как пристанище для рабочих и шахтёров. Здесь находились дома господ – дворцы, которые корпорация строила для своих менеджеров, исполняющих свой долг перед ней на Красной планете. Если бы Елена стояла на Земле, то ежегодно привлекала бы к себе миллионы туристов и была бы настоящей жемчужной страны, которую бы украшала. Именно красоте и величю этого города поэты посвящали песни, а писатели придумывали разные казусы и убийства на его улицах; музыканты вдохновлялись ритмами его жизни, пышностью центра и контрастом окраин, а художники спешили запечатлеть его быстро меняющиеся пейзажи. В мирное время, Елена была оазисом посреди такой жестокой Марсианской пустыни; её местоположение ещё больше подчёркивало контраст – «Лабиринт Ночь» в котором стоял чуть ли не самый прекрасный из городов, который только строил человек.

Теперь, всё величие столицы, которое так трепетно и дерзко подчёркивали её архитекторы, одним махом свелось на нет, когда предстала необходимость защитить её жителей. Во время войны и правда лучше жить в холодном замке, чем в тёплом дворце. Линия обороны, возведённая второпях, не вызывала никаких чувств, кроме грустной насмешки. Они

были огромными, но в сущности, бесполезными. На какое-то время, они могли бы остановить танки, но это нам всё равно не поможет. Всё оставшееся у нас в запасе время мы потратили на возведение этих гигантов, в тайне своих мыслей понимая, что никого из нас этот труд не спасёт. Я шагал вдоль оборонительных сооружений и разговаривал с людьми, идущими на смерть; спрашивал, готовы ли они к бою. Мне хотелось узнать, что они чувствуют – но было как-то совсем неловко спрашивать. Я примерно представлял себе их внутренне состояние; но и понимал, что никогда не испытаю ничего подобного. Ощущение приближающейся смерти, близкого конца – для меня, к сожалению, это звучит нелепо.

Кого знаю – к тому обращаюсь по имени; а кого вижу впервые – спрашиваю о нём. А вот меня – узнают все. Слава обо мне действительно движется быстрее меня самого. Видимо, хорошая слава, потому что мне чаще улыбаются, когда я прохожу мимо, чем хмурятся.

Если присмотреться, то из окна обсерватории Елены можно увидеть Землю. Она меньше точки, оставленной самой тонкой иглой на листке бумаги. И всё же, её можно увидеть. Удивительно, как существа, обитающие на столь мелкой и безобидной пылинке, могут быть настолько кровожадными и беспощадными. Но мы остановим их. У нас нет другого выхода. Победить – это наш долг. Чаще всего, именно так солдаты отвечали мне. Но надежды у нас практически не оставалось.

О, как же я рад за вас, дорогие мои, что вы так отчаялись и что ничего у вас не осталось, кроме гордости за свою несуществующую страну. Конечно, это только ваше право, за что жить и за что умирать. Но наша обязанность – вернуть в колонии порядок – наш порядок. Корпорация тратит по сто миллионов зелёных в день, чтобы мы сжигали города и убивали всех, кто сопротивляется. И войска полны решимости сжечь хоть десять таких Елен, но выполнить заказ.

Когда операция началась, авангард войск освободителей выступил из занятого ими ранее Синь Ченг Ши и направился в сторону моста, где их уже поджидал отряд повстанцев. Конечно, они превратили бы этот прекрасный мост между двумя городами, который строился не на их деньги, в груды металлолома на дне каньона, если бы вовремя не подоспело подкрепление с воздуха. Несмотря на пару незначительных мелочей, всё проходит как нельзя лучше, хоть и сюрпризы в подобных случаях никогда не заставляют себя долго ждать.

В Елене объявили, что первая линия обороны разрушена. Враг наступает с двух сторон и вот-вот возьмёт нас в котёл. Неизвестно, как долго мы сможем продержаться.

Не беспокойся, дорогуша, это продлится не дольше пятидесяти минут. Ты бы лучше думал, на что потратишь это время. Может, ты и переживёшь эту битву; но вот большая часть твоих людей – уж вряд ли. Да это и битвой назвать будет сложно. Когда армия наёмников с Терры подойдёт достаточно близко, все дальнейшие события будут больше напо-

минать бойню. Хотя, вот и он, сюрприз, о котором я говорил, показывается на экранах. Действуй, как знаешь, дорогуша, а я пока приступлю за выполнение своей части плана.

Томаз стоит в авангарде наших войск и готов тепло встречать врагов. Возможно, в какой-то момент, я ошибался в нём. По крайней мере, за то время, что все достижения революции висели на волоске, ему представился шанс доказать свою верность. И он проявил себя во многих битвах; и сейчас, солдаты готовы стоять до последнего, ведь их командир останется с ними до конца. Если люди, которых он годами выслеживал и забивал ими тюрьмы, смогли довериться ему и простить – то и я обязан сделать это. Он оставался верным Марсу, когда сражался против революции; он остался ему верен, когда планете грозила неминуемая гибель. Бывшие враги и друзья – все мы марсиане и сражаемся за одну цель, за одну идею – за независимый Марс.

– Да, на какое-то время мы сумеем их задержать, господин министр, – сказал Томас, – может, выиграем для Елены ещё один день. Но победить мы не сумеем. Вы не подумайте – такое я могу сказать только вам. Я ни за что не допущу паники в своих рядах. Но и не стану утаивать очевидную правду. В былые времена, когда победа казалась невозможной, лидеры признавали своё поражение и складывали оружие. Но ведь нас это не спасёт, верно?

– Да. Тоже самое произошло с тобой, ведь так? Когда полицейские отряды были застигнуты врасплох – ты спрятал-

ся, а когда настал подходящий момент, случился.

– Я знал, что моя жизнь ещё пригодится Марсу. Теперь, только скажите, и я умру за свою родину и за свой город. Люди по ту сторону баррикад – никогда не принесут счастья на это планете; а вот революция, какой бы тяжёлой она ни была, это сделать сможет. Я сделаю всё, чтобы не дать им войти в город – так же, как и все здесь.

– В одном ты точно прав – за Марс лучше жить, чем умереть; но никому из нас земляне жить не дадут. Поэтому, ничего другого нам не остаётся.

– И я сделаю это, чёрт меня подери, как и каждый здесь. Но какой в этом смысл, господин министр, если у нас нет никакого плана?

– А вот и твой план – выиграй столько времени, сколько сможешь, даже если лишняя секунда будет стоить тебе жизни. Я не могу рассказать тебе всё; но ты сам это увидишь, если исполнишь мой приказ. Тебе всё понятно?

– Да, так точно.

– Тогда, исполняй, Томаз. Знай, что я впервые доверяю тебе. Не подведи родину, которую поклялся защитить.

После этих слов, будто сами небеса обрушились нам на головы. Дворцы, возведённые первыми марсианами, рушились на глазах. С двух сторон по нам ударили лучшие войска землян и наша линия обороны с каждой секундой всё больше напоминала братскую могилу. Тем, кто чудом уцелел, оставалось вести огонь из укрытий, а между выстрелами сильнее

прижаться спиной в стену или лицом в грязь, вознося молитвы. Вот только кому? Не тем ли, кто бросил нас в этом чёртовом котле?! Но если то, о чём мы говорили с этим чудовищем на Земле, было правдой, то всё, что нам нужно, это всего лишь выиграть время. Древние греки просили у Марса смелости и решимости в бою; они просили оставить им мужество перед лицом смерти и сохранить воинскую честь. Пускай бог войны поможет нам в этой битве; пускай он подарит нам мужество. Если не он – то и никто.

Первая волна ударов прошла. Войска землян всё ближе и ближе. Я вышел из-за своего укрытия и приказал передать моё послание всем, кто держит оборону – на все участки фронта, чтобы не осталось ушей, не услышавших моих слов.

– Братья и сёстры! Подымите головы вверх. Это наше с вами наследие, которое терраны тшятся сровнять с землёй. Я знаю, что среди вас полно тех, кто сеет панику среди товарищей и греет её в самом себе – полно тех, кто не верит в нашу победу. Враг и правда превосходит нас числом и одного только взгляда на них хватит, чтобы оценить наши шансы. Но послушайте меня: всех, кого вы увидите по ту сторону ружья, объединяет одно – нажива. Они прилетели сюда, чтобы грабить и убивать за деньги. Они не знают, что значит жить и работать на этой бесплодной земле; им не известны чувства марсиан, родившихся, рожающих и умирающих на ней. Всё, что они умеют – это убивать. Они сражаются только ради этого. Но мы – сражаемся за свободу. Им неизвест-

на честь, они не знают доблести. Они сражаются ради того, что никогда не будет им принадлежать. Мы же встретим их сегодня ради своего будущего, за своё наследие. Встречайте врага отважно. Бейтесь с ним на земле, в воздухе, в зданиях, под землёй; не уступайте и метра земли, спасите ваш город. Всю жизнь, мы были их рабами. Теперь, мы сами решаем, кем нам быть. Не дайте им снова сделать выбора за вас. Сражайтесь, как свободные, сражайтесь за неё. И пусть завтрашний день Марс встретит с победой в руках.

Твою речь передали на наши мониторы. Честно, я чуть не расплакался. Как хорошо, что мы ловим всю информацию, передающуюся на поверхности. Столько героической пропаганды, сколько может быть, когда ситуация действительно отчаянная. Видел бы ты мою искреннюю улыбку в конце твоей речи. Впрочем, что значит моя жалкая гримаса, когда столько людей после твоих слов умерли с мыслью, что погибли не зря. Это значит, что слова твои брошены были не впустую. Они всё-таки дошли до сердец этих безумцев, которые встали между городом и нашими пулями. Но какими бы красивыми не были твои речи – грубую силу им не преодолеть. У вас мало людей, плохие позиции, не достаточно снарядов. Если у вас не хватит сил, то что с речью, что без речи – всё приведёт только к вашей смерти. Даже трудно себе представить, как вам несказанно повезло, что у таких дураков как вы есть такой друг как я, который в ответственный момент не забудет о вас и придёт на помощь твоему нена-

глядному Марсу.

Вокруг меня одни лишь мёртвые тела, ещё не остывшие и не забывшие жар сражения – хоть и без посторонней помощи заранее обреченного на поражение. Интересно, там, на Марсе, ты справляешь примерно так же? Впрочем, о чём это я думаю.

Подкупленные мною боевики быстро нашли управу на упрямых командиров авианосцев. Такое предательство дорого стоит – надеюсь, Марс действительно разбогатеет и вернёт мне долг. Все три эскадрильи беспилотников перешли под моё руководство, когда я силой выбил у командиров доступ к их панели управления. Но мне пока не до беспилотников. Я стою рядом с пультом управления «Большой пушкой», которая уже успела выстрелить пару раз по поверхности Марса, доказав свою высокую эффективность. В отчёте записано, что стреляли из неё по безлюдной, пустынно местности. На деле, я лично присутствовал на собрании, когда было принято решение испытать наше сверхоружие на неприступных крепостях, в прошлом служивших тюрьмами для колонистов-преступников. Она проявила себя на славу – от наших целей остался один лишь глубокий кратер. Так же, терраны не брезговали ей, когда разговор шел об особо непокорных городах. Это – настоящее военное преступление, виновники которого должны предстать перед судом; но, разумеется, никогда там не окажутся. А всё потому, что я доберусь до них первым. Теперь, настало время проверить,

так ли хорошо она бьёт и по космосу.

Я принял на себя всю ответственность роли злодея, пока ты мог наслаждаться всеми благами защитника униженных и оскорблённых. Но я вовсе не жалуясь. А всё потому, что моя роль в этой игре была куда важнее, чем даже твоя. Ведь твоя пламенная речь и героическое защита Елены всё равно мало кого спасла. А вот я, можно сказать, спас всю планету. Ведь именно я направил эту смертоносную пушку в сторону орбитальной станции со всем военным советом на нём. Наконец, я могу избавиться от всех этих снобистских уродов. Одного выстрела должно хватить, чтобы превратить сердце и мозг освободительных войск в груды космического мусора – вместе со всеми, кто находится на корабле.

Все три эскадрильи беспилотников получили приказ атаковать наземные позиции терранов. Этот процесс был обратим главной панелью управления, находившейся на орбитальной станции, которой я как раз в данный момент угрожаю своей пушкой. Беспилотники вскоре должны были выйти из строя, превратившись в груды металлолома ценной в золотые горы; но к тому времени, они исполнят большую часть своей задачи и перевернут ход битвы. Радуйтесь, марсиане – лучший из бессмертных выиграл эту войну за вас. Ну ладно, двое бессмертных, не такой уж я и жадный.

После нескольких минут бурных переговоров, орбитальная станция сдалась. Как ни странно, огромная космическая пушка – всегда служила для смертных весомым аргументом.

Орбитальная станция Марсианской корпорации с десятитысячным экипажем на борту была настоящим городом в космосе. Ей пришлось сдать команду из тридцати подкупленных мною человек; не без помощи нашей пушки. Маленького отряда, как известно, вполне достаточно, чтобы выиграть войну. Эти предатели войдут в историю, как герои и защитники Марса. Как ни странно, они были голубыми, хоть и втайне сочувствовали Красной планете. Кажется, в начале их было немного больше тридцати. Видимо, число их уменьшилось во время битвы с охраной. Защитники пушки могли оказаться серьёзной проблемой, но я и не с такими трудностями, как пара дырок в груди, удачно справлялся.

Во время бурных переговоров с военным советом множество раз прозвучало слово «предатель». Не впервые в истории одно удачное предательство переворачивало ход войны с ног на голову. Я предал Марсианскую корпорацию уж конечно не ради каких-то жалких денег. Скорее, меня вело за собой некое подобие веры в будущее. Приятное чувство – осознавать, что спас целую планету от порабощения. Отныне, она свободна. И если кто-нибудь попробует снова прийти сюда – их встретит Марсианская орбитальная станция, которую мы удачно позаимствовали у корпорации, и «Большая пушка». Простит ли меня когда-нибудь моя Земля за это предательство – ведь я подписал ей приговор. Марс, несомненно, превзойдёт свою соперницу Терру – когда-нибудь, рано или поздно. Но, кажется, в этом трудном вопросе главную

роль играет не то, кого ты предаёшь, а то, чему остаёшься верен до конца. Но это – всего лишь мнение того, кто прожил несколько тысяч лет. Готов признать, что могу и ошибаться.

Остатки освободительных войск, после небольшого сопротивления, сдались в плен. Они лишились всего и сражаться им было больше незачем. Десятки тысяч пленных с орбитальной станции и из выживших солдат. Если бы они продолжили борьбу, то эта война могла продлиться ещё несколько месяцев, а может и лет. Но кто из них захочет теперь умирать на чужой планете?! Всё, чего они хотели, это вернуться домой.

С нашими пленниками Марк решил поступить благороднее, чем они поступали с нами. Все солдаты, прибывшие на Красную планету, вернуться на Землю в грузовых кораблях. Пусть каждый на Terre знает, что Марс не просто небеззащитный, но ещё и милосердный. Разумеется, если только кто-нибудь из них не пожелает остаться и назвать Марс своим новым домом. Вместе с помилованными пленными в земные страны будут отправлены новые послы. Они будут нести весть о славной победе и о том, что каждый может присоединиться к написанию великой марсианской истории. У нас появятся новые союзники. Миллионы людей устремятся к нам и построят новые города.

За свои действия, я получил медаль «Герой Марса»; монстр, без которого мы бы не справились, получил их целых две – «Герой Марса» и «Герой Земли» за верную службу

красному движению на Терре. Она затерялась где-то в гряде вещей – кто знает, может, я её уже и выбросил. С годами я становлюсь таким рассеянным.

Наш великий главарь так и сказал мне, что теперь полностью уверен в моей верности и преданности Марсу. Он заявил, что хочет видеть во мне приемника, но я отказался. После Марка, пусть народ Марса сам выбирает себе нового лидера из числа достойнейших. А я же решил отправиться обратно на Терру, пообещав вернуться на Марс лишь в том случае, если ему снова будет угрожать опасность.

Мы с этим чудовищем решили провести оставшуюся жизнь в старом мире – на старушке Терре. Марк – единственный, кто сможет вытащить страну из ямы и руины, в которую привела её война. Марсу нужен лидер, который не просто примерит его со всеми странами на Терре, но и приведёт молодое государство к величию, которое оно заслуживает. Ему предстоит превзойти все народы, когда-либо населявшие Землю.

Как сказали двое бессмертных, Марс – будет вершить свою судьбу среди звёзд. Жаль, что в наши планы не входило жить достаточно долго, чтобы увидеть рассвет первой космической цивилизации. В далёком будущем, Марс – станет последней надеждой человечества и его воротами в новые миры. Но всё это произойдёт намного позже и уже без нас. Наш путь лежит к Земле – нашему настоящему дому, хоть и грязному от алчности и лицемерия населяющих его людей,

единственному месту, где нам хотелось бы закончить свой путь и свою историю.

Солнцестояние Третье

Наша цель – пройти свой путь ошибок до конца; только тогда мы поймём, кем должны были быть и куда должны были идти с самого начала. Так, в конечном итоге, будет правильно. Но даже это грозит оказаться ошибкой.

Ну, ты наверняка к тому времени уже догадался, что в одежду Ганса, а так же в его лицо и воспоминания, был облачён твой верный слуга. Моей целью было помочь тебе воплотить в жизнь план, что давно уже зрел в твоих мыслях. А самое главное, за что я заслуживаю признания – я ни секунды не лгал тебе. Я действительно практически десять лет провёл и служил рядом с теми, кого в большей степени следовало опасаться. Чтобы этим людям ни стало известно о нашем проклятии и они не захотели бы использовать его в своих корыстных целях – приходилось бросаться в самое пекло всех самых ужасающих человеческое воображение событий. Для тебя это была русская компания и битва на Волге, а для меня – служба фабрики смерти. Нами обоими в то время завладел ужаса и мы стали его заложниками. Но наш срок подходил к концу и пришло время освободиться. Мы могли бы предотвратить катастрофу, но вместо этого узниками кошмара, в страхе не высовывая носа; и сами стали частью охватившего весь мир кошмара.

Возможно, по большей части, это произошло оттого, что

прожив столько веков и встретив гибель стольких цивилизаций – мы всё равно не разучились быть людьми. О, потерять человеческий облик и стать настоящими героями для таких как мы – было бы слишком большим счастьем. Мы заразились общей временной шизофренией и слабоумием – стали жертвами обстоятельств и времени. По какой ещё причине сотни, тысячи, десятки тысяч пленников не могли голыми руками свернуть шеи паре десятков охранников, пусть и вооружённых до зубов?! Мы смирились с тем, что это наша судьба – просто наблюдать, вытирать со щеки плевки и ни в чём не принимать участия. И только теперь, в самом конце, когда всё, казалось бы, уже предрешено, мы начинаем бороться. Как всегда, слишком поздно.

А возможно и нет, не поздно.

Нет, определённо не слишком поздно.

– Как думаешь, сколько времени у нас осталось до того, как сэмы с англичанами придут сюда за своими ребятами? – это были первые слова, которые ты услышал, начиная приходить в себя, а точнее, воскреснув после «вечного сна».

– Проклятие, – ответил ты.

О, мне нравится твой фирменный стиль начинать новую жизнь.

– Кто ты?! – закричал ты, – я убью тебя, Ганс, ты совершил большую ошибку.

И только затем начал осознавать, где находишься и что происходит вокруг.

– Успокойся. Я беру назад свои слова о том, что ты не один из наших. Сам я не имел права так говорить, потому что сам был одним из «этих» лишь волей случая. Но ты – самый настоящий немец, возможно, один из последних. Ты только пришел в сознание, а уже бросаешься угрозами и тянешься к пистолету.

– Сколько времени прошло? Что стало с пленными солдатами? Как далеко от нас авангард сэмов?

– Не всё сразу – сколько-нибудь времени у нас ещё есть в запасе. Тебя ведь так легко не сломать. Приди ты уже в чувство. Живы все твои военнопленные – конечно, только благодаря тебе. Рудольф всё ещё лежит без сознания, оглушенный твоим красивым ударом, который стоил тебе жизни. Прошло не больше получаса – теряешь хватку. Бывало и такое, что ты уже через пять минут после смерти мог заново встать в строй. Насчёт сэмов тоже пока рано волноваться – они ещё не успели дать знать о себе.

– Полчаса... Ты ведь всё знал с самого начала.

– Не приписывай мне звание всевидящего. Конечно же, я не мог предсказать того, что ты появишься в самый подходящий момент и предотвратишь казнь – самую последнюю и бессмысленную за всю войну. Хотя, если честно, то я надеялся на это. Ты бы так просто не позволил Рудольфу вершить самосуд – что-то внутри тебя этого ему никогда не позволит.

– Нет. Ты ведь знал, что сколько бы раз Рудольф не выстрелил – покончить со мной ему не удастся.

– Ну, догадаться об этом было не так уж и трудно. Не ищи в этом больше смысла, чем есть в этом на самом деле. Конечно, раз целый Сталинград не смог прикончить тебя, то какие шансы тут имеет бедный угробище Рудольф?!

– Не заговаривай мне уши, Ганс! Ты тоже не тот, за кого всё время себя выдавал. Ты теряешь моё время – всё наше время своими детскими играми. Нет, я всё же тебя прикончу. Ты – намного хуже, чем я. И я никак не могу понять: на чьей, всё-таки, ты стороне?

На этот вопрос я решил ответить многозначительным молчанием.

А вот, что помню я о том дне: Ганс оказался слишком уверенным себе и не обезоружил меня прежде, чем я выйду из пустоты обратно в этот проклятый мир. Значит, он не просто знал о моей неуязвимости, а и был уверен в своей. Я мог достать пистолет сейчас и даже не вспомнить о том, что он помог мне так вовремя умереть подальше от чужих глаз.

Эту историю мы рассказывали одновременно, попутно перебивая друг друга. Но будто бы в тот миг, помимо нас обоих, словно голос в голове сумасшедшего, был ещё некто третий. Может быть, мои чувства просто со временем стали изменять мне – такое уже бывало раньше. А может быть, я чуть не совершил ужасную ошибку и чуть не потерял своего единственного друга и союзника – Ганса – единственного, кто понимал меня и мог помочь. Примерно это говорил третий голос. В предстоящей борьбе мне могла понадобиться любая

помощь.

– Ганс, – сказал я, чуть погодя, – ни одна пуля не способна поразить меня. А время течёт для меня уже больше двух с половиной тысяч лет, будто в огромных песочных часах, которые сами переворачиваются каждый раз, когда падает последняя песчинка.

Он рассмеялся.

– Смерть забыла о тебе, мой друг. Но это не значит, что ты всемогущ. Нам обоим следует опасаться людей вокруг нас; и только обманом мы сможем победить.

– Даже обманывать не придётся. Моей целью, и ты знаешь это, с самого начала было убедить гарнизон сдаться и спасти жизни всем.

– А ты всё ещё не можешь избавиться от своих фантазий?!

– Другого выхода у нас нет. Хотя в эту минуту сэмы могут начать наступление и если хоть один желторотый солдат выстрелит в ответ... Мы не сможем выиграть ни битву, ни войну. Сам понимаешь, что ничего больше не остаётся.

– И как ты собираешься донести эту мысль до людей, которые до сих пор думают не своими головами, а настенными плакатами?

На этот вопрос не нужно было искать ответ. Единственное, что мы знали наверняка, было тем, что нам нельзя оставаться здесь до скончания века и продолжать без толку болтать. Когда Рудольф придёт в сознание и попытается вернуть себе власть – его будет ждать сюрприз. Ведь он наверняка

думает, что я уже мёртв.

Это было действительно не то время, которое можно провести в стороне, отсиживаясь в домашнем уюте или в пивном дворике среди шумной толпы, пуская в небо папиросный дым. Артиллерийские залпы обрушились на нас с новой силой – прямо нам на головы.

Сколько раз уже мне приходилось слушать эти звуки. И сколько детей с пистолетами наперевес выросло здесь, слушая на ночь колыбельные из пулемётных очередей, вдыхая со всеми запах войны. Мне уже некуда возвращаться; негде спрятаться. Потому что и мой дом, и пивная Ганса, и ещё несколько десятков зданий – поднялись в воздух вместе со всеми, кому так не повезло оказаться внутри, оставив в этом мире тех, кому повезло ещё меньше.

Рудольф, пришедший в сознание, будто почувствовал себя снова в Варшаве, в её последние дни под чёрными крестами. Огонь со всех сторон снова обрушился на него. Он должен был встретить его с мужеством, но сам трепетал от страха, подобно всем остальным. Как только я увидел его, вся моя ненависть и презрения к нему исчезли. Его напуганное лицо было мрачнее могилы. Мне стало его искренне жаль. Он боится смерти, которая неизбежно придёт за ним с той стороны фронта. Он мог быть воплощением всего гнева и злобы этого мира; но впитав их в себя, они растворились в нём без остатка. На смену им пришла слепая жестокость – всё ради того, чтобы не утонуть самому. Такое случалось не

раз за все эти долгие годы; и как всегда, здесь был только один верный план действий.

– Они ведь не пощадят нас, да? – пробормотал Рудольф, будто от удара ему вышибло память о том, что он убил меня, – или пощадят? Нет, ни за что. Ты ведь слышал: сэмы не знают пощады. Они будут мучить нас, затем судить, а после – казнят. Но живым я им не дамся!

Я слишком поздно обратил внимание на то, что в дрожащей руке он держит вновь заряженный пистолет. Не трудно было догадаться, против кого он обратит его на это раз.

Старый инстинкт на этот раз меня не подвёл. Выстрел пришелся Рудольфу не в висок, а в сторону, в которой, по счастью, никого не оказалось. Он попытался вырваться и хоть сил у него в тот момент было больше, чем у меня, повторить попытку самого надёжного побега на свете он решился. Я сжимал его запястье и он выронил пистолет, впервые у меня на глазах заливаясь слезами.

– Отпусти меня, – прошипел он, пряча глаза вниз, за лбом, – за что ты так меня ненавидишь? Как ты вообще оказался здесь – я же убил тебя?! Я сошел с ума.

Я снова ударил его, но на этот раз не затем, чтобы обезвредить, а потому что это был единственный язык, который он понимал.

– Счёты с жизнью сведёшь как-нибудь потом, – сказал я, – сейчас, у нас двоих, как офицеров немецкой армии, есть задача поважнее. Союзники ещё не вошли в город, только по-

тому, что они не хотят навредить пленным. Но я бы не рассчитывал, что это задержит их недолго. Если бы я дал тебе покончить с ними – то считай, что мы все были бы уже мертвы. Ты сам сказал, что Германия капитулировала; больше нет войны, в Европе настал мир. Все уже устали от неё и не хотят умирать в пустых сражениях. Это даст нам шанс сдаться.

– Ты и вправду думаешь, что они просто так дадут нам сдаться в плен?! – кажется, сквозь страх и безумие, в его тоне послышалась насмешка.

– Конечно, они будут судить нас по своему закону. Но это лучше, чем впустую умирать здесь.

– Ты уже мёртв, – сказал он, будто на миг очнулся от глубокого сна, – я ведь убил тебя, а теперь ты говоришь со мной. Отпусти меня, дьявол. Я не хочу страдать!

Я снова ударил его.

– Где твоё мужество, офицер?! Ты не убил меня, а ранил. Притом не сильно, раз я ещё могу ходить. И сейчас – точно не время выяснять отношения. Мы должны собрать всех людей, провести переговоры и сдаться.

– Солдаты не станут слушать нас. Они в панике. Они уже знают, что сэмы не берут пленных. Они скорее перестреляют друг друга, чем подчинятся приказу офицеров несуществующей армии.

– Мы соберём их и усмирим.

– Как?! У них теперь новые командиры из числа бывших

рядовых. Если нас не расстреляют сэмы – то они уж точно.

Я вновь замахнулся, но он остановил мой удар, схватив меня за запястье.

– Не смей больше бить меня. В былые времена, я бы оторвал тебе руку. Но я сам понимаю, в насколько тяжёлой ситуации мы очутились. И вместо того, чтобы вытирать мне сопли, лучше бы занялся делом. Я уже сталкивался с бунтами и знаю, что нужно делать.

– Мы больше не в Варшаве. И времени у нас нет. Только вместе мы сможем справиться и с солдатами, и с сэмами. Ты понимаешь это, Рудольф?

– Намного лучше, чем ты.

Он удивил меня: вместо вполне ожидаемой бури из угроз и оскорблений, которые должны были последовать, он ответил вполне спокойно и даже кивнул, как усталый мастер выпутываться из сложных ситуаций.

– Ты прав в одном – мы должны созвать людей, хотят они того или нет, – он вдохнул побольше воздуха, – и признать своё поражение, чтобы иметь хоть какой-нибудь шанс...

Теперь, настала моя очередь удивить себя. Я не думал, что это произойдёт, но мне пришлось согласиться со словами Рудольфа и сделать так, как мы с ним задумали.

– Осталось совсем мало времени. Приступаем сейчас же.

Тем временем, взобравшись на крышу какого-нибудь не разрушенного здания, можно было разглядеть вдали ряды танков и тянувшихся за ним, прячущихся за их бронёй, сол-

дат. Они медлили и всё никак не могли решиться. Никто не хочет этой битвы. Остаётся лишь верить, что у нас ещё есть немного времени; надеяться, что кто-нибудь не совершит ужасную ошибку, которая погубит всех нас.

Каким образом наш любимый герой и его новый лучший друг при поддержке Рудольфа доставали своих разбежавшихся солдат из укрытий, руин и бомбоубежищ – отдельная история, полная сильных чувств, грубых слов и незабываемых эмоций. Хорошо, что бессмертие, помимо вечности, дарует так же и полное равнодушие к разного рода опасностям; а так же презрение к любому виду времени. Несколько минут я простоял у развалин своего пивного двора, которому посвятил лучшие свои месяцы за последние годы и который успел на короткое время стать мне вместо дома. Но я завидовал участи своего детища. Так трудно из века в век повсюду видеть смерть и не иметь ни малейшей возможности её попробовать. Так, постепенно, я становился мертвее, чем само мёртвое; стал ещё большей руиной, чем мой пивной дворик.

Только другой бессмертный может понять мои чувства и помочь мне. Как и я – только я один могу помочь своему единственному вечному спутнику во времени навсегда избавиться от этого пути. Но и тут не всё так просто. Всё познаётся через сравнение, но даже во всей паутине человеческой жизни мне трудно сыскать подходящий пример, чтобы это описать. Но я постараюсь.

Наше с ним общее бессмертие можно представить в ви-

де сообщающихся сосудов, наполненных водой, а ещё лучше, спиртом. Всё в них уравновешено; и если из одной ёмкости исчезает содержимое, то потери возмещаются из другой, сохраняя баланс. Разница здесь в том, что сосуды эти – бездонны и жидкость из них, хоть сколько её не проливай, не кончится никогда просто так. Если жизнь простого человека похожа на колбочку с парой капель на доннышке, то у нас на двоих – двадцать тысяч океанов воды плюс вся бесконечность в запасе. И чтобы разбить такие сосуды – придётся приложить больше сил, чем просто много.

Постараюсь объяснить по-другому: представь себе алмаз – такой большой, что сведёт с ума даже самого уравновешенного ювелира. Сколько ни пытайся разбить его – останешься с носом. И только знающие секрет алмазов поймут, что нужно сделать. Алмаз разбить можно другим алмазом. Сам я никогда не пытался, а только слышал, что есть такой способ. Разбить алмаз бессмертия другим таким алмазом, проделать дырочки в сосудах, чтобы осушить их полностью – это наша цель.

Но и здесь всё не так просто.

Мы могли бы встать друг напротив друга, взять по пистолету и выстрелить одновременно. А затем очнуться и тереть себе лбы, размышляя над тем, в чём же была ошибка в моём сравни. Вот тут мы и приходим к тому отличию, разделяющему нашу ситуацию с примером про алмазы, которое я искал столетиями и, наконец, нашел. Грубая сила здесь беспо-

лезна.

Когда я обнаружил это, я стал искать другой путь, пока мой друг страдал от своих множественных любовей, путешествий вокруг света и участием во всех без разбору войнах, потрясающих мир. Решение было неожиданным, необычным и для постороннего человека – крайне странным и нелогичным. Хотя, впрочем, само наше существование является исключением из всех известных мне логических умозаключений.

Для нашей смерти, а если быть точнее, для нашего исчезновения, нам необходимо выплатить все долги, если мы кому-то успели задолжать; исполнить все взятые на себя обязательства перед другими людьми и перед самими собой. В каком-то смысле, мы напоминаем привидения, которые застряли в этом мире из-за невыполненных при жизни целей. Мы должны полностью искупить себя, выпить своё существование до дна – и сделать это одновременно. Такова моя теория. А другой у нас попросту нет. Но и не нужно, потому что я уверен в том, что она должна сработать.

Мы должны стать – это состояние, если его и удаётся достичь, длиться совсем недолго. Мир сам найдёт для тебя хлопоты и заботы, если их не остаётся. Поэтому, должно пройти много времени, прежде чем мы оба сможем покинуть этот мир, а там – как получится, разойтись каждый своей дорогой. Таков мой план. Я пожил достаточно и переделал столько дел, сколько и тысяче было бы не под силу. Я готов за-

нять себя ничего неделанием; но если ты считаешь, что не можешь себе этого позволить и будешь продолжать брать на себя обязанность за обязанностью – пускай. Я могу ждать хоть до того момента, как человечество покорит Марс – мне всё равно, сколько времени пройдёт. И я дождусь, даже если ты возьмёшь на себя дел ещё на десять тысяч лет жизни. Я буду помогать тебе время от времени, чтобы ты поскорее справился. Но позволь дать тебе совет: не сильно заморачивайся чужими проблемами.

Людей мы с Рудольфом собрали не без труда. Многие из них забыли, когда в последний раз ели досыта или принимали ванну. В подобных условиях рождение банд и группировок – обычное дело. Дети подчиняются старшим; слабые слушают силу. И сейчас, мы должны были стать этой силой, чтобы вернуть себе власть и над контроль над ситуацией.

Насколько ребят из команды стрелков, ставшие свидетелями моей смерти, пришло в ужас, увидев меня вместе с Рудольфом. Они вконец перестали понимать, что происходит. Но кроме них, никто больше не видел меня мёртвым – за это нужно благодарить Ганса. Теперь, нужно действовать решительно; иначе вся эта толпа в несколько сотен человек пойдёт против нас.

– Храбрые защитники родины, – начал я, – эти шесть лет войны – были настоящим адом для нашей страны. Но теперь, она, наконец, закончилась. Канцлер мёртв, а в Берлине был подписан акт капитуляции. Я знаю, практически никто

из присутствующих здесь не сражался на поле боя с первых дней войны. Но теперь все, кто были нашими союзниками с самого начала – развернули свои пушки против нас. Наша борьба, наша идея – не нужны этому миру. Эта война была проиграна ещё год назад, но мы продолжали защищать свою землю и свои города от захватчиков – точно так, как они защищали свои дома и свои города от наших отважных солдат, да простят их души на небесах, ибо не ведали, что творили. Мы – последний гарнизон, не сдавшийся врагу. Если бы родина призвала нас – мы бы и дальше защищали свои поля и леса, доставшиеся нам от предков. Но той страны, которую мы защищали – больше нет. И сражаться нам больше не за что. И тем не менее, мы с Рудольфом – остаёмся вашими офицерами. С минуты на минуту войска сэмов войдут сюда. И мы оба приказываем вам сложить оружие и сдаться. Мы все – каждый из нас – должны остановить это безумие.

– Это из-за вас мы все должны погибнуть! – выкрикнул кто-то из толпы, – а теперь, вы предлагаете нам всем умереть трусами, не сделав ни единого выстрела! Всем известно, что сэмы – пленных не берут. Сколько солдат они уже расстреляли – а ведь те подняли руки вверх и бросили свои винтовки?! Сколько ещё наших жен и дочерей они будут ублажать своими грязными руками?! Они не считают нас за людей – мы их тоже. С чего нам сдаваться, а им принимать нашу капитуляцию?! И это ваша вина. За это, я бы приказал расстрелять вас обоих на месте.

– Так достань свой пистолет и исполни свой приказ. Тебе выдали его, чтобы ты защищал родину и слушал командиров. Так выстрели из него в своего офицера! Это приказ.

Голос умолк. Я так и не разглядел лица говорившего, скрывавшегося за чьими-то спинами. Только взгляды сотен пар напуганных до безумия глаз были мне ответом.

– Я прошел эту войну от начала до самого конца, – внезапно подал голос Рудольф, – был везде, где я был нужен своей стране. Я всегда выполнял приказы и сам отдавал их, готовый принять на себя всю ответственность за их исполнение. Я жил ради своего отечества и защищал родину, когда время пришло. И все, кто был рядом со мной, готовы были умереть за неё. Почти все так и сделали. Но ваш обербан-фюрер прав. Больше нет страны, за которую мы сражались и за которую мы могли бы умереть. Приказы отдавать больше некому. Никто из нас больше не имеет права командовать. Теперь, я могу только поступать по совести. И я прошу вас; если сэмы возьмут вас в плен – большей части из вас ничего не грозит. Вы пройдёте через ад, но вернётесь домой, в новую страну. Сможете забыть, кем вы были и получите шанс построить свою жизнь заново.

Его голос запнулся. Он не верил, что это происходит с ним. Всё то, за что он сражался, рухнуло – и он сам только что признал это.

– Вы ни в чём не виноваты. А вот меня будут судить за каждый отданный мною приказ. Я не могу убежать – куда бы

я ни подался, меня найдут. Когда я понял это, я хотел погибнуть сражаясь. Но обербанфюрер открыл мне глаза. Только остановив эту борьбу, мы сможем получить маленький, пускай ничтожный, но шанс на прощение и искупление. Пусть даже после нашей смерти.

– Сэмы уже приближаются, – напомнил я, – возможно, они вот-вот готовятся войти в город и ещё не знаю, что их здесь ждёт. Я прошу каждого из вас, когда вы их встретите, бросить своё оружие и поднять руки. Война закончилась. Живите в мирной стране. Когда-нибудь, мы вернём себе всё, что потеряли, но не на поле боя, а честном труде и борьбе за справедливость. Я больше не обербанфюрер, не офицер, никто. Всего лишь солдат несуществующей страны, готовый сполна заплатить за свои ошибки.

И я бросил свою фуражку и пистолет на землю.

– Я сдамся первым. И первыми, кому я сдамся – будете вы и ваша собственная совесть, солдаты.

– Не с места! Всем поднять руки! Будем стрелять! – голос сэмов, пускай издалека, но мог услышать теперь каждый.

– Но, – тихо сказал солдат, стоящий ближе всего ко мне, – кем мы будем, если сделаем это?! Трусами? Предателями?

Я искренне улыбнулся и ответил так, чтобы услышал только он один – ведь только у него хватило смелости задать этот вопрос:

– Свободными.

Бойня №3

Подымитесь, дети отечества, день славы настал. Против нас вышли тираны, кровавое знамя уже поднято вверх...

Продолжим тем, что смысл жизни сам находит нас, а остальное – только ложь и усталость. Мы пришли на этот свет, чтобы стать свободными. Эта разновидность истины постигается в самую длинную и шумную из ночей. И если мне удастся сохранить её до утра – значит, я победил. И больше ничто не сможем меня беспокоить.

...К оружию, граждане, вставайте в батальоны. Их проклятая оросит наши поля.

«После победы, мы должны карать бунтовщиков», – таким был девиз кровавой недели, – «Карать по закону, но неумолимо». Коммуна ещё не пала – она по-прежнему живёт в наших сердцах. А они хотят вырвать её из нашей груди. Парижане продолжили защищать свой город, заливая баррикады, площади и улицы своей кровью. Самые отважные и достойные погибли в тот день; вместе и с теми, кто не имел к коммуне никакого отношения, а просто оказался не в том месте в неправильное время. Тем, кто остался в живых, пятнадцать лет пришлось провести на ужасных каторгах, где коммуна погибла от ударов кнутов и беспощадных болезней. Но дух её – навсегда останется жить на этих улицах.

Многим хотелось бы забыть это время, вычеркнуть его из

памяти и истории. И всё равно ужасающие картины вновь и вновь возникают перед глазами, будто это происходит до сих пор. Конечно, мне приходилось слышать описания того, что бывает, когда армия входит в город с боем. В прошлом, я знал людей, рассказывающих о взятии Константинополя турками, захвате крестоносцами Иерусалима, разграблении монгольскими ордами русских городов... Но ещё никогда мне не приходилось находиться в центре событий и видеть всё своими глазами, будто всё самое ужасное и дикое, что было в людях, вырвалось наружу. Все, кто оказались в этом мире – стали жертвами. Да будет проклята память, раз за разом заставляющая меня переживать этот день снова и снова, каждый раз начиная с начала.

Вы слышите рёв этих кровожадных солдат? Они идут прямо к вам – резать ваших сыновей и подруг.

Хорошо было бы верить, что гибель коммуны всё равно принесёт какую-нибудь пользу нашей идее и истории. Хотя, несчастный, подвешенный за ноги, потерявший голос из-за собственных криков, медленно умирающий от рук палача – не думает о том, что эти страдания могут принести хоть какую-нибудь пользу. Боль – вообще никому не позволяет думать ни о чём другом, кроме как о самой себе. Все мучения в корне бессмысленны. А вокруг: один лишь триумф слепой жестокости. Но чем меньше каждая жертва заслуживает этой участи – тем справедливее будет приговор, вынесенный судьбой и историей каждому палачу. Наш конец – все-

гда ужасен. Но он приведёт к победе, рано или поздно. Возможно, не совсем к той, на которую мы рассчитывали. Но даже после смерти дух коммуны продолжит борьбу в умах тех, кто ещё не родился.

– Куда вы идёте?! – крикнула мне убегающая женщина, – в той стороне солдаты. Спасайте лучше свою жизнь.

Она бы ещё что-нибудь сказала, если бы не вспомнила, что ей тоже грозит смертельная опасность и тогда она снова бросилась бежать. Вот только куда? Выбраться из города – всё равно вряд ли возможно.

Я боюсь не смерти, которая бродит по этим улицам повсюду; даже не плена и последующей долгой каторги – мне приходилось уже бывать там и как им не удалось сломить мой дух тогда, так им не удастся сделать этого сейчас. Куда страшнее всего осознавать, в какой опасности оказалась Мария и её нерождённое невинное дитя. Стоило мне только найти её на днях вместе с Фрицем – как она снова будто испарилась в воздухе.

Та женщина, которая призывала меня спастись – возможно, она уже мертва. Версальцы бродят тут и там, заходят с тыла и не оставляют в живых никого, кто бежит или сопротивляется. Я стою чуть ли не в самом эпицентре битвы между простыми горожанами и вооружёнными солдатами. Не сражение, а бойня – так её было бы правильнее всего назвать. Коммунары – те, кто ещё не пополнили трупные ямы – изо всех сил пытались удержать баррикады, последнюю защиту

от орд зла. Но на одного живого бунтаря приходилось десять настоящих солдат, которые ещё до коммуны не питали особой симпатии к надменным парижанам. Слишком много людей погибло при обороне пригородов – защищать сам город было уже почти некому. Армии у коммуны больше нет, но её осколки будут держать отчаянную оборону на узких улочках ещё несколько дней, продлевая этот ад. Здесь, в одиннадцатом округе, опаснее и шумнее всего. Вскоре, во всём городе не останется мест, где не будут проводиться обыски, аресты и убийства. Ах, женщина, от кого и куда же ты бежала?! Останься ты на одном месте – мало что изменилось бы.

Я шел мимо самих баррикад, защитники которых уже через десять минут все до последнего будут мертвы. Я чувствовал себя призраком, до которого никому не было дела – сражение заняло всё внимание и последние мысли отважных мужчин, женщин и детей. Пули и камни пролетали мимо – всего в паре метров от меня. Обе армии – победителей и побежденных – смотрели друг на друга, не замечая человека, бродящего тут и там в поисках своей потерянной подруги. Будто я исчезал из этого мира постепенно, а может, уже исчез. И за все эти бесконечно долгие годы – не оставил после себя и следа.

Я должен был найти в этом аду Марию – она единственное моё спасение от кошмаров, которые будут длиться до вечера, всю ночь, весь завтрашний день и целую вечность для тех, кто оказался здесь. Без Марии – мне не зачем спасаться.

Лучше мне умереть тысячу раз, чтобы допустить, чтобы кто-нибудь нашел её до меня. Я блуждал по лабиринтам Парижа, будто бы без всякой цели – действительно, я надеялся что ли, что она сама попадёт мне на глаза?! Но где мне её искать? Какие шансы, что она ещё жива или останется в живых, когда я найду её? Лишь бы не опоздать.

Как же много пыли в этом воздухе. Здесь люди разучились ходить и теперь могут только бежать сломя голову, пока рано или поздно не свалятся на землю без сил. Потом их подберут. Но даже после смерти между мертвецами не будет равенства. У гробовщиков работы не станет больше; она появится только у могильщиков. Мастерам по изготовлению гробов придётся закрыть свои мастерские и попробовать найти себя в другом ремесле. Только павших версальцев будут хоронить как солдат. От остальных же избавятся как придётся. Даже избежав участи жертвы, но всё равно оказавшись здесь, людям кажется, что этот кошмар не кончится никогда.

Пройдя несколько улиц, я оказался на бульваре Сен-Мартен, а оттуда попал во второй округ. Только в квартире её матери, что жила в седьмом округе, на том берегу Сены, я имел хоть какой-нибудь шанс найти Марию. В опустевших кварталах второго округа, теснившихся к реке, ещё не так был слышен запах разгрома коммуны. По дороге на меня напал сумасшедший, который сначала попытался убить меня с помощью камня, а когда ему это не удалось, расплакался у

меня в ногах, крича на всю улицу о наступившем конце света. Кажется, внимание на меня обращали теперь лишь сбжавшие из приютов безумцы. Будто я снова оказался капитаном корабля дураков, затонувшего четыре века назад. Конец света – это слишком хорошо. Вряд ли этот кошмар когда-нибудь кончится.

Я шел по обрывкам воспоминаний, долго блуждая по лабиринтам улиц, постоянно сталкиваясь с людьми, спасающихся бегством, а так же с коммунарами, решительно настроенными сражаться до конца и погибнуть. Наконец, я добрался до нужного мне дома. Квартира на третьем этаже, принадлежавшая её матери – дверь слева. Как же давно она не появлялась там?! Осталось ли ещё что-нибудь целым там, после разбоя мародёров? Всё это было бы неважным, если бы я не нашел её там; кроме этого места оставалось только одно, где она могла бы быть – трупная яма. Надеюсь, она вернулась домой, пусть лишь потому, что её ребёнку грозит опасность. По своей воле, она никогда бы не вернулась к родителям.

Я поднялся по лестнице, постучал три раза в дверь. Никто не открыл, а изнутри не доносилось ни единого звука. По всему дому валялись осколки. Мне пришлось выбить двери и ворваться внутрь силой. Кажется, после этого я перестал быть таким уж невидим. Её мать, притворявшаяся, что её нет, сначала пронзительно закричала, а уже затем перешла на человеческий голос:

– Пожалуйста, месье, прошу вас – здесь уже были люди,

они всё забрали, у меня ничего не осталось. Пожалейте старую женщину, пожалуйста.

– Мадам, вы меня не помните? Я друг вашей дочери и пришел, чтобы спасти её.

– О, месье, умоляю, не трогайте мою дочь!

– Мадам, она сейчас здесь? Я хочу её спасти, увести из города, ради её ребёнка. Она беременна. Отец, наверное, уже мёртв. Я был его другом и хочу спасти их дитя. Нужно поторопиться – нельзя допустить, чтобы Марии пришлось рожать здесь.

– Я правда не помню вас, месье, но вы опоздали. Мой муж отправился вместе с ней к нашей знакомой акушерке. Воды отошли слишком рано, если не поторопиться, ребёнок может погибнуть. У нас в доме не осталось денег, месье, это правда, они всё забрали...

– Как давно она ушла?

– Отпустите меня, месье, я умру. Не надо, прошу вас, уходите.

– Мадам, ради вашей дочери и внука, скажите мне, где живёт ваша акушерка? На улицах сейчас бойня – вы представляете, в какой ваш муж с дочерью находятся в опасности?! Пожалуйста, скажите мне, где они и я уйду.

От страха, сердце этой женщины, казалось, вот-вот перестанет биться. Но она назвала адрес. И я не стал терять ни секунды. Это находилось всего в нескольких кварталах отсюда. Но каким бы близким не оказался бы путь, он будто

растягивался в памяти и пространстве. Всё время, что ушло у меня на преодоление этого необозримо далёкого расстояния, я думал о ней.

Приказы версальских генералов их солдаты исполняли беспрекословно, с радостью и воодушевлением, будто в один миг с цепи сорвались все их демоны. И вот-вот, среди бури смертей и ярости, раньше времени должен был родиться ребёнок от самой прекрасной девушки во Франции – по крайней мере, для меня она точно была ею. Больше всего я боялся не успеть. Страшно представить, какая опасность может угрожать ребёнку, выбравшему себе время для рождения в один из самых ужасных дней века.

Когда я добрался до нужного дома, то вспомнил, что не знаю, какая мне нужна квартира. Тогда, то ли из-за страха за Марию, то ли из-за ужасов за окном, я словно обезумел и стал стучать во всех двери – но никто, конечно, мне не открыл. Если кто и был живым во всех этих квартирах, то они сделают всё, чтобы никто об этом не догадался, вздрагивая от каждого шороха и звуков человеческого голоса. Я бы выбил все двери в этом доме, но меня остановил пронзительный женский крик. В мёртвой тишине дома его не трудно было услышать даже с первого этажа. Он доносился из последней квартиры на самом верху. Ещё немного и я снова увижу её. И мы найдём способ сбежать отсюда – я всегда находил. И возьму её с собой.

Я открыл дверь, из которой доносились крики, и вошел

внутри.

– Стойте, – прохрипел старик, наставив на меня пистолет, по виду, точно из прошлого века, – ещё один шаг и вы нежилец, месье.

– А-а-а-а! – кричала Мария, так перекосив лицо, что его трудно было узнать.

Акушерка, принимавшая роды, будто не слышала её.

– Ну... вот так, ещё немного.

– Пропустите меня. Я был другом Жоржа и Марии, и имею право быть здесь.

Старик неуверенно опустил пистолет.

– Свои слова будешь качать перед солдатами на улице, а пока, помоги мне, – крикнула в мою сторону акушерка, жестом подзывая меня к себе, – возьми её за руку. А ты тужься, давай, милая, тужься сильнее.

– Жо-орж! Ты нашел Жоржа? Где Фриц?

– Скорее всего, Жоржа уже никто не найдёт. Как и Фрица.

– Бунтарский сброд! Попользовался и выкинул. Конечно, он ведь у нас революционер! Коммуна поступил с Парижем и со всей Францией точно так же, как и этот кобель с моей дочерью.

– Па-ап! Умоляю...

А ведь в чём-то он был прав. Жорж напоминал коммуны. Он зачал новую жизнь в этом мире, но погиб раньше, чем смог её увидеть.

– Уже почти показалась головка, ну же, дорогая!

Так длилось ещё невыносимо долго. Тем временем, там, за окном, одни люди гибли, другие попадали под арест. В какой ужасный мир придёт этот ребёнок.

Затем, крики Марии прервал детский вопль. Даже шум с улицы на время утих. Мать перестала кричать и теперь только дышала. Ни один голос не звучал во всем мире, кроме первого звука новорожденного дитя – прекрасной девочки. Ни у кого из тех, кто находился в этой комнате, не нашлось слов, которые можно было бы произнести вслух. Будто вновь над нашими головами сияло мирное небо. Все голуби Парижа взлетели вверх, а всех этих тысячей смертей – будто не было вовсе. В который раз, слушая первый плач младенца, я убедился, что нет в этом мире ничего сильнее красоты. И имя ей – жизнь. Смерть в это время – пусть остаётся в стороне.

Ребёнок успокоился лишь тогда, когда стихла и боль матери, сменившаяся несказанным счастьем. Акушерка запеленала дочь Марии и вернула в её руки – самой прекрасной и сильной женщины во всей Франции.

– Девочка, – сказала Мария и это было первым словом новой эпохи.

Но опасности никуда не исчезли и я ни на секунду не забывал о них. Я всё ещё помнил, зачем пришел в эту комнату. Я успел вовремя; но и теперь мы не должны терять ни минуты.

– Можешь встать? – спросил я у Марии.

Она подняла на меня удивлённые глаза, будто впервые заметила моё присутствие. Я был нежен и ласков с ней как никогда. Я действительно, будто впервые за много веков, стал другим человеком. Я должен был поздравить её и дать отдохнуть наедине с этим маленьким чудом у неё на руках. Но пока она кормила малыша, я сразу перешел к делу – неприятному, но жизненно важному.

– Ты ведь понимаешь, что мы не можем здесь оставаться. Я знаю, как покинуть Париж, но взять я смогу только вас двоих – больше никого; и то, только в том случае, если вы поторопитесь.

– А мне и некого больше с собой брать. Жорж погиб. Теперь... я не знаю, что будет с нами дальше.

Ни я, ни она – мы не слышали об его смерти. Но для неё будет лучше думать, что он действительно погиб, защищая то, во что верил и что любил. Ведь если это не так – но хотел бы я быть ни на его, ни на её месте. Но это и неважно сейчас. Неизвестно, что случится с этим городом. Пока что, для нас троих будет лучше искать свою судьбу где-нибудь ещё.

– Она ещё слишком слаба. Её нельзя выносить из дому, – сказала акушерка.

– Иначе поступить мы тоже не можем. Здесь ей каждую секунду грозит опасность.

– Папа, – сказала Мария, взглянув в его сторону, – прощай.

– Пока, – улыбнулся он, – во всей этой безумии за по-

следние два месяца, только ты была тем, что радовало меня. Не забывай о нас с матерью. Расти её воспитанной девочкой. Знаю, она не будет носить нашу славную фамилию, но не забывай, что она – кровь от крови французской аристократии. Мы с твоей матерью тоже никогда не забудем вас.

Дом мы покинули через чёрный выход и вышли в переулок.

– И куда ты хочешь отправиться? – спросила она.

– В Германию. Там у меня осталось ещё несколько знакомых.

– погоди, ты хочешь, чтобы наша дочь росла в стране этих свиней, надругавшихся над Францией?! В стране этого мерзавца Бисмарка?! Почему не в Испанию или Италию?!

– Путь туда долгий и опасный. К тому же, ни в Испании, ни в Италии я не знаю никого, кто смог бы нас защитить. Фриц был немцем – ты видела, что не все они на одно лицо. Там у нас будет новая жизнь и ни Бисмарк, и ни один немец нам не помешает.

– Их правительство ведёт себя по-свински!

– Ещё хуже, чем наше?

Она замялась. Вдалеке послышался марш версальских солдат.

– Нет, ладно, не настолько. Но я не удивлюсь, если эти мерзавцы у власти развяжут лет через пятьдесят какую-нибудь очередную войнушку.

– Перестань. Германия не станет больше ни с кем воевать.

Они устали от войн.

– Ты уверен?

– Ну, в следующем, двадцатом веке им точно незачем будет с кем-либо воевать. Твоей дочери будет лучше в Германии, чем где бы то ни было ещё. Если у нас двоих не получится там прижиться – то у неё будет больше шансов. Мы сможем там остаться жить. Главное, не устраивать никаких бунтов.

– Ты говоришь как мой отец. Думаешь, я только тем и занята всё время, что вынашиваю план какого-нибудь очередного народного восстания?!

– По крайней мере, в Германии так говорят обо всех французах.

Она дала мне пощёчину. Да уж, хорошо мы начали операцию по нашему общему спасению. Главное, что бы всё не закончилось так же хорошо.

Чем дольше я живу, тем, кажется, меньше мозгов остаётся у меня в голове. Разумеется, наша ссора не осталась незамеченной. Разумеется, внимание на неё обратили солдаты версальской армии. Одни кварталы они опустошили, убивая всех; в других проводили массовые аресты. Десятки тысяч погибли; ещё больше лишились свободы, через ограбления и унижения.

Не осталось ни одной лазейки в этом городе, где не побывали бы солдаты. Кроме нескольких тайных. И всё равно покинуть город можно было только с помощью удачи. Чаще

все это удавалось тем, кто шел лабиринтами улиц, прячась во всех каналах и ямах, во дворах и переулках, притворяясь мёртвыми перед шедшими навстречу версальскими дивизиями. Они ловили и наказывали тех, кто пытался «сбежать от правосудия» сильнее, чем тех, кто просто оказывал им сопротивление. Последних они просто убивали; а вот беглецов могло ожидать кое-что похуже. И всё равно, были те, кому удавалось проскользнуть сквозь пальцы железного кулака Версаля.

Мы оказались неосторожными и недалёкими. Если честно, то я не верил, что у нас хоть когда-нибудь были шансы просто так сбежать отсюда. Я просто ждал, как скоро произойдёт то, что должно было произойти. Один, два... шесть, семь... десять солдат преградили путь мне, Марии и её ребёнку.

– Отойди, – сказал я ей, – и не смотри на то, что сейчас произойдёт. Что бы ни случилось, обещаю тебе не оглядываться. Я выживу – можешь быть уверена; и затем догоню. Позаботься о малыше. А теперь, иди. Ну же, скорее!

– Ни с места! Вы оба, руки вверх. Поживей!

Сколько людей они уже заставили себе слушать?! Конечно, они думали, что любой предпочтёт арест расстрелу. А потому, эти солдаты думали, что я поступлю точно так же, как и остальные их жертвы. И я воспользовался тем, что они не ожидали удара. Я набросился на одного из них, разрушил, нарушил их строй. Когда они поняли, что произошло,

их стало на одного меньше. Они стреляли по мне, но я укрывался за телами и атаковал. Одному из них удалось убить меня. Я силой вернул себя в этот мир раньше обычного – я не мог терять ни секунды. Схватка продолжилась. Вскоре, всё кончилось. Девять бездыханных тел лежало на земле. Один раненный полз к стене ближайшего дома. Он упёрся в неё спиной и взглянул на меня. А я стоял на ногах, хоть и падал уже несколько раз. Я поднял пистолет одного из убитых солдат и наставил на него. Он тяжело дышал и зажмурил глаза, прикрываясь рукой.

– Стыдись, – приказал ему я.

Он помолчал несколько секунд, а затем ответил:

– За что мне стыдиться, проклятый коммунар?! Я спасал самый прекрасный город на Земле и всю Францию от вашей чумы. И будь у меня второй шанс, я бы сделал точно так же, только тебе было бы не так просто одолеть меня снова.

Он воспользовался моим временным замешательством, дотянулся до пистолета и выстрелил у меня прежде, чем я успел среагировать.

– Здохни, ублюдок!

Этот раненный солдат оказался отличным стрелком и отважным воином. Ни секунды он не боялся и не роптал перед смертью. Даже в таком положении, он даже не целясь выстрелил мне прямо туда, где находилось бы моё человеческое сердце, будь я простым смертным. Когда я упал, он подумал о том, что теперь со спокойной совестью может уме-

реть от своих ран. Но его уверенные глаза превратились в два бледных диска ужаса, когда он увидел, как я поднимаюсь с земли и встаю на ноги.

– Дьявол! – закричал он во весь голос и подумал, что он и умрёт с моим именем на устах.

– Да, я он. И ты тоже. Мы вместе с тобой – два демона смерти. Ты был одним из тех, кто устроил эту бойню. А я – тем, кто убил всех этих солдат. Но это не может продолжаться и дальше. Оставайся жить, воин. И эту подаренную тебе жизнь постарайся не прозевать. Перестань ломать судьбы остальным; создай, лучше, что-нибудь новое в этом мире.

Я вернулся к Марии и сказал, что вскоре здесь будет целая армия солдат, с которой мне уже не справиться.

– Давай, скорее, нам нужно бежать, – торопил её я.

– Нет. Я всё видела. Я видела, как ты расправился с ними. Ни у одного человека на Земле не хватило бы сил справиться со всеми ними. Значит, ты вовсе не живой и совсем не человек.

Я тяжело вздохнул.

– Сейчас не время говорить об этом. Я не могу умереть – но я не непобедимый. Если сюда придут другие солдаты – тебе, мне, ребёнку – всем нам настанет конец.

– Я никуда с тобой не пойду. Я слышала, что кричал тот солдат. Ты ведь и вправду дьявол!

– Прошу, ради твоей дочери, ей же не выжить здесь.

– Ты манипулируешь мной с помощью моего же ребёнка.

О, господи, о... Зачем я тебе нужна?!

– Идём, нам нужно идти, – я схватил её за руку и потянул за собой, – я клянусь, что оставлю вас, как только вы будете в безопасности, но сейчас – идём.

– О, как же я несчастна, Жорж, а...

– Вперёд. Идём...

Вот так вы и выбрались из города, дорогуша. Как вам, правда, удалось сбежать от целой армии вооружённых до зубов версальцев, которые действительно слышали звуки боя и бросились в погоню – навеки останется тайной. Но не для самих версальцев и не для вашего ангела-хранителя – Фрица. Мне снова удалось тебя обмануть; прости, но хотел всегда быть рядом.

А солдат, которого ты оставил в живых, лишился левой руки, чтобы спастись от гангрены. Он повёл солдат по ложному следу, а я – запутал их ещё больше. Впоследствии, он пытался рассказать о твоём бессмертии, но все считали его за сумасшедшего, обезумевшего после битвы с целой армией коммунаров, сбежавших из города. Свой путь он закончил лишь много лет спустя, что выращивал помидоры где-то в Аквитании. Забавный оказался малый.

Вам удалось найти прибежище в Германии. Несмотря на все ваши ссоры, вы остались жить вместе, а она – стала новой хранительницей твоего самого большого секрета. Но это счастье не могло длиться вечно – сам понимаешь: жизнь, новые войны, новые трудности – всё только впереди. История

безжалостна, а время разрушает всё.

Но пока что, эта кровавая вечна кончается. Наступает лето; и это – будет сезон жизни. Пусть звенят колокола, возвещающая о мире. До встречи на той стороне, друг мой.

Танец Третий

После двух наших ударов в пустоту и исчезновения ведьмы, мы были слишком поражены, чтобы искать ответы. Впрочем, у нас и не было ни единого шанса их найти. Легко догадаться, как ведьме удавалось на протяжении столетий оставлять рыцаря с носом – это всё чёрная магия.

Мы оба в равной степени были удивлены и поражены случившимся. Но каждый по-своему. Если рыцаря волновали только его неудачи, будто те и были смыслом его жизни, то меня больше задевало то, с какой целью ведьма решала появиться перед нами. Что она хотела этим сказать? Или просто всё дело в корабле дураков, сводящим с ума всё, даже воздух вокруг себя, не говоря уже о портах, в которых бросает якорь?

– Всему этому есть только одно объяснение, – сказал Голова-Тыква, – крысы! Они сжирают всё, даже стены домов. Они проходят сквозь них и живут в норах. Все беды от них.

Если несколько часов подряд провести вместе Головой-Тыквой, то становится ясно почему, по его рассказам, его собственная мать хотела зарубить топором своего сына.

А ведьма будто всё ещё была в этой комнате. И даже за её пределами – она, казалось, была не когда-то, а находилась прямо сейчас. Просто нам не хватает сил её увидеть. А значит, и бить нам – некуда. И некого. Остаётся только ходить

вокруг дома или города, и чувствовать себя последним дураком на этом свете.

Те же чувства, видимо, испытывали не только мы одни. Оставались ещё и жители этого городка. Единственная разни́ца состояла в том, что причиной облака безумия, как чума нависшего над городом, они считали вовсе не воображаемую ведьму, а чужаков, задержавшихся здесь слишком долго. У меня уже не оставалось золота для того, чтобы умилостивить их пыл. Остаётся лишь надеяться на их терпение.

Так могло продолжаться ещё долго, пока конфликт, грозивший стать бурей, медленно закипал между горожанами и дураками. Могло бы – если только в один из долгих, потраченных впустую дней в городе не появился бы ещё один незнакомец...

О, да. Наконец, настала моя очередь пролить свет на эту запутанную историю. Я давно уже сбился со счёта, какой год на свете живу. Но про время, в котором живу, я знал, что во всей Центральной Европе, по крайней мере, от Дуная до Рейна, ведьмы исчезли – или же, их просто перестали искать. Я бы ни за что не додумался искать тебя на Рейне, но мир тесен и даже до Варшавы дошли слухи о корабле дураков, стоящем в одном из портов этой беспокойной реки, капитан которого вместе с одним рыцарем ищет прислужницу дьявола, просто отсиживаясь на месте. Я бы не обратил на эти легенды, ходившие вокруг тебя, ровным счётом никакого внимания, если бы не одна из них, гласившая, что ты продал ду-

шу дьяволу, а взамен получил вечную жизнь, но стал узником плавающей темницы для всех безумцев Европы. Я бросил все дела, связывающие меня с Польским королевством, и отправился в путь. На это пришлось потратить целый месяц – моё положение в обществе не давало мне возможности передвигаться так же быстро, как странствующим монахам. Но, к моему счастью, ты никуда не торопился.

Голова-Тыква сообщил, что чужак из богатого и знатного общества, хоть и не богаче и не знатнее доброй трети моего экипажа. В этих краях гости показываются не так часто и никогда просто так. Даже дурак поймёт, почему после его прибытия народ стал беспокоиться ещё больше. Но люди приходят и уходят – в былые времена я бы не обратил на этого незнакомца никакого значения. Но моя одержимость ведьмой, кажется, превратила меня в параноика и я стал во всём видеть тайный промысел этой слуги ада. На всякий случай, я приказал Голове-Тыкве проследить за ним, но не выдавать нас. Слишком поздно я догадался, что этот дурак, как всегда, всё испортит.

Солнце, будто, навсегда забыло об этих краях. Теперь, я нахожусь в настоящем захолустье, пусть и европейском. А мне-то казалось, что я уже видел всё. Города – они как люди, появляются и исчезают, и у каждого из них своё взгляд на мир. Этот же – напоминал больного младенца, только появившегося на свет, а уже мечтающего вернуться обратно.

Быть человеком со звонкой монетой в кармане здесь было

труднее и опаснее, чем нищим или бродягой. Завести полезные знакомства или просто избежать косых взглядов – мне было бы практически невозможно, продолжай я сохранять свой привычный вид. Мне уже приходилось бывать в местах, где люди привыкли считать, что их прокляла ведьма или изводит богач, и оттого они такие несчастные. Но на самом деле, чаще всего, единственной причиной всех их проблем было отсутствие хорошего чувства юмора и ума. Для пыльной и гнилой деревенской Европы – это вообще чуть ли не самое страшное бедствие – даже всем войнам и чуме с ней не сравниться. Потому дураки выделяются из общей массы слишком ярко и постоянно находятся в опасности.

Не успел я даже завести свою лошадь в конюшню и поговорить с хозяином постоялого двора, как сразу поймал одного из местных дураков. Он делал вид, будто следил за мной, но на самом деле просто гулял – так он объяснил мне, что делал в кустах. Иметь дело с ним было противнее, чем с литовскими боярами. Вместо головы у него на плечах была тыква с дырками. Когда я попытался её снять, он нечеловеческим голосом заревел так, что мне невольно пришлось отшатнуться.

– Ну ты и дурак пустоголовый! – сказал я, – я бы отрубил тебе голову, да нечего! Я уважаемый человек и не позволю так себя унижать.

Убийство – далеко не лучшее, с чего следует начинать, прибыв в незнакомые места. Но с этим народцем – чем боль-

ше угроз, тем лучше результат.

– Пощади господин, – неожиданно заговорил он по-польски, видимо, уловив мой акцент, – я всего лишь выполняю приказы.

Я посмотрел по сторонам, не услышал ли кто нас и сказал ему:

– Говори со мной по-немецки – не хочу, чтобы меня признали за иностранца. Откуда ты знаешь польский? Кто ты такой и кто тебя послал?

– Мой капитан называет меня Голова-Тыква – он же и послал меня сюда.

– Что ж, так веди меня к своему капитану.

– Он разозлится.

– Не гостеприимно начинать слезку за тем, с кем ещё даже не знаком. Впрочем, я могу его понять. Как сам считаешь, Голова-Тыква, он убьёт меня сразу как увидит, или даст мне найти с ним общий язык?

– Общий вы точно найдёте – он тоже знает польский.

Я не удивился.

– Неужели, я попал в маленькую Польшу так далеко от дома?

– Нет, просто мой капитан – говорит на всех человеческих языках и сам знаем всё на свете. Не знает только, как поймать проклятую ведьму, лишившую его и меня сна. А когда мы засыпаем, то видим одни лишь кошмары и от снов устаём ещё больше, чем от бодрости.

Отлично. Значит, нужно всего лишь поймать ведьму и ты у меня на крючке. Тогда, я был ещё недостаточно зрелым и не знал точно, что мне с тобой сделать. Но в тот миг я подумал: бессмертный выходит на охоту за бессмертным. А затем, мы оба будем ловить ведьм.

– Мой господин! – ворвался в мою каюту Голова-Тыква, – позвольте представить вам: таинственный незнакомец.

– Моё имя Римиш, – представился я капитану, – сам я из Варшавы, но приехал сюда с тем, чтобы помочь вам. Прошу любить и жаловать. Вы ведь тот самый знаменитый капитан дураков, охотящийся на ведьму?

– Рад, что вы приехали. Извините за такой приём. И за то, что послал дурака следить за вами. Мы сами в этих краях гости и должны были проявить большее доверие и почтение к незнакомцу. Но проклятая ведьма наложила чары на этот город. Она приходит к нам, издевается, пытается запутать всё ещё больше. В такое время никому нельзя доверять. Кто знает, может, вы тоже прислужник тёмных сил.

Пройдёт не одно столетие, может, даже не три, когда у сотен учёных появятся сотни теорий о таких людях как ты, капитан. И все они будут об одержимости бредовыми идеями, тёмными силами и зловещими заговорами. Конечно, кто же ещё мог оказаться в роли капитана корабля дураков, если не тот, кто своим безумием его же и потопит. И не важно, дорогой мой бессмертный капитан, есть ли ведьма на самом деле или нет – ты погубишь себя, если не появится третий герой

и не возьмёт всё в свои руки.

– О, капитан, как вы могли заподозрить меня в чём-то настолько ужасном?! Разве вы не слышали про Римиша, охотника за злыми силами, изловившего всех ведьм в Кракове и которого святая церковь чуть не признала за святого?!

– И почему же не признала?

– Я не гоняюсь за славой – она сама меня находит: как хорошая, так и дурная. Клевета – вот оружие, от которого многие святые пали жертвами. Но я ещё не утратил свой талант прирождённого охотника за злыми силами. Я слышал, что корабль дураков – далеко не корабль нищих. За символическую плату, я могу помочь вам избавиться от ведьмы. Я поймаю её и только вы будете решать, что делать с её грешным телом дальше. А уж душу – оставим Господу. Пусть он отдаст её хозяину всех ведьм – дьяволу, на вечные муки.

– И как же ты собираешь сделать это? Может, ты хочешь обмануть нас?! Думаешь, если мы дураки, то не сможем раскусить обманщика и шарлатана? Или ты думаешь, что в таком случае мы не накажем его за это?!

– Деньги я возьму только после того, как ведьма окажется у вас – одного этого должно хватить, чтобы вы мне поверили. Я не обманщик и не собираюсь брать с вас за пустоту. Вы очень скоро убедитесь, что мне можно доверять. А что касается самой охоты, то это совсем не похоже на ловлю кроликов или лисиц в лесу. Чтобы поймать ведьму необходимо постигнуть тайное искусство. Это не колдовство и церковь

одобряет мои методы. Если вы хотите сравнений, то это похоже на игру на музыкальных инструментах – так же ловко и так же прекрасно. Одно ваше слово – и я приступлю за работу, капитан. Я не навязываюсь, а просто предлагаю помочь – вы и сами можете продолжать искать ведьму своими силами. Но если она является перед вами во снах и исчезает – то значит, это она вас поймала, а не вы её.

– Во-во, капитан, чужак дело говорит, – выкрикнул Голова-Тыква.

– Будь у меня выбор – я отослал бы вас ещё дальше, чем те места, откуда вы прибыли. Но пусть будет по-вашему. Я бы мог просто всё бросить и покинуть город. Но как бы далеко я ни уехал – я не смогу жить дальше, зная, что ведьма осталась здесь. Поэтому, вы должны поймать её как можно скорее и во что бы то ни стало. Сделайте это, раз у нас не хватило сил.

Я улыбнулся и поклонился, в очередной раз предвосхищая свою победу. Умеешь же ты создавать самому себе проблемы. Впрочем, ведьма, кем бы она ни была – для меня не проблема; как и ты, капитан. Исход этой битвы предрешён. Только позволь – и я сдвину горы.

По дороге сюда у меня было достаточно времени для размышлений, поэтому у меня уже имелись наброски плана действий. Так же, я подумал и о возможности запасного варианта. Но в любом случае, домой я вернусь с победой – и ты, вероятнее всего, отправишься вместе со мной. Я хотел изучить тебя, мой бессмертный брат. И найти с твоей помо-

щью ответ на самый главный свой вопрос: что делать мне с собственной жизнью? И как от неё избавиться.

О чудодейственном эффекте волшебных грибов человечеству, хоть и не всему, было уже давно известно. Возможно, капитан, даже ты слышал о чём-то подобном. Но я, наверное, один из первых людей в Европе, если не во всём мире, который подошел к этому явлению с научно-корыстной точки зрения. И именно своё изобретения я намеривался использовать. Может быть, против ведьмы, а может и против тебя. Одному чёрту известно, от кого больше вреда.

Контроль над галлюцинациями – означает контроль над безумием. Человечество ещё не изобрело способа излечить человека от самого себя, не просверливая ему дырки в голове или вообще её не отрубая. Но вот обмануть самого себя и других, принимая иллюзию за действительность – именно благодаря этому мы и стоим выше животных и называем себя людьми. Этим искусством человечество владело ещё тысячи лет назад, когда даже меня не было на свете. В те времена, смертные создали свой собственный мир грёз и кошмаров, отделив себя им от природы, из которой появились на свет. Разве одно существование Бога, главенствующего над людьми, не доказывает мои слова о мире, который мы сами построили для себя?! Создание и поимка воображаемой ведьмы – дело рук одного человека, сравнимое с появлением дьявола, созданного человеком для человечества.

Настойка из волшебных грибов и плюс моя собственная

смесь – и я могу заставить кого угодно видеть что угодно. Главное – это пропорция и доза, которые и составляют основную разницу между лекарством и ядом. А всё остальное – лишь ингредиенты в общем бульоне вселенной. Раз он так одержим своей ведьмой, то заставить его сделать хоть один глоток – будет легче лёгкого. Пусть он поговорит с ней ещё раз. А дальше – всё будет ещё легче. Человек попадает в свой собственный мир снов и кошмаров, и полностью теряет контроль над действительностью. А значит, становится лёгкой мишенью для таких как я, который в этот момент как раз окажется рядом. Пора приступать за работу. Зелье – само себя не приготовит; а мир чудес – сам себя не соберёт.

– Что-то мне не нравится этот тип, – сказал чёрный рыцарь, когда увидел незнакомца, – мне кажется, он шарлатан. Не забывай, что я родом из Антверпена и могу раскусить таких за раз. На его лице так и написано, что преследует он только свои интересы, а вовсе не ведьм. Кто знает, кому он служит на самом деле.

– Разве у нас есть выбор?! Это наш последний шанс поймать её, понимаешь? Сколько мы уже здесь?! И чего мы добились? Нам нужно попробовать. А если что пойдёт не так – то мы вдвоём, да и мой экипаж – легко найдём на него управу.

– Как бы он не оказался ещё опаснее ведьмы. Ей, по крайней мере, нам не приходится доверять. Он лжец, но видно, что не дурак. Невозможно, что бы он дал так просто себя схва-

тить.

Я ведь чувствовал, что ведьма вот-вот покажет себя. И сколько же месяцев я провёл в этом богом забытой дыре, выслеживая её?! Если даже этот незнакомец не поможет – то с ведьмой не справится никто.

А я ведь вовсе не врал, когда сравнивал своё искусство с игрой на музыкальных инструментах. Я просто немного ошибся и вот теперь настало самое время всё исправить. Моё дело, по правде, больше напоминает ремесло живописца. Я приношу в этот мир новые формы, основываясь на уже существующих – образы, иллюзии, тысячи линий и точек, пересекающихся в глубине сознания и воображения. И пусть никто, кроме меня, не сможет оценить мой шедевр – настоящее искусство должно быть скрыто от проходимцев, особенно от дураков.

Проходит время... И вот, настанет момент моего триумфа. Поимка ведьмы? Да без проблем! Вы знали, что ведьмы, получив свой дар от Нечистого, умеют становиться на время невидимыми и буквально растворяться в воздухе, как соль в воде? Но у меня есть снадобье, которое позволяет сделать ведьму снова видимой. Примите его вместе со мной и вместе мы сможем разделаться с ней.

– А почему бы вам не принять эту смесь одному? Вы ведь знаменитый охотник на ведьм – зачем и нам пить эту жижу?! – спросил рыцарь.

– Видите ли, ведьма слишком сильна и одних моих сил

может оказаться недостаточно. К тому же, вам ведь самим не терпится расправиться с ней как можно скорее.

– Да, это верно.

– Нам лучше принять его одновременно и для усиления эффекта запить водой. Надеюсь, все готовы?

Я планировал не глотать его, а смешать с водой, ослабив действие и незаметно выплюнуть. Если это сделать не получится, то у меня есть запасное средство, ослабляющее эффект. Когда всё получится, его действие на меня будет минимальным, а вот для них – в самый раз.

Труднее всего, как оказалось, было избавиться от посторонних наблюдателей. Зачем? – спрашивал они и мои жертвы. Да потому, что зелья на всех не хватит. А ведь оно служит не только обнаружителем, но и оберегом от злых чар тёмной колдуньи. Те, кто в момент истины окажутся под рукой – рискуют пострадать так, что и смерть покажется для них спасением.

– Как это?

– Их души и судьбы окажутся в руках ведьмы. И даже если мы справимся с ней – спасти остальных в таком случае мы вряд ли сумеем.

Местные жители, как оказались, были дураками не меньшими, чем члены экипажа уже известного нам капитана. И те, и другие повелись на мой блеф и поспешили разбежаться каждый по своим убежищам.

Со мной остались лишь самые отважные – а уж на них у

меня найдётся управа.

Вот мы и приняли моё зелье, выполнив всё по моим инструкциям. Надеюсь, хоть теперь солнце выглянет из-за туч. По крайней мере, для себя любимого я предпринял все возможные меры, чтобы ничего хуже обычного солнца не увидеть.

На самом деле, эффект настаёт не мгновенно – должно пройти какое-то время. Но галлюцинации появились практически моментально – даже я их увидел. Они казались настолько правдоподобными, что пришлось протереть глаза.

– Сплёвывайте! – приказала галлюцинация.

Обе мои жертвы выплюнули моё зелье. Я перестал понимать, что происходит. Обычно, образы, которые мы видим в сновидениях – принадлежат тем людям, которых мы уже видели, пусть и всего один раз в жизни. Сновидения, вызванные алхимическим способом – те же сны, только наяву. Но я готов был поклясться, что эту девушку или кого-либо похожую на неё – я не видел ни разу за свои долгие сотни и тысячи лет жизни. Картина мира, которую я так тщательно и упорно возводил для себя – вновь в один миг рассыпалась на мелкие осколки.

– Нет, – сказала галлюцинация, – я не видение. Я – самая настоящая. Он хотел обмануть вас, а я могу всё объяснить – мне есть теперь, что рассказать вам. Только, прошу, не нападайте на меня сразу – дайте хоть пару слов.

– Хорошо! Говори, пока я буду рубить тебя на части, –

закричал рыцарь, доставая меч из ножен и замахиваясь им на неё.

Увернувшись от первого удара, она попыталась что-то сказать, но рыцарь не переставал нападать. Я не мог выстрелить из пистолета, потому что мог попасть в рыцаря. Уверен, что и ему одному прекрасно удастся справиться с ней. Тем временем, самые отважные из моего экипажа пытались загнать ведьму в ловушку. Чужак просто стоял и следил глазами за ней, будто всё тело его онемело. Может, ему тоже предложить место на моём корабле, когда всё закончится?

– Рыцарь, твоя ярость направлена не на того, – кричала она, будто слова могли отразить удары меча, – разве ты забыл, что детей у моего отца было четверо: два сына и две дочери. Сына поймали, когда он пытался покончить с собой, взобравшись на шпиль собора; а меня нашли в порту. Ты сам был знаком со мной когда-то – разве я хоть чем-нибудь выдала себя за зло?! У магистрата мы жили вдвоём – этот добрый человек, твой брат, согласился принять нас двоих у себя, чтобы мы не погибли в приюте, пока не найдём новый дом. Разве могла я, даже в мыслях, желать ему хоть малейшего зла?!

– В ту ночь погибла вся моя семья, дьявольская ты тварь, – кричал он ей в ответ, чуть опустив меч, чтобы остановить слёзы, – и никто больше не мог сделать этого, кроме истинной ведьмы. Как ты можешь ещё оправдывать себя и лгать мне после такого?! Гори вечно в жаровне ада!

И он, вместе с моими дураками, вооружёнными топорами, пошли в атаку, но только мешались друг у друга под ногами, а ведьма ловко уходила от всех их ударов.

– Ты во всём винишь себя, рыцарь. Но ведь только потому, что я исчезла.

– Ты слишком много говоришь. Сначала, я отрежу тебе язык!

От дюжины дураков невозможно убежать слишком долго. Пришло время отомстить ей за всё. Но тут ко мне из-за спины подошел этот чужак, Римиш, кажется, так его звали.

– Конечно, я заплачу тебе столько, сколько сам попросишь и даже больше, – сказал я ему первым, – лишь бы покончить с ней поскорей.

Услышав это от тебя, капитан, я сказал то, чего никак не мог от себя ожидать:

– Мне кажется, мы должны дать ведьме договорить до конца.

– Что?!

– Правосудие. Если ей есть, что сказать, то пусть закончит.

– Ты обещал, что только мы будем решать, что делать с ней! Убирайся, не желаю тебя больше слышать!

– Ты слишком долго охотился за ней, капитан, чтобы так и не узнать самого главного – что двигало ведьмой всё это время. Утоли своё любопытство.

А ведь этот чужестранец прав – я ведь так и не дал ей шанс высказаться. Не теряя времени, я встал между ней и

рыцарем, чуть не обрекая себя на его удар.

– Стой, пусть говорит.

– Убегая от рыцаря и ему подобных, я всё время думала об истинном виновнике событий той ночи. Мой младший брат в детстве отравился и с тех пор был будто помешен на веществах, вызывающих тошноту. А так же различными ядами. В него будто вселился дьявол тогда, и лишил разума. Именно он отравил сначала всю мою семью, а затем, когда нас приютил магистрат, и всю твою, рыцарь. Я долго не понимала, почему осталась в живых. Но недавно я вспомнила, что в тот вечер была не голодна и скормила весь свой ужин собаке, которая приняла мою смерть на себя. Первым о безумии моего брата догадался магистрат. Умирая, он успел подписать приговор на нас обоих, поскольку считал меня такой же, как и мой брат. Но я была жертвой – такой же, как и они все. Я сбежала, ведь иначе меня могли убить – но из-за этого все стали считать виновной. Я долго не могла понять, куда делся мой брат после этого. А затем поняла, какой душой была всё это время. Какое ещё место, если не корабль дураков, приютил бы полоумного сироту, но имеющего мешок золота на поясе?! Я не могла спасти остальных от него. Но остановить – я ещё в силах. Ведь оба вы – бессмертные. Остановите это зло. Отомстите за всех нас.

– Безумная! Даже твоё полоумие не спасёт тебя от правосудия.

Ведьма, окружённая дураками, встала на колени и накло-

нила голову.

– Руби, рыцарь, если это изгонит дьявола внутри тебя.

Рыцарь замахнулся, но я снова его остановил:

– Постой, кто из моего экипажа удостоился твоих подозрений в убийстве, ведьма?

– Он не хочет показывать своё лицо, чтобы вы не заметили сходства. Прежде чем казнить меня, снимите с его головы тыкву, а затем решайте сами. Он опаснее, чем вы думаете.

– Молчи! Пора покончить с этим!

– Стой! Мы не спросили Голову-Тыкву, что он думает о её обвинениях.

– Какая разница?!

– Голова-Тыква, иди сюда!

Мой первый помощник не подчинился приказу. Вместо этого, он снял с головы тыкву и показал нам своё лицо. Я думал, что оно у нег всё в шрамах; но на самом деле, мне редко когда приходилось видеть настолько красивых мужских лиц с гладкой кожей.

– Убейте её! – прокричал он, – вы этого хотели! Почему медлите?

– Голова-Тыква... Схватить его!

Но исполнять этот приказ было некому. Дураки, стоявшие кольцом вокруг него, вооружённый топорами, развернулись в нашу сторону.

– Где Нюрнштайн? Где Голова-Кастрюля?.. Вы слышите меня?! Что происходит?..

Но ответ на этот вопрос я уже знал. Он собрал вокруг себя самых опасных сумасшедших, с которыми всё время, что мы пробыли здесь, разговаривал, настраивая против меня. Не я был теперь капитаном, а он...

– Будь вы повнимательнее, капитан, то давно заметили бы, что тела верных вам дураков гниют в трюме. Убейте ведьму сейчас и я позволю вам умереть быстро.

Моя команда обратилась против своего капитана; даже дураки отвернулись от меня. Он и вправду убил Нюрнштайна и остальных?.. В любом случае, так легко ему отсюда не уйти.

– Что это, чёрт подери, значит, головастик? Ты тоже был тогда в доме моего брата?! Это ты отравил его?!

– Убить их!

Банда дураков двинулась вперёд. Рыцарь отпустил ведьму, стоявшую перед ним на коленях.

– Значит, все эти годы я преследовал не ту. Это был ты! Ты заставил меня поднять руку на невинное дитя!

Дурака, подошедшего к нему слишком близко, он разрубил надвое. Но их было больше двух дюжин и они почти окружили нас четверых.

Римиш прошептал мне на ухо:

– Не бойся. Я знаю, что мы уж точно сегодня не погибнем.

– Эта девочка в опасности. И я не уйду отсюда без головы предателя и убийцы.

– В таком случае, чем нам сражаться?

Голова-Тыква скрывался за спинами своих людей. Я думал, как к нему можно было бы подобраться.

– Рыцарь! Мы должны пробиться к кораблю. Сможем пробить их строй?

– Как раз об этом и думал.

Он бросился в атаку на дураков, преграждавших ему путь и оттолкнул их в стороны, двоих из них пронзив мечом.

– Бежим!

Мы добежали до причала, где когда-то бросил якорь наш корабль, не подозревая о том, что это будет последнее его пристанище. Когда мы взобрались на борт, я заметил, что рыцарь остался внизу.

– Что ты делаешь?! Быстрее подымайся на борт!

– Они слишком близко – я задержу их, а вы сможете уплыть. Сделай одолжение – выстрели этому гаду между глаз и я буду знать, что свершил свою месть и умер с честью.

Не теряя ни секунды, он взмахнул своим двуруким мечом и бросился в бой с двумя десятками дураков. Голова-Тыква добежал до причала и закричал нам вдогонку:

– Я найду вас и прикончу! Мы ещё встретимся.

Я прицелился так, будто от этого зависела судьба всего мира. Грохот выстрела раздался в воздухе и пуля даже с такого расстояния угодила ему прямо в голову. После этого, Голова-Тыква упал и больше не мог ни говорить, ни двигаться.

Пока дюжина топоров разрубала на части плоть и металл,

грешный рыцарь, казалось, улыбался. Это был апофеоз его духа, триумф справедливости, который он избрал для себя сам. Когда душа его спускалась всё ниже и ниже в Ад за все те сотни грехов, что он совершил, я знал – наконец, последний рыцарь обрёл покой.

Разрушение Третье

По этой дороге мы шли, будто путь держали в собственное прошлое. Флавий Тиберий вспоминал, как бывал в этих местах в лучшие из долгих и несчастных своих лет. Нам не было обратной дороги в Рим. Мой друг теперь был занят лишь бесконечной дорогой вперёд и поисками в памяти мыслей и образов, вспоминая о которых можно было со спокойным сердцем и чистой совестью покинуть этот мир.

В скольких битвах он бывал. О, всю жизнь он только то и видел, что конец и гибель величайшего из государств в истории. Мало жизней и времён настолько трагичных, и трагедий настолько позорных.

Пройдя через лес, мы вышли к дороге, по которой раньше ходили легионы и торговые повозки. Идти ночью – опасно. Но племена готов, чей мир с Римом давно уже прошел, могут бродить здесь днём в поисках дичи. И как бы сильно мы ни боялись ночных зверей – люди по-прежнему оставались самыми опасными и жестокими из них. Потому, тропы оставались открытыми для нас только ночью.

Старый человек – вот я смотрю, как идёт он вперёд, всё дальше и дальше, не смотря на возраст, усталость и страх – как он до сих пор не упал?! Даже я уже не верю, что он увидит ещё хоть раз в жизни своего сына. Но если бы и вера покинула его, то действительно ничего бы больше не осталось,

кроме как найти какой-нибудь куст, лечь в него и тихо дожидаться смерти.

Так не могло продолжаться вечно и к утру Флавий Тиберий лишился последних сил. К счастью и одновременно к несчастью, ни одна живая душа не повстречалась у нас на пути до сих пор. Все эти десятилетия упадка я провёл в библиотеках, вконец устав от странствий по всей империи. В путешествиях по свету я больше не видел никакого смысла, потому что мир этот так быстро менял свои очертания, что незачем было запоминать старые. И если бы мне пришлось вернуться куда-нибудь, то вместе с этим и смириться с тем, что в этом месте я прежде не бывал никогда. Из притонов для болтунов до меня доходили слухи о жестокости готов, сто воинов которых стоили целого римского легиона. В этих местах приходится всё время быть готовыми ко встрече с ними; но глядя на красоту этих мест и на дряхлость Флавия Тиберия, я раз за разом надеялся, что до стычки с ними не дойдёт. По крайней мере, один человек из их народа нам уже помог.

Уставшего Флавия Тиберия я уложил на траву в тени дерева, спрятав его под надёжное укрытие из листвы. Он был по-прежнему слаб, но на путешествие своих сил не щадил – это, вместе с остальным, могло привести к скорой его гибели. Теперь, видимо, доблестный римлянин не сможет пройти самостоятельно и сотни шагов. На этом наш путь мог и закончиться – но мы зашли в самое сердце вражеской земли. И попытка вернуться обратно могла оказаться куда опаснее,

чем упрямо следовать последней воли старика, двигаясь вперёд.

Флавий Тиберий уже давно не говорил со мной, сохраняя силы для ходьбы и собираясь с мыслями. Движемся ли мы в правильно направлении или уже давно заблудились – было теперь не столь важным. Мне приходилось отвечать даже на те вопросы Флавия Тиберия, которые он не задавал. Я сказал ему, что отправлюсь на поиски чего-нибудь, чем можно было бы наполнить желудок; да и пустоты в бурдюках с водой не мешало бы избавиться.

– До реки, – прохрипел он, – полдня пути отсюда вон в ту сторону. Если это не так, то я признаю, что ошибался с самого начала и не знаю, куда нас завёл. Я смогу найти свою виллу и сына только в том случае, если знаю, где нахожусь. А я неуверен.

– Хорошо. Я пойду туда, куда ты сказал – к реке. Вернусь к вечеру с едой и водой. В любом случае, я расскажу тебе, что нашёл. Главное, Флавий, не дай пагубным мыслям сломить себя. Верь до последнего, что победишь. Сражайся, пока есть мясо на костях. Лучшего всё равно уже не произойдёт. Ты выстоял против орды варваров на Каталаунских полях – значит, сможем выйти победителем и из схватки с самим собой.

Я ушел, оставив своего друга одного, в листве под большим деревом.

Пробираться сквозь заросли и блуждать по запутанным

тропинкам пришлось как раз полдня; всё это время, я не сворачивал с пути – Флавий Тиберий не может ошибаться, даже если сам думает иначе. В противном случае, что ж, придётся признать, что нам действительно конец. До реки, а вернее, до ручейка я всё же добрался. Поймал двух зайцев – для себя и для Флавия. Как же давно дикое чувство одиночества среди природы не наполняло меня.

Дорогу обратно я нашел только к вечеру. Я пришел точно к тому самому дереву, под которым оставил Флавия Тиберия. Ошибки быть не могло. Несколько раз, упрямо обойдя его вокруг, мне всё же пришлось признать, что моего друга под ним нет. Я сам сел на то место, где покинул его и попытался увидеть мир его глазами. Жуткое оказалось зрелище. Не зная, что мне делать дальше, с мёртвыми глазами и застывшим телом, я разглядывал неповторимый рисунок листвы великого дерева с огненным от последних солнечных лучей небом над головой. Своих мыслей у меня тоже почти не осталось, хоть и нужно было потихоньку составлять новый план действий. Хотя, зачем?! Флавий Тиберий вряд ли обзумел настолько, чтобы самому подняться и уйти просто так. Значит, он попал в руки разбойников-готов, франков, гуннов – кем бы ни были похитители, ничего хорошего ни ему, ни мне это не сулило. И зачем я только поддержал идею этого безумного старика отправиться в это путешествие, прекрасно ведь осознавая ещё тогда, в Риме, что это будет верным самоубийством для нас обоих.

Так прошел час. Вечер уже смело можно было назвать ранней ночью. Я всё ещё не двигался с места, пока не услышал вдали шум приближающегося всадника. Эти звуки заставили меня подскочить с места и схватиться за кинжал, спрятанный у меня за поясом. Наездник на хорошем скакуне и с длинной бородой остановился передо мной. Пусть только даст мне повод – и я быстро собою его с коня и разделаюсь с ним. Я ещё не забыл, как сражаться и не стану уходить от драки, если мне не оставят выбора, даже на этой варварской земле. Но его взгляд даже во тьме излучал спокойствие, будто и не думал о битве. Он заговорил сначала на своём языке, который я до сих пор не выучил достаточно хорошо, чтобы сходу понимать каждое слово. Увидев, что я его не понимаю, он заговорил со мной по-латински так, как я говорил бы с ним на готском.

– До Вероны довести могу тебя. Отказывайся не – я сам торопиться туда. Тебе не стоит бояться я. Доброму римлянину готы вреда на делать. Готы – мудрый народ. Лезь на мой конь.

Я замер в нерешительности. Гот заговорил со мной теперь на своём языке:

– Глупый римлянин, не бойся. Пусть бояться те, кто с мечом осмелится идти против готов.

Я улыбнулся и сделал шаг вперёд.

– Запрыгивай! Или оставайся здесь, римлянин. Я тебе не хозяин. Но твоего короткого кинжальчика против стаи вол-

ков будет недостаточно.

Ветер меняет своё направление так же быстро, как и мнимые планы, делающие будущее, будто бы, предсказуемым.

Даже пытаясь не упасть с этого коня, я не мог перестать думать о своём друге, по чьей вине оказался здесь. Единственной живой душой, которую я мог спросить о нём, был этот варвар. Но известно ли ему хоть что-нибудь? В ответ, он лишь махал головой, будто и вправду ничего не знал, пытался избавиться от глупых вопросов назойливого римлянина.

Моего неожиданного спасителя звали Ростриком. Он называл себя мастером работы по дереву. Но это ничего конкретного не подразумевало. Он мог оказаться как дровосеком, так и оружейником, изготавливающим луки и копья, а так же художником, вырезающим лица на деревьях – но последнее было слишком маловероятным. Но он не мог очутиться у моего дерева просто так. Всё выглядело так, будто кто-то послал его за мной, точно зная, где меня найти

Об этой истории он рассказал мне только на следующий день вечером у костра, сделав последнюю остановку перед Вероной.

По пути Рострика в Верону, где он должен был договорить о сделке с одним купцом из римской Равенны, ему повстречался один странный старик, путешествовавший в одиночку. Сначала, он попросил у гота воды, а затем отдал ему, Рострику, всё золотое, что у него было. Рострику нужны были деньги, но он не хотел их брать у такого немогущего ста-

рика, но незнакомец сказал, что золото всё равно ему ни к чему. Взамен, он попросил Рострика исполнить его просьбу. Он должен был поехать по указанной стариком дороге и подобрать первого встречавшегося ему римлянина. Затем, попросил отвести его в Верону, куда Рострик сам направлялся.

Вот так Флавий Тиберий и решил распрощаться со мной, передав последний привет таким странным способом. Только одному ему была известна причина такого его внезапного решения. Нужно было всё наше золото хранить у себя – тогда, возможно, Флавий Тиберий не решился бы. Хотя, когда что-либо на этом свете могло его остановить?! И без золота он смог бы найти для себя путь, даже ели двигаясь от усталости. Зачем он это сделал?..

Римская Верона долго держала осаду против готов в дни их вторжения в Цезальпийскую Галлию. Но, в конце концов, она сдалась на милость захватчиков. А вождь готов вместо того, чтобы разграбить и разрушить до основания прекрасный город – решил сделать его столицей своего королевства. Вскоре, под их мечами падёт и Равенна – чуть ли не последний город, сохранивший независимость. Многие прекрасные титаны, украшавшие собой центр империи, пали в дни страшной бури. Но Верона – остаётся жить, став столицей нового государства на осколках былой империи. По крайней мере, до тех пор, пока какое-нибудь другое, более сильное племя не захватит и её.

Прибыв в Верону и выполнив условия своего договора со

старым безумным римлянином, повстречавшемуся Рострику по дороге, он всё-таки счёл правильным познакомиться меня со своей женой и детьми; а затем, угостить меня ужином, назвав гостем в своём доме и разрешив остаться у него на ночь. А я просто обрадовался, что мне не придётся ночевать сегодня где-нибудь под городской стеной или в приюте для нищих. Но в этом городе я в любом случае не собирался оставаться долго – уже завтра я распрощаюсь с Ростриком и его семьёй. Делать мне в готской столице совершенно нечего. Особенно, не забывая о том, что я римлянин. Я всё же разыщу Флавия Тиберия, чего бы мне это ни стоило; а затем, задам ему вопрос: зачем он оставил меня? И я найду его, если смерть не настигнет его быстрее.

Этой ночью мне приснился странный сон. В нём я разговаривал с Аппием Примулом. Первый сын Флавия Тиберия сам уже давно был стариком. Я стоял вплотную к нему, но сам он упорно отказывался замечать моё присутствие, будто я не мог быть для него ничем, кроме безымянного призрака. Он глядел куда-то в сторону и просто молчал. Я даже стал сомневаться – правда ли это Аппий Примул или лишь его призрак? Лишь спустя много времени, потраченного впустую на попытки начать разговор со статуей, я обратил внимание на то, что находимся мы среди руин богатого римского дома, который в былые времена мог стать виллой знатного человека или даже самого консула. Точно, это прекрасно место и было виллой Флавия Тиберия. Не помню, что бы я бывал

здесь раньше. Как я мог увидеть во сне то, чего ни разу не видел наяву?! Нет, никакая это не вилла Флавия, а всего лишь плод моей фантазии. И Аппия, которого мы так долго преследовали, я тоже выдумал, чтобы хоть во сне поговорить с ним наконец о его отце.

– Зачем вы преследуете меня? – спросил он, когда я уже собирался взлететь в небо и навсегда покинуть это место.

Я всё ещё стоял у выхода, в любой момент готовый взмахнуть руками и пролететь птицей над полями и лесами вокруг, но Аппий будто заморозил меня и я не мог двинуться с места.

– Что? – переспросил я.

– Зачем?! Почему вы просто не можете оставить всё как оно есть?!

– Потому что твой отец хочет найти тебя, Аппий. Ты даже не можешь представить, через что он прошел, чтобы встретиться с тобой.

– Хотел бы я, что бы ты говорил правду. Но ты лишь обманываешь сам себя.

– Я не лгу. Твой отец – мудрый человек, но он тоже часто совершает ошибки; и некоторые из них лишили тебя твоей семьи. Он лишь хотел всё исправить.

– Он зря старается – я никогда уже не вернусь в это гнилой город. Я не знаю, чего вы добиваетесь на самом деле, но прошу оставить это, чем бы оно ни было. Давай, улетай уже отсюда – нам не о чём больше разговаривать. Возвращайся в

Рим и живи там своей жизнью, не вмешиваясь в чужие.

Подул сильный резкий ветер и меня чуть не сдуло наружу. Я еле удержался – нам пока рано заканчивать этот разговор.

– Аппий Примул! Твой отец – герой Рима. И всё, чего он хочет в последние свои дни – это увидеть своего первого и самого любимого сына. Не отказывай ему в этом. Ему есть, что сказать тебе. Прими старика и выслушай его слова. И уж решай: простить того, кто забыл о твоём существовании, но раскаялся в этом, или нет – только ты можешь сделать этот выбор. Но всё равно: выслушай его последнее слово, ведь твоё он услышал.

– Снова ложь! Ничего и никогда он не слышал.

– Твоя прощальная записка, Аппий, адресованная твоим братьям и тем, кто захочет её прочесть. Услышав твои слова, оставленные на бумаге, твой отец решил ценой последних своих дней найти тебя и рассказать обо всём. У него родился последний сын, Аппий. Твоего младшего брата зовут Тандемус Сперо. Вряд ли Флавий Тиберий когда-нибудь ещё увидит его – ведь он захотел напоследок проститься именно с тобой. Он сам так решил.

Аппий какое-то время ничего не говорил, а затем кивнул:

– Хорошо. Я подумаю.

Ветер ворвался с новой силой, схватил меня и вышвырнул прочь из этого дворца, а затем и из самого сна. Так я и проснулся, облитый холодный потом и бьющимся как молнии сердцем, вот-вот грозящим вырваться из груди.

Первым человеком, которого я встретил в новой реальности, был Рострик. Даже я догадался, что морщины на его лбу и напряжённые мускулы всем своим видом выражают беспокойство – и я решил заранее рассеять его волнения.

– Всё хорошо.

– Ты болен? – спросил он, будто вообще меня не слышал.

– Всё отлично. Я очень признателен вам за гостеприимство. Но теперь, я должен идти.

– Уже уходишь, римлянин?! Куда ты так торопишься?

– Тот старик, который заплатил вам – он мой друг...

– Мне это известно.

– ...И я должен догнать его, чтобы он не успел далеко уйти от меня.

– Что ж, надеюсь, ты сможешь подождать ещё немного.

Никуда не уходи, я скоро вернусь.

Я постоял немного в дверях, а затем, когда он снова явился ко мне, но на этот раз уже с топором в руках, попятился назад.

– Забыл сказать, что в условия нашей сделки со стариком входило так же задержать тебя здесь на какое-то время. Я взял приличную сумму, оставив его почти ни с чем. Разве я могу нарушить обещание?! Подожди, куда ты, подойди ближе.

Теперь, он говорил со мной только на своём не похожем ни на что языке. Но фразы, которые он выкрикивал мне в след – в переводе не нуждались, от них и без того вяли уши.

Пришлось бежать – притом с ловкостью олимпийского игрока, та как спасаясь от гота с топором в руках, невольно выложишься на полную.

Вроде, оторвался. И не с такими приходилось иметь дело. Если бы он меня догнал – пришлось бы защищаться всеми силами. А с какой стороны здесь ни посмотри, но оставлять труп за спиной – не самое лучшее, что может сделать римлянин в королевстве готов. Но всё равно, теперь, мне придётся чаще оглядываться по сторонам, чтобы не наткнуться на подобных сумасшедших.

Варвары переняли образ жизни у побеждённых римлян. В их столице процветают ремесленничество и торговля. На осколках империи рождаются новые государства, пользующихся мудростью и опытом Рима, смешивая их со своими традициями и культурой. И хоть повсюду царит вражда и недоверие, когда столетия бесконечных войн пройдут и настанут столетия строительства – потомки варваров, используя опыт Рима, смогут достичь ещё больших высот. Начнутся интересные времена. Лучше мне в это время находиться как можно дальше отсюда. Ещё грянут племена куда более жестокие, чем гунны и готы.

Но между простыми людьми, даже в самые тёмные времена, всегда найдётся место и для взаимопомощи. Поэтому, у городских ворот, мне не так уж и долго пришлось уговаривать одного готского торговца с его женой подвести меня в своей повозке до дороги на запад. Он согласился и я, нако-

нец, покинул город, который ещё не забыл, что значит быть римским. Уже после я понял, что торговец вполне мог иметь намерения продать меня в рабство, но ему это так просто не удастся. Не на того нападаете, готы.

Мне не хотелось задерживаться в компании семьи торговца надолго. Да и вообще, чем быстрее я покину королевство готов – тем будет лучше и для меня, и для всех. Но найти проклятые развалины и двух полоумных римских стариков – стало для меня почти, что делом чести, которое я не мог просто так бросить на полпути.

– Зброшенные римские дома?! – переспросил готский торговец, – ты сам из какого леса вышел?! Они ведь повсюду – сам решай, какой тебе подходит. Только, ты всё равно там ничего найти не сможешь. Никаких сокровищ там уже давно нет.

– А может, вы знаете виллу у пруда? С большими каменными столбами, мраморными женщинами и фруктовыми деревьями?

– Там целые города таких были. Всё равно ничего не осталось..

– Хорошо. Но, может, вам приходилось бывать у дома, стоящего вдалеке от остальных, как бы прячущегося.

– Может и приходилось, но тебе-то что с неё?

– Ты видел её! Скажи, где она?

– Какой мне толк что-либо тепе говорить? Ещё несколько слов от тебя – и я выброшу тебя прямо здесь, римлянин.

Я вспомнил про кольцо, которое подарил мне готский охотник. Я опустил глаза, пытаюсь найти его, а затем достал и протянул торговцу:

– Это всё, что у меня есть. Деньги у меня украли. Мой друг погиб по пути; мы искали его сына. Он должен прятаться на этой вилле. Я поклялся, что найду его, чего бы мне это ни стоило. Но вот это – последнее, что у меня осталось.

Торговец взглянул на кольцо, а затем не стал брать.

– Вряд ли я смогу его кому-нибудь продать. Кто дал его тебе?

– Один добрый человек из этих мест.

– Вы, римляне, ничего не знаете о готах, хоть теперь мы и соседи. Такие кольца можно только дарить – и только добрым друзьям, желая им удачи в охоте или путешествии. Я не приму этого от тебя. Я по-прежнему думаю, что ты, как и все римляне, просто хитришь и знаешь о каких-то сокровищах, которыми не хочешь делиться.

– Разве для человека есть что-либо важнее первого сына?!

– Какой же ты дурак. Два дня пути вон в той стороне, – не глядя, он взмахнул в сторону севера, – и убирайся из моей повозки, проклятый римлянин.

Я вспомнил про кинжал, спрятанный у меня на поясе. Я снял его и протянул торговцу.

– Возьмите это. Я останусь безоружным, но зато отплачу вам долг.

– Дурак. Как же ты собрался выживать в этих местах, не

имея даже ножа?! Нож в лесу – ценнее мешка с золотом. Сказал же, убирайся уже. И не зли других людей с оружием.

Я поклонился и снова отправился в путь. Дорога действительно была не близкой, зато приятной. Могущественной и прекрасной – такой была дорога вокруг, и другие слова я не мог для неё подобрать. Этот путь меня к Флавию Тиберию и Аппию Примулу – значит, он стоил того, чтобы пройти его до конца.

Я спал совсем мало в высокой траве в нескольких десятках шагов от дороги, чтобы как можно скорее продолжить путь и не бояться опасности, пока я сплю. Я думал над тем, что буду делать, если в конце пути никакой виллы там не окажется. А затем, я вспомнил о тех, вместе с которыми просиживал долгие дни в римских библиотеках. Им показалось бы бессмысленным моё упорное желание исполнить просьбу друга, все приключения, случившиеся с нами по пути, которые может и вовсе ни к чему не привести. Но и всем тем моим соратникам по старинным свиткам – не светит и миллионная часть того, что увижу и познаю я. Пока я могу идти вперёд – я не остановлюсь. Лишь бы Флавию Тиберию хватило мужества думать точно так же; и дойти до этой виллы в одиночку, как он сам решил, по дороге, где всё может произойти.

Прошла ещё одна ночь; затем, ещё одна. Два дня пути, о которых говорил торговец – уже прошли, а я так никуда и не пришел. Другому на моём месте показалось бы, что он вко-

нец заблудился и наматывает теперь круги по лесам и лугам. Да, мне тоже приходили мысли о том, что торговец мог направить меня по ложному пути. Хорошо, что хоть с помощью ножа я мог добывать себе еду. Все мои сомнения перекривала одна мысль: если я сейчас поверну назад, то сколько столетий буду об этом жалеть? Безусловно, вина будет грызть меня подобно шакалу намного дольше, чем длятся несколько самых долгих человеческих жизней. Поэтому, я продолжал идти дальше, хоть и не прощаясь с мыслями о том, что что-то упустил.

Это могло продлиться ещё несколько дней или даже все десять. Даже не знаю, что могло заставить меня остановиться. К счастью, делать этого и не пришлось.

В один из этих однообразных дней я заметил брошенную хозяевами виллу у пруда. Она была в точности такой, какой я видел её во сне – в самом прекрасном из мест, которые только встречались мне на пути. Я направился к ней, не имея ни малейшего понятия, что меня ждёт внутри. От римского старика-отшельника до диких зверей или банды разбойников – бесчисленное множество вариантов тех, кому могли бы прийти по душе эти образцовые римские руины. Хуже всего было обнаружить там уже хорошо знакомую мне пустоту.

Первое время, я мог думать только о пугающей безлюдности этих мест. Варвары опустошили города и убили правителей. Но люди жить остались – хотя бы те же готы. Откуда же тогда мог появиться этот ветер, точно поющий свою ме-

лодию для камней о том, что люди на всей Земле исчезли?

– Стоять, кто там? – донёсся до меня голос со стороны, – не советую даже и думать о том, чтобы сбежать или защищаться. Один раз зайдя сюда – тебе, незнакомец, уже точно так просто не выйти.

– Аппий Примул! – закричал я изо всех сил, подняв руки вверх, – Аппий Примул Перн! Первый сын Флавия Тиберия Перна, знатного и почётного человека из великого и вечного города Рима.

Голос за моей спиной ничего не ответил и я отважился повернуться к нему лицом. Я увидел человек, держащего натянутый лук и всем своим видом дававшего понять, что я действительно попал в передрагу; но теперь, сам он сомневался в этом. Он услышал своё старое имя и имя своего отца. Грозный вид мигом исчез с его лица, а на глазах чуть не выступили слёзы от далёких воспоминаний.

– Рима больше нет – ни великого, ни вечного, – сказал он, – как нет и тех, чьи имена, как истинный римлянин, ты имел бесстыдство назвать. Есть – только развалины старых чудес.

– И что же ты хочешь всем этим сказать, Аппий?

– То, что этот человек – Флавий Тиберий Перн, как ты его назвал – мёртв. Я нашел его тело восемь дней тому назад, когда выходил на охоту – всего в нескольких сотнях шагов от этого места, где стоишь сейчас ты. Он мог бы быть здесь намного раньше, чем ты. Он умер в землях, которые когда-то

принадлежали ему, как и этот дом. Я должен сказать, что его жалкая смерть – совсем не похоже не конец великого римлянина – никто не втыкал кинжалов ему в сердце и не травил ядами. Я покрыл его тело бальзамом, чтобы оно сохранило свой прежний облик до этого дня. И сегодня, я похороню его согласно древних традиций моего исчезающего народа.

Он показал его мне. Ветхий, больной старик, недошедший самостоятельно всего пары сотен шагов до своей цели, будто заснул ненадолго и вот-вот проснётся.

– Хороший у тебя бальзам. Кажется, будто смерть настигла его только сегодня.

Он так и не успел объяснить мне, почему избавился от моего участия в этом путешествии – ведь тогда у него было бы больше шансов добраться сюда. Как и его сына, этот общественный человек был всю жизнь помешен на одиночестве. Спой путь он закончил в нём – среди воспоминаний и старых чудес.

Аппий соорудил гору из веток, водрузил тело этот холмик из хвороста, а затем положил два динара на глаза отцу. Он положил у подножия несколько венков из лозы, а я нарвал цветов в поле и тоже положил их к ногам Флавия. Аппий облил тело отца вином из кувшина, не жалея ни капли, а затем, поджёг его. Он встал на колени прямо у огня, не страшась обжечься, и заслонил ладонями голову. Сквозь шипение огня, можно было услышать его хриплый плач.

Я достал кольцо, которое отдал мне готский охотник. Его

дарят добрым друзьям, чтобы пожелать удачи в охоте или путешествии. Путешествие Флавия – одно из тех, в которое я отправлюсь ещё не скоро. Вместе со всеми моими друзьями за все века – он будет ждать меня там. А пока, всё, что в моих силах – это пожелать ему удачи. Я бросил кольцо прямо ему в костёр.

– Ты простил его за всё, что он с тобой сделал? – спросил я Аппий в конце.

– Думаю, раз он оказался здесь, то ему хотелось бы этого. Конечно, незачем теперь держать на него зла. Он пострадал намного больше, чем я.

– Ты собираешься умереть здесь?

– Для начала, я собрался остаться здесь жить. А что будет дальше – меня уже не волнует. Пусть мои кости останутся среди этих камней, а мясо склюют вороны – что мне с того?!

Он собрал обгорелые кости своего отца и окропил их вином. Затем, собрал пепел в урну. Кости закопали на рассвете, а урну оставили в саду.

На следующий день, я отправился дальше на север, искать свою судьбу, не думая даже возвращаться в Рим. А Аппий Примул снова остался один.

Сборка Третья

Большинство из тех, кто вышел из обоих ворот двух великих городов – уже на следующий утро кормили червей и хищных птиц. А из оставшихся в живых никто не отважился бы утверждать точно, кому принадлежит победа. Только смерть одержала верх в тот день в битве над жизнью.

Римский трибун после разгрома своих основных сил собрал несколько больших отрядов и уцелевших воинов и набрал в свои ряды тысячи новобранцев из крестьян, которых срывали с работы на полях и деревнях. Всё римское могущество, в те времена, довольно скромное, работало на войну. Как римляне победили нас? Они быстрее зализывали раны. Сколько бы людей они ни потеряли, их ряды пополнял молодняк. Они считали себя детьми войны. Вся их жизнь с давних времён была борьбой.

Казалось, после битвы римляне не отважатся выступить вперёд, рискуя всем. Но вот, под предводительством молодого трибуна, их легион шагал победным маршем, который через века прозвучит во всём мире, на север от римских стен.

Мне оставалось только верить и надеяться, что мой новый друг Касс не погиб в тот день. Но по крайней мере, он исчез. Я сбежал из этрусского войска – пусть они думают обо мне, что я погиб или попал в плен. Хоть и сравнивая себя тогда со мной сегодняшним, я был совсем младенцем – уже в те

времена я понимал, что возвращаться в город, который вот-вот окажется в осаде глупо, а для меня и вовсе бесполезно.

Языку римлян, латыни, я учился у пастухов, которых мы встречали с Гелионом. Говорил на ней я неброско, но считал, что у меня будет достаточно времени для практики и я быстро её освою. Говорить на этрусском там, куда я решил отправиться, было опасно, но я верил, просто знал, что все несчастья обойдут меня стороной.

Нет, я вовсе не считаю себя предателем. Одному человеку, по крайней мере, я был предан всегда и остался таким после его смерти. И для меня важнее всего было найти виновника его гибели и сделать ему так же больно, как он сделал мне. Я ещё узнаю, кем он был и как его звали. Но одно я знал точно: если это и вправду был один жителей Вей, то ему некуда было идти, кроме Рима. А даже если он был римлянином, а не этрусском – все дороги вели в один город.

На время, мне придётся забыть свой язык и происхождение, чтобы попасть туда – только после торжества справедливости я смогу успокоить свою обожжённую огнём гнева душу. И если мне это не удастся – вся жизнь будет как одно мгновение боли, бессмысленным и бесполезным. А после смерти – душа моя не сможет попасть в царство мёртвых – вечно быть ей тенью, днём прячущейся от солнца, а ночью сидящей у костра. Это старая этрусская вера: пока жив, должен выполнить все взятые на себя обязанности и отдать долги друзьям и врагам; и горе тем, кто ушел из жизни, оставив в

этом мире незаконченные дела. Поэтому, последние дни перед войной – это всегда праздник прощения грехов. Воину, держащему щит за Этрурию, прощают все долги, не держат зла и ничего не ставят в вину. Отправившись на поле смерти, мне тоже прости всё; но у меня перед собой ещё оставалась невыполненная цель – отомстить. А потому, мне нельзя умереть. Да помогут мне шестнадцать небесных богов и верховный Тиний над всеми ними.

Ворота Рима не произвели на меня того впечатления, что на путников оказывает огромная арка над входом в Вейи. В отличие от этрусских городов, Рим – не похож на крепость, способную выдержать долгую осаду. Жилые дома начинались уже на подъездах к городу. Численность населения Рима так быстро росла, что не все могли теперь укрыться под защитой городских стен.

Глядя на это зрелище, становится ясно, почему римляне так боятся этрусков. Если достаточно большая армия подойдёт к этим стенам – сенаторы Рима потеряют всё – и власть, и жизнь. И Рима не станет. Потому, эти латинские варвары стремятся избавиться от окружающих их опасностей как можно скорее, любыми способами. Рим – уязвим и беспомощен. Но обладает впечатляющей, невероятно сильной волей к жизни. А потому, для достижения своих целей они не станут брезговать никакими методами. Не приходилось ещё Этрурии встречать более грозного врага. И если падут Вейи, названные в честь богини, то и все остальные города, один

за другим, исчезнут.

– Покупайте! Лучшее вино, самые мягкие ткани! Такого вы больше нигде не найдёте!

– Говорят, за одну ночь он может сделать десятерых девушек женщинами.

– Враки это всё. Я уже слышала.

– Обманываешь. У него дешевле. Возьму за одну драхму – и не торгуйся больше, больше не получишь.

Хоть многие слова мне до сих пор были непонятны, ясным стало одно: Рим – один из тех городов, в которых люди давно перестали править. Теперь, это город духов. Он победит любого врага – пусть в крови пройдёт не один год, но горы раздвинутся перед теми, кто изобретает новые и уважает старые средства – всё, ради победы Рима.

Да, в Риме не выжить, не имея друзей, способных подтянуть сверху или подтолкнуть снизу в момент, когда это окажется необходимым. А для человека, способного выдавить из себя лишь несколько общих фраз на простонародной латыни – найти правильных друзей не самая лёгкая из задач. Здесь мне понадобится чудо. Знаю, взрослому мужчине стоит надеяться больше на себя, чем на богов, особенно, когда действовал с их согласия. Если слишком часто обращаться к ним за помощью, они могут и вовсе забыть о том, что существовал такой герой. Но теперь, видимо, мне ничего другого не остаётся. О богиня Вей; и Тухулку, даровавший мне бессмертие, которое дало мне уцелеть в самом жару сражения

– разве оставите вы меня сейчас, когда я один, без ничего, остался в кругу врагов?!

Тебе вообще никогда не стоит думать, что твои проблемы кто-нибудь решит за тебя, – позволил я перебить тебя, – почему это кто-то должен вечно вмешиваться в твои дела?! Ты сам всё начал – вот и разбирайся бы со всем своими силами. Я уже жалею, что подошел к тебе в один из твоих моментов крайнего упадка сил. Но, чего и говорить, ты – был для меня тогда и правда находкой века, не сравнимого с сокровищами римских карманов.

– Я могу помочь, – было сказано тогда, – видимо, протянутая рука помощи тебе не помешает. Давай, подымайся.

Я услышал, как ты стоял на коленях и будто бы молился, умоляя о помощи. Каким же ты тогда показался мне хорошеньким.

Наверное, раз разговор зашел об этом, будет уместно представиться. Вот он я, в те далёкие времена: при весе, при одежде, при деньгах, без бородки, уже с приличным возрастом и опытом за спиной. Мне стоило вставить своё слово и напомнить о себе и раньше, но только для того, чтобы предвосхитить этот момент. До чего должен быть тесен этот мир, если два единственных в своём роде бессмертных встретились в одном месте при подобных обстоятельствах, даже не зная о том, насколько они близки, несмотря на всё, что их различает. Впрочем, что было правдой – того не исправишь. Хотя, если постараться, то и такое было бы возможным. Но

это не моя забота – если правда, значит только правда обо мне и всём.

Скажу прямо: ты должен быть мне благодарен, как всем своим шестнадцати богам или кому вы там поклоняетесь. Целый день я был занят тем, что делал ничего. А выйдя на улицу, мой глаз случайно упал на тебя – милого молодого парня, всем своим видом просившего о помощи и приюте.

Приняв во внимание твой сегодняшний раз об убийстве и мести, должен сказать, что на кровавого мстителя ты тогда был похож меньше всего. Ты был бродягой – напуганным ребёнком, еле говорившем на латыни так, что любому в Риме быстро стало бы ясно его происхождения. Придя в этот в те времена, ты обрёл себя почти, что на верную гибель. Но я нашел тебя первым и спас от избиений или ещё чего похуже. Как тебя вообще пустили внутрь города?! Вечно эти стражники что-нибудь да недосмотрят.

Этот человек взял меня за руку и повёл за собой. Я пытался шагать с ним в ногу, но он слишком торопился. Мне пришлось пойти с ним – другого варианта, видимо, у меня не было. К тому же, он говорил мягко, будто сам доверился мне; хоть и по его действиям это было не заметно. Я подумал тогда: ладно, пойду с ним, а затем посмотрю, что из этого выйдет.

Эх, действительно ребёнок – а ведь сладкий-то какой. Сейчас найти таких в Риме стало труднее из-за войны. Сенаторы недавно приняли закон: каждый солдат римской ар-

мии, и призывники, и добровольцы, получают за воинскую службу жалование и жильё. Это была та ещё новинка, должен я сказать. Во все времена до тогдашних солдаты не получали за службу ни жалования, ни жилья. Война – была долгом для всех, а не ремеслом. Когда враг напал или мы сами решались напасть – люди бросали свою работу и брались за оружие. Но теперь, появилась «регулярная армия» – одно из римских изобретений – солдаты, которые были и оставались солдатами всегда. И как это ни странно, очень многие хотели попасть в их ряды и получать деньги за войну, будто на этот свет они и пришли только ради того, чтобы убивать.

Я уже не верил, что найду подходящее пополнение для своего заведения – и вот, внезапно, я встретил тебя. Глядя на тебя, я понимал – тебе, в отличие от остальных, не хочется воевать. Всё, что тебе было нужно – это дом.

Мы вышли с рынка, но недалеко. Этот человек спросил меня, голодный ли я? Есть ли мне где переночевать? На оба вопроса в ответ я только промолчал, отводя глаза куда-то в сторону. Тогда, он спросил меня о самом важном: чего я хочу достигнуть? Что я ищу здесь? И эти вопросы от него я не мог просто так оставить без ответа.

Молчаливый оказался паренёк, но разговорить я его всё-таки сумел. Вот только больно наивным оказался он. Спросил: не знаю ли я людей, которые настолько хотели бы войны с Вейями, что готовы были бы убивать и этрусков, и римлян? Я ответил ему первой фразой, пришедшей мне в голову: каж-

дый римлянин хочет войны. Мы – её сыновья и никогда не разучимся держать кинжал, копье и щит. Но его вопрос почему-то напомнил мне о недавней волне убийств, прокатившихся по городу и, по словам кузнецов, совершённых этрусскими клинками. Среди нескольких пострадавших был один мой хороший знакомый. Действительно, в тёмную и неприятную историю пытается влиться этот малыш.

Он сказал мне, что хочет устроить меня на работу. Уже тогда я начал что-то подозревать в этом человеке. Подобных людей можно встретить и в Вейях, и в Риме, и в любом другом большом городе в этом мире. Но самому мне никогда и думать не приходилось, что я буду иметь с ними какие-то дела.

Когда он завёл меня внутрь дома, который он назвал своим, этот человек предложил мне немного перекусить. Обед был восхитительным, а вино сладким и вкусным. Он спросил: хочу ли я питаться так каждый день с этого момента и навсегда? Иметь возможность найти тех, кого я ищу и получить крышу над головой вместе с уверенностью в завтрашнем дне. Он предложил мне то, от чего я в любом случае не смог бы отказаться – его люди уже ни за что не отпустили бы меня наружу. Мне захотелось достать нож и покончить с ним прямо там. Вот только сделай я так, как задумал – что было бы со мной дальше?!

Да, теперь этот парень мой – думал я. Ему никуда от меня не деться. Можете называть меня как угодно после этого, но

я сам, да и многие люди вместе со мной, считают, что я занимаюсь добрым и полезным делом. Многие люди обладают красивыми телами, но не знают, что с ними делать. Судьба не одарила их ни приличным состоянием, ни умом, который позволил бы им прокормить себя в этом жестоком мире. Тогда, к ним на помощь прихожу я. Я покупаю их красоты и тела, а затем перепродаю её тем, кто готов за неё платить. Ко мне в дом заходят самые влиятельные и богатые люди Рима. То, чем я занимаюсь – это вовсе не рабство, как теперь это называют, а скорее наёмная работа без права увольнения. Ведь мои девочки и, в немного меньшем количестве, мальчики получают за своё благородное дело намного больше, чем так называемые «говорящие орудия» труда. Им не приходится выполнять тяжёлую работу. От них требуется только быть послушными. Я делал всё правильно и совесть моя была чиста – тем более, в те времена никому и в голову прийти не могло меня в чём-нибудь обвинить. Какие времена – таки и нравы. Разве что, теперь я могу это признать: к тем, кто слушался, я проявлял несоразмерную жестокость.

Тогда, я спрятал нож так, чтобы его не могли найти даже хозяева дома, но сам я мог воспользоваться им, когда появится такая необходимость. Больше всего мне хотелось теперь вернуться домой. Но это было уже невозможно во всех отношениях. Я решил подождать и посмотреть – вдруг среди тех людей, что заходят сюда ежедневно, скрывая лица за капюшонами, найдётся тот, кто причастен к тем убийствам

или кто знаком с одним из организаторов этой провокации. Воодушевившись этими мыслями, я и сам не заметил, как много времени провёл в заточении этого дома.

К нам часто заходили философы, торговцы и политики – люди, успевшие за свою жизнь принести большую пользу римскому обществу. И они заслужили своё право проводить время в компании молодых девушек и юношей – кому что больше нравится. Конечно, простые люди тоже навелись к нам. Но часто, у них просто не хватало денег, чтобы заслужить компанию моих самых прелестных созданий. Поэтому, моё заведение сохраняет всю возможную при своём статусе пристойность. Вспоминая об этом сейчас – я начинаю тосковать по тем временам.

Когда я остаюсь наедине с гостями: до того, как меня разденут и после того, когда гость сделает всё, что захочет – у меня есть время поговорить с ним. Это – основная, если не единственная моя связь с внешним миром. Некоторых из них мне хочется придушить на месте; другие, более ласковые дамы, могут выболтать несколько интересных новостей. Так я узнал например, что Риму приходится воевать на четыре фронта: с этрусками и союзными галльскими племенами. Может быть, у моего города ещё есть надежда?

– Нет, сказал один из гостей, когда я спросил его мнение об этом, – оракул предсказал победу Рима. Этруски будут защищаться отважно, но римляне сумеют одолеть их хитростью.

– И какой же?

– Откуда мне знать?! К тому же, в любом случае, я не стал бы рассказывать. В секрете – и лежит вся хитрость.

Тем не менее, проходят годы, а Рим терпит поражение за поражением. Они воюют зимой и летом, когда этруски по-прежнему соблюдают традицию: не вести войну с начала зимы до самой весны. Может, в этом и состоит хитрость? Тогда, она им всё равно не поможет. Ничто не пробьёт крепкие этрусские ворота в лоб.

Я был им доволен – на этого парня можно было положиться. Вот только есть у него какой-то секрет. Он постоянно думает о чём-то – но не наказывать же мне его за это?! О чём же он так усердно размышляет? Об убийстве? Что-то заставило меня подумать тогда, что и он сам мог бы стать неплохим убийцей. Но не это я увидел в нём, когда встретил на улице. Как же я мог так ошибиться...

Нет, это не правда, что я думал только о поимке убийцы и мести. Дом, в котором я жил, был очень тёмным. На солнечный свет мы выходили крайне редко, почти всегда довольствуясь одним лишь племенем свечи. Как и многие из тех, кто жил вместе со мной, я думал больше всего про настоящий свет – про свободу. Я думал о побеге, но видел, как наказывали тех, кто пытался. Их отдавали на мучения особым гостям – каждый день, по заниженной цене, чтобы те страдали дольше. За второй побег – их скармливали червям и умирали они долго, и так, чтобы слышать мог каждый. Но

всё равно, один за другим, те, кого я знал, пытались сбежать. Их ловили. Но не всех.

Вот только – куда они пойдут дальше? Мечтать о свободе – одно; а вот оказаться там – совсем другое. Может, лучше всего думать о том, как жить дальше; а остальное – как пойдёт.

Я уже давно перестал вести счёт столетиям, которые прожил. В уж годам и подавно. Первым делом, когда ты становишься бессмертным, ты перестаёшь обращать внимание на время – оно становится тебе безразлично, как и всё, что связано с ним или находится в нём. Но неожиданно для самого себя, я задумался над тем, сколько же мне лет? Это произошло после того, как один из лучших моих мальчиков устроил настоящую бойню в моём доме, уничтожив и гостей, и моих девочек, и видного римского политика; и меня самого.

Лицо бессмертного, как известно, не статично. Мы тоже умеем стареть, правда, совсем не так, как простые смертные. Со временем, морщины сглаживаются, кожа вновь становится гладкой, мы становимся молодыми лет, скажем, до двадцати; а затем, вновь начинаем стареть. Наш облик застыл между годами, перекатываясь из одного возраста в другой. Но и это ещё не всё. За десять лет наше лицо может постареть всего на один год – это я уже давно заметил на себе. Исследование бессмертия с целью избавления от него – работа не на один век и даже не на тысячелетие. Зато, время и накопленный опыт позволяет исключить вероятность ошибки.

Я насчитал девять лет, которые этот парень прожил у меня. Он хорошо сохранился – не сказал бы, что он особо изменился с тех пор, как я его нашел. Такое иногда происходит с людьми, но в его случае, как мне кажется, это не тот вариант. К тому же, дополнительные подозрения у меня вызвало то, как он смог расправиться с таким количеством мужчин и женщин? Невозможно, чтобы кто-нибудь из них не защищался бы и не убил бы этого мерзавца. Тогда, я понял, кто жил все эти девять лет у меня под крышей и кого я потерял в тот день. Сколько бы я ни искал тебя впоследствии, ты был не глуп, хоть и до пятидесяти лет не умел читать. Разыскать тебя вновь мне удалось лишь спустя не одну сотню лет.

Попробую объяснить: впервые в жизни я убил кого-то намеренно, потому что хотел этого. Впервые я устроил настоящую бойню. Всё это – совсем не похоже на того, кем я был, как мне казалось, всю свою жизнь до и после. Но как бы я ни сторонился битв и убийств в дальнейшем – прежнем после этого я быть уже не мог.

Моему хозяину (так, вроде бы, я должен был его называть), из далёкого, как сами звёзды, Египта один человек привёз несколько флаконов с каким-то веществом, за которые он заплатил столько, сколько мне и за десять лет не заработать. Я внимательно следил за всем, что происходило в этом доме; а самое важное – тщательно всё запоминал, в самых мельчайших деталях. Как я догадался, во флакончиках этих находилось некое магическое вещество, которое поз-

воляло увидеть то, чего не видят другие, и рецепт которого держался в строгой тайне. Магическое – в самом худшем смысле.

Принимая это вещество, человек изрыгал себя дым, будто внутри него загорался костёр. Хозяин принимал его вместе с одним своим другом, которого я раньше здесь никогда не видел. Если он не появлялся здесь – значит, он хороший человек и обходит этот дом десятой дорогой. Но, как я выяснил позже, всё было совсем наоборот.

Закрывшись в одной из тайных комнат, они стали пить вино и принимать это вещество, выдыхая дым, будто стали богами. Мне было плохо видно сквозь узкую щель, но слышать их мог, наверное, чуть ли не каждый в доме – настолько они потеряли чувство реальности. Если хозяин, будь он одержим хоть тысячью демонов ада, сохранял спокойствие, то его друг утратил последние крупинки человеческого, которые в нём оставались, если вообще были. Первым ему под руку попался я. Он избавился от всей одежды и принялся за своё. Я думал о цветах, которые растут в полях неподалёку от Вей. Когда последние силы у этого дьявола иссякли, я задал ему вопрос, который, за последние несколько лет, я не задавал никому: знает ли он что-нибудь об убийствах, прошедших в Риме и в Вейях девять лет назад?

Неудивительно, что волшебное вещество притупило его ум, а вино развязало язык, настолько, что он рассказал мне обо всём. Друг хозяина – был видным патрицием и военна-

чальником, чьи задачи заключались в политических интригах, тайнах, а самое главное – победе Рима любой ценой. Он находился на самом острие копья блаженства и не мог лгать или молчать. А я слушал.

Да, он знает убийцу. Он даже помнит, сколько золота стоил Риму тот заказ.

– Вот только, – сказал он, – всё это – уже забытая история. Убийцу зовут Кассорикс – юноша из Вей, который выбрал правильную сторону.

– Кассорикс?! Правильную сторону?! Силы Рима на исходе. Война длится уже девять лет. Совсем немного и наступит десятый. Легионы сражаются на четыре фронта. Ещё один год такой войны – и Риму придётся отойти от стен Вей и сдаться.

Он дал мне сильную пощёчину, ударив в полную силу так, что я чуть не потерял сознание, но удержался. Затем, он поцеловал меня и ответил:

– Ты, видимо, не знаешь всего. Те племена, которые пришли на помощь Вейям – разбиты или перешли на нашу сторону. Этрусские города отказались помочь нашим врагам своими войсками. Вейи оказались один на один с нашими легионами, жаждущими крови.

Он снова принялся за своё. Я оттолкнул его.

– Но ведь стены города выстоят! Сколько раз они уже отбивали атаки римского войска и сколько костей переломали себе римляне, пытаясь их преодолеть!

– Иди ко мне, – прокричал он, – иди же!

– Сначала ответь мне.

– Хорошо. Уже целый год – день и ночь, целый легион копает туннель под стенами, который ведёт прямо в сердце врага – к храму их ложных богов. Ещё немного, сладкий. День ото дня Рим бросит все свои силы на штурм города. А пока этруски защищают свои ворота – лучшие легионеры захватят вражеский храм. Лишившись поддержки богов – они придут в ужас и утратят мужество. Тогда, эти отважные войны и откроют ворота перед основными силами. Легионеры окружат их воинов – нападут сразу с двух сторон – и как бы хорошо они ни сражались, храбрости в них больше не будет, как и веры в свою победу. А за нами – будет стоять наш город и все наши боги. Мы будем сражаться за славу и величие. Город падёт. Все, кто не держал в руках оружие – будут проданы в рабство; остальные будут убиты. Вейи исчезнут навсегда. Пройдёт не один сезон; может, сменится целая сотня зим и лет, но так или иначе, вся Италия захлебнётся в крови своих сыновей. В живых останутся лишь те, кто своей жизнью и оружием поклянутся вечно служить великому Риму. Жаль, я не увижу этого; но весь мир падёт перед нами.

Тогда, это и произошло. В один миг, я потерял себя и стал таким же демоном, каким был он. Я вырвался из его объятий, направился к своему тайнику, где держал кинжал, взял его и вернулся обратно. Я спросил его, знает ли он, где сейчас находится Кассорикс? Он ответил, что и не может знать

этого, а затем полез снова обнимать меня, будто не понимал, что происходит. Хладнокровно, как самый опасный из зверей, я перерезал ему горло, будто откусил от яблока.

Дальнейшие события происходили практически без моего участия. Я прекрасно осознавал, что делаю; но не мог себя остановить. Люди, сражавшиеся со мной с оружием в руках, одну за другой наносили мне смертельные раны. Но я подымался и вновь вставал в бой, пока не покончил со всеми, кто был внутри. Затем, я прихватил с собой немного денег, одежды и еды, а после – сбежал из этого дома, страшась и радуясь мысли, что никогда больше туда не вернусь.

Хоть это и было ужасно – именно тогда я понял, кем являюсь на самом деле. О, нет – вовсе не хладнокровным убийцей, террористом или кем-то в этом духе; но обречённым, одиноким – да. Во мне – большая сила – слишком большая для меня. Уже тогда я увидел, как она буквально разрывала меня на части – тоже самое она сделает ещё не раз за тридцать веков скитаний. Я поклялся не убивать никого больше без причины – никогда. И я должен держать всё в тайне. Если люди узнают – мне конец, притом не тот, которого я хотел.

Теперь, я знал, кто виновен в убийстве Гелиона. Ответ всё это время был у меня перед носом, но он ослеплял мне глаза. Знал – но никак не мог до него добраться. Где мне его искать, если только ветер знает, где он сейчас?! Если я отправлюсь на его поиски и переверну каждый камень в Италии – может уйти слишком много времени и я не успею застать его

в живых. Но если он попадётся мне – даже не знаю, что бы я делал с ним дальше. Гелион – всё равно уже давно мёртв. Вейи падут так или иначе – если не сегодня, то на следующий день. Наверное, мне стоило попытаться рискнуть всем и попробовать проникнуть внутрь, чтобы предупредить соотечественников о плане римлян. Вот только: удастся ли мне это?! Если нет – римлянам может стать известен мой секрет. Да и спасут ли их все мои старания?! Видимо, боги и вправду отвернулись от моего великого народа, раз обрекли его на такую бесславную гибель.

Тогда, я решил просто наблюдать за всем, что происходит вокруг. Я уже давно перестал быть этрусском – в том тёмном доме, полном вздохов. На исчезновение своего народа, гибели своей культуры и вымиранию языка, который люди расшифруют уже после того, как покорят звёзды – я мог смотреть так же спокойно, лишь с некоторой грусть, как люди наблюдают за опавшей листвой. Я стал римлянином. Научился избавляться от своего прошлого – искусство, которое пригодится мне ещё бесчисленное множество раз.

Хоть я и успел стать человеком с другим именем, другим лицом и иной нацией, другим прошлым и будущим – своего старого друга Гелиона и обманувшего меня его убийцу Кассорикса, или просто Касса, я встретил тридцать лет спустя. От Вей давно остались одни руины, а я уже умел читать и писать. Я случайно услышал его имя на форуме в Бринди-зиуме, когда собирался покинуть владения республики, что-

бы увидеть Грецию. Я расспросил человека, как оказалось, хорошо знавшего его и отзывавшегося о нём как о достойном муже. Мне удалось разузнать, где он живёт. Я отложил свою поездку и отправился в маленький городок в дне пути от Бриндизиума. Я не мог поверить в свою удачу. Не окажись я в нужном месте в нужное время – никогда бы в жизни не смог бы увидеть Касса.

Я нашел его дом. Мне навстречу вышла его обеспокоенная старая жена с сыновьями и внуками. Человек из Бриндизиума жаловался на Касса, что тот давно не появлялся в городе и заставляет того скучать от одиночества. Теперь, кажется, я знал причину. Уже несколько дней Касс был тяжело болен. Он прожил намного дольше, чем от него следовало ожидать. Его семье я представился старым другом. Зайдя в дом, мне ударило в нос мерзким запахом, доносившимся от него. Его глаза смотрели в пустоту, ничего не замечая перед собой. Я подошел к его кровати и наклонился над ним. Затем, произнёс всего одно слово, но так, чтобы он мог его услышать – Гелион.

В глазах Касса блеснул огонёк, но ничего ответить он не мог. Он уставился на меня и ничего не говорил. Я стоял у его кровати, пожирая взглядом, не думая о людях снаружи. Я думал о том, что теперь – мой долг возвращён. Один взгляд – смертельное яда. Но я ещё не знал, что дороги наши ведут в одну и ту же сторону.

Интермедия Шестая

Что поддерживает в бессмертном его искру жизни? Лишь бесконечные долги и чувство вины, которые он оставляет за собой. Любовь не даёт ему упасть вниз – в самое сердце ада. Чтобы это пламя не угасло – ему постоянно требуется подпитка.

Мой бессмертный брат и я – почти одинаково стары. В конечном счёте, какая разница: три или десять тысяч лет? Прожив хоть десятую часть этого срока – контуры времени стираются окончательно. И каждая новая секунда пропитывает каждый атом наших тел невыразимой болью. Невыносимо это терпеть, но у нас не остаётся выбора. Нет существ более жалких, чем мы. И стоит только подстроиться под тон этой боли – она сразу берёт новый лад и терзает нас с новой силой. Каждый раз всё начинается сначала.

– Я бы мог украсить эту историю самыми интересными подробностями – чудесами навсегда ушедших времён, которые тебе даже и не снились, – сказал я Машеньке, – но, к сожалению, у меня на это не хватит сил. Я должен как можно скорее поставить в ней точку.

– Разве ты ещё не закончил?! Как по мне, всё то, что ты рассказал – хорошее окончание. Если ты ждёшь от меня этих слов – то я скажу их: ты исповедался. Я прощаю тебе все твои грехи. Я не держу больше зла на тебя – и никто не держит.

Ты сделал всё, что было в твоих силах, чтобы стать хорошим человеком. Отдохни. Ну же, иди ко мне.

И моя голова упала к ней на колени. Они были мягкими и тёплыми.

Мы возвращаемся домой. В края, где сказочный остров стоит на реке, а окружает его мир совсем не волшебный, как может показаться на первый взгляд – скучный серый город, над которым день и ночь висят тучи заводского дыма. Мы могли бы найти место для жизни намного лучше этого. И всё же, я везу её в город, в котором она родилась, и где я готовился сказать свои последние слова.

– Хорошо, что мы скоро снова будем дома, – сказала она.

– Да, я тоже очень рад. Особенно, что мы возвращаемся только вдвоём, без этого сумасшедшего.

– Я думала, что к собратьям по несчастью относятся более дружелюбно.

– Он вечно перебивает меня – не даёт сказать всё самому. И эта его «дорогуша»... Это ведь моя история, а не его.

– Но ведь он тоже в ней участвует.

– К счастью, больше нет.

Мы сбежали от него. Он попросил нас побыть ещё пару деньков в Бухаресте, пока он покончит со всеми делами там – ему нужно было поджечь своё кафе и доказать, что это сделал кто-то другой. Всё это – необходимо для того, чтобы исполнить нашу общую мечту и умереть.

Мы сказали ему, что подождём. И в тот же день покинули

румьинскую столицу. Когда он нас хватится – уже не сможет нас найти. По крайней мере, быстро. А когда он справится – всё будет уже кончено. И это счастье, которое не поддаётся словам – выше всякой радости и наслаждения – наконец-то освободиться, и от жизни, и от него. На этот раз – навсегда.

Приехали мы на рассвете. Ещё даже не проснувшись, ей захотелось снова повидать знакомые места – как будто не успеет ещё на них насмотреться.

– А ты боишься, что мы встретим моего жениха? – спросила она, не раскрывая глаз, протягивая руку за чашкой кофе на столе.

– Нет. С чего бы это? Я ведь оставил ему столько денег, что он должен обнять и расцеловать меня при встрече. Я ведь друг семьи.

– Ну, он у меня и правда не очень ревнивый. Зато я точно знаю, что он любит меня.

– Я понимаю.

– И всё же, тебе не стоит быть настолько самоуверенным. Он ведь не знает, что было между нами. Ещё может и разозлиться.

– А что было между нами? Кажется, я что-то упустил.

Она ничего не ответила. Я стукнул себя по лбу и улыбнулся:

– Прости старого дурака. Конечно, было. Но он ничего и не узнает, если ты вдруг не захочешь ему рассказать.

– Ничего я ему не скажу. Если честно, то я уже жалею обо

всём. Я согласилась слушать твою историю, а больше ничего в мои обязанности не входило.

Она замолчала. Я тоже больше ничего сказать не мог.

Наши планы, если таковые когда-либо существовали, нарушил этот мерзавец. Он установил на нас датчики слежения, а мы их даже не заметили. Вот урод – даже я не мог предположить, что он дойдёт до такого. Как же жаль, что избавиться от него – невозможно. Когда же всё это уже кончится?!

– Нет, я вовсе не обижаюсь на вас, что вы бросили меня одного.

Прекрасный вид из окна. Всё это – под прекрасное вино на крыше ресторана. Я думаю, что было, если бы я сбросил его отсюда? Вероятно, через пять минут подымится на лифте и снова будет тянуть свою волюнку.

– Но, пожалуйста, больше так не поступайте. Все эти слежения и погони – меня жутко утомляют.

– Что, покончил уже со своими делами?

– Почти, но остальное от меня уже не зависит. Можешь считать, что да – я полностью готов к нашему последнему путешествию. Ты ещё не успел рассказать самое главное? Надеюсь, что нет – я очень торопился.

– Только тебя и ждал – только тебя...

– О, я так рад!

– На самом деле, я уже закончил историю. Видимо, у тебя остались ещё какие-то дела, потому что со своими я уже

покончил.

– Что?! Может, всё дело в неоплаченном счёте в ресторане... – задумался этот мерзавец.

– Постой, когда это ты успел всё рассказать?! Сам же сказал, что ещё не всё, а теперь говоришь, что закончил. И почему я не слышала тогда эту историю?!

Мерзавец просиял.

– Я ведь насквозь вижу все твои подлые лживые мысли, дорогуша. Всегда знал, что ты будешь оттягивать этот момент до последнего. Но вот, я здесь, и самое время начинать.

– Это грубо. И мне ведь всё приходится терпеть. Тебе ведь так не терпится умереть – а может, мне просто ничего не рассказывать, подождать тысячу лет и начать всё заново, чтобы ты хоть на пару веков перестал чувствовать себя пупом вселенной.

– Какой же ты ненадёжный. А главное – такой обидчивый. Ну давай, подождём ещё тысячу лет, пока ты привыкнешь к моему характеру. А ведь я к твоему привыкал ещё дольше – уж можешь мне поверить.

– Ну, кончайте уже! Ссоритесь, как какие-то старики. А обо мне хоть кто-нибудь из вас вспомнил?! Какие тысячу лет?! Чего вы ждать-то столько будете?! Вы, может, и забыли, но люди столько не живут. А я, может, тоже хочу услышать конец истории.

– Я могу сам её для тебя закончить, – предложил этот мерзавец, – а вот он – пускай обижается на меня за это три века,

затем три века не будет даже вспоминать обо мне, а уж через тысячу лет – соберётся снова рассказывать свою историю.

Это было последней каплей. Я встал и вышел из-за стола. А потом, вообще из ресторана. Тысячу раз убил бы этого мерзавца – даже сотни тысяч – по сотне раз за каждый случай, когда он убивал меня или выкидывал нечто подобное. Тысячу раз смотрел бы, как он исчезает. Но, если я и правда хочу поскорее завершить свой жизненный путь – то всё же, рано или поздно, эта история должна быть закончена. Вот только, смогу ли я это сделать, зная, что одна её часть будет вылетать из моего рта, а другая – из его.

Мне стоило какое-то время побыть наедине с собой, чтобы вспомнить самую неприятную часть моего рассказа. От того, что о завершающей и самой ужасной части своей истории я буду говорить не один – мне становилось ещё хуже. Но разве я мог что-либо здесь изменить?! Нет, только смириться с тем, что было. Вспоминать и рассказывать об этом – значит заново переживать всё, что было. Многие на моём месте уже давно сошли бы с ума.

Эти двое даже и не думали меня искать. Всё правильно – я сам найду их, если захочу. Без своих датчиков – его навыки слежения уже устарели и никуда не годятся. Я нашел их в отеле, о котором подумал, что именно в нём она захотела бы остановиться на эту ночь. Это её родной, но почему бы нам и не переночевать в самом лучшем номере самой дорогой гостиницы. Номер для троих президентов. Но внутри я

встретил только своего бессмертного брата-мерзавца, отдохавшего в мягком кресле у окна с видом на пляж.

– Если ты хочешь, чтобы я извинился – я могу, мне не трудно, – сказал он, – притом самым искренним образом. Вот только девушку ты выбрал себе не по характеру. Ты бы только видел, как она разозлилась на твою выходку.

– Мою выходку?! Это ты всё подстроил и нарочно мне испортил!

Я подошел к нему вплотную и схватил так, будто собирался придушить.

– Эй, я же сказал, что извиняюсь.

Я немного остыл.

– Ладно. Не нужно мне твоих слов – я в последнее время сам не свой. Я ведь пытаюсь вспоминать обо всех этих кошмарах как можно реже, а теперь приходится выжимать из себя всё залпом. Пора кончать с этой историей – и я не управлюсь с ней так скоро, как хотел бы, если всё время буду ненавидеть тебя, пусть и за дело. Мы покончим с ней вместе – думаю, мне так будет только легче, если я на время забуду о своей гордости. А куда сама она делась?

– Как и ты недавно: бродит где-то совсем одна. Мне очень жаль её – самому трудно объяснить, почему. Скажи, почему ты выбрал именно её?

– Для тебя это так важно?

– Раз мы собрались умереть вместе, то, думаю, у нас не должно быть друг от друга каких-либо тайн. А она – твой

последний секрет, который за три тысячи лет я так и не смог разгадать.

– Не за три тысячи, а всего за пару лет.

– Ошибаешься. Раз ты выбрал её – значит, к этому твоя дорога вела тебя всю твою жизнь. Так бывает со всеми, с кем мы решаем связать свои судьбы пусть и на такой короткий срок. У меня лично нет загадок от тебя. Интересно, что было, если бы я тоже решил рассказать свою историю?! Хотя, это не важно, потому что я бы этого и не сделал – не горю желанием откапывать что-либо из памяти. Пусть она умрёт вместе со мной. Моя история существовала для меня – мне этого достаточно. Но вот твоя история – как и эта девушка – загадка. Ответ только правдиво.

– Не знаю. Просто, есть люди – женщины, мужчины – души которых играют мелодию в унисон моей собственной судьбы. У людей мало слов, чтобы это внятно описать, но эти чувства узнаёшь сразу, стоит лишь раз пережить их. Ты ведь сам знаешь об этом и наверняка догадывался, что у меня нет ответа – так зачем спрашивал?

– Конечно, догадывался. Но ведь я должен был услышать это от тебя. А теперь, тебе не мешало бы найти её. Ну давай, вперёд. А как вернёшься с ней на руках как рыцарь из детских сказок – покончим с этой историей раз и навсегда – все втроём. Слушатели ведь тоже играют в событиях некоторую роль. Прошлое не принадлежит только тебе или мне – оно принадлежит всем. Но этой ночью – мы разделим его втро-

ём; если, конечно, ты её найдешь. А уж в этом, почему-то, я не сомневаюсь.

Я надеялся на то, что она сбежала только ради того, чтобы я нашел её. А потому скрыться она могла только в одном месте – о котором мы подумали в первую очередь. И всё же, до последнего момента, когда я выходил из машины и расплачивался с таксистом, мне казалось, что я ошибаюсь. Это было место, в котором кальянов больше, чем тарелок – студенческое кафе со всеми вытекающими последствиями.

– Сильно торопился?

Внутри никого не было. Когда я уже выходил из этого шумного гнойника жизни, куда в одиночку никогда не приходят – тогда она и оказалась здесь, среди тех, кто вышел на улицу выкурить сигаретку; будто в самый первый раз её встретил.

– Я просто хотел сказать, что бы ты не злилась на меня.

– Со мной всё в порядке – мы что, не люди что ли, чтобы время от времени не раздражать друг друга.

– Отлично. Тогда, пошли?

– Нет уж, постой. Чего ты так заиклился на этом типе?!

Ну, сделал он тебе несколько раз неприятно – но это ведь всё в прошлом. Ты ведь сам создаёшь себе и нам проблемы. Что такого в его части этой истории, за что ты так хочешь от него избавиться, даже ценой стольких усилий?

– Такси ждёт. Уедет ведь без нас.

– Отвечай. Я не против поехать и на автобусе.

– Разве?! Ну, хорошо. Для меня – он сам и есть вся неприятная часть. Об это трудно сказать в двух словах. Давай лучше вернемся и ты услышишь всё сам от нас обоих.

– И ты не против, чтобы он рассказывал?

– Нет. Втроём, так втроём. Нас ждёт длинная ночь. А на рассвете... Никогда ещё так не был неуверен в том, что случится завтра. И одновременно с этим – так этого ждал.

– Мне будет тебя не хватать.

– Почему? Оставайся жить. Твоя история – будет ещё длиннее, чем моя. И не думай, что у тебя не хватит времени. Важно как жить, а не сколько. Забудь о времени и твори историю.

И тогда, мы вернулись – всё же на такси, а не автобусе. А там, нас уже ждал он.

Возрождение Четвёртое

Может быть, все наши представления об Аде ложны. Ведь Сатане не удалось бы заставить стольких людей страдать вечно. Он не человек и никогда им не станет – значит, ему никогда не удастся понять этот вид до конца. Если Ад и существует – то во главе него может стоять лишь человек – обманутый, завистливый, одинокий человек. Только ему под силу создать мир из ненависти. Ведь Ад – это и есть место, где нет любви.

После той аварии прошло уже больше года.

С тех пор я четырежды успел сменить внешность – так, чтобы уже наверняка. Хоть образы действительно меркнут со временем, воспоминания остаются. Я смотрю их как фильмы. Главный герой просыпается в больнице, где весь персонал шокирован тем чудом, что пациент из палаты двадцать восемь всё ещё жив. Мало того – он идёт на поправку. Медсёстрам приходится успокаивать его, раз за разом вкалывая успокоительное за счёт его страховки, которой у него может и не оказаться. А всё, чего он хочет, чтобы ему ответили всего на один вопрос, на который они не знают, что сказать. И я кричал вместе с ним эту фразу, доводящую до слёз: где она?

Где та, которую всю ночь я прождал на автозаправочной станции? Где та, после встрече с которой я в ручке и бумаге

стал видеть больше магии, чем в наркотиках? Та, которая как море впитывает всю мою боль и остаётся чистой?!

Не имея при себе ничего, кроме фальшивого паспорта и поддельных тысячи долларов, я сбежал из больницы. Я и не просил их помогать мне. Они сами так решили. А о своём будущем я позабочусь сам.

А я помню, что как только услышал о той аварии – в тот же день уволился с поста охранника на АЗС. В моей невероятно длинной биографии начался период – ещё один – когда о судьбе своего бессмертного брата я заботился больше, чем о своей собственной.

Сам ведь знаешь: будь в твоей биографии поменьше таких периодов – в моей жизни было бы гораздо меньше трагедий.

Не раздувай из мухи слона.

О, куда уж мне. Чтобы не сойти с ума от одиночества, мне пришлось целого голубого кита сдуть до уровня амёбы. Я поступил так, как планировал сделать с самого начала – уехать, и чем дальше, тем лучше. Теперь, только с одним билетом в один конец и одной дорогой, которая ведёт только вперёд и никогда назад.

Из всех областей нашего безумного шара – в Сибири я бывал меньше всего – два, если не полтора, раза. Поэтому, теперь, когда я снова бросился в поиски места, где восходит солнце – я уже знал, по какому пути пойду. В то время, я ещё не знал, что мой бессмертный брат-мерзавец отправился за мной следом. Он держался от меня на расстоянии ста

километров, поэтому, я мог чувствовать себя относительно свободным. Но даже на такой дистанции он знал, куда я пойду дальше – поэтому, никогда не отставал от меня больше допустимого.

Ух, и заставил же ты меня тогда побегать. Но жаловаться не приходится. Одинокие места, которые я посетил, в моей душе не вызывали ничего, кроме слепой радости.

Хоть внешне это и выглядело как самая обыкновенная поездка без всякой цели, оставляющая после себя лишь пустые карманы – план действий у меня был. Во Владивостоке я знал одного человека, который хоть и видел меня всего раз, но должен был узнать, если не по лицу, то по тому, что знать могли только мы вдвоём. С его помощью я планировал перебраться в Америку. А там уже – куда ветер подует дальше.

Но дальше довольно наивных планов эти мысли так и не зашли. Мой знакомый уже два года как был не в мире живых. Пришлось задержать во Владивостоке, когда я добрался до него, подольше. Мне понравилось здесь – после Сибири, я будто очутился в раю. Я решил найти себе работу – думал, это пойдёт мне на пользу.

Тем временем, я тоже решил навестить этот прекрасный город, прихватив с собой тот самый роковой сувенир, который, возможно, и привёл к той жуткой аварии, и о котором ты совсем забыл впоследствии; или просто пытался убедить себя, что забыл. Шапочка Рудольфа, которая теперь уж вряд ли ему пригодится. Она должна была служить тебе напоми-

нением обо мне. Как ещё я мог заставить тебя вспомнить меня, не показываясь на глаза, чтобы ты сразу не пристрелил меня на месте?! Я должен был напомнить тебе, что ты – не один; что у нас есть общая цель. А ты по-прежнему встречал меня повсюду лишь острыми шипами, будто с самого начала мы были с тобой кровными врагами.

Это был год нелёгкой, но совершенно обычной жизни. По объявлению я нашел себе работу охранника. Люди этой профессии должны следить за тем, чтобы всё вокруг всегда оставалось в порядке; но ничего такого, что могло бы этот порядок нарушить, не происходило. Мне не хватало вооружённых ограблений или хотя бы мелкого хулиганства – хоть что-нибудь, что скрасило бы мне будни. Когда нечто подобное происходило в магазинах неподалёку, я завидовал им и винил себя за то, что не устроился туда. Наверное, я один такой. Скука – это временная утрата всякого смысла во всём; но для меня она была не временной.

Моя рутина напоминала скорее будни супергероя в городе, где нет места суперзлодеям. Поэтому, большую часть времени, мне приходилось просто стоять столбом и смотреть в стену. За такую небдительность должны были наказывать. Но ничего подобного не происходило – вообще, как казалось, в этом мире мало чего происходит.

За жизнь твоей девушки, сбежавшей от своего мужа, доктора боролись три дня. А затем – бросили и похоронили – лично я так это называю. Ты не пришел тогда проводить её

в последний путь. Понятно почему: потому что там был он – тот, у кого ты отнял её. А я пришел тогда. Как ни странно, он спутал меня с тобой. Долго и трудно же мне пришлось убеждать его в обратном.

Эта жизнь могла длиться ещё бесконечно долго – пока магазин, который никто никогда даже не попытается ограбить, не снесут, а на его месте не построят новый; а затем, я снова устроюсь в нём работать и тоже охранником. Наверное, всё так и произошло, если бы в один день в него не решила заглянуть девушка, появление здесь которой было невозможным.

О, я тоже помню, как увидел её впервые. Это сразу напомнило мне фразу, которую я когда-то сказал тебе: те, кто говорят, что совпадения случайны – обычно, живут и видят слишком мало; мы же – прожили достаточно, чтобы окончательно перестать верить в эту чушь. Вот оно – живое тому доказательство.

Твоя манера перебивать меня при первом же поводе начинает мне надоедать. Дождись своей очереди и перестань отвлекать меня. Я подхожу, возможно, к самой невероятной случайности за последнюю тысячу лет. И должен сосредоточиться на ней.

Конечно, она была не из этих мест, таких далёких от привычного для нас мира. Я бы даже поверил, что она не из этого мира. Но в тот момент, мне о ней было известно лишь то, что она как две капли воды похожа на ту, смерть которой

разбила на какое-то время мне жизнь.

Она просто зашла за продуктами. Прошла мимо, даже не заметив меня. Эта девушка и ушла бы просто так, как и появилась, а я бы просто сделал вид, что ничего не произошло. Но если бы я так и остался стоять там – никогда я не смог бы себя за это простить.

– Эй, погодите!

Когда неподвижные статуи охранников вдруг начинают говорить – люди сразу начинают волноваться. Они всегда боятся, когда с ними разговаривают те, чья работа – следить за их безопасностью.

– Что-то не так? Я уже выбросила чек, но я заплатила – вы же сами видели. Разве нет?

– Всё верно.

– Так, в чём проблема?

Всегда легче сделать, чем объяснить.

– Извините, вы мне кое-кого напомнили. Точнее, вы – точная её копия. Мы точно не встречались раньше?

– Кажется... нет.

– А есть ли у вас сестра-близняшка? Я уверен, что не ошибся.

– Но вы, всё-таки, ошиблись. Я вижу вас впервые. А теперь, я могу идти?

– Конечно, извините.

И она снова попыталась уйти.

– А вы туристка? – снова подбежал к ней я, – извините, я

по вам вижу, что вы не местная. Из далека?

– А вам какое дело?! Чего это вам всё знать обо мне нужно стало?!

– Я сам просто тоже не местный – из Москвы. Решил попробовать новую жизнь вдалеке от дома.

– Да уж, далеко вы забрались. До экватора, наверное, ближе, чем отсюда до столицы.

– Сейчас это расстояние можно преодолеть всего за несколько часов на самолётах. А ведь я помню времена, когда подобный путь мог занять больше года.

– Вы – помните?! Сколько же вам лет.

– Ну, по крайней мере, помню, сколько времени потратил на их изучение. Я историк – кандидат наук. Автор нескольких книг о культуре и быте этрусков.

– И работаете здесь охранником?

– Университеты – самое скучное место, где мне приходилось бывать. А ещё я немного социолог – погружаюсь в среду, которую изучаю. Да и интересно мне узнать что-нибудь новое. Вы давно во Владике?

– Несколько дней. Не думаю, что задержусь здесь надолго. В Китай, что ли сбежать; а может в Японию или Корею – никак не могу решиться, но выбор сделать нужно.

– Империя восходящего солнца – вот вам мой совет. Я был и там, и в Китае, и в Корее – но страны красивее и интереснее Японии я ещё не встречал. Сам я уже давно задумывался над тем, чтобы уводиться с поста охранника и про-

должить свои странствия – думаю отправиться в Австралию – я ведь ещё и прыгать умею выше кенгуру.

Я вспомнил один инцидент, как умер двадцать раз всего за день, спасаясь от стаи диких собак в Австралии. После этого я уже знал, что куда угодно, но только не туда не вернусь больше никогда.

– А вы сколько дней планируете здесь пробыть? – продолжал я, – я здесь больше года и знаю каждый камешек. Я могу показать вам такие места, куда ни один экскурсовод не заведёт.

– Правда?! И какие, например?

– Видите, вас заинтересовало. Есть одно место – сам недавно на него наткнулся – откуда открывается самый великолепный вид на гавань. Может, на ты? Меня Андреем зовут.

– Катя. Но послезавтра – я точно уезжаю. Наверное, всё-таки, в Китай – позвоню сегодня знакомой. Не знаю, нужен ли мне тот вид...

– Не знаю. Жить без него можно – но нужно ли? Увидев его – я понял, что надолго здесь тоже уже не задержусь. Я уже видел самое прекрасное, что только может быть в этом городе. И через несколько дней – я тоже продолжу свой путь на юг.

– А этот вид далеко?

– Смотри, как долго ты привыкла ходить.

– Ну, хорошо, – она достала телефон и протянула его

мне, – найди себя в инстаграме. Я подпишусь на тебя и вечером напишу тебе.

– Хорошо.

Давно я не заходил в соцсети. Мне они напоминают идеи о постоянном слежении за простыми людьми. Но одна из моих страниц там – довольно неплохо сохранилась за это время. Хотя, что я говорю. Я – слишком старомоден, чтобы поспеть за этим миром.

Ах, какой же ты развратник. Труп бывшей ещё разложиться не успел, а ты уже нашел себе новую с тем же именем и внешностью. Хотя, извини, я немного погорячился. Но, по правде говоря, любому, кто хоть немного разбирается в людях и слышал твою историю хоть отчасти, станет ясно, что ты влюбился не в эту девушку, а в её лицо. Даже не в него, а в воспоминания о старом, которые возникают, стоит тебе на него лишь посмотреть. Когда я узнал об этом, то всерьёз начал думать, что твоя работа свела тебя с ума. А значит, я должен был что-нибудь сделать, чтобы не дать тебе пропасть. Что и говорить, давно – очень давно, я тоже был таким же.

Я научил её видеть красоту по-своему. Притом, что во время нашей долгой прогулки, я почти не использовал язык, чтобы описать всё происходящее вокруг. Я попросил её задержаться в этой стране ещё на пару дней – Пекин, вместе со всем Китаем, простоит ещё не одну сотню лет без неё. А этот город, кто знает, когда нам ещё раз удастся посетить. Хоть собиралась она вовсе не в Пекин, после коротких уговоров,

она согласилась дать мне время.

Я показал ей прихожую своего мира и успешно выдал её за тайные закутки. Мне сразу стало ясно, как только увидел её, что она из тех, кто любит разгадывать загадки. Но до истины – ей вряд ли удастся добраться в моём случае. Многих людей чужая откровенность чаще отпугивает и настораживает, так как её легко спутать с навязчивостью. Нас же это наоборот, только сблизило. А свои тайны я сумею сохранить, даже ничего не скрывая.

И всё же, это была не она, как бы я не старался себя обмануть. Мне приходилось слышать о том, что количество черт человеческого лица ограничены; и на каждого человека в мире найдётся по три-четыре двойника. Я повидал неисчислимое множество людей и лиц, но с подобным мне сталкиваться ещё не приходилось. Теперь, я вижу: даже внешность, черты лица, взгляд – не принадлежат нам одним. И всё же, каждый из двойников – неповторим, уникален. Та, которая погибла и та, что жива – схожи лишь в одном – в картине лица. Но разве одного этого может быть достаточно?!

А мне, тем временем, казалось, что я должен остановить тебя и вразумить. На старых ошибках не учатся даже бессмертный – иначе я бы уже догадывался, что это снова закончится трагедией, за которую тебе захочется убить меня не один раз.

Я планировал сделать точно так же, как и в тот день – с помощью шапочки хорошо знакомого нам немецкого офи-

цера. Хотя я и не забыл, чем это кончилось тогда – я надеялся на лучшее. К тому же, если верить полицейским отчётам, то головной убор Рудольфа тогда был совсем не причём. Она ведь превысила скорость и не справилась с управлением. Кажется, в этих мыслях и была моя основная ошибка.

Я понравился ей. И хоть она не говорила об этом вслух, я знал, что она обрадуется и сразу же согласиться, если я предложу ей отправиться в Китай вместе. Поднебесная – одно из лучших мест, где рождаются истории.

Ты ведь понимаешь, что я не мог этого допустить.

Нет. Даже если бы хотел – я не смог бы тебя понять. Как бы сильно я тебя не ненавидел, эта история заставляет моё сердце сжиматься и резко разжиматься. Твоя одержимость причинила мне больше вреда, чем что-либо в этом мире.

Ты сбился с пути. Хватит всех этих бесконечных путешествий – все выбранные тобой дороги никуда тебя не приведут. Есть только один путь, который для нас обоих должен иметь значение – на тот берег Стикса, реки мёртвых – и никуда больше. Ты сам этого хотел больше всего, когда осознал, что значит быть бессмертным. Только об этом мы оба и могли думать, но забыли. Я делал лишь то, что должен был сделать для нас обоих.

В тот день, который должен был стать последним перед тем, как вы покинете Владивосток и эту страну – я постучался в дверь гостиничного номера твоей подружки. Ты открыл мне дверь голым по пояс и с улыбкой на лице, которая

ясно давала понять, что в этот момент у тебя в голове ничего, кроме слепого счастья и похоти. Вместо приветствия, я вручил тебе шапочку Рудольфа сразу с порога. Ты подержал её какое-то время, не понимая, что происходит. А затем, ты вспомнил.

Ты завопил нечеловеческим криком и выронил мой подарок, будто это была не шапочка, а отрубленная голова – да ещё и горячая, как раскалённый металл. Я и подумать не мог, что такого отважного воина как ты можно так легко напугать подобной мелочью. Мне уже стало казаться, что я ошибся дверью; но в этот миг, услышав твой вопль, появилась она – Катя, вроде бы так её звали.

– Лжец, – сказал тогда я, – он только то и делает, что обманывает тебя, меня – да и себя в придачу! Он не хочет признавать то, кем он является; каждый раз думает, что теперь пронесёт – но ведь таких чудес не случается. Хватит так жить. Хватит цепляться к каждой встречной. Есть только один правильный способ прожить вечность – искать способ от неё избавиться. Ты, брат мой, сам знаешь, какая у нас цель.

– Вы – братья? – от удивления и неожиданности только и нашла, что спросить она.

– А по нам не видно?! – бросил я ей в ответ, – только братья умеют так ссориться.

– Я убью тебя! Проваливай отсюда, оставь нас в покое.

– Ты ведь сам знаешь, что сколько не убивай – толку не

много. Иначе, у меня было бы к тебе куда меньше вопросов. Но наше общее несчастье и тебя, и меня ко многому обязывает. Раз я уже здесь, то разрешил мне хотя бы войти – не сто лет же мне стоять на этом месте?!

И он вошел – мерзавец, такой же как и я, которого я презираю больше всего на этом свете. Прогнать его – невозможно. Избавиться – тоже. Поэтому, когда он появляется – всегда лучше уходить первым.

– Собирайся, Катя, мы уходим.

– Моё платье ещё сушится на балконе. И с чего бы это мы должны уходить из собственного номера?!

– Я сказал, мы уходим.

– Послушай, – попробовал я тебя успокоить, – я наблюдал за тобой с первого же дня, что ты здесь – я пытался убедить-ся, что ты справишься со своей вечностью сам. Но это не так. Ты болен. Ты теряешь себя. Знаешь, сколько времени требуется, чтобы вернуться?! А ведь затем, ты начнёшь всё сначала. Мы должны держаться вместе, чтобы достичь общей цели. Ещё немного и три тысячи лет твоей жизни пройдёт – три тысячи лет! Ты должен вспомнить себя – вспомнить, как отвратительно время и что нам следует от него избавиться.

– Сумасшедшие! – сказала она и вышла на балкон.

– Попрощайся с ней, – сказал я тебе, кивнув в её сторону, – через пару наших секунд, а если быть точнее, через пятьдесят календарных лет, когда она умрёт от старости, и может и ещё раньше – тебе всё равно придётся это сделать.

Только твой брат – только я знаю, какого это – быть тобой.

– Ничего ты знаешь.

Я не стал слушать этого мерзавца, но отправился на балкон за Катей. Он пошел следом.

– Оставь меня! – закричала она.

– Прости, ну прости меня. Послушай, нам нужно уходить – туда, где он нас не найдёт.

– Спасите! Он напал на меня! Спасите.

Я пытался её успокоить, прижав поближе к себе, но она кричала и вырывалась ещё больше.

– Оставь её, – сказал я, – ей ничем не поможешь. Мы должны идти.

Тогда это и произошло.

– Скажи! Скажи же это – как я должен её оставить?! Вот так?

И я толкнул её рукой, будто бы отталкивая от себя. Но мы стояли слишком близко к краю и она не удержала равновесие, перевалившись через перегородку. Пока она падала, я не слышал её крика, хотя она, наверняка, ещё как кричала. Только пятно её фигуры становилось всё меньше и на моих глазах, и в моей памяти.

Апофеоз

Вот и всё. Кажется, я немного заговорился. Скоро начнёт светать – но минут сорок перед этим у нас ещё было.

– Я без особых проблем отсидел положенный мне срок в тюрьме за убийство под состоянием аффекта. Когда я вышел, я ещё кое-какое время пробыл на Земле, затем началась моя Марсианская эпопея, за время которой я окончательно сумел всё забыть и справиться со своими демонами. Когда я вернулся обратно, успел накопить кое-какое состояние, что сделал впервые с тех пор, как пала Римская империя. А потом, встретил тебя. Но этот мерзавец напомнил мне о том, что каждое новое возрождение чувств – приводит лишь к новой гибели. Но разве можно как-либо иначе?! Если он сумел – то мне этого никогда не удастся. Я бросил тебя. Прошло ещё время. Мы готовились к своему исходу, когда я сказал ему, что моим последним делом на этой Земле будет история моей жизни, которую я расскажу только тебе. Он согласился, пообещав не вмешиваться. Тогда, я вернулся сюда, к тебе, и сделал уже известное тебе предложение. Мы отправились в путешествие, в ходе которого ты услышала правдивую историю моей жизни. И вот, мы вернулись обратно и оказались здесь, втроём.

Какое-то время, мы сидели в тишине. Затем, будто договорились заранее, собрали все свои немногие вещи в неболь-

шой чемоданчик, вышли из номера, на нулевом этаже расплатились по счёту и вышли на улицу. Самое лучшее время дня настало и было сейчас вокруг нас.

Мы решили отправиться к плотине, удерживающей реку и сделать то, чего хотели, между двумя берегами. За весь путь никто так и не произнёс ни слова. И пока мы шли, чтобы умереть, мои века пролетали у меня перед глазами, один за другим. Тяжело было их прожить, легко было смотреть, как они проносятся мимо и исчезают у меня за спиной.

Но след их навсегда останется в её памяти. Моя история будет жить в её воспоминаниях. Может, теперь ей удастся понять меня – почему я поступал так, а не иначе. Но самое главное: я надеялся, что ей было приятно провести со мной время. Тогда бы я был уверен, что мои тридцать веков прошли не зря.

Мы встали посреди моста. Слева от нас подымалось солнце. Впереди – чудесный вид, другие слова здесь неуместны. В это время, нас троих переполняли только мысли о смерти – не страшные, но прекрасные, как и эти места. Мы бросили чемоданчик вниз и остались ни с чем в этом мире.

– Я кое-что забыл, – сказал этот мерзавец, – что-то не успел сделать и не могу просто так исчезнуть. Не могу только вспомнить, что именно... А, точно!

И в ту же секунду, он дал мне пощёчину тыльной стороной ладони. Я привык принимать удары, но от этого чуть не свалился с ног. Он вложил в этот простой жест всю силу про-

житых тысячелетий и только я один должен был их ощутить. После этого, я увидел, как он улыбнулся:

– Вот, теперь всё, – сказал он, подняв глаза кверху, – наконец-то.

В тот же миг, он вспыхнул как спичка и сгорел без дыма и огня. Будто взорвался светом и то, что от него осталось – прошло сквозь землю и отправилось вниз.

А я?! Разве, он ошибался, когда говорил, что всё должно было пройти одновременно?!

– Тебе не обязательно уходить, – сказала она.

– Конечно. Я умираю, потому что больше всего люблю жизнь. Я покидаю этот мир, потому что более прекрасного найти не сумел. Эта история должна закончиться, даже если там, куда я отправлюсь, не будет тебя. Но ты – оставайся жить. Как и я – не считай годы. И жизнь, и смерть – заслуживают того, чтобы быть. Оставайся в здесь и сейчас навсегда. И вся бесконечность – только твоя. Оставайся жить.

– Оставайся со мной!

Я улыбнулся и поцеловал её. Машеньку удивить уже ничего не могло. Я тоже вспыхнул светом и затем, медленно рассыпался, будто всё время состоял из этого золотого песка.

Ветер направил меня в небо, куда ещё долго она будет смотреть. Оставаясь собой до конца, я покидаю этот мир под канонаду огней – пускай горят они, пока не погаснут звёзды.